

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИЙ РАН



**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

6 (36) 2014

Журнал выходит по решению руководителей экономических институтов РАН:

Северо-Западного федерального округа

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Республика Карелия)
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Мурманская область)
Институт социально-экономического развития территорий РАН (Вологодская область)

руководства

Санкт-Петербургского государственного экономического университета
Череповецкого государственного университета (Вологодская область)

других регионов РФ

Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Республика Башкортостан)
Институт экономики Уральского отделения РАН (Свердловская область)

Редакционный совет:

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года №6/6 журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Журнал включён в базы данных ВИНИТИ РАН, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, а также в Российский индекс научного цитирования и представлен в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки (<http://www.elibrary.ru>).

С 2014 года Германская национальная экономическая библиотека включила журнал в свой фонд.

Журнал также направляется в Библиотеку Конгресса США.

Макаров В.Л., академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН, генеральный директор Центра испытаний и сертификации (ТЕСТ-Санкт-Петербург, Россия)

Татаркин А.И., академик РАН, директор Института экономики УРО РАН (Екатеринбург, Россия)

Витязь П.А., академик, руководитель Аппарата НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Никитенко П.Г., академик НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН, советник РАН, гл.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)

Сапир Ж., проф., директор Высшей школы социальных наук (EHSS), Центра исследований индустриализации (СЕМИ) (Париж, Франция)

Валентей С.Д., д.э.н., проф., научный руководитель Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Уфа, Россия)

Дайнеко А.Е., д.э.н., проф., директор Института экономики НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Ильин В.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда, Россия)

Кивинен М., проф., директор Александровского института Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д.с.н., проф., директор Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Кузнецов С.В., д.э.н., проф., директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Ларичкин Ф.Д., д.э.н., проф., директор Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты, Россия)

Максимцев И.А. – д.э.н., профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия)

Путилов А.В., д.т.н., проф., декан факультета управления и экономики высоких технологий Научно-исследовательского ядерного университета МИФИ (Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д.т.н., директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)

Шишкин А.И., д.т.н., проф., гл. н. с. Института экономики Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Россия)

Штомпка Пётр, профессор, декан факультета теоретической социологии Ягеллонского университета (Краков, Польша)

Чжан Шухуа, доктор, проф., зам. начальника научного центра информации и документации Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)

У Эньюань, проф., Институт российских, восточно-европейских и центрально-азиатских исследований Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к.с.н., доцент, ректор Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. Л.А. Аносова, д.э.н., проф. А.Г. Воробьев,
д.э.н., проф. Е.С. Губанова, к.э.н. К.А. Задумкин,
д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора), к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора),
к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора, отв. секретарь),
д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. С.В. Теребова

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES OF RAS



**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

6 (36) 2014

The journal is published according to the decision of RAS economic institutions' administration in the North-West Federal District

Institute of Economics of Karelian Scientific Centre of RAS (Karelia Republic)
G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (the Murmansk Oblast)
Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (the Vologda Oblast)

and according to the decision of the administration of

Saint Petersburg State University of Economics and Finance
Cherepovets State University (the Vologda Oblast)

and RAS institutions of other RF regions

Institute of Social and Economic Research of Ufa Science Centre of RAS (Bashkortostan Republic)
Institute of Economics of the Ural RAS Department (the Sverdlovsk Oblast)

Editorial Council:

The decision of Presidium of the Higher Attestation Commission of the Russian MES (No.6/6, dated 19.02.2010) the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

The journal is included into databases: VINITI RAS, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, and also into the Russian Science Citation Index, and is presented in the open access on the platform of the Scientific e-Library (<http://www.elibrary.ru>).

In 2014 the German National Library of Economics included the Journal into its fund.

The journal is also sent to the Library of Congress, the USA.

Makarov V.L., RAS Academician, Director of the Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia)
Ivanter V.V., RAS Academician, Director of the Institute of Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
Okrepilov V.V., RAS Academician, General Director of State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (St. Petersburg, Russia)
Tatarkin A.I., RAS Academician, Director of the Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)
Vityaz P.A., Academician, Head of Academy Staff of the NASB (Minsk, Belarus)
Nikitenko P.G., Academician of the NASB (Minsk, Belarus)
Lazhentsev V.N., RAS Corresponding Member, RAS Advisor, Senior Research Associate of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
Sapir J., Professor, Director of Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Head of the Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMI-EHESS) (Paris, France)
Valentey S.D., Doctor of Economics, Professor, Supervisor of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
Gaynanov D.A., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russia)
Dayneko A.E., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the NASB (Minsk, Belarus)
Ilyin V.A., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the RAS (Vologda, Russia)
Kivinen M., Professor, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Kotlyarov I.V., Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of NASB (Minsk, Belarus)
Kuznetsov S.V., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Regional Economics (St. Petersburg, Russia)
Larichkin F.D., Doctor of Economics, Professor, Director of Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of the RAS (Apatity, Russia)
Maksimsev I.A., Doctor of Economics, Professor, Rector of the Saint Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)
Putilov A.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean at the Department of Management and Economics of High Technologies of National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russia)
Chukreev Yu.Ya., Doctor of Technical Sciences, Director of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
Shishkin A.I., Doctor of Technical Sciences, Professor, Chief Research Associate of the Institute of Economics of Karelian Scientific Centre of the RAS (Petrozavodsk, Russia)
Sztompka, P., Professor, Dean at the Department of Theoretical Sociology of the Jagiellonian University (Kraków, Poland)
Zhang Shuhua, Doctor, Professor (Beijing, China), Deputy Director of the Center for Documentary and Information of the Chinese Academy of Social Sciences
Wu Enyuan (Beijing, China), Professor, the Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies of the Chinese Academy of Social Sciences
Afanasyev D.V., Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Rector of Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)

Chief Editor – V.A. Ilyin

Editorial Board:

Doctor of Economics, Professor L.A. Anosova, Doctor of Economics, Professor A.G. Vorobyov,
Doctor of Economics, Professor E.S. Gubanova, Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin,
Doctor of Economics K.A. Gulin (Deputy Chief Editor), Ph.D. in Economics M.F. Sychev (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Philology O.V. Tretyakova (Deputy Chief Editor, Executive Editor),
Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova,
Ph.D. in Economics G.V. Leonidova, Ph.D. in Economics S.V. Terebova

*All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review.
Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Ильин В.А.</i> Год непростых решений	9
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	14

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

<i>Андреева Е.Л., Глухих П.Л., Ратнер А.В.</i> Национальные экономические интересы России в современных геополитических условиях	21
<i>Ускова Т.В., Кожевников С.А.</i> Управление экономикой региона на основе партнёрского взаимодействия органов власти и бизнес-структур	34
<i>Григорьев Д.А., Сулова Ю.Ю.</i> Инвестиционная и торговая привлекательность как факторы экономического развития регионов.....	47
<i>Ворошилов Н.В., Губанова Е.С.</i> Оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области	54

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

<i>Шубрт И.</i> Размышления о понятии «кризис».....	70
<i>Воронов В.В.</i> Конвергенция регионов Европейского союза: особенности и оценка.....	85

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Локосов В.В.</i> Качество населения как основной фактор системной модернизации российского общества	100
<i>Ласточкина М.А., Шабунова А.А.</i> Социальные аспекты модернизации регионов России	110
<i>Ключарев Г.А.</i> Об «обучающихся организациях» и корпоративном образовании в инновационном контексте	121
<i>Тихомирова В.В.</i> Государственные инвестиции в адресные программы социальной помощи	134

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Иванов В.А. Совершенствование государственного регулирования аграрного сектора приарктических и арктических территорий в условиях ВТО 146

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Поварова А.И. Взаимоотношения металлургических комбинатов с бюджетом: долги растут, налоги падают 159

Иванов П.А., Сахарова Г.Р. Финансовая нестабильность региона: методы оценки и инструменты элиминирования 183

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Теребова С.В. Инновационная инфраструктура в регионе: проблемы и направления развития 199

Малахова Н.Н. Потребитель в инновационной экономике: социокультурные аспекты формирования и функционирования 213

Юшкова Н.Г. Совершенствование инструментального обеспечения пространственного подхода к региональному планированию: проблемы, особенности, тенденции 225

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Печенская М.А. Майские указы Президента: цель, показатели, динамика реализации (на примере Вологодской области) 243

Климов А.А. Экстраролевое поведение учителей: роль идентификации с коллективом, стажа и школы как образовательной организации 253

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Морев М.В. Об итогах Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России» 270

Список статей, опубликованных в 2014 году 277

Требования к оформлению статей 282

Информация о подписке 287

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

<i>Ilyin V.A.</i> The year of tough decisions	9
Public opinion monitoring of the state of the Russian society.....	14

DEVELOPMENT STRATEGY

<i>Andreeva E.L., Glukhikh P.L., Ratner A.V.</i> National economic interests of Russia in modern geopolitical conditions.....	21
<i>Uskova T.V., Kozhevnikov S.A.</i> Management of the regional economy on the basis of partnership interaction between the authorities and business structures.....	34
<i>Grigor'ev D.A., Suslova Y.Y.</i> Investment and trade attractiveness as the factors in economic development of the regions	47
<i>Voroshilov N.V., Gubanova E.S.</i> Assessment of the level of socio-economic development in municipal formations of the Vologda Oblast	54

THEORETICAL ISSUES

<i>Šubrt J.</i> Reflections on the concept “crisis”	70
<i>Voronov V.V.</i> Convergence of the regions in the European Union: characteristics and assessment	85

SOCIAL DEVELOPMENT

<i>Lokosov V.V.</i> Quality of the population as a major driving force of systemic modernization of the Russian society	100
<i>Lastochkina M.A., Shabunova A.A.</i> Social aspects of modernization in Russia's regions	110
<i>Klyucharev G.A.</i> About the “learning organizations” and corporate education in the context of innovation	121
<i>Tikhomirova V.V.</i> Public investment in targeted social assistance programs	134

BRANCH-WISE ECONOMY

- Ivanov V.A.* Improvement of state regulation of the agrarian sector of the sub-arctic and arctic areas under the WTO membership 146

SOCIAL FINANCES

- Povarova A.I.* Relationship between metallurgical works and the budget: debt increases, taxes decline..... 159
- Ivanov P.A., Sakhapova G.R.* Financial instability in the region: assessment methods and elimination tools 183

INNOVATION DEVELOPMENT

- Terebova S.V.* Innovation infrastructure in the region: problems and directions of development..... 199
- Malakhova N.N.* Consumer in the innovation economy: sociocultural aspects of formation and functioning 213
- Yushkova N.G.* Improvement of tool support of the spatial approach to regional planning: problems, specifics, trends..... 225

YOUNG RESEARCHERS

- Pechenskaya M.A.* The “May” Decrees of the President: objective, indicators, implementation dynamics 243
- Klimov A. A.* Extra-role performance behavior of teachers: the role of identification with the team, of experience and of the school as an educational organization 253

SCIENTIFIC LIFE

- Morev M.V.* About the results of the All-Russian Research-to-Practice Conference “Society and Sociology in Modern Russia” 270
- Index of articles published in 2014 277
- Requirements to manuscripts 282
- Subscription information 287



Владимир Александрович ИЛЬИН

д.э.н., профессор,
заслуженный деятель
науки РФ,
директор ИСЭРТ РАН
ilin@vscc.ac.ru

Vladimir Aleksandrovich ILYIN

Doctor of Economics,
Professor, Honoured
Scientist of the Russian
Federation,
ISEDТ RAS Director
ilin@vscc.ac.ru

Год непростых решений

Заканчивается третий год президентства В.В. Путина, его нынешнего третьего политического цикла.

Это был год трудных решений, и об этом говорил Президент РФ, выступая 4 декабря с ежегодным Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации.

В Послании В.В. Путин отметил, что в 2014 году Россия прошла через испытания, которые по плечу только зрелой, сплоченной нации, по-настоящему суверенному и сильному государству.

Основанное на международном праве историческое воссоединение с Крымом и Севастополем и предпринятые Россией меры по защите соотечественников в юго-восточных территориях Украины вызвали массированное экономическое и политическое давление на Россию со стороны США и их партнеров в Западной Европе. Это попытка разговаривать с Россией с позиций силы. *«Но если для ряда европейских стран, — сказал В.В. Путин, — национальная гордость — давно забытое понятие, а суверенитет — большая роскошь, то для России реальный государственный суверенитет — абсолютно необходимое условие ее существования»*. Такой подход, высказанный во внешнеполитической части Послания, подытоживает и упорядочивает курс России, проводившийся на международной арене в течение 2012–2014 годов. Чрезвычайно важно, что этот подход стал ключевым фактором усиления консолидации нашего общества¹.

¹ По последним данным ведущих социологических центров страны, поддержка деятельности В.В. Путина на посту Президента РФ в настоящее время составляет 85%. Высокое одобрение деятельности Президента фиксируется также в динамике измерений показателей общественного мнения, проводимых ИСЭРТ РАН в Вологодской области.

Главное место в Послании отведено внутренним проблемам развития страны, и прежде всего тому, как выполнить все основные социальные обязательства государства, сформулированные в указах Президента еще в мае 2012 года.

По многим позициям экономической и социальной жизни обстановка, сложившаяся в настоящее время, не может не вызывать обеспокоенности. По мнению многих экспертов, Россия вступила в период неблагоприятной экономической конъюнктуры. Высокие риски формирует сырьевой перекос в отечественной экономике. В условиях внешних санкций эти риски многократно возрастают, идет падение курса рубля и рост цен, что формирует в обществе настроения устойчивой тревоги. Но проблемы структурной и технологической перестройки экономики Правительством РФ практически не решаются много лет. В течение длительного времени Правительство не прислушивается к экспертам, политическим партиям, высказывающим острую критику за приверженность либеральным принципам организации госуправления².

² См., например, Гринберг Р.С., Горшков М.К. Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) // Мир перемен. — 2012. — № 1; Амосов А. Как преодолеть отставание в развитии // Экономист. — 2013. — № 8; Губанов С. Автономная рецессия как финальная фаза системного кризиса России // Экономист. — 2013. — № 9; На пути к совершенной динамичной и эффективной экономике: доклад / под ред. А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева (в подготовке доклада принимали участие 25 действительных членов и членов-корреспондентов РАН). — М.: РАН, 2013; Винслав В. Провальные итоги—2013 — очередной импульс к смене экономико-управленческих решений // Российский экономический журнал. — 2014. — № 1 и др.

«Фрагментарность, непоследовательность общегосударственного управленческого подхода приводит к тому, что вместо насущных изменений происходит непрерывный процесс имитации преобразований: изменения ради процесса, а не во имя результата. На поток поставлено проектирование плохо координируемых между собой псевдореформ. Но самое главное — отсутствует не только эффективный институт независимого общественно-экспертного аудита, но и мониторинг итогов реализации реформ. Это порождает систему тотальной безответственности государственного аппарата перед обществом. Вот почему вместо стратегического предвидения и конструирования можно наблюдать лишь “вечно сиюминутные” реакции на сиюминутные вызовы.»³

Министерство экономического развития РФ вместо активного поиска путей экономического роста фактически только фиксирует спад и прогнозирует снижение макроэкономических показателей, что наглядно отражают данные *таблицы 1*.

Если по прогнозу, сделанному в мае 2012 года, темп роста валового внутреннего продукта страны в 2014 году должен был составить 104,4%, то в сентябре 2014 года этот показатель был снижен до 100,5%. Прогнозные показатели темпов инвестиций в основной капитал соответственно составляли 107,3 и 97,6%. В декабре 2013 г. отток капитала из страны ожидался в размере 25 млрд. долларов, а в сентябре 2014 года — 100 млрд. рублей⁴.

³ Гельвановский М., Захаров А. Обеспечение лидерства России через рост конкурентоспособности // Экономист. — 2014. — № 11.

⁴ По недавнему заявлению Председателя ЦБ России Э. Набиуллиной, в текущем году отток капитала достигнет 120 млрд. долларов.

Таблица 1. Прогноз основных макроэкономических показателей РФ на 2014 г., % к предыдущему году, в сопоставимых ценах

Показатели	Дата представления прогноза					
	11.05.12.	12.09.12.	12.04.13.	23.10.13.	27.12.13.	26.09.14
ВВП	104,4	104,3	103,7	103,0	102,5	100,5
Индекс промышленного производства	104,1	103,7	103,4	102,2	102,2	101,7
Инвестиции в основной капитал	107,3	107,3	106,6	103,9	103,9	97,6
Приток (+), отток (-) капитала, млрд. долл.	30,0	30,0	0	-25,0	-25,0	-100,0

Источники: данные Министерства экономического развития РФ.

Весьма существенными отклонениями от контрольных индикаторов и прогнозных параметров бюджетного процесса страдают разработки Министерства финансов РФ. Особенно ярко это проявляется в отношении параметров консолидированных бюджетов субъектов РФ (табл. 2).

Дефицит консолидированных региональных бюджетов относительно собственных доходов по расчетам на трехлетку (2014–2016 гг.) был спрогнозирован в 212,3 млрд.

рублей, а ожидается в размере 500,8 млрд. руб., или почти вдвое большим. В сопоставимой оценке объем собственных доходов бюджетов регионов будет меньше на 7%.

Ещё более отчетливо кризис региональных бюджетов просматривается по динамике таких ключевых показателей, как объёмы прибыли, налогов на прибыль, а особенно рост государственного и муниципального долга регионов (табл. 3).

Таблица 2. Основные прогнозные параметры консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2014 г., млрд. руб. (в ценах 2014 г. *)

Параметры	Прогноз			2014, оценка ожидаемых параметров	Изменение оценки за 2014 г. по сравнению с прогнозами			
	2012–2014	2013–2015	2014–2016		2012–2014		2014–2016	
					млрд. руб.	%	млрд. руб.	%
Доходы	8384,5	9370,6	8485,4	8149,6	-234,9	-2,8	-335,8	-4,0
Собственные доходы	7413,3	8242,3	7186,8	6682,2	-731,1	-9,9	-504,6	-7,0
Дефицит	-9,0	-81,9	-212,3	-500,8	+491,8	+55,6 п.	+288,5	+2,4 п.

* Прогнозный уровень инфляции в 2014 г. составлял: в прогнозе на 2012–2014 гг. – 105%; в прогнозе на 2013–2015 гг. – 105%; в прогнозе на 2014–2016 гг. – 104,8%; ожидаемый уровень инфляции в 2014 г. – 107,5%.

Таблица 3. Ключевые показатели бюджетного процесса в регионах РФ, млрд. руб.

Показатели	2011	2012	2013	2013 г. в % к 2011 году
Прибыль	8793,6	9213,0	8494,0	96,6
Налог на прибыль	1927,9	1979,9	1719,7	89,2
Государственный и муниципальный долг	1387,3	1596,7	2026,4	146
Долговая нагрузка, %	23,8	25,0	30,8	+7 п.п.

Источники: данные Минфина РФ; Федерального казначейства; Росстата; расчеты ИСЭРТ РАН.

Если в 2011 году сумма этого долга составляла 1387,3 млрд. руб., то в 2013 году — 2026,4 млрд. руб., т.е. увеличилась почти в полтора раза. Долговая нагрузка на региональные бюджеты возросла с 23,8% в 2012 году до 29,3% в 2014 году (по данным за 10 мес.). В значительном числе регионов долговая нагрузка превышает годовые суммы бюджетных доходов.

Возможные резервы существенного прироста налоговых доходов, а следовательно, снижения государственного и муниципального долга, укрепления бюджетной обеспеченности не используются⁵. Проводимые научные исследования и экспертные оценки⁶ показывают, что многие частные собственники, особенно олигархические структуры, используя не урегулированные законодательством «лазейки», минимизируют прибыль путём формального увеличения издержек производства, перемещения значительной части созданной добавленной стоимости в офшорные зоны, других «выгодных» механизмов, истоки которых формируются в результате несовершенства системы государственного управления в стране.

⁵ См.: Петров Ю. Деофшоризация экономики, противодействие «минимализации налогов» и пресечение утечки капитала (возможности системно-инновационного подхода к экономической политике) // Российский экономический журнал. — 2013. — №6; Дмитриева О. Экономические кругообороты и финансовые пылесосы // Вопросы экономики. — 2013. — №7.

⁶ Среди них и исследования, проводимые в последние годы в ИСЭРТ РАН по анализу деятельности крупнейших корпораций чёрной металлургии РФ. См., например: Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия 2020. Проблемы реализации. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. — 188 с.

Возникшая 15–16 декабря 2014 года паника на валютной бирже показала отсутствие согласованных действий Правительства и Центрального банка страны.

Журнал «Эксперт» так характеризует их уровень взаимопонимания: «Недели не проходит, чтобы правительство и отдельные его члены, Центробанк и отдельные его руководители не выступили с очередным прогнозом — «уточняющим» все предыдущие. Отток капитала из России составит в нынешнем году столько-то миллиардов — нет, столько и полстолька — нет, столько и полстолька и четверть столько... Инфляция в этом году составит столько-то процентов годовых — нет, побольше — нет, она, кажется, будет двузначная — нет, очень двузначная»⁷.

При такой управленческой системе в Правительстве, конечно, находят десятки причин, оправдывающих невыполнение указов Президента РФ от 7 мая 2012 г.

Недовольство Президента работой Правительства РФ было выражено в Послании Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2013 года: *«С издания указов прошло полтора года. Вы знаете, что я отмечаю? То ли делается так, что это вызывает негативную реакцию в обществе, то ли вообще ничего не делается. Конечно, при такой работе мы не достигнем поставленной цели»*⁸.

К сожалению, положение дел в финансово-экономической сфере к концу 2014 г. значительно ухудшилось. И в Послании 2014 г. Президент снова определил для Правительства, федеральных и региональных элит новый круг экономических задач с учетом реально сложившихся внешнеэкономических факторов развития страны.

⁷ Привалов А. Об уверенности в завтрашнем дне // Эксперт. — 2014. — № 51 (928).

⁸ Послание Президента В.В. Путина Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2013 г.

Вызывает большие опасения, что при сохранении неэффективной государственной системы управления, опирающейся на крайне либеральный финансово-экономический блок Правительства, эти новые ориентиры, поставленные Президентом, будут достигнуты, так как *«с уязвимостью российских финансов все было понятно уже во время кризиса 2008-го, и тем не менее пять лет после этого мы продолжали двигаться тем же гибельным курсом»*⁹.

По всей вероятности, 2015 год будет годом непростых решений для Президента, для российских граждан, для страны.

Очень важно, чтобы решения Президента были и своевременными, и скоординированными, и поддержанными избирателями, как было поддержано возвращение в «родную гавань» Крыма.

⁹ Редакционная статья «Снова опять» // Эксперт. – 2014. – №51.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в октябре – декабре 2014 г., а также в среднем за 2014 г. Дается сопоставление их с данными за 2013 г.

Оценка деятельности власти

В октябре – декабре 2014 г. США и их европейские партнёры расширили экономическое и политическое давление на Россию за занятую нашей страной позицию по отношению к событиям на Украине. В этих условиях российские власти активизировали осуществление мер, направленных на укрепление суверенитета нашей страны, альтернативных мер по обеспечению её достойного геополитического положения, преодолению осложнений в экономике, финансово-банковском секторе, социальной сфере. В такой обстановке усиливается консолидация российского общества. Об этом свидетельствуют результаты мониторинга общественного мнения населения Вологодской области.

Несмотря на осложнение внешнего и внутреннего положения страны, оценки деятельности федеральных органов государственной власти за период с октября 2014 по декабрь 2014 г. сохраняются высокими. Поддержка Президента РФ жителями Вологодской области находится в интервале 66–67%, Председателя Правительства РФ – 56%.

Для справки: по данным ВЦИОМ (на первую половину декабря 2014 г.) уровень одобрения деятельности Президента РФ в целом по стране составляет 85%, доля отрицательных оценок – 8%.

В среднем за 2014 г. по сравнению с 2013 г. уровень одобрения деятельности Президента и Правительства вырос (с 55 до 64% и с 49 до 54% соответственно). Деятельность Губернатора Вологодской области в среднем за 2014 г. одобряли 40% опрошенных (в 2013 г. – 44%), доля неодобряющих сократилась за последние два месяца с 40 до 37%.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше.

Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vsc.ac.ru/>.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Изменение (+/-), 2014 по отношению к...		
											2013	2011	2007
Президент РФ													
Одобрю	75,3	58,7	55,3	64,1	56,1	62,8	66,6	66,4	66,8	66,0	+9	+5	-11
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	22,3	29,3	25,4	21,8	19,3	18,5	19,7	-7	-3	+11
Председатель Правительства РФ*													
Одобрю	-	59,3	48,9	54,2	49,3	52,5	55,8	55,2	56,2	56,3	+5	-5	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	27,6	32,9	30,9	26,4	26,8	23,9	24,7	-5	+3	-
Губернатор													
Одобрю	55,8	45,7	44,4	40,1	42,8	41,6	38,5	38,8	39,7	39,3	-4	-6	-16
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	38,9	36,9	39,0	40,9	40,1	39,6	37,0	+6	+8	+17

* Вопрос задается с 2008 г.

За последние два месяца выросла доля жителей области, считающих успешными действия Президента РФ по решению таких ключевых проблем, как наведение порядка в стране (с 49 до 52%), защита демократии и укрепление свобод граждан (с 38 до 41%), а также подъём экономики, рост благосостояния граждан (с 34 до 38%). Сохраняется стабильность общественного мнения относительно мероприятий по укреплению международных позиций России: доля положительных характеристик составила 51–52%, отрицательных – 30–31%.

В среднем за 2014 г. оценки по всем позициям более позитивные, чем в 2013 году.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..? * (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Изменение (+/-), 2014 по отношению к...		
											2013	2011	2007
Укрепление международных позиций России													
Успешно	58,4	46,2	45,7	50,4	45,9	48,6	53,7	50,9	52,3	50,8	+5	+4	-8
Не успешно	24,9	33,7	36,2	32,4	35,7	35,5	31,7	30,0	31,0	30,3	-4	-1	+8
<i>Индекс успешности</i>	<i>133,5</i>	<i>112,5</i>	<i>109,5</i>	<i>118,0</i>	<i>110,2</i>	<i>113,1</i>	<i>122,0</i>	<i>120,9</i>	<i>121,3</i>	<i>120,5</i>	<i>+9</i>	<i>+6</i>	<i>-16</i>
Наведение порядка в стране													
Успешно	53,2	36,6	39,4	48,0	42,7	46,7	49,5	47,5	49,4	52,1	+9	+11	-5
Не успешно	34,0	50,0	47,5	39,1	43,7	40,9	39,5	37,8	37,8	35,1	-8	-11	+5
<i>Индекс успешности</i>	<i>119,2</i>	<i>86,6</i>	<i>91,9</i>	<i>108,9</i>	<i>99,0</i>	<i>105,8</i>	<i>110,0</i>	<i>109,7</i>	<i>111,6</i>	<i>117,0</i>	<i>+17</i>	<i>+22</i>	<i>-10</i>
Защита демократии и укрепление свобод граждан													
Успешно	44,4	32,4	31,8	37,5	32,3	36,3	40,1	37,6	38,2	40,7	+6	+5	-7
Не успешно	37,0	48,3	51,0	45,4	50,1	48,7	43,9	43,7	44,3	41,9	-6	-3	+8
<i>Индекс успешности</i>	<i>107,4</i>	<i>84,1</i>	<i>80,8</i>	<i>92,1</i>	<i>82,2</i>	<i>87,6</i>	<i>96,2</i>	<i>93,9</i>	<i>93,9</i>	<i>98,8</i>	<i>+11</i>	<i>+8</i>	<i>-15</i>
Подъём экономики, рост благосостояния граждан													
Успешно	47,2	30,7	31,3	34,8	31,5	34,9	35,8	35,1	33,9	37,6	+4	+4	-12
Не успешно	39,1	56,1	56,8	53,4	57,1	54,3	53,5	50,2	54,4	50,8	-3	-3	+14
<i>Индекс успешности</i>	<i>108,1</i>	<i>74,6</i>	<i>74,5</i>	<i>81,4</i>	<i>74,4</i>	<i>80,6</i>	<i>82,3</i>	<i>84,9</i>	<i>79,5</i>	<i>86,8</i>	<i>+7</i>	<i>+7</i>	<i>-27</i>

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за последние 6 опросов.

Структура партийно-политических предпочтений населения за последние два месяца существенно не изменилась. Лидерство сохраняет «Единая Россия» — доля жителей области, которые считают, что их интересы выражает данная партия, составляет 36–37%. Поддержка КПРФ составляет 8–9%, ЛДПР — 7–8%, «Справедливой России» — 3–4%.

В 2014 г. по сравнению с 2013 г. несколько выросла доля сторонников «Единой России» (с 29 до 33%). Позиции других парламентских партий остаются стабильными.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партия	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2013	2014	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Изменение (+/-), 2014 по отношению к...		
													2013	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	32,8	28,3	29,5	32,7	34,3	35,5	36,7	+3	+2	+3
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	9,7	10,9	10,7	9,8	9,1	9,3	8,3	-2	-1	+3
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	7,6	8,9	8,3	6,2	6,9	7,3	7,8	0	0	0
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	3,5	3,5	3,3	3,3	3,7	3,9	3,2	-1	-2	-4
Другая	1,8	—	1,9	—	0,6	0,3	0,4	0,2	0,1	0,1	0,7	0,1	0	-2	-2
Никакая	17,8	—	29,4	—	34,9	34,4	35,2	34,8	36,0	35,0	32,6	32,7	-1	+5	+17
Затрудняюсь ответить	21,2	—	13,2	—	10,2	11,7	12,7	13,1	11,8	10,9	10,7	11,1	+2	-2	-10

Характеристики социального настроения и запаса терпения за последние два месяца не претерпели значительных изменений. Доля жителей области, оценивающих своё настроение как «прекрасное и нормальное», составила 69–71%, полагающих, что «всё не так плохо, и жить можно, жить трудно, но можно терпеть» — 80%.

В декабре 2014 г. по сравнению с октябрём структура социальной самоидентификации населения несколько ухудшилась: снизился удельный вес жителей области, относящих себя к категории людей среднего достатка (с 44 до 42%) и увеличилась доля тех, кто считает себя «бедным» и «нищим» (с 49 до 51%).

Индекс потребительских настроений за период с февраля 2014 по декабрь 2014 г. снизился на 10 пунктов (с 92 до 82 п.). И это понятно: по данным Вологдастата, за период с января по ноябрь 2014 г. общий рост цен составил 8,1%, на 12,2% подорожали продовольственные товары, на 5,3% — непродовольственные, на 8,1% — услуги.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Изменение (+/-), 2014 по отношению к...		
											2013	2011	2007
Настроение													
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	69,4	65,1	69,3	71,1	70,5	69,3	70,9	+1	+6	+6
Испытываю напря- жение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	24,9	27,1	24,9	23,7	25,1	24,6	24,1	-1	-4	-3
Запас терпения													
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	80,8	79,8	81,3	81,0	82,5	80,3	80,0	+2	+6	+7
Терпеть наше бедствен- ное положение невоз- можно	13,6	15,3	14,2	12,6	12,3	11,1	13,4	12,8	12,1	13,6	-2	-3	-1
Социальная самоидентификация													
Доля считающих себя людьми среднего до- статка	48,2	43,1	43,9	43,2	44,2	43,1	42,0	44,1	43,5	42,3	-1	0	-5
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	49,1	46,9	49,1	48,4	49,6	49,3	51,0	+2	+5	+7
Индекс потребительских настроений													
Значение индекса, пунктов	105,9	89,6	90,3	87,6	91,5	90,3	90,5	87,1	84,0	82,3	-3	-2	-18

Отношение населения к антироссийским санкциям США и стран ЕС и ответной реакции России

В октябре – декабре 2014 г. в структуру мониторинга общественного мнения был включен специальный блок вопросов, направленный на то, чтобы оценить, насколько жители региона информированы об антироссийских санкциях США и стран ЕС и ответной реакции России и как это, по их мнению, отразится на динамике экономической ситуации в стране и регионе.

Как показали результаты опроса, подавляющее большинство жителей Вологодской области знают о существовании экономических санкций США и стран ЕС против России и ответной реакции Российской Федерации (81 и 85% соответственно). Доля тех, кто считает, что хорошо осведомлён об экономических санкциях против России, за два последних месяца выросла с 41 до 44%, доля имеющих об этом лишь общее представление сократилась с 43 до 38%.

Удельный вес людей, которым хорошо известно об ответной реакции Российской Федерации на антироссийские санкции США и стран ЕС, а также доля тех, кто имеет об этом лишь общее представление, остались на прежнем уровне (41–42% и 43–44% соответственно).

**Информированность населения о санкциях США и стран ЕС против России
и ответной реакции России (в % от числа опрошенных)**

Вариант ответа	Вологда			Череповец			Районы			Область		
	Окт. 2014	Дек. 2014	Изменение (+ -), окт. 2014 к дек. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Изменение (+ -), окт. 2014 к дек. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Изменение (+ -), окт. 2014 к дек. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Изменение (+ -), окт. 2014 к дек. 2014
На фоне конфликта в Украине некоторые страны в последние месяцы ввели против России санкции. Вы знаете об этом?												
Мне хорошо об этом известно	56,3	55,8	-1	61,0	55,6	-5	21,7	30,6	+9	41,1	43,7	+3
Что-то слышал, но подробностей не знаю	33,1	32,9	0	32,3	35,4	+3	53,9	41,4	-13	42,8	37,6	-5
Впервые слышу	2,0	3,3	+1	3,1	1,3	-2	7,8	8,3	+1	5,1	5,1	0
Затрудняюсь ответить	8,6	8,0	-1	3,6	7,8	+4	16,5	19,7	+3	11,1	13,5	+2
Российское Правительство ограничило на год ввоз в Россию сельхозпродукции, сырья и продовольствия из стран, которые ввели санкции в отношении нашей страны. Вы знаете об этом?												
Мне хорошо об этом известно	54,5	55,0	+1	63,1	58,3	-5	21,6	26,2	+5	41,1	42,1	+1
Что-то слышал, но подробностей не знаю	35,1	35,7	+1	30,5	34,1	+4	56,2	51,0	-5	43,9	42,6	-1
Впервые слышу	3,5	2,8	-1	2,8	2,8	0	7,7	6,2	-2	5,3	4,4	-1
Затрудняюсь ответить	6,8	6,4	0	3,6	4,8	+1	14,6	16,6	+2	9,7	10,9	+1

В декабре 2014 г., как и в предыдущий период измерений, удельный вес людей, затрудняющихся дать свою оценку последствиям санкций США и стран ЕС для экономики России и Вологодской области, стал заметно выше, чем доля оптимистических и пессимистических прогнозов (29% против 24% и 30% против 20–21% соответственно). Среди определившихся в своём мнении доли положительных и отрицательных суждений распределились примерно поровну.

В октябре – декабре 2014 г. наблюдалось нарастание оценок негативных последствий санкций США и стран ЕС для экономики России и области (удельный вес пессимистических отзывов вырос с 20 до 24% и с 17 до 20% соответственно).

Мнение населения о последствиях санкций США и стран ЕС для экономики России и Вологодской области (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Вологда			Череповец			Районы			Область		
	Окт. 2014	Дек. 2014	Изменение (+ -), окт. 2014 к дек. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Изменение (+ -), окт. 2014 к дек. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Изменение (+ -), окт. 2014 к дек. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Изменение (+ -), окт. 2014 к дек. 2014
Как, по-Вашему, санкции зарубежных государств отразятся на экономике России?												
Санкции приведут к положительным последствиям, улучшат ситуацию	26,5	26,2	0	24,4	20,5	-4	26,8	25,3	-2	26,1	24,3	-2
Санкции приведут к негативным последствиям, усугубят ситуацию	28,0	31,4	+3	30,8	44,7	+14	9,9	9,4	-1	20,1	24,4	+4
Ничего не изменится, всё останется по-прежнему	17,2	21,6	+5	20,5	15,7	-5	25,8	27,3	+2	22,1	22,7	+1
Затрудняюсь ответить	28,3	20,8	-8	24,4	19,2	-5	37,5	38,0	+1	31,7	28,6	-3
Как, по-Вашему, санкции зарубежных государств отразятся на экономике области?												
Санкции приведут к положительным последствиям, улучшат ситуацию	22,0	19,0	-3	22,8	16,9	-6	24,2	23,1	-1	23,3	20,7	-3
Санкции приведут к негативным последствиям, усугубят ситуацию	25,8	27,8	+2	26,2	33,8	+8	7,3	9,7	+2	17,1	20,4	+3
Ничего не изменится, всё останется по-прежнему	21,7	29,3	+8	27,4	27,3	0	29,6	30,5	+1	26,9	29,3	+2
Затрудняюсь ответить	30,6	23,9	-7	23,6	22,0	-2	38,9	36,8	-2	32,7	29,5	-3

Мнение жителей области о последствиях ответной реакции России на санкции США и стран ЕС таковы: доля тех, кто считает, что они принесут больше пользы, чем вреда, составляет 42%; противоположной точки зрения придерживаются 20% населения. В то же время за последние два месяца наблюдается рост доли пессимистических прогнозов (с 16 до 20%).

Мнение населения об ответной реакции России на антироссийские санкции США и стран ЕС (в % от числа опрошенных)

Как Вы считаете, запрет на ввоз в Россию части зарубежного продовольствия принесёт России больше пользы или вреда?												
Вариант ответа	Вологда			Череповец			Районы			Область		
	Окт. 2014	Дек. 2014	Изменение (+ -), окт. 2014 к дек. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Изменение (+ -), окт. 2014 к дек. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Изменение (+ -), окт. 2014 к дек. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Изменение (+ -), окт. 2014 к дек. 2014
Скорее, больше пользы	46,0	42,2	-4	60,8	53,0	-8	36,0	36,5	-1	45,1	42,3	-3
Скорее, больше вреда	16,4	23,4	+7	16,9	27,3	+10	15,1	14,3	-1	15,9	20,1	+4
Затрудняюсь ответить	37,6	34,4	-3	22,3	19,7	-3	48,9	49,2	0	39,0	37,6	-1

Заключение

Результаты опросов, проведенных в декабре 2014 г., показывают, что, несмотря на осложнение положения России на международной арене, возрастание трудностей в социально-экономическом развитии страны, в обществе сохраняется высокий уровень поддержки органов государственной власти.

Вместе с тем отмечается ухудшение структуры социальной самоидентификации, спад индекса потребительских настроений, что требует адекватных действий со стороны органов федеральной и региональной власти.

Снижение потребительской активности говорит также о том, что растет неуверенность людей в улучшении своего материального положения. Во многом это связано с тем, что жители области сомневаются в благоприятном исходе международной санкционной политики. Несмотря на активную информационную кампанию и регулярные заявления представителей власти всех уровней о том, что экономические санкции против России дадут новые импульсы развитию экономики, растёт доля пессимистических прогнозов в отношении влияния санкционной политики на российскую и региональную экономику. Это свидетельствует о наличии тревожных ожиданий населения относительно тенденций своего материального положения в ближайшем будущем.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc/2014.6.36.2
УДК 339.972+339.92, ББК 65.2/4+65.5

© Андреева Е.Л., Глухих П.Л., Ратнер А.В.

Национальные экономические интересы России в современных геополитических условиях*



**Елена Леонидовна
АНДРЕЕВА**

доктор экономических наук, профессор, руководитель центра, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, к. 506, elenandr@mail.ru)



**Павел Леонидович
ГЛУХИХ**

кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, к. 506, Gluchih_P_L@mail.ru)



**Артём Витальевич
РАТНЕР**

кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, к. 506, aratner@inbox.ru)

Аннотация. Рассмотрены национальные экономические интересы, составляющие основу национальной безопасности или обеспеченности (продовольственной, сырьевой, финансовой, инфраструктурной, в т.ч. транспортной) и задающие приоритеты развития секторам и отраслям национальной экономики (промышленность, научно-техническое развитие, предпринимательство, социальная сфера и инновационное развитие). По каждому из видов национальных

* Статья подготовлена в рамках реализации Программы Уральского отделения РАН 2014 г. № 14 «Фундаментальные проблемы региональной экономики», проект № 12-П-7-1001.

экономических интересов проведён краткий анализ на предмет его отражения в отечественных документах, касающихся социально-экономического развития, и международных документах, касающихся экономического сотрудничества с российским участием. В национальном поле данные интересы отражены в Концепции долгосрочного социально-экономического развития, в стратегиях и государственных программах развития отраслей экономики. В международном экономическом поле рассмотрены договоры России с отдельными странами о торговле и/или кооперации, Договор о Евразийском экономическом союзе, Декларация и соглашения стран БРИКС, Программа торгово-экономического сотрудничества стран ШОС, а также международные нормы, касающиеся социально-экономических рейтингов и индексов.

Анализ показал, что в стране требуется разработка единого концептуального проекта, увязывающего стратегические приоритеты социально-экономического развития РФ с изменяющимися геоэкономическими условиями. Данный суверенный проект должен представлять комплекс системных стратегических установок на различных уровнях, обеспечивающий повышение роли и значимости России в новой архитектуре геоэкономического миропорядка, участие страны в коллективных стратегиях, реализуемых РФ совместно с другими заинтересованными странами и новыми интеграционными группами, а также отстаивание концептуальных интересов национального развития.

Ключевые слова: новые геоэкономические условия; сферы национального социально-экономического развития; увязка приоритетов.

В Указе Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» от 12.05.2009 г. № 537 национальные интересы Российской Федерации определяются как совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства. Однако интересы личности, общества и государства настолько разноплановы и вместе с тем формулируются элитой на основе ценностных предпочтений с учетом различных обстоятельств, что говорить о сбалансированности интересов довольно сложно. Кроме того, принято выделять также национальные интересы в различных сферах: например, в международной сфере они заключаются помимо прочего в упрочении позиций России как великой державы — одного из влиятельных центров многополярного мира. Налицо некоторое разделение национального и геоэкономического векторов, затрудняющее формирование единой стройной системы национальных интересов и при-

оритетов страны. В этой связи заслуживает внимания геоэкономический подход Э.Г. Кочетова, который предлагает термин «геоэкономические национальные интересы» и определяет его как систему долговременных целевых устремлений, задач, приоритетов, направлений деятельности в геоэкономическом пространстве. Современная геополитическая ситуация наглядно продемонстрировала, во-первых, высокую степень влияния геоэкономических вызовов на экономическую политику страны и, во-вторых, возможность существенного расширения горизонтов реализации экономического курса с учетом геоэкономических подвижек.

Э.Г. Кочетов следующим образом характеризует недооценку геоэкономического фактора при определении страной своих национальных интересов и приоритетов до недавнего времени: «Россия, игнорируя мировые хозяйственные реалии, довольствуется вспомогательной ролью, продолжая выплескивать свои ресурсы через экспортно-импортные операции, струк-

турно надламывая российскую экономику. Мировое хозяйство такую роль России законсервировало (зацементировало), а Россия смирилась с этим и перед мировым сообществом не ставит жестко вопрос о своих геэкономических интересах» [10, с. 97].

Корневым национальным интересам России должно соответствовать принятие новой геэкономической доктрины, в которой национальные интересы России должны быть увязаны с глобальными тенденциями развития, о чем было заявлено в Послании по национальной безопасности Президента РФ Федеральному Собранию еще в 1996 г. Еще тогда говорилось, что Россия должна перейти к новому геэкономическому равновесию, провозгласив свои национальные экономические интересы, спроецировать на геэкономическом атласе мира стратегические цели, интеграционные альянсы, наметить геэкономические плацдармы» [12].

Похоже, что по прошествии почти десятилетия поставленные задачи начинают воплощаться в жизнь. Геэкономическое положение России в настоящее время характеризуется новым этапом, для которого характерны следующие геэкономические подвижки:

– возрождение евразийской экономической интеграции (Евразийский экономический союз);

– развитие экономического сотрудничества в рамках групп ШОС и БРИКС, обусловленное общностью геэкономических интересов их членов;

– повышение роли и значимости России в формировании глобального мирохозяйственного порядка.

Рассмотрим данные аспекты подробнее.

Евразийская экономическая интеграция характеризуется экономическими предпосылками, которые имеют исторические корни:

– во времена СССР его экономика представляла собой высокоинтегрированный комплекс, и российская, казахстанская и белорусская экономики являлись его частями;

– СНГ унаследовало от экономики СССР единое для слагающих его национальных экономик разделение труда, а также технологическую взаимозависимость и единые технические стандарты [11, с. 325-327]; в рамках СНГ была учреждена зона свободной торговли;

– евразийская экономическая интеграция в её сегодняшнем составе развивается на протяжении ряда лет: она начала складываться в 1995 г., когда был поэтапно создан Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана в его первичном оформлении. В 1997–1999 гг. к этому союзу присоединились Киргизия и Таджикистан. В 2000 г. было учреждено Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), целью которого являлось эффективное продвижение процесса формирования таможенного союза и единого экономического пространства. На площадке ЕврАзЭС в 2010 г. вступил в действие сегодняшний Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана. В 2011 г. было принято Решение Евразийского экономического совета «О вступлении в силу международных договоров, формирующих Единое экономическое пространство...». Наконец, 29.5.2014 г. был заключён договор об учреждении Евразийского экономического союза (ЕАЭС), вступающий в силу 1.1.2015 г.

Что касается групп крупнейших интенсивно растущих экономик мирового хозяйства, таких как *ШОС и БРИКС*, то они хотя и не являются международными экономическими интеграционными объединениями, обладают также большим потенциалом для экономического сотрудничества их членов [17]. Цель Программы многостороннего торгово-экономического

сотрудничества стран ШОС (утверждена Решением Совета глав правительств (премьер-министров) государств-членов ШОС от 23.9.2003 г. № 1) – постепенная (до 2020 г.) реализация системы мер по поддержке такого сотрудничества, развитие производственного и инвестиционного сотрудничества ведущих отраслей их национальных экономик и на этой основе – повышение уровня жизни населения. В задачи Программы входит поиск общих подходов и путей взаимовыгодного экономического и научно-технического сотрудничества стран-членов, разработка совместных целевых программ экономического сотрудничества и др.

В соответствии с Концепцией участия РФ в объединении БРИКС (утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 09.02.2013 г.) [5], Россия ставит перед собой следующие цели в ряде областей экономического взаимодействия:

1. В сфере валютно-финансового сотрудничества: повышение во взаиморасчётах между странами БРИКС роли национальных валют. В этой сфере следует отметить также заключение на VI саммите стран БРИКС (15–16.7.2014 г.) Договора о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС и Соглашения о создании Нового банка развития БРИКС.

2. В сфере торгово-экономического сотрудничества: обеспечение условий для продвижения российского экспорта и для развития инвестиционного сотрудничества с партнёрами по БРИКС.

3. В сфере промышленного сотрудничества: повышение российских экспортных возможностей в таких отраслях, как авиационная, радиоэлектронная, промышленность, энергетическое машиностроение, металлургия, станкостроение, транспортное и специальное машиностроение; импорт современного оборудования и технологий из стран БРИКС; географическая

диверсификация российского экспорта минеральных ресурсов и привлечение инвестиций стран БРИКС в российскую горнодобывающую промышленность с целью её модернизации; и в других сферах сотрудничества (научно-техническая, сельскохозяйственная).

Здесь можно также отметить, что по итогам VI саммита БРИКС, в Форталезской декларации, члены Группы приветствовали предложение о разработке «Стратегии экономического сотрудничества стран БРИКС» и «Общих принципов углубления экономического партнёрства стран БРИКС», в которых обозначаются меры по развитию экономического, торгового и инвестиционного сотрудничества в рамках Группы. Также Группа высказала намерение о расширении диалога между БРИКС и Южной Америкой, в том числе в интересах экономического прогресса и устойчивого развития.

Что касается данного направления геоэкономических изменений, то оно напрямую определяет и следующий аспект: активизацию участия России в формировании новой модели глобального управления. Новаторский характер БРИКС состоит в зарождении прообраза новой модели международных отношений, при которой различия не являются препятствием для взаимовыгодного сотрудничества. В китайской статье, опубликованной после IV саммита в Нью-Дели, БРИКС была названа «ключевой силой по разрешению старого международного порядка».

Все это лишь подтверждает назревшую необходимость определения страной своего собственного исторического пути, что неоднократно отмечалось ведущими как российскими, так и зарубежными учеными.

Выдающийся отечественный ученый-экономист академик Д.С. Львов еще в 1999 г. в своей работе «Экономический манифест – будущее российской эконо-

мики» сделал ключевой вывод о том, что Россия должна продвигаться по своему собственному пути. В трудах одного из основоположников мир-системного подхода С. Амина отмечается: «Страны периферии, в том числе и Россия, не смогут развиваться, если им не удастся выработать свой суверенный проект» [1]. Причем делать это следует безотлагательно. По словам С. Губанова, «и экономические, и геополитические противоречия переплелись ныне в гордиев узел столь жгучего системного кризиса, который разрешается лишь крайними, поистине альтернативными исходами» [7]. Г. Вечканов характеризует современный этап развития России как ситуацию, «когда стране предстоит исторически ответственный выбор своей перспективы» [4].

Данные подходы во многом определяют характер отражения российских национальных экономических интересов в национальных и международных нормативных документах (*таблица*). Национальные экономические интересы составляют основу национальной безопасности или обеспеченности (продовольственной, сырьевой, финансовой, инфраструктурной, в т.ч. транспортной) и задают приоритеты развития секторам и отраслям национальной экономики (промышленность, научно-техническое развитие, предпринимательство, социальная сфера и инновационное развитие).

Остановимся на выделенных составляющих национальных экономических интересов подробнее с учетом формулировки их целей и задач как внутри страны, так и с учетом наметившихся новых геоэкономических плацдармов в современных геополитических условиях. В сфере **продовольственной обеспеченности**, согласно Доктрине продовольственной безопасности РФ (30.1.2010 г.), целью является обеспечение населения безопасной сель-

скохозяйственной продукцией, продукцией из водных биоресурсов и продовольствием. Доктриной учитываются (разд. I, п. 5) рекомендации Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН по предельно допустимой доле импорта. В сфере внешнеэкономической политики в Доктрине отмечаются:

- необходимость соблюдения баланса экспорта и импорта сельскохозяйственной и рыбной продукции;

- необходимость активного использования защитных мер в случае роста импорта данной продукции;

- необходимость поэтапного снижения зависимости отечественного агропромышленного комплекса от импорта технологий и оборудования (разд. IV, п. 15).

Таким образом, данному документу соответствует то, что в **геоэкономическом поле** в августе 2014 г. были приняты санкции в отношении поставок продовольствия из ряда стран ЕС, что должно создать условия для развития отечественного сельского хозяйства, сельскохозяйственного машиностроения и пищевой промышленности. Определённый задел для этого существует: в экономике ряда российских регионов сельское и рыбное хозяйство играют важную роль [16, с. 92-94]. Безусловно, для импортозамещения потребуются время и определенные инвестиционные условия. Пока с целью достижения равновесия спроса и предложения в августе–сентябре 2014 г. были заключены договорённости с рядом стран об увеличении поставок на российский рынок данной продукции.

Китайская фирма «Баожун» (планирует также корпорация «Дили») открывает площадки прямых поставок на рынок Дальнего Востока России овощей и фруктов [9]. Россия и Белоруссия планируют выработать долгосрочную стратегию поставок сельскохозяйственной продукции белорусского производства, Белоруссия планирует увеличить

Отражение российских экономических интересов в национальных и международных документах

Национальные экономические интересы	Отражение в документах	
	в национальных (касающихся социально-экономического развития)	в международных (касающихся экономического сотрудничества с участием России)
Продовольственная обеспеченность	Доктрина продовольственной безопасности РФ от 30.1.2010 г., разд. I, п. 2	Соглашения (август–сентябрь 2014 г.) об увеличении поставок на российский рынок продовольствия с Китаем (фирма «Бао-жун», «Дили»), странами Восточной Азии, Белоруссией, Сербией, Бразилией, Тунисом, Марокко, Ираном, Грузией, Аргентиной; запланированная отмена в ближайшее время ограничения на поставку животноводческой продукции из Монголии
Сырьевая обеспеченность	Энергетическая стратегия России на период до 2030 г., разд. I	Договор «Газпрома» и китайской компании «CNPC» на поставки газа на 30 лет (2014 г.) Соглашения между «Роснефть» и кубинскими нефтяными компаниями о совместной работе над повышением нефтеотдачи на кубинских месторождениях и о совместной разработке участков кубинского шельфа
Финансовая обеспеченность	Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., разд. IV, п. 3 «Долгосрочные приоритеты развития финансовых рынков и банковского сектора»	Соглашение о создании Нового банка развития БРИКС (2014); Договор о создании Пула условных валютных резервов БРИКС (2014). Проведение взаиморасчётов между резидентами стран-членов ЕАЭС в их национальных валютах (Приложение № 1 к Договору о ЕАЭС от 29.5.2014 г., разд. 15, п. 3). Помощь Китая в создании российской платёжной системы, составляющей конкуренцию американским Visa и MasterCard; Соглашение о расчётах в национальной валюте в торговле между РФ и Вьетнамом
Инфраструктурная обеспеченность	Транспортная стратегия РФ на период до 2030 г., разд. IV; Стратегия развития отрасли информационных технологий в РФ на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2025 г.	Договор о ЕАЭС, ст. 86 «Скоординированная (согласованная) транспортная политика»; модернизация Улан-Баторской железной дороги; участие в строительстве Трансатлантического канала в Никарагуа; Проект создания на Кубе транспортного хаба с модернизацией морского порта Мариэль
Информационная безопасность	Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ, ст. 9, п. 1. Государственная программа «Информационное общество», Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313	53, 54 и 55 сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Резолюция A/RES/54/49 Генеральной Ассамблеи ООН Форталезская декларация (по итогам VI саммита БРИКС) от 15.7.2014 г., п. 49 «ИКТ»; Договор о ЕАЭС, разд. V «Информационное взаимодействие и статистика»
Промышленное развитие	Гос. программа РФ «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности на период до 2020 г.»; Заседание Госсовета РФ 18.9.2014 г. (о плане содействия импортозамещению в промышленности и сельском хозяйстве на 2014–2015 гг.)	Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) от 29.5.2014 г., ст. 92 «Промышленная политика и сотрудничество»; Концепция участия РФ в объединении БРИКС от 9.2.2013 г., п. 19 «Сотрудничество в сфере промышленности»; Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества стран ШОС от 23.9.2003 г., разд. I «Основные цели и задачи Программы»
Научно-техническое развитие	Государственная программа РФ «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг., паспорт Программы	Договор о ЕАЭС, ст. 92, аб. 4, п. 7 (возможность проведения совместных НИОКР в промышленности); ст. 95, аб. 7, п. 11 (и сельском хозяйстве); Концепция участия РФ в объединении БРИКС, п. 23 «Сотрудничество в сфере науки, техники и инноваций»; Форталезская декларация БРИКС, п. 23 (о содействии научным исследованиям), п. 49, п. 53 (о научных исследованиях в области новых технологий получения энергоресурсов); Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества стран ШОС, разд. I и II (о путях взаимовыгодного научно-технического сотрудничества)

Окончание таблицы

Предпринимательское развитие	Указ Президента РФ от 10.09.2012 № 1276 «Об оценке эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ по созданию благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности»	Форталезская декларация (по итогам VI саммита БРИКС) от 15.7.2014 г., п. 23 Рейтинг легкости ведения бизнеса (Doing Business) Глобальный мониторинг предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor – GEM).
Социальное развитие	Государственная программа РФ «Социальная поддержка граждан» на 2013–2020 гг.	Санкт-Петербургская декларация лидеров «группы двадцати», сентябрь 2013 г. Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), Индекс социального развития
Инновационное развитие	Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике».	Финансирование инновационного развития, ЕЭК ООН European Innovation Scoreboard

поставки [3]. Подписаны и уже реализуется ряд соглашений по поставкам продовольствия со странами Латинской Америки.

В сфере **сырьевой**, в частности энергетической, **обеспеченности** целью является эффективное использование ресурсов природных энергоносителей для устойчивого роста экономики и укрепления её внешнеэкономических позиций. Среди **международных документов** здесь можно упомянуть Договор «Газпрома» и китайской компании «СNPC» на поставки газа на 30 лет. В рамках договора российская сторона планирует вложить 55 млрд. долл. на прокладку газопровода и создание необходимой инфраструктуры – заводов по производству гелия и газохимии. Китайская сторона инвестирует до 22 млрд. долл. [14].

В сфере **финансовой обеспеченности** целью выступает создание эффективной, конкурентоспособной на мировом рынке финансовой системы, способной обеспечить высокий уровень инвестиционной активности в экономике, финансовую поддержку инновационной деятельности. **В международных документах** последнего периода очень четко преследуется цель обеспечения финансовой независимости страны с участием стратегических партнеров в рамках ЕЭС, БРИКС, а также ряда стран, например Вьетнама. Данная целевая

установка нашла отражение, например, в Соглашении о создании Нового банка развития БРИКС, цель которого – мобилизация ресурсов для финансирования инфраструктурных проектов и проектов в области устойчивого развития; а также в Договоре о создании Пула условных валютных резервов БРИКС, который должен выполнять функцию страхового механизма в случае возникновения или угрозы возникновения краткосрочных проблем платёжеспособного баланса у стран данной группы.

В области **инфраструктурной обеспеченности** можно выделить транспортную компоненту и компоненту информационных технологий. В частности, целью развития транспорта, согласно Транспортной стратегии РФ, выступает удовлетворение потребностей инновационного социально-ориентированного развития экономики и общества в качественных транспортных услугах. Договором о ЕАЭС (**как международным документом**) одним из основных приоритетов скоординированной транспортной политики признаётся формирование единого транспортного пространства. Важным направлением как в его рамках, так и в рамках Форталезской декларации БРИКС признаётся также развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Информационная безопасность в современных условиях приобретает особую значимость, т.к. информация становится инструментом идеологической манипуляции. Ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ, ст. 9, п. 1).

Для реализации закона утверждена государственная программа «Информационное общество» (Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 313). Вместе с тем цель программы — повышение качества жизни граждан на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий — не отражает в полной мере всей значимости данного аспекта.

Еще в конце прошлого века информационная безопасность начала регулироваться *международным* правом. Так на 53, 54 и 55 сессиях Генеральной Ассамблеи ООН входит норма «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». В 1999 г. Генеральная Ассамблея ООН утвердила резолюцию A/RES/54/49, в которой подчеркнула нарастающую опасность распространения и использования информационных технологий в целях дестабилизации мирового сотрудничества и нарушения международной безопасности.

В области **промышленного развития** принята государственная программа РФ по развитию промышленности и повышению её конкурентоспособности. Однако пока особых изменений не наблюдалось. По словам Е.М. Примакова, «неолибералы,

по сути, игнорируют необходимость восстановить в России разрушенные в 90-е годы отрасли промышленности, в первую очередь машиностроение.

Постиндустриальное общество — это не только хайтек и сфера услуг. В тех же постиндустриальных Соединенных Штатах сегодня существует тенденция восстановления для покрытия внутреннего спроса производств, ранее вытесненных в развивающиеся страны» [13]. Текущий ход событий складывается так, что оттягивать поворот к неоиндустриализации больше нельзя, она относится «к самой неотложной проблеме наших дней» [2].

Данный национальный приоритет был рассмотрен на заседании Госсовета РФ 18.09.2014 г., посвящённом плану содействия импортозамещению в промышленности и сельском хозяйстве на 2014–2015 гг. Правительством поставлены конкретные и довольно амбициозные цели — увеличить долю российских товаров в общем объёме розничного товарооборота хотя бы на четверть, объём замещения должен быть не менее 100 млрд. дол., или 4 трлн. руб.; сроки реализации — два, максимум три года; количество новых рабочих мест — не менее 1 млн. чел.; дополнительные поступления во все уровни налогов — порядка 500 млрд. руб. Новые механизмы стимулирования, заложенные в законопроект по промышленной политике, — предоставление налоговых льгот, инструмент специальных инвестиционных контрактов, субсидирование НИОКР, возвратное финансирование через Фонд развития промышленности [8].

В международных документах, касающихся экономического сотрудничества с участием России, приоритеты развития промышленности отражены в Договоре о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) от 29.5.2014 г. и в других документах (см. таблицу). Целями согласованной промышленной политики, согласно Дого-

вору о ЕАЭС, выступают ускорение индустриального развития его стран-членов, повышение конкурентоспособности их промышленных комплексов.

В области **научно-технического развития** цель, согласно соответствующей государственной программе, – формирование конкурентоспособного и эффективного сектора исследований и разработок и обеспечение его ведущей роли в осуществлении технологической модернизации российской экономики. Что касается отражения в *международных документах*, то Договором о ЕАЭС для достижения целей согласованной промышленной политики предусматривается, среди прочих, возможность проведения совместных НИОКР (ст. 92, аб. 4, п. 7). В числе целей реализации согласованной агропромышленной политики предусмотрена также координация Евразийской экономической комиссией совместной научно-инновационной деятельности в агропромышленном комплексе (ст. 95, аб. 7, п. 11).

Взаимодействие РФ с государствами-участниками БРИКС в сфере науки, техники и инноваций предполагает такие цели, как сотрудничество в приоритетных областях (аэроавиация, нанотехнологии, продовольственная безопасность, биотехнологии, поиск и разведка полезных ископаемых и др.), составление программ научно-технического сотрудничества и его организационно-правовое обеспечение (Концепция участия РФ в объединении БРИКС, разд. IV, п. 23).

В Форталезской декларации стран-членов БРИКС:

– в качестве одной из целей развития диалога в рамках БРИКС признаётся необходимость содействия научным исследованиям, инновациям и разработкам (п. 23);

– признаётся, что особое внимание должно уделяться малым и средним предприятиям – с целью стимулирования науч-

ных исследований и разработок в сфере информационно-коммуникационных технологий (п. 49);

– признаётся важность научных исследований в области новых технологий получения энергоресурсов (п. 53).

В другом международном документе с участием России – Программе многостороннего торгово-экономического сотрудничества стран ШОС (от 23.9.2003 г.) – в число задач входит обозначение путей взаимовыгодного научно-технического сотрудничества. В рамках приоритетных направлений сотрудничества планируется, среди прочего, изучить возможность расширения взаимовыгодного сотрудничества в сфере геологоразведки, информационно-коммуникационных технологий, формирования механизмов развития инновационного сотрудничества, взаимодействия в целом в сфере науки и новых технологий (разд. I и II).

Предпринимательское развитие. С недавнего времени для оценки благоприятности ведения бизнеса в России используется критерий «Позиция России в рейтинге легкости ведения бизнеса (Doing Business)» (Указ Президента РФ от 10.09.2012 г. № 1276). Место страны в рейтинге рассчитывается на основании следующих 11 индикаторов, отражающих параметры организации предпринимательской деятельности [6]: создание предприятий; получение разрешений на строительство; подключение к системе электроснабжения; регистрация собственности; получение кредитов; защита инвесторов; налогообложение; международная торговля; обеспечение исполнения контрактов; разрешение неплатежеспособности (процедура банкротства). Место России в этом рейтинге в 2013 и 2014 гг. отстало на 24 позиции от утвержденного плана. К 2015 г. для выполнения плана нужно улучшить место в рейтинге на 42 позиции, что с учетом санкций (в частности, ограничивающих доступ к

более дешевому западному капиталу) практически недостижимо.

В многочисленных *международных* документах неоднократно подчеркивалась приоритетная роль малых и средних предприятий (в частности, Форталезская декларация, по итогам VI саммита БРИКС, от 15.7.2014 г., п. 23). В сфере предпринимательства сопоставимыми международными исследованиями выступают такие проекты, как Рейтинг легкости ведения бизнеса (Doing Business) и Глобальный мониторинг предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor – GEM). Результаты первого проекта уже используются в России для оценки достижения национальных интересов. Второй проект оценивает готовность трудоспособного населения к осуществлению предпринимательской деятельности и в качестве критерия не применяется, но потенциалом таким обладает. Согласно его результатам, в России планируют открыть собственное дело в ближайшие три года 4,7% респондентов – вновь это самый низкий показатель из 70 стран-участниц проекта. В странах БРИКС аналогичный результат составил в среднем 22%, а в странах Восточной Европы – 21% [5].

Социальное развитие. Основными целями государственной программы «Социальная поддержка граждан» (Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 296) являются: создание условий для роста благосостояния граждан – получателей мер социальной поддержки; повышение доступности социального обслуживания населения. Целевые индикаторы и показатели программы: 1) численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в процентах к общей численности населения; 2) доля граждан, получивших социальные услуги в учреждениях социального обслуживания населения, в общем числе граждан, обра-

тившихся за получением социальных услуг в учреждения социального обслуживания населения, в %. *В международном плане* следует отметить инициативу России в составе «Большой двадцатки»: в 2013 г. на Петербургском саммите G-20 в принятой Санкт-Петербургской декларации лидеров Группы двадцати в качестве приоритета было зафиксировано «укрепление роста и создание рабочих мест», в том числе «более высокопроизводительных» [15].

Для международного сопоставления существуют хорошо известные исследования, например Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), а также специализированные исследования, такие как Индекс социального развития (The Social Progress Index), разработанный в 2013 г. под руководством М. Портера. Индексом учитывается свыше 50 показателей, объединенных в три основные группы: основные потребности человека (питание, медицина, жильё и др.); основы благополучия человека (грамотность, информация, экология и др.); возможности развития человека (свободы, права, реализация потенциала и др.).

Инновационное развитие. Для оценки достижения целей экономической политики РФ Указом Президента РФ от 07.05.2012 г. № 596 утверждены 5 «областей» (направлений) экономической политики (ст. 2) и 5 показателей (ст. 1). В качестве одной из областей обозначена «модернизация и инновационное развитие экономики». Среди прочих утверждены к реализации следующие показатели: а) создание и модернизация 25 млн. высокопроизводительных рабочих мест к 2020 г.; б) увеличение объема инвестиций не менее чем до 25% ВВП к 2015 г. и до 27% – к 2018 г.; в) увеличение доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВВП к 2018 г. в 1,3 раза относительно уровня 2011 г.; г) увели-

чение производительности труда к 2018 г. в 1,5 раза относительно уровня 2011 г. (Указ Президента РФ «О долгосрочной государственной экономической политике» от 07.05.2012 г. № 596).

В международном плане широко признается, в частности Организацией Объединенных Наций, что «инновации являются одним из основных факторов, обеспечивающих экономический рост и направленных на решение вызовов экологического и социального плана, и что инновации способствует созданию условий для устойчивого развития» (Финансирование инновационного развития, ЕЭКООН).

В качестве ориентира инновационного развития страны применяется рейтинг European Innovation Scoreboard, публикуемый Еврокомиссией, включающий 29 показателей (количество патентных заявок, наличие высококвалифицированного персонала и ученых, расходы на исследования и др.). Так, согласно последним данным данного исследования лидерами остаются США и Японии. ЕС по-прежнему заметно от них отстает. Китай, с ориентацией на технологическую модернизацию и применяющий немалые инвестиции, близок,

чтобы догнать Европу. Другие страны БРИКС, в том числе Россия, далеки даже от него.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в стране требуется разработка единого концептуального проекта, увязывающего приоритеты социально-экономического развития и стратегических ориентиров национального экономического развития РФ с изменяющимися геоэкономическими условиями. При этом не следует пренебрегать позитивным опытом периода СССР и СЭВ, когда задачи обеспечения безопасности страны являлись мощнейшим стимулом концентрации различных ресурсов (финансовых, интеллектуальных, производственных). Данный суверенный проект должен представлять комплекс системных стратегических установок на различных уровнях, обеспечивающий повышение роли и значимости России в новой архитектуре геоэкономического миропорядка, участие страны в коллективных стратегиях, реализуемых РФ совместно с другими заинтересованными странами и новыми интеграционными группами, а также отстаивание концептуальных интересов национального развития.

Литература

1. Амин, С. Новая империя? В поисках альтернатив гегемонии глобального капитала / С. Амин // Мир перемен. – 2013. – № 4. – С. 8-12.
2. Архангельский, Ю. Неоиндустриализация: некоторые полемические соображения / Ю. Архангельский // Экономист. – 2014. – № 5. – С. 3.
3. Васильева, Ю. Не яблоком единым... / Ю. Васильева // Российская газета. – 2014. – 21 авг.
4. Вечканов, Г. Демагогия против новой индустриализации, или попытка с негодными средствами / Г. Вечканов // Экономист. – 2014. – № 7. – С. 3.
5. Глобальный мониторинг предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitor, GEM): данные по России. 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mosgarantfund.ru/news/novosti-predprinimatelstva/globalnyu-monitoring-predprinimatelstva-global-ent/> [дата обращения: 12.09.2014].
6. Глухих, П.Л. Социально-экономическое содержание организации предпринимательской деятельности / П.Л. Глухих // Экономика и предпринимательство. – 2013. – Т. 7. – № 1 (30). – С. 248-252.
7. Губанов, С. Неоиндустриализация России и нищета ее саботажной политики / С. Губанов // Экономист. – 2014. – № 4. – С. 3.
8. Заседание Госсовета 18.9.2014 [Электронный ресурс] // Веб-страница Администрации Президента РФ. – Режим доступа: http://state.kremlin.ru/state_council/46636 [дата обращения: 25.9.2014]
9. Китай откроет зону прямого экспорта овощей и фруктов в РФ // Вечерние ведомости. – 2014. – 11 авг.

10. Кочетов, Э.Г. Геоэкономический (глобальный) толковый словарь (Основы высоких геоэкономических технологий современного бизнеса): Сборник стратегических понятий-новелл / Э.Г. Кочетов. – Екатеринбург: ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 2006. – 504 с.
11. Мировая экономика [Текст]: учебник / под ред. проф. А.С. Булатова. – М: Экономистъ, 2004. – 734 с.
12. Послание по национальной безопасности Президента РФ Федеральному собранию от 13 июня 1996 г.
13. Примаков разоблачающий [Электронный ресурс] // Взгляд. – 2014. – 15 янв. – Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2014/1/15/668058.html> [дата обращения: 25.9.2014]
14. Путин: прокладка газопровода до Китая станет самой крупной стройкой мира // Деловой Петербург. – 2014. – 23 мая.
15. Санкт-петербургская декларация лидеров «группы двадцати». Сентябрь, 2013 [Электронный ресурс] // Веб-страница Администрации Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/media/events/files/41d48a73994e28b71688.pdf> [дата обращения: 18.03.2014].
16. Сравнительные оценки развития Камчатского края и северных территорий зарубежных стран / А.Г. Шеломенцев, О.А. Козлова, Т.В. Терентьева, Е.Б. Бедрина // Экономика региона. – 2014. – № 2. – С. 89-103.
17. Andreeva, E.L. Influence of international economic integration on socio-economic development of region / E.L. Andreeva, V.V. Zakharova, A.V. Ratner // Экономика региона. – 2014. – № 3. – С. 90-100.

Andreeva E.L., Glukhikh P.L., Ratner A.V.

National economic interests of Russia in modern geopolitical conditions*

Elena Leonidovna Andreeva – Doctor of Economics, Professor, Center Head, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, office 506, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, elenandr@mail.ru)

Pavel Leonidovich Glukhikh – Ph.D. in Economics, Junior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, office 506, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, Gluchih_P_L@mail.ru)

Artem Vital'evich Ratner — Ph.D. in Economics, Junior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, office 506, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, aratner@inbox.ru)

Abstract. The article considers national economic interests that form the basis of national security (food, raw materials, finance, infrastructure including transport) and set the priorities for the development of economic sectors (industry, scientific and technological development, entrepreneurship, social sector and innovation development). The authors carry out brief analysis for each type of national economic interests and find out how they are reflected in the national documents on socio-economic development and in international documents on economic cooperation with Russia's participation. These interests in the national aspect are reflected in the Concept for long-term socio-economic development, and in the strategies and state programs for development of economic sectors. As for the international economic aspect, the authors consider Russia's contracts with individual countries on trade and/or cooperation, the Agreement on the Eurasian Economic Union, the Declaration and agreements of the BRICS countries, the Program for Trade and Economic cooperation between the SCO countries, and international standards relating to socio-economic ratings and indexes.

The analysis shows that the country requires the development of a unified conceptual project that would link strategic priorities of socio-economic development of the Russian Federation with changing geo-economic conditions. This independent project should represent a set of system strategic guidelines on

* The article was prepared within the framework of the 2014 Program of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences No. 14 "Fundamental issues of regional economy", project No. 12-P-7-1001.

different levels, enhancing the role and increasing the importance of Russia in the new architecture of the geo-economic world order, the country's participation in the joint strategies implemented by the Russian Federation together with other interested countries and new integration groups, and also defending conceptual interests of national development.

Key words: new geo-economic conditions; national socio-economic development spheres; coordination of priorities.

References

1. Amin S. Novaya imperiya? V poiskakh al'ternativ gegemonii global'nogo kapitala [A New Empire? In Search of Alternatives to the Hegemony of Global Capital]. *Mir peremen* [World of Transformations], 2013, no. 4, pp. 8-12.
2. Arkhangel'skii Yu. Neoindustrializatsiya: nekotorye polemicheskie soobrazheniya [Neo-Industrialization: Some Polemical Considerations]. *Ekonomist* [The Economist], 2014, no. 5, p. 3.
3. Vasil'eva Yu. Ne yablokom edinyim... [Not by Apple Alone...]. *Rossiiskaya gazeta* [The Russian Newspaper], 2014, August 21.
4. Vechkanov G. Demagogiya protiv novoi industrializatsii, ili popytka s negodnymi sredstvami [Demagoguery against New Industrialization, or Trying with Bad Means]. *Ekonomist* [The Economist], 2014, no. 7, p. 3.
5. *Global'nyi monitoring predprinimatel'stva: dannye po Rossii. 2013* [Global Entrepreneurship Monitor: the Data on Russia. 2013]. Available at: <http://mosgarantfund.ru/news/novosti-predprinimatelstva/globalnyy-monitoring-predprinimatelstva-global-ent/> [accessed September 12, 2014].
6. Glukhikh P.L. Sotsial'no-ekonomicheskoe sodержanie organizatsii predprinimatel'skoi deyatel'nosti [Socio-Economic Content of Entrepreneurial Activity]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economy and Entrepreneurship], 2013, vol. 7, no. 1 (30), pp. 248-252.
7. Gubanov S. Neoindustrializatsiya Rossii i nishcheta ee sabotazhnoi politiki [Neo-Industrialization of Russia and the Poverty of Its Sabotage Policy]. *Ekonomist* [The Economist], 2014, no. 4, p. 3.
8. Zasedanie Gossoвета 18.9.2014 [Meeting of the State Council]. *Veb-stranitsa Administratsii Prezidenta RF* [Web-Page of the RF President's Administration]. Available at: http://state.kremlin.ru/state_council/46636 [accessed September 25, 2014]
9. Kitai otkroet zonu pryamogo eksporta ovoshchei i fruktov v RF [China Will Open the Zone for Direct Export of Fruit and Vegetables to the Russian Federation]. *Vechernie vedomosti* [The Evening News], 2014, August 11.
10. Kochetov E.G. *Geoekonomicheskii (global'nyi) tolkovyi slovar' (Osnovy vysokikh geo-ekonomicheskikh tekhnologii sovremennogo biznesa): Sbornik strategicheskikh ponyatii-novell* [Geo-Economic (Global) Explanatory Dictionary (Fundamentals of High Geo-Economic Technologies of Modern Business): Collection of Strategic Concepts-Innovations]. Yekaterinburg: OAO "IPP "Ural'skii rabochii", 2006. 504 p.
11. *Mirovaya ekonomika: uchebnik* [The World Economics: Textbook]. Ed. by Professor A.S. Bulatov. Moscow: Ekonomist", 2004. 734 p.
12. *Poslanie po natsional'noi bezopasnosti Prezidenta RF Federal'nomu sobraniyu ot 13 iyunya 1996 g.* [The RF President's Address to the Federal Assembly on the Subject of National Security, June 13, 1996].
13. *Primakov razoblachayushchii* [Primakov Revealing]. *Vzglyad* [View], 2014, January 15. Available at: <http://vz.ru/politics/2014/1/15/668058.html> [accessed September 25, 2014]
14. Putin: prokladka gazoprovoda do Kitaya stanet samoi krupnoi stroikoi mira [Putin: the Installation of a Gas Pipeline to China Will Be the Largest Construction Project in the World]. *Delovoi Peterburg* [Business Peterburg], 2014, May 23.
15. Sankt-peterburgskaya deklaratsiya liderov "gruppy dvadtsati". Sentyabr', 2013 [The Saint Petersburg Declaration of the Leaders of the "Group of Twenty"]. *Veb-stranitsa Administratsii Prezidenta RF* [Web-Page of the RF President's Administration]. Available at: <http://www.kremlin.ru/media/events/files/41d48a73994e28b71688.pdf> [accessed March 18, 2014].
16. Shelomentsev A.G., Kozlova O.A., Terent'eva T.V., Bedrina E.B. Sravnitel'nye otsenki razvitiya Kamchatskogo kraia i severnykh territorii zarubezhnykh stran [Comparative Estimates of Kamchatka Territory Development in the Context of Northern Territories of Foreign Countries]. *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2014, no. 2, pp. 89-103.
17. Andreeva E.L., Zakharova V.V., Ratner A.V. Influence of International Economic Integration on Socio-Economic Development of Region *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2014, no. 3, pp. 90-100.

DOI: 10.15838/esc/2014.6.36.3

УДК 338.24(470.12), ББК 65.050.2(2Рос-4Вол)

© Ускова Т.В., Кожевников С.А.

Управление экономикой региона на основе партнёрского взаимодействия органов власти и бизнес-структур



**Тамара Витальевна
УСКОВА**

доктор экономических наук, заместитель директора, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, tvu@vscc.ac.ru)



**Сергей Александрович
КОЖЕВНИКОВ**

младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, kozh_shaman@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретических и практических аспектов управления экономикой региона на основе взаимодействия органов власти и бизнес-структур. Обосновано, что в условиях хронического дефицита бюджетных средств для достижения стратегических целей развития территории и структурной перестройки отечественной экономики оптимальной формой организации такого взаимодействия является партнёрство, позволяющее повысить заинтересованность сторон в успешных результатах совместной деятельности, привлечь инновационные технологии, значительные объёмы внебюджетных инвестиций в экономику. Кроме того, как свидетельствует мировой опыт, государственно-частное партнёрство является эффективным инструментом устранения инфраструктурных ограничений роста экономики, повышения доступности и качества общественных услуг. В работе показано, что развитие партнёрства власти и бизнеса в настоящее время тормозится ввиду наличия целого ряда проблем и барьеров организационно-правового и финансово-экономического характера. Определены приоритетные направления региональной государственной политики и предложены мероприятия, реализация которых позволит эффективно использовать имеющийся потенциал партнёрства при решении проблем территориального развития.

Ключевые слова: региональная экономика, партнёрское взаимодействие органов власти и бизнес-структур, государственно-частное партнёрство (ГЧП), инвестиции, инфраструктура.

Децентрализация власти и повышение самостоятельности территорий в решении задач социально-экономического развития превращают их в полноправных субъектов экономических отношений, конкурирующих за человеческие, финансовые, инвестиционные и прочие ресурсы. Данные процессы актуализируют задачу поиска путей и новых источников роста региональной экономики, обеспечения высокого качества жизни населения.

В этой ситуации одним из важнейших условий решения поставленных задач является консолидация ограниченных ресурсов на основе развития активного взаимодействия органов власти и бизнес-структур. Сложившаяся мировая практика свидетельствует о том, что эффективной моделью взаимодействия власти и бизнеса является партнёрство, поскольку оно позволяет наиболее полно использовать конкурентные преимущества сторон (государственный и частный секторы), повысить их заинтересованность в успешном достижении результатов совместной деятельности, привлечь значительные внебюджетные средства, инновационные технологии в сферу компетенции государства [3, 5, 12].

Партнёрское взаимодействие характеризуется наличием согласованности и некоего баланса интересов органов власти и бизнес-структур, регламентацией их прав, обязанностей, перекрёстным разделением рисков и солидарной ответственностью. Экономическая природа партнёрства предполагает тесное взаимодействие участников для достижения поставленных целей и выполнение всех принятых ими обязательств. Только в этом случае появляется возможность использования синергетического эффекта, достигаемого в результате

такого сотрудничества за счёт того, что каждая из сторон обладает определенными ресурсами, доступ к которым может быть полезным для партнёра [10, 13, 16].

Таким образом, государственно-частное партнёрство (ГЧП) базируется на использовании конкурентных преимуществ сторон и взаимовыгодном обмене имеющимися у них ресурсами для достижения стратегических целей развития территории (*рис. 1*).

В настоящее время партнёрские отношения власти и бизнеса наиболее активно используются в странах неолиберального блока (США, Великобритания, Ирландия, Австралия) в целях привлечения частного бизнеса к оказанию услуг в сферах, традиционно относящихся к компетенции публичного сектора.

Несомненным лидером по количеству заключённых проектов и масштабам применения соглашений партнёрства является Великобритания. На её долю приходится больше половины проектов ГЧП, реализованных в Европе. Успешному становлению государственно-частного партнёрства способствовала принятая ещё в 1992 году национальная программа по привлечению частных инвестиций в экономику страны, получившая название Частной финансовой инициативы – ЧФИ (Private Finance Initiative, PFI). В рамках ЧФИ в течение 1992–2011 гг. было реализовано 712 соглашений общей стоимостью 54,3 млрд. фунтов стерлингов.

В настоящее время стоимость завершённых совместных проектов в рамках PFI составляет около $\frac{1}{4}$ в общем объёме государственных инвестиций в стране. При этом наиболее приоритетной для реализации ГЧП-проектов является социальная сфера. В образовании и здравоохранении за период действия программы ЧФИ было

Рисунок 1. Структурно-ресурсная модель государственно-частного партнёрства



заключено 262 проекта (что составляет 71% общего числа соглашений партнёрства) [5].

В 2011 году другими крупными ГЧП-рынками Европы были Испания (стоимость проектов партнерства составила 4,3 млрд. евро), Португалия (3,1 млрд. евро), Франция (1,8 млрд. евро) и Бельгия (1,7 млрд. евро) [15]. Большинство реализованных проектов являются соглашениями в транспортной отрасли, здравоохранении, обороне, образовании, сфере телекоммуникаций [1].

Ориентация на развитие партнёрских отношений органов власти и бизнеса, обусловленная огромной потребностью в инвестиционных ресурсах для модернизации экономики, нашла официальное закрепление и в России. В утверждённой

Концепции социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года государственно-частное партнёрство рассматривается в качестве перспективного инструмента инновационного развития ключевых сфер отечественной экономики (энергетика, сельское хозяйство, образование) и повышения качества жизни населения страны.

Использование механизмов партнёрства предусмотрено также в большинстве федеральных, региональных, муниципальных стратегий и программ развития территорий и отраслей.

Государственно-частное партнёрство применяется в основном в инфраструктурных отраслях, испытывающих огромный дефицит инвестиций для функционирования

ния и стабильного развития в долгосрочной перспективе¹:

— транспортная инфраструктура (автомобильные, железные дороги, мосты, трубопроводный транспорт);

— энергетическая и коммунальная инфраструктура (энергосистемы, водо-, тепло-, газоснабжение, водоотведение и объекты утилизации твёрдых бытовых отходов);

— социальная инфраструктура (объекты сферы здравоохранения, образования, культуры, туризма).

Как свидетельствует успешный мировой опыт, партнёрство способствует повышению качества и доступности данных видов инфраструктурных услуг.

Развитие партнёрского взаимодействия является сегодня крайне актуальной задачей для органов власти Вологодской области. Это объясняется огромной потребностью в финансовых средствах для модернизации экономики региона и технологического обновления основных фондов, которые характеризуются достаточно высоким уровнем износа — 41% в 2012 году, при этом полностью изношенными были 12% фондов (рис. 2) [9].

При этом ограниченные бюджетные ресурсы не позволяют кардинально изменить сложившуюся ситуацию. В частности, для полноценной модернизации жилищно-коммунального хозяйства, по оценкам Департамента строительства и ЖКХ Вологодской области, необходимо около 53 млрд. рублей, что сопоставимо с общими расходами консолидированного бюджета региона в 2013 году.

Кроме того, ситуация усугубляется ещё тем, что бюджетная система области характеризуется существенным превышением расходов над доходами. Причём данные процессы усилились после мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. Если в 2008 году консолидированный бюджет Вологодской области был сформирован с профицитом, то в дальнейшем его ежегодный дефицит составлял около 3—7 млрд. руб. (табл. 1).

Дефицит бюджетной системы региона является одной из главных причин нарастания государственного долга, объём которого в течение 2008—2012 гг. увеличился с 1,8 до 29,2 млрд. руб. и составляет более 92% общего объёма его собственных доходов в 2012 году (рис. 3).

Рисунок 2. Уровень износа основных фондов (на конец года), %



¹ Потребность в инвестициях для развития мировой инфраструктуры до 2030 года, по экспертным оценкам, составляет 35 трлн. долл. (A World Economic Forum Global Risk Report 2010 [Text]. — Geneva, 2010. — P.18.).

Таблица 1. Профицит (дефицит (-)) консолидированных бюджетов территорий в 2008–2012 гг., млн. руб.

Территория	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2012 к 2008 г., раз
Вологодская область	273,74	-6516,65	-6824,81	-7460,31	-3153,19	-
СЗФО	-20544,7	-32034,9	-20881,2	-10993,5	-21518,7	1,05
Российская федерация	-48715,9	-328543	-99251,1	-14473,3	-273295	5,61

Источник: данные отчётности об исполнении бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/reports/mb.html>

Рисунок 3. Динамика государственного долга Вологодской области в 2008–2012 гг.



В связи с резким нарастанием долговой нагрузки область неспособна самостоятельно погасить её, и для этих целей требуется привлечение федеральных ресурсов.

Из вышесказанного следует, что потребность региона в ресурсах для модернизации и структурной перестройки экономики, развития производственной и социальной инфраструктуры, с одной стороны, и острый недостаток бюджетных средств для решения этих задач – с другой, актуализируют проблему поиска путей управления экономикой региона на основе партнёрского взаимодействия органов власти и бизнес-структур.

Определённые предпосылки для использования партнёрства в качестве

эффективного инструмента модернизации экономики в регионе существуют. Как свидетельствуют данные рейтинга активности субъектов РФ по развитию и использованию государственно-частного партнёрства, Вологодская область по сравнению с другими регионами страны имеет относительно высокие инвестиционную привлекательность для бизнес-структур и потенциал в части возможности использования механизмов партнёрства при реализации общественно значимых инвестиционных проектов. В 2014 году в этом рейтинге она занимала 18 место среди всех субъектов РФ. Вместе с тем партнёрство органов власти и бизнеса пока не получило широкого распространения в регионе,

и данный потенциал используется не в полной мере.

В настоящее время по инициативе региональных органов власти и при их активной поддержке реализуется лишь несколько крупных пилотных проектов государственно-частного партнёрства (greenfield-проекты: индустриальный парк «Шексна», «Сокол»). На территории индустриального парка «Шексна» сейчас ведут хозяйственную деятельность ООО «Северсталь Трубопрофильный завод—Шексна» (производство замкнутых сварных профилей, объём инвестиций — 4,6 млрд. руб.), биотехнологический завод по утилизации и переработке отходов животноводства и птицеводства ЗАО «НПО Северный Стандарт» (648,9 млн. руб.), завод горячего оцинкования металла (342,8 млн. руб.).

В случае достижения этими предприятиями полной загрузки производственных мощностей количество новых рабочих мест на территории парка составит 5000 чел. (мощность проекта: 2500 тонн в год металлоконструкций; 15 000 — технического жира и мясокостной муки; 2000 — медицинской ваты; 26 400 тонн в год оцинкованных металлоизделий; 40 млн. кв. м в год нетканых материалов). Вместе с тем реализации проекта препятствует множество проблем, в числе которых необходимость привлечения дополнительного финансирования для дальнейшего развития инфраструктурных мощностей парка.

С похожими проблемами сталкивается индустриальный парк «Сокол», на территории которого ведутся проектные работы по строительству фанерного завода ООО «Устьелес», энергетического лесопромышленного кластера «Сокол—Вытегра». Планируемый общий объём инвестиций по данным проектам составит 4,7 млрд. рублей, предполагается создать 800—1000 новых рабочих мест [6].

В целях поддержки развития партнёрских отношений власти и бизнеса в области формируется соответствующее правовое, организационное, институциональное обеспечение.

Так, в 2012 году было создано ОАО «Корпорация развития Вологодской области», основной целью деятельности которого является привлечение частных инвестиций в реализацию общественно значимых инвестиционных проектов в ключевых отраслях экономики региона, с приоритетным использованием при этом механизмов государственно-частного партнёрства.

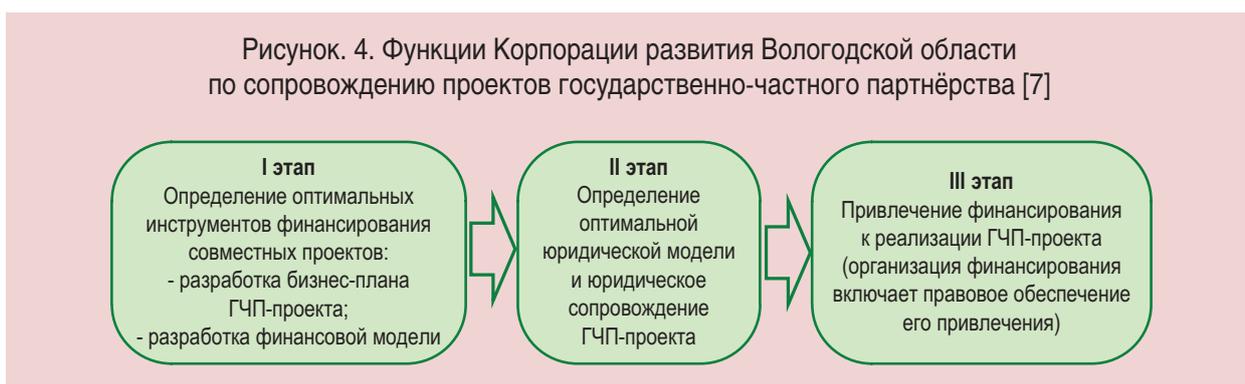
Корпорация может оказывать услуги по сопровождению данных проектов, включающие в себя:

- маркетинг (проведение маркетинговых исследований, разработка маркетинговых планов, информационное сопровождение и реклама);
- бизнес-планирование (разработка и экспертиза бизнес-планов);
- фандрайзинг (поиск и привлечение финансовых ресурсов: кредит, лизинг, факторинг);
- девелопмент (подготовка пакета документов для постановки объекта на кадастровый учёт, получения разрешения на строительство);
- оценочные услуги (проведение оценки недвижимого имущества);
- бухгалтерские и юридические услуги.

Однако основной функцией Корпорации является непосредственное участие в юридическом и финансовом сопровождении ГЧП-проектов (рис. 4).

Для выполнения данных функций на базе Корпорации в 2013 году был создан Центр развития государственно-частного партнёрства, а также региональный Инвестиционный фонд. Основная задача последнего — финансовая поддержка общественно значимых инвестиционных

Рисунок 4. Функции Корпорации развития Вологодской области по сопровождению проектов государственно-частного партнёрства [7]



проектов, реализуемых на территории области с использованием механизмов ГЧП.

К настоящему времени сформирован пул из 60 приоритетных инвестиционных проектов на общую сумму 33,5 млрд. рублей. В случае их успешной реализации количество новых рабочих мест к 2016 году составит 4200 человек, а бюджетный эффект – свыше 117 млн. рублей. В стадии реализации находятся проекты строительства фанерного комбината в Соколе, нескольких котельных, разработки торфяных месторождений, организации комплексной переработки древесных ресурсов, открытия сети ресторанов быстрого обслуживания и сети придорожного сервиса, модернизации Центра заместительной почечной терапии [7].

Вместе с тем активность Корпорации непосредственно в разработке и сопровождении ГЧП-проектов на территории региона можно признать недостаточной. Так, её взаимодействие с органами местного самоуправления осуществляется прежде всего в сфере оказания услуг по консультированию и обучению работников местных органов власти навыкам работы с инвесторами (это отметили 50% глав муниципальных районов, 11% глав городских и 8% – сельских поселений региона), по проведению оценки инвестиционного потенциала территории и приоритетных сфер для привлечения частных инвестиций (44,4% глав районов и 2,7% – сельских поселений; табл. 2).

Значительно меньшее число ответивших на вопросы анкеты указало на опыт непосредственной разработки с участием Корпорации, а также сопровождения реализации на территории их муниципального образования совместных с бизнесом инвестиционных проектов.

Таким образом, большая часть потенциальных ГЧП-проектов в настоящее время находится лишь на стадии разработки и технико-экономического обоснования. Поэтому однозначно говорить об эффективности деятельности данных институтов поддержки партнёрства власти и бизнеса пока не приходится. Это подтверждают и результаты ежегодных опросов глав муниципальных образований Вологодской области, проводимых Институтом социально-экономического развития территорий РАН. Так, в 2013 году на высокую эффективность сотрудничества органов местного самоуправления с Корпорацией развития указали лишь 6% глав муниципальных районов и 2% – сельских поселений региона. При этом больше половины последних оценили эффективность такого сотрудничества как низкую (рис. 5).

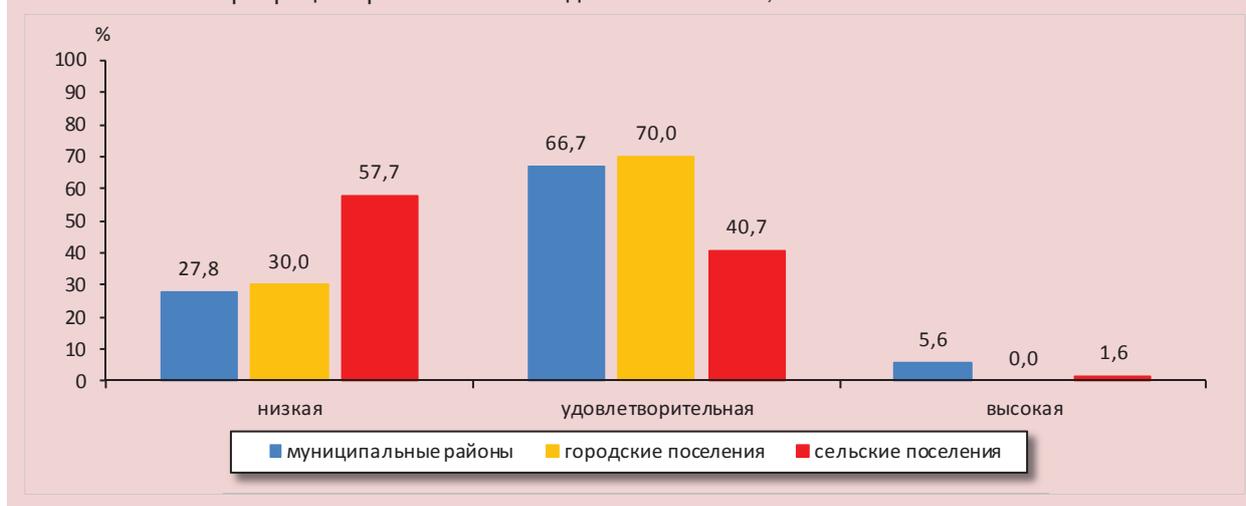
В зарубежных и отечественных исследованиях по данной проблематике отмечается, что сегодня существует множество проблем, ограничивающих возможности эффективного использования потенциала государственно-частного партнёрства при

Таблица 2. Распределение ответов глав муниципальных образований на вопрос: «Какую помощь в инвестиционном развитии Вашего муниципального образования оказала Корпорация развития Вологодской области в 2013 г.?», в % от числа ответивших

Вариант ответа	Муниципальные образования		
	муниципальные районы	городские поселения	сельские поселения
Представителями Корпорации осуществлялось консультирование и/или обучение представителей местных органов власти навыкам работы с инвесторами, взаимодействия с бизнесом	50,0	11,1	8,0
С участием представителей Корпорации проводилась оценка потенциала, конкурентоспособности и перспектив развития муниципалитета, определялись наиболее приоритетные сферы для привлечения инвесторов и т.д.	44,4	0,0	2,7
Осуществлялось сопровождение реализации инвестиционного проекта, разработанного изначально без участия Корпорации	27,8	0,0	2,7
Начата реализация инвестиционного проекта с участием Корпорации (подготовлен бизнес-план, выделен земельный участок, разработана документация по проекту и прочее)	22,2	11,1	2,7
Осуществлена разработка инвестиционного проекта с участием Корпорации	16,7	11,1	2,7
Представителями Корпорации реализовывались маркетинговые мероприятия в отношении муниципального образования	11,1	11,1	2,7

Источник: результаты опроса глав муниципальных образований Вологодской области в 2014 году.

Рисунок 5. Распределение ответов глав муниципальных образований на вопрос: «Как Вы оцениваете эффективность взаимодействия с Корпорацией развития Вологодской области?», в % от числа ответивших



управлении экономикой региона. К числу важнейших из них относится:

— низкий уровень доверия между основными субъектами взаимодействия (органы власти и бизнес);

— стремление хозяйствующих субъектов к индивидуальному взаимодействию с властью, что ведёт к отказу от консолидации их интересов с бизнес-сообществом в целом;

— отсутствие чётко сформулированной органами власти стратегии выстраивания партнёрских отношений с бизнес-структурами;

— несовершенство законодательной базы, регулирующей совместную деятельность органов власти и бизнеса (тендерное, концессионное законодательство и др.);

— наличие механизмов перераспределения ресурсов, которые сохранились от советской экономики и определяют суть административного рынка, а также усложняют процесс выстраивания прозрачных, органичных отношений между властью и бизнесом [2, 4].

Похожие проблемы выявил опрос глав муниципальных образований Вологодской области. Как показали его результаты, в настоящее время существует ряд факторов, ограничивающих развитие партнёрства, в том числе организационно-правовые и финансово-экономические (рис. 6).

Комплекс таких факторов вызван сложностями привлечения финансовых ресурсов для реализации ГЧП-проектов. На неготовность кредитных организаций

финансировать их из-за высокого уровня рисков указали 32% глав муниципальных районов и 17–18% глав поселений области. Аналогичная ситуация складывается и с получением государственной поддержки, без которой данные проекты являются убыточными и непривлекательными для бизнес-структур (это отметили около половины глав сельских и городских поселений).

Другая группа факторов имеет организационно-правовую природу.

1. Несовершенство законодательной базы партнёрства (острый дефицит в подзаконных и правоприменительных актах). В частности, отсутствует федеральный закон о государственно-частном партнёрстве, а региональная нормативно-правовая база носит рамочный характер. Так, в Вологод-

Рисунок 6. Факторы, ограничивающие развитие партнёрского взаимодействия органов власти и бизнес-структур, в % от числа ответивших



ской области приняты закон «Об участии Вологодской области в государственно-частном партнёрстве» от 26 мая 2010 года № 2308-ОЗ (в ред. от 06.10.2013 г. № 3154-ОЗ) и постановление Правительства Вологодской области «О порядке участия органов исполнительной государственной власти области в государственно-частном партнёрстве» от 1 августа 2011 года № 914 (в ред. от 13.10.2014 г. № 904), определяющие лишь общие понятия, формы и механизмы участия органов власти в разработке и реализации совместных проектов.

2. Недостаточность навыков разработки и реализации проектов партнёрства у работников местных органов власти (на это указали 58,3% глав городских и 31% — сельских поселений области).

3. Длительность и сложность процедур согласования ГЧП-проектов (соответственно 17 и 19%).

4. Несогласованность интересов бизнеса со стратегическими ориентирами развития территории (8 и 15%).

В связи с этим приоритетной задачей органов власти должно стать решение вышеперечисленных проблем, устранение имеющихся барьеров и формирование благоприятных условий для развития партнёрских отношений путем реализации комплекса следующих мероприятий.

Во-первых, требуется официальное закрепление стратегических ориентиров деятельности органов власти по развитию партнёрского взаимодействия в разрабатываемых стратегиях и программах, методических рекомендациях, «дорожных картах» развития государственно-частного партнёрства в регионе. Кроме того, необходима интеграция института партнерства в существующие документы программно-целевого планирования и бюджетирования путем закрепления в них конкретных мероприятий по применению и развитию механизмов государственно-частного партнерства.

Во-вторых, налаживание открытого диалога власти и бизнеса по ключевым проблемам развития государственно-частного партнёрства. Основными формами, площадками решения этой актуальной задачи является активизация деятельности в данном направлении существующих бизнес-объединений (торгово-промышленных палат, ассоциаций предпринимателей и т.п.), создание рабочих групп, в состав которых целесообразно включить представителей органов власти, бизнес-структур, институтов гражданского общества и финансово-кредитных организаций. Организация таких форм диалога между сторонами позволит согласовать стратегические ориентиры развития территории и долгосрочные интересы бизнес-структур.

В-третьих, развитие региональной и муниципальной нормативно-правовой базы государственно-частного партнёрства, разработка законодательных актов, регулирующих отношения сторон в рамках различных форм ГЧП². В таких нормативно-правовых актах, принятых в развитие регионального закона о государственно-частном партнёрстве, целесообразно закрепить следующие нормы:

— межведомственное взаимодействие при реализации проектов государственно-частного партнёрства;

— порядок отбора, подготовки и сопровождения ГЧП-проектов, который не должен противоречить федеральному законодательству.

В-четвёртых, разработка механизма стимулирования участия частных инвесторов в реализации ГЧП-проектов. Целесообразно использовать как финансовые инструменты поддержки бизнес-структур (предоставление налоговых льгот, компенсация расходов хозяйствующих субъектов

² По состоянию на июнь 2014 г. региональные законы о ГЧП приняты в 69 субъектах РФ, однако они носят лишь рамочный характер.

на подключение к инженерным сетям, прямое софинансирование проектов, содействие в получении залогов, займов, выступление в качестве их гаранта), так и инструменты нефинансового характера (оказание на безвозмездной основе консультационных услуг потенциальным частным партнёрам, обеспечение их свободного доступа к информации о реализованных ГЧП-проектах и др.).

И наконец, предлагаемый инструментарий поддержки партнерских отношений органов власти и бизнес-структур должен

быть адаптирован к территориальным и отраслевым особенностям его применения.

На наш взгляд, реализация данных мероприятий будет способствовать развитию партнёрского взаимодействия органов власти и бизнес-структур и превращению его в эффективный инструмент управления экономикой региона, устранению инфраструктурных ограничений ее роста, расширению спектра, повышению доступности (физической и экономической) общественных услуг и в конечном итоге — повышению качества жизни населения территории.

Литература

1. Айрапетян, М.С. Зарубежный опыт использования государственно-частного партнёрства [Электронный ресурс] / М.С. Айрапетян // Информационно-аналитические материалы Государственной Думы: аналитическая записка. — 2008. — Режим доступа: — URL: <http://pda.iam.duma.gov.ru/node/3/4669>
2. Барьеры развития механизма ГЧП в России [Электронный ресурс]. — М.: НПФ «Экспертный институт», 2010. — 32 с. — Режим доступа: http://www.exin.ru.PPP-Results_24_11_2010_Fin_1.pdf.
3. Варнавский, В.Г. Партнёрство государства и частного сектора: формы, проекты, риски [Текст] / В.Г. Варнавский. — М.: Наука, 2005. — 315 с.
4. Габдуллина, Э.И. Современные формы взаимодействия власти и бизнеса в регионе [Текст] / Э.И. Габдуллина // Казанская наука. — Казань: Казанский издательский дом, 2012. — № 2. — С. 60-65.
5. Кожевников, С.А. Институциональные и экономические основы государственно-частного партнёрства [Текст] / С.А. Кожевников // Дискуссия. — 2013. — № 10 (40). — С. 83-88.
6. Мониторинг хода реализации приоритетных инвестиционных проектов федеральных округов по состоянию на 1 июля 2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.minregion.ru/Priorit_invest/Monitorin_invest/
7. Официальный сайт ОАО «Корпорация развития Вологодской области». — Режим доступа: www.invest35.ru
8. Повышение эффективности управления социально-экономическим развитием муниципальных образований [Текст]: отчет о НИР / Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, А.Н. Чекавинский, С.А. Кожевников. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. — 181 с. — Инв. № 02201454078.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013 [Текст]: стат. сб. / Росстат. — М., 2013. — 990 с.
10. Сазонов, В.Е. Государственно-частное партнёрство: гражданско-правовые, административно-правовые и финансово-правовые аспекты [Текст]: монография / В.Е. Сазонов. — М.: Российский университет дружбы народов, 2012. — 492 с.
11. Социально-экономические проблемы локальных территорий [Текст]: монография / Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, Е.А. Гутникова, С.А. Кожевников. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. — 196 с.
12. Татаркин, А.И. Партнёрство власти и бизнеса в реализации стратегий развития территорий [Текст] / А.И. Татаркин, Д.А. Татаркин, Е.Н. Сидорова // Экономика региона. — 2008. — № 4. — С. 18-30.
13. Ускова, Т.В. Частно-государственное партнёрство как механизм модернизации экономики территорий: теоретико-методологические основы [Текст] / Т.В. Ускова // Проблемы развития территорий. — 2013. — № 3 (65). — С. 7-16.
14. A World Economic Forum Global Risk Report 2010 [Text]. — Geneva, 2010. — P. 18.
15. McKenzie, D. PFI in the UK & PPP in Europe / TheCityUK, February 2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.thecityuk.com/research/our-work/reports-list/?start=40>.
16. Uskova, T. Public-private partnership as a mechanism of economic modernization [Text] / T. Uskova // Vykonst' pobnyky. — 2012. — № 2 — P. 107-113.

Uskova T.V., Kozhevnikov S.A.

Management of the regional economy on the basis of partnership interaction between the authorities and business structures

Tamara Vital'evna Uskova – Doctor of Economics, Deputy Director for Science, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, tvu@vscc.ac.ru)

Sergei Aleksandrovich Kozhevnikov – Junior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, kozh_shaman@mail.ru)

Abstract. The article studies the theoretical and practical aspects of the management of the region's economy on the basis of interaction between the authorities and business structures. The authors prove that partnership is an optimal form of such interaction under the conditions of chronic budget deficit. Partnership facilitates the achievement of strategic goals of the territory's development and structural adjustment of domestic economy; it also enhances the interest of the parties in achieving successful results of cooperation, and helps attract innovation technology and significant extra-budgetary investments in the economy. In addition, as world experience shows, public-private partnership is an effective tool to remove infrastructure constraints to economic growth, to improve the availability and quality of public services. The article shows that at present the development of partnership between the government and business is hindered by a number of organizational, legal and financial-economic problems and barriers. The authors identify priority directions for regional public policy and propose several measures to use the available potential of cooperation for dealing with territorial development issues.

Key words: regional economy, partnership cooperation between the authorities and business structures, public-private partnership (PPP), investments, infrastructure.

References

1. Airapetyan M.S. Zarubezhnyi opyt ispol'zovaniya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Foreign Experience in the Use of Public-Private Partnership]. *Informatsionno-analiticheskie materialy Gosudarstvennoi Dumi: analiticheskaya zapiska* [Information-Analytical Materials of the State Duma: an Analytical Note]. 2008. Available at: <http://pda.iam.duma.gov.ru/node/3/4669>
2. *Bar'ery razvitiya mekhanizma GChP v Rossii* [Barriers to the Development of PPP in Russia]. Moscow: NPF "Ekspertnyi institut", 2010. 32 p. Available at: http://www.exin.ru/PPP-Results_24_11_2010_Fin_1.pdf.
3. Varnavskii V.G. *Partnerstvo gosudarstva i chastnogo sektora: formy, proekty, riski* [Partnership between the State and the Private Sector: Forms, Projects, Risks]. Moscow: Nauka, 2005. 315 p.
4. Gabdullina E.I. Sovremennye formy vzaimodeistviya vlasti i biznesa v regione [Modern Forms of Interaction between Government and Business in the Region]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 2012, no. 2, pp. 60-65.
5. Kozhevnikov S.A. Institutsional'nye i ekonomicheskie osnovy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Institutional and Economic Foundations of Public-Private Partnership]. *Diskussiya* [Discussion], 2013, no. 10 (40), pp. 83-88.
6. *Monitoring khoda realizatsii prioritetnykh investitsionnykh proektov federal'nykh okrugov po sostoyaniyu na 1 iyulya 2014g.* [Monitoring of the Progress of Implementation of Priority Investment Projects in Federal Districts as of July 1, 2014]. Available at: http://www.minregion.ru/Priorit_invest/Monitorin_invest/
7. *Ofitsial'nyi sait OAO "Korporatsiya razvitiya Vologodskoi oblasti"* [Official Website of OJSC "Corporation of Development for the Vologda Region"]. Available at: www.invest35.ru
8. Uskova T.V., Voroshilov N.V., Chekavinskii A.N., Kozhevnikov S.A. *Povyshenie effektivnosti upravleniya sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem munitsipal'nykh obrazovaniy: otchet o NIR* [Enhancement of the Efficiency of Management of Socio-Economic Development in Municipal Formations: Research Report]. Vologda: ISERT RAN, 2013.

9. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2013: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2013: Statistical Collection]. Rosstat. Moscow, 2013. 990 p.
10. Sazonov V.E. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: grazhdansko-pravovye, administrativno-pravovye i finansovo-pravovye aspekty: monografiya* [Public-Private Partnership: Civil, Administrative-Legal and Financial-Legal Aspects: Monograph]. Moscow: Rossiiskii universitet druzhby narodov, 2012. 492 p.
11. Uskova T.V., Voroshilov N.V., Gutnikova E.A., Kozhevnikov S.A. *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy lokal'nykh territorii: monografiya* [Socio-Economic Issues of Local Territories: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2013. 196 p.
12. Tatarkin A.I., Tatarkin D.A., Sidorova E.N. Partnerstvo vlasti i biznesa v realizatsii strategii razvitiya territorii [Partnership of the Power and Business in Realization of Strategy of Development of Territories]. *Ekonomika regiona* [Regional Economics], 2008, no. 4, pp. 18-30.
13. Uskova T.V. Chastno-gosudarstvennoe partnerstvo kak mekhanizm modernizatsii ekonomiki territorii: teoretiko-metodologicheskie osnovy [Public-Private Partnership as the Mechanism of the Territories Economic Modernization: Theoretical and Methodological Foundations]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], 2013, no. 3 (65), pp. 7-16.
14. *A World Economic Forum Global Risk Report 2010*. Geneva, 2010. P. 18.
15. McKenzie D. PFI in the UK & PPP in Europe. *TheCityUK*, February 2012. Available at: <http://www.thecityuk.com/research/our-work/reports-list/?start=40>.
16. Uskova T. Public-Private Partnership as a Mechanism of Economic Modernization. *Vykonnst' pobniki*, 2012, no. 2, pp. 107-113.

Инвестиционная и торговая привлекательность как факторы экономического развития регионов



**Дмитрий Алексеевич
ГРИГОРЬЕВ**

аспирант, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Сибирский федеральный университет (660075, г. Красноярск, ул. Л. Прушинской, д. 2, dima@grigorev.com)



**Юлия Юрьевна
СУСЛОВА**

доктор экономических наук, доцент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Сибирский федеральный университет (660075, г. Красноярск, ул. Л. Прушинской, д. 2, JSuslova@sfu-kras.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются оценочные показатели инвестиционной и торговой привлекательности регионов Сибирского федерального округа, последствия мирового финансового кризиса 2008 г. и наметившиеся тренды экономического развития. Инвестиционная привлекательность территории определяется совокупностью показателей её социально-экономического развития. Уровень инвестиционной привлекательности является важнейшим условием инвестиционной деятельности, способствует повышению качества жизни населения.

В работе выделяется ряд факторов, определяющих уровень развития инфраструктуры, формирования благоприятного делового климата в предпринимательской среде.

Подробно анализируются темпы роста и объемы инвестиций в основной капитал, являющиеся основными оценочными индикаторами инвестиционной привлекательности. Привлечение инвестиций способствует и развитию торговых отношений, сферы услуг, социальной сферы.

Анализ торговой привлекательности, проводимый в исследованиях, позволяет ранжировать регионы СФО по индексам торговой привлекательности, что в условиях высокой конкуренции позволит максимально эффективно использовать имеющиеся ресурсы и рассматривать проекты, повышающие привлекательность субъектов хозяйствования.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность; отток капитала; торговая привлекательность; национальные факторы; предпринимательская среда; деловой климат; конкуренция.

Исторически экономика являлась одним из столпов существования общества. Благодаря достижениям экономической мысли человечество имеет столь выдающиеся достижения в области инженерии, производства, технологий. Немаловажный вклад экономика внесла и в развитие социальной и духовной составляющих развития общества. Экономика как динамическая система со временем претерпевает характерные изменения: образование новых форм и способов взаимодействия субъектов экономических отношений требует усовершенствования существующих теоретических положений и законов.

Несмотря на то что экономические системы с течением времени становятся все надежнее и совершеннее, за последние 100 лет произошел не один экономический кризис, что позволяет с определенной уверенностью признать факт существования цикличности в контексте развития экономических систем.

Мировой финансовый кризис 2008 года продемонстрировал, насколько неустойчивы и уязвимы казавшиеся безупречными экономические системы ведущих государств мира. Длительная рецессия и далее стагнация во многих странах обернулись закономерным снижением уровня промышленного производства, что привело к катастрофическому росту безработицы и неконтролируемому росту дефицита бюджетов.

Хотя Россия в отличие от многих стран испытала последствия кризиса в меньшей степени, это не позволяет с уверенностью говорить о несокрушимости экономической системы страны. Наметившиеся тренды замедления экономического роста и ослабления курса российского рубля свидетельствуют о формировании негативных системных тенденций.

В течение 2008–2013 годов, по данным ЦБ РФ, ежегодно отмечался вывоз капитала из России, что суммарно за рассма-

триваемый период составило порядка 400 миллиардов долларов США, и это однозначно свидетельствует о низкой инвестиционной привлекательности российского рынка [10].

Не допустить ухудшения ситуации предлагается за счет улучшения инвестиционной и торговой привлекательности регионов. Именно рассмотрение вопросов оценки и влияния указанных характеристик является основной целью настоящей статьи.

Её авторами инвестиционная привлекательность страны или региона исследуется как совокупность экономических показателей, показателей политического, социального, законодательного развития. Инвестиционная привлекательность определяет направление движения финансового, интеллектуального и человеческого капиталов: в страну или за ее пределы. Данный подход близок к определению, предложенному Л.С. Валинуровой и О.Б. Казаковой [5, с. 35]: «Инвестиционная привлекательность – это совокупность различных объективных признаков, свойств, средств, возможностей экономической системы, обуславливающих потенциальный платежеспособный спрос на инвестиции». В работах отечественных экономистов встречаются различные трактовки рассматриваемого понятия.

Так, И.Б. Максимов [8, с. 14] считает, что инвестиционная привлекательность (или непривлекательность) – субъективная оценка инвестором страны, региона или предприятия по поводу принятия решения о вложении своих средств, соответственно, в страну, регион или предприятие. Н.В. Киселева [7, с. 382] под инвестиционной привлекательностью понимает «интегральную характеристику отдельных предприятий, отраслей, регионов, стран в целом с позиций перспективности развития, доходности инвестиций и уровня инвестиционных рисков».

В свою очередь, в современной экономической науке вопрос торговой привлекательности является практически не изученным, отсутствует устойчивое понимание сути данной характеристики. В настоящей статье автором предложено свое видение торговой привлекательности региона как экономической категории.

Одной из главных задач в Послании Президента РФ 2013 года [12] Владимир Путин обозначил проведение политики улучшения делового и инвестиционного климата как необходимых элементов комплексного экономического и социально-политического развития страны. Но для реализации поставленных выше задач наиболее эффективным способом является детальный анализ состояния каждого отдельного региона в федеральных округах как составных частей единого экономического пространства Российской Федерации и осуществление инновационных, преимущественно несырьевых проектов.

Для России и Сибирского федерального округа, в частности, будет крайне сложно привлечь серьезные инвестиции в несырьевые отрасли и проекты. С точки зрения инвестиционной емкости сырьевые отрасли более привлекательны, но возврат инвестиций и получение дивидендов откладывается на продолжительный срок ввиду специфики реализации соответствующих проектов. При этом во всем мире широко распространена практика инвестиций в проекты, связанные с развитием потребительского рынка, определяемые не только прочими факторами, но и торговой привлекательностью.

Одна из задач, актуальных для современного общества, состоит в создании благоприятных условий для стимулирования экономического роста, повышения качества жизни населения. Достижение поставленной задачи возможно за счет привлечения капитала в реальный сектор

экономики. Торговая привлекательность как совокупный показатель позволяет оценить перспективы инвестирования в розничную торговлю региона.

В данной статье рассмотрены регионы, входящие в состав Сибирского федерального округа, проанализирован ряд факторов, определяющих инвестиционную и торговую привлекательность, а также рассчитаны и сопоставлены индексы инвестиционной и торговой привлекательности регионов.

В современных условиях привлечение инвестиций в реальный сектор экономики обеспечивает развитие производств, создает условия для научной и инновационной деятельности, снижает вероятность социальной напряженности. Для того чтобы обеспечить существенный рывок в производственной сфере, чтобы поднять на новый уровень образование, здравоохранение, науку, необходимо сформировать благоприятный климат для долгосрочных инвестиций.

Выбор показателей, использованных при расчете индексов, основан на материалах статьи доктора экономических наук Ю.Л. Александрова [3]. При этом методика, опубликованная в «Коммерсанте» [9], была изменена и представлена как экспериментальная версия, в соответствии с пониманием торговой и инвестиционной привлекательности автором настоящей статьи. Приведенные ниже методики позволяют без использования специальных экономико-математических инструментов провести предварительный сравнительный анализ торговой и инвестиционной привлекательности регионов. Результаты подобного анализа могут быть использованы как государственными непрофильными органами, так и коммерческими структурами в качестве первоначального этапа определения перспективных рынков инвестирования.

Расчет индекса инвестиционной привлекательности региона производится на основе следующих показателей: соотношения объема промышленного производства (ОПп) и числа предприятий и организаций (Чп), численности экономически активного населения и инвестиций в основной капитал на душу населения (ИОк).

Формула расчета индекса инвестиционной привлекательности (ИП):

$$\text{ИП} = \sqrt{\frac{\text{ЧЭан}}{\text{ИОк}} \times \frac{\text{ОПп}}{\text{Чп}}}$$

По результатам анализа инвестиционной привлекательности регионов Сибирского федерального округа стоит отметить лидерство Красноярского края по таким показателям, как численность экономически активного населения (1513 тыс. чел.), объем промышленного производства (983 862 млн. руб.), инвестиции в основной капитал на душу населения (132 313 руб.) (табл. 1). Данные показатели достигнуты за счет проводимых в последние годы в регионе мероприятий по улучшению

инвестиционного климата. Вместе с тем самый высокий индекс инвестиционной привлекательности имеет Кемеровская область. На основании анализа данных за 2012 год можно прийти к заключению, что наиболее привлекательными для инвестирования среди регионов СФО являются: Кемеровская область (ИП = 16,3), Омская область (ИП = 16,0), Иркутская область (ИП = 13,4).

В то время как инвестиционная привлекательность служит характеристикой, позволяющей проводить анализ на уровне региона в целом, торговая привлекательность формирует представление о торговой составляющей региональной экономики. Для наиболее эффективного анализа рекомендуется использование обоих индексов.

Расчет индекса торговой привлекательности производится на основе следующих показателей: отношения численности экономически активного населения (ЧЭан) и оборота розничной торговли на душу населения (ОРт), среднедушевого дохода населения в месяц (Д) и прожиточного минимума на душу населения в месяц (Пмин).

Таблица 1. Показатели, характеризующие инвестиционную привлекательность регионов Сибирского федерального округа (по состоянию на 01.01.2013) [11]

Субъект Сибирского федерального округа	Численность экономически активного населения (ЧЭан)		Факторы, формирующие инвестиционную привлекательность						Индекс инвестиционной привлекательности (ИП)
			Число предприятий и организаций (Чп)		Объем промышленного производства (ОПп)		Инвестиции в основной капитал на душу населения (ИОк)		
	Чел.	Ранг	Ед.	Ранг	Млн. руб.	Ранг	Руб.	Ранг	
Республика Алтай	99 000	12	7772	11	3923	12	43 118	9	1,1
Республика Бурятия	462 000	9	18 733	8	78 591	10	42 239	10	6,8
Республика Тыва	120 000	11	3774	12	7241	11	35 464	11	2,5
Республика Хакасия	261 000	10	10 942	10	116 693	8	71 592	4	6,2
Алтайский край	1 195 000	5	53 684	4	240 583	7	34 888	12	12,4
Красноярский край	1 513 000	1	72 659	2	983 862	1	132 313	1	12,4
Иркутская область	1 246 000	4	62 285	3	582 533	4	64 572	5	13,4
Кемеровская область	1 401 000	3	51 953	5	944 350	2	96 278	3	16,3
Новосибирская область	1 441 000	2	144 327	1	367 641	5	60 024	6	7,8
Омская область	1 049 000	6	48 623	6	649 505	3	54 989	7	16,0
Томская область	494 000	8	34 987	7	288 369	6	101 725	2	6,3
Забайкальский край	532 000	7	16 145	9	86 574	9	52 975	8	7,3

Формула расчета индекса торговой привлекательности (ТП):

$$ТП = \sqrt{\frac{ЧЭ_{ан}}{ОР_{т}} \times \frac{Д}{П_{мин}}}$$

На основе расчета индекса торговой привлекательности регионов Сибирского федерального округа выявлено, что лидерами являются: Кемеровская область (ТП = 6,3), Иркутская область (ТП = 5,7) (табл. 2). Красноярский край и Новосибирская область разделили третье место по данному показателю (ТП = 5,4). Несмотря на это, по всем показателям, характеризующим торговую привлекательность, Красноярский край занимает 1 место (в данной ситуации третье место по показателю ТП объясняется спецификой соотношений показателей, входящих в состав ТП). Важно отметить, что уровня среднедушевого дохода в месяц, превышающего 20 тыс. руб., смогли достичь лишь Красноярский край и Новосибирская область. Эти же регионы показали схожие результаты по обороту розничной торговли на душу населения (149 и 147 тысяч рублей соответственно).

Анализ показал, что, хотя несомненными локомотивами торговли в Сибирском федеральном округе являются Красноярский край и Новосибирская область, высоким потенциалом обладают Кемеровская и Иркутская области, поэтому правильная политика в развитии данного направления позволит в будущем рассчитывать на высокие показатели экономического роста.

Как было сказано выше, использованные формулы носят экспериментальный характер. Ограниченность рассматриваемых показателей при расчете индексов определенно ведет к неточности результатов за счет пропуска факторов, возможно, имеющих высокое влияние на исследуемые индексы привлекательности. В то же время данный подход отражает принцип простоты использования средств анализа.

Проведенный анализ позволяет сформировать определенную картину и определить положение Красноярского края с точки зрения торговой и инвестиционной привлекательности. Программы развития потребительского рынка, принимаемые как на уровне субъекта федерации, так и на

Таблица 2. Показатели, характеризующие торговую привлекательность регионов Сибирского федерального округа (по состоянию на 01.01.2013) [11]

Субъект Сибирского федерального округа	Численность экономически активного населения (ЧЭан)		Показатели, характеризующие торговую привлекательность						Индекс торговой привлекательности (ТП)
			Среднедушевой доход населения в месяц (Д)		Прожиточный минимум на душу населения (Пмин)		Оборот розничной торговли на душу населения (ОРт)		
	Чел.	Ранг	Руб.	Ранг	Руб.	Ранг	Руб.	Ранг	
Республика Алтай	99000	12	14277,7	10	6505	7	75583	11	1,7
Республика Бурятия	462000	9	17119	8	6766	5	116893	4	3,2
Республика Тыва	120000	11	11932,6	12	6462	8	48949	12	2,1
Республика Хакасия	261000	10	15991,4	9	6405	9	106164	6	2,5
Алтайский край	1195000	5	13628,9	11	6257	10	105754	8	5,0
Красноярский край	1513000	1	22137,6	1	7715	1	149112	1	5,4
Иркутская область	1246000	4	17720,3	6	6557	6	103165	9	5,7
Кемеровская область	1401000	3	18385,5	4	5698	12	115686	5	6,3
Новосибирская область	1441000	2	20637,1	2	6989	3	147816	2	5,4
Омская область	1049000	6	19468,8	3	5773	11	133668	3	5,1
Томская область	494000	8	17875,6	5	7077	2	99139	10	3,5
Забайкальский край	532000	7	17335,6	7	6784	4	105860	7	3,6

уровне города Красноярск, в ближайшем будущем должны способствовать увеличению экономически активного населения и росту экономических показателей региона. Позиционирование Красноярского края как инновационного центра, способного создавать новые высокотехнологичные производства, не ориентированные исключительно на сырьевые отрасли, а также развитие социальной сферы позволит региону рассчитывать на привлечение инвестиций,

в том числе и иностранных, в различные сектора экономики.

В условиях высокой конкуренции Красноярскому краю необходимо максимально эффективно использовать имеющиеся ресурсы и разрабатывать стратегические проекты, способные в корне изменить его экономическое положение как ресурсного региона, что позволит ему повысить свою торговую и инвестиционную привлекательность.

Литература

1. Авдашева, С.Б. Анализ структур товарных рынков / С.Б. Авдашева, Н.М. Розанова. – М.: МГУ, ТЕИС, 1999. – 176 с.
2. Авдашева, С.Б. Теория организации отраслевых рынков / С.Б. Авдашева, Н.М. Розанова. – М.: ИЧП «Издательство “Магистр”», 1998. – 320 с.
3. Александров, Ю.Л. Торговая привлекательность – основа для инвестиций / Ю.Л. Александров, В.А. Рычков // Евразийский международный научно-аналитический журнал «Проблемы современной экономики». – 2004. – № 4 (12).
4. Асаул, А.Н. Инвестиционная привлекательность региона / А.Н. Асаул, Н.И. Пасяда. – СПб.: Изд-во СПбГАСУ, 2008.
5. Инвестирование: учебник для вузов / Л.С. Валинурова, О.Б. Казакова. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 448 с.
6. Ильина, С.А. Сущность категории «инвестиционный климат» и категории «инвестиционная привлекательность» / С.А. Ильина // Молодой ученый. – 2012. – № 5. – С. 153-157.
7. Инвестиционная деятельность: учебное пособие / Н.В. Киселева, Т.В. Боровикова, Г.В. Захарова и др.; под ред. Г.П. Подшиваленко и Н.В. Киселевой. – 2-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2006 – 432 с.
8. Инвестиционный климат: методика оценки: учебное пособие / И.Б. Максимов. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. – 132 с.
9. Канунников, С. Торговая карта России / С. Канунников // Коммерсант. – 2004. – № 85 – С. 9.
10. Центральный Банк Российской Федерации. Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором в 2005–2013 годах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital_new.htm&pid=svs&sid=itm_18710
11. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: www.gks.ru
12. Послание Президента Федеральному Собранию 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kremlin.ru/news/19825

Grigor'ev D.A., Suslova Y.Y.

Investment and trade attractiveness as the factors in economic development of the regions

Dmitrii Alekseevich Grigor'ev – Postgraduate Student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education “Siberian Federal University” (2, L. Prushinskaya Street, Krasnoyarsk, 660075, Russian Federation, dima@grigorev.com)

Yuliya Yur'evna Suslova – Doctor of Economics, Associate Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education “Siberian Federal University” (2, L. Prushinskaya Street, Krasnoyarsk, 660075, Russian Federation, JSuslova@sfu-kras.ru)

Abstract. The article discusses performance indicators of trade and investment attractiveness of the regions that comprise the Siberian Federal District; it also considers the consequences of the 2008 global financial crisis and the emerging trends of economic development. Investment attractiveness of the territory is defined by a set of its socio-economic development indicators. The level of investment attractiveness is the most important condition for investment activities and it promotes the quality of life.

The authors identify a number of factors that determine the level of infrastructure development and the formation of favorable business climate in the business environment.

The article provides a detailed analysis of the growth rates and the volume of investment in fixed capital, which are the main evaluation indicators of investment attractiveness. The attraction of investment contributes to the development of trade relations, services and social sphere.

The analysis of trade attractiveness makes it possible to rank the regions of the Siberian Federal District according to the indices of trade attractiveness, which will enable to use available resources most efficiently under the conditions of tough competition and to consider projects that enhance the attractiveness of business entities.

Key words: investment attractiveness; outflow of capital; trade attractiveness; national factors; business environment; business climate; competition.

References

1. Avdasheva S.B., Rozanova N.M. *Analiz struktur tovarnykh rynkov* [Analysis of the Structures of Commodity Markets]. Moscow: MGU, TEIS, 1999. 176 p.
2. Avdasheva S.B., Rozanova N.M. *Teoriya organizatsii otraslevykh rynkov* [Theory of Organization of Industrial Markets]. Moscow: IChP “Izdatel'stvo “Magistr”, 1998. 320 p.
3. Aleksandrov Yu.L., Rychkov V.A. Torgovaya privlekatel'nost' – osnova dlya investitsii [Trade Attractiveness – the Basis for Investment]. *Evraziiskii mezhdunarodnyi nauchno-analiticheskii zhurnal “Problemy sovremennoi ekonomiki”* [Eurasian International Scientific-Analytical Edition “Problems of Modern Economics”], 2004, no. 4 (12).
4. Asaul A.N. Pasyada N.I. *Investitsionnaya privlekatel'nost' regiona* [Investment Attractiveness of the Region]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGASU, 2008.
5. Valinurova L.S., Kazakova O.B. *Investirovanie: uchebnik dlya vuzov* [Investing: Textbook for High Schools]. Moscow: Volters Kluver, 2010. 448 p.
6. P'ina S.A. Sushchnost' kategorii “investitsionnyi klimat” i kategorii “investitsionnaya privlekatel'nost'” [The Essence of the Category “Investment Climate” and the Category “Investment Attractiveness”]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2012, no. 5, pp. 153-157.
7. Kiseleva N.V., Borovikova T.V., Zakharova G.V. et al. *Investitsionnaya deyatel'nost': uchebnoe posobie* [Investment Activity: Textbook]. Ed. by G.P. Podshivalenko and N.V. Kiseleva. 2nd edition, reprint. Moscow: KNORUS, 2006. 432 p.
8. Maksimov I.B. *Investitsionnyi klimat: metodika otsenki: uchebnoe posobie* [Investment Climate: Assessment Methods: Textbook]. Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2002. 132 p.
9. Kanunnikov S. Torgovaya karta Rossii [Trade Map of Russia]. *Kommersant* [Businessman], 2004. – № 85 – S. 9.
10. *Tsentral'nyi Bank Rossiiskoi Federatsii. Chisty vvoz/vyvoz kapitala chastnym sektorom v 2005–2013 godakh* [Central Bank of The Russian Federation. Net Import/Export of Capital by the Private Sector in 2005–2013]. Available at: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital_new.htm&pid=svs&sid=itm_18710
11. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Official Website of the Federal State Statistics Service]. Available at: www.gks.ru
12. *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 2013* [2013 Presidential Address to the Federal Assembly]. Available at: www.kremlin.ru/news/19825

DOI: 10.15838/esc/2014.6.36.5

УДК 332.1 (470.12), ББК 65.050.23 (2Рос – 4Вол)

© Ворошилов Н.В., Губанова Е.С.

Оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области



**Николай Владимирович
ВОРОШИЛОВ**

младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, niks789@yandex.ru)



**Елена Сергеевна
ГУБАНОВА**

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов и кредита, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Вологодский государственный университет (160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, gubanova_elena@mail.ru)

Аннотация. Социально-экономическое развитие регионов во многом зависит от состояния экономики и социальной сферы входящих в его состав муниципальных образований, поскольку именно на этом уровне власти осуществляется предоставление основных услуг населению, обеспечение комфортных условий проживания, что определяет рост уровня и качества жизни. В условиях усиления дифференциации социально-экономического развития территорий особую актуальность приобретает выявление и исследование групп (типов) территорий со сходными факторами, условиями, параметрами развития в целях реализации специфических мер региональной политики. В статье предложена и апробирована методика сравнительного анализа, в которой использованы различные приёмы стандартизации показателей, что позволило оценить уровень социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов Вологодской области и выделить 5 типов территорий на основе расчёта интегрального показателя, агрегирующего 18 исходных статистических индикаторов. Показано, что наиболее высокий уровень социально-экономического развития характерен для городов Вологды и Череповца и

прилегающих к ним районов, а с удалением от областного центра он снижается. Типологизация муниципальных образований позволила предложить основные направления и инструменты региональной политики для территорий с разным уровнем развития.

Ключевые слова: Вологодская область, муниципальное образование, муниципальный район, городской округ, уровень социально-экономического развития, территориальная дифференциация, группировка, типологизация территорий.

Одной из важнейших задач управления развитием региона является преодоление неравномерности социально-экономического развития входящих в его состав муниципальных образований.

Объективное неравенство ресурсов, условий и возможностей развития различных территориальных образований приводит к территориальной дифференциации, то есть к существенным различиям по основным параметрам социально-экономического развития субъектов РФ и муниципальных образований. Значительная неравномерность развития обуславливает весьма заметное неравенство в уровне жизни населения, его миграцию в более благоприятные территории, «угасание» развития и «вымирание» целых населённых пунктов.

Подобным проблемным территориям требуются специальные меры поддержки со стороны государства и органов местного самоуправления.

Исследование социально-экономических процессов позволило установить, что дифференциация регионов России является одной из самых высоких среди большинства стран мира и, как можно отметить, при переходе с регионального на местный уровень становится более значительной. Не является исключением и Вологодская область, в которой на 1 января 2014 г. насчитывалось 283 муниципальных образования, в том числе 2 городских округа (Вологда и Череповец), 26 муниципальных районов, 22 городских и 233 сельских поселения. В *таблице 1*

Таблица 1. Соотношение максимального и минимального значений показателей среди муниципальных районов Вологодской области, раз

Показатель	Год						
	1991	1996	2001	2006	2011	2012	2013
Объём производства промышленной продукции на 1 жителя	29,9	40,6	78,8	47,7	537,3	366,2	733,5
Объём производства сельскохозяйственной продукции на 1 жителя	10,1	10,1	9,7	20,1	19,6	19,6	19,1
Объём инвестиций в основной капитал на 1 жителя	2,5	14,7	26,8	35,3	22,2	83,8	160,4
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	1,3	2,2	2,0	1,5	2,1	2,9	1,9
Оборот розничной торговли на 1 жителя	1,3	3,0	2,8	2,5	1,7	1,8	1,9
Обеспеченность населения врачами на 10 000 населения	2,8	2,8	3,6	3,5	3,4	3,4	3,0
Обеспеченность населения жильём, кв. м на 1 жителя	1,5	1,5	1,4	1,8	1,6	1,6	1,6

Примечание. Расчёты здесь и далее проведены авторами на основе официальной статистической информации по районам и городам Вологодской области [6; 10; 11].

представлен ряд показателей, отчётливо характеризующих неравномерность социально-экономического развития муниципалитетов региона.

Как видно из представленных данных, разрыв между 26 муниципальными районами по показателю среднедушевого объёма увеличился в промышленном производстве с 30 раз в 1991 году до 733 раз в 2013 г., сельскохозяйственном – с 10 до 19 раз соответственно, инвестиций – с 2,5 до 160 раз.

В социальной сфере по ряду параметров (в частности, размер заработной платы, обеспеченность врачами, жильём и оборот розничной торговли) за исследуемый период имели место разнонаправленные изменения, однако дифференциация по-прежнему остается тормозом развития региона.

По итогам 2013 г. следует также указать на концентрацию 90% промышленного производства области и 63% всех инвестиций в стоимостном выражении в двух городских округах – Вологде и Череповце, при этом 2/3 (63%) сельскохозяйственного производства сосредоточено в пяти прилегающих к этим городам районах.

Такая ситуация приводит к сужению возможностей и перспектив развития большинства периферийных районов области, отставанию уровня жизни проживающего там населения, к сохранению низкой инвестиционной активности.

Вместе с тем муниципальный уровень управления, являясь наиболее приближенным к конкретным потребностям и интересам населения, обеспечивает необходимые условия его жизнедеятельности, и, кроме того, большинство проблем социально-экономического развития территориально локализованы именно на этом уровне (муниципальные районы, городские и сельские поселения, городские округа, внутригородские территории

городов федерального значения) [3]. Поэтому развитие муниципальных образований, где существует возможность более полного учета специфики и особенностей территорий, местных ресурсов и условий, во многом определяет социально-экономическое развитие территориальных образований более высокого уровня (субъекта РФ и страны в целом).

Существующие в регионах механизмы управления территориальной дифференциацией социально-экономического развития направлены в основном на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности муниципальных образований и не учитывают специфику их социально-экономического развития, возможностей и потенциала. Это, в свою очередь, требует разработки дифференцированного подхода к регулируемому воздействию, включая поиск новых форм и методов: со стороны субъекта федерации – на муниципальные образования и со стороны муниципальных районов – на поселения в целях обеспечения их комплексного и эффективного развития.

Основой такого подхода может стать типологизация территорий, которая позволит выделить административные образования со сходным потенциалом, особенностями, тенденциями и проблемами социально-экономического развития.

Анализ работ отечественных экономистов показал, что существуют два ключевых подхода, на базе которых производится типологизация территорий: качественный и количественный.

Первый подход предусматривает выделение регионов со сходными качественными характеристиками, ресурсами и условиями развития (например, приграничные, проблемные, депрессивные и отсталые; старопромышленные, регионы – «локомотивы роста», опорные и т.д.). В рамках второго подхода предлагается построе-

ние различных интегральных рейтингов территорий¹ с использованием множества социально-экономических показателей и выделением на этой основе групп регионов или муниципальных образований [1].

В настоящее время учеными разработаны методики, позволяющие оценить уровень социально-экономического развития как регионов, так и муниципальных образований, а также их потенциал, конкурентоспособность, инвестиционную привлекательность, качество жизни населения. Их основные отличия заключаются в составе применяемых показателей и математическом аппарате их агрегирования в интегральный индекс. При этом исходные показатели в большинстве случаев стандартизируются (нормируются) относительно среднего или лучшего значения (нормативного).

Однако большинство методик не лишены таких недостатков, как значительное число показателей, используемых для оценки, и сложность математического аппарата их обработки. Это может затруднять интерпретацию результатов; приводить к сглаживанию явных различий субъектов при стандартизации исходных показателей относительно лучших значений, которые в большинстве случаев

являются выбросами (значительно выше показателей в других субъектах) в ряде сырьевых регионов [2].

На наш взгляд, заслуживает внимания методический подход, использующий многомерный сравнительный анализ для оценки уровня социально-экономического развития, под которым, по нашему мнению, следует понимать среднюю степень достижения регионом (муниципальным образованием) значений показателей относительно средних, эталонных или лучших значений [2].

Подобный подход был использован в исследованиях ИСЭРТ РАН, что нашло отражение в [1; 4; 9; 12; 14]. Достоинством данной методики является то, что она может быть использована для оценки уровня развития как регионов [2], так и муниципальных образований [1].

Суть методики заключается в расчете интегрального показателя уровня социально-экономического развития муниципальных образований, агрегирующего исходные статистические показатели, и в выделении на его основе пяти групп территорий. Предлагаемый нами [2] алгоритм оценки уровня развития муниципальных образований представим ниже.

На *первом этапе*, на основе имеющейся официальной статистической информации, формируются перечень и блоки показателей, которые отражают различные стороны социально-экономического развития территорий. При этом они выбирались таким образом, чтобы собрать все данные по всем муниципалитетам за длительный период (не менее 10 лет). С некоторыми изменениями были взяты перечень и блоки показателей (на основе предлагаемых в монографии [9]), приводимые в *таблице 2*.

На *втором этапе* показатели, составляющие содержание блоков, стандартизируются относительно средних значений:

¹ На официальном уровне в ряде документов присутствуют методики, в которых рассчитывается интегральный показатель уровня развития, эффективности деятельности органов власти и т.д., в частности «Методические рекомендации «О выделении за счет бюджетных ассигнований из бюджета субъекта Российской Федерации грантов муниципальным образованиям в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших значений показателей деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» [7], где рассчитывается сводный индекс показателя эффективности деятельности органов местного самоуправления на основе 11 частных индикаторов. Для субъектов РФ в начале 2000-х рассчитывался «интегральный показатель отклонения уровня социально-экономического развития субъекта Российской Федерации от среднероссийского уровня» в целях определения объема финансирования по ФЦП «Сокращение различий...» [8].

Таблица 2. Перечень и блоки показателей для расчёта интегрального показателя уровня социально-экономического развития

Блок показателей	Показатель
R ₁ Демографические показатели	1. Коэффициент рождаемости, ‰ 2. Коэффициент смертности, ‰ 3. Плотность населения, чел./кв. км (показатель только для районов)
R ₂ Благоустройство	1. Обеспеченность населения жильём – жилая площадь на 1 человека, кв. м 2. Доля жилья, оборудованного водопроводом, в % к итогу 3. Доля жилья, оборудованного канализацией, в % к итогу 4. Доля жилья, оборудованного центральным отоплением, в % к итогу 5. Обеспеченность местами в учреждениях культурно-досугового типа, число мест на 1000 человек населения
R ₃ Уровень жизни	1. Розничный товароборот на душу населения, руб. 2. Объём платных услуг на душу населения, руб. 3. Соотношение средней заработной платы и величины прожиточного минимума, раз 4. Уровень официально зарегистрированной безработицы, % 5. Обеспеченность населения врачами на 10 000 жителей, чел. 6. Обеспеченность населения больничными койками на 10 000 жителей, штук
R ₄ Экономика	1. Объём промышленной продукции на 1 жителя, тыс. руб. 2. Объём сельскохозяйственной продукции на 1 жителя, тыс. руб. (показатель только для районов) 3. Объём инвестиций в основной капитал на 1 жителя, тыс. руб. 4. Бюджетная обеспеченность (доходы) на 1 жителя, тыс. руб.

$$k_i = x_i / x_{\text{ср}i}, \quad (1)$$

$$k_i = x_{\text{ср}i} / x_i, \quad (2)$$

где k_i – стандартизированный коэффициент, который рассчитывается по формуле 1 для прямых показателей², а для обратных³ – в соответствии с формулой 2; x_i – значение i -го показателя в муниципальном образовании; $x_{\text{ср}i}$ – среднее значение i -го показателя по всем муниципальным районам и городским округам региона (в среднем по области) или только по муниципальным районам.

Показатели могут быть стандартизованы (нормированы) относительно лучшего и худшего значений по всей совокупности исследуемых территорий:

$$k_i = \frac{x_i - x_{\text{мин}}}{x_{\text{макс}} - x_{\text{мин}}}, \quad (3)$$

² Увеличение значений прямых показателей свидетельствует о положительных тенденциях развития, об улучшении ситуации.

³ Увеличение значений обратных показателей свидетельствует об ухудшении ситуации, о проблемах в развитии (коэффициент смертности, уровень зарегистрированной безработицы).

$$k_i = \frac{x_i - x_{\text{макс}}}{x_{\text{мин}} - x_{\text{макс}}}, \quad (4)$$

$$k_i = x_i / x_{\text{макс}}, \quad (5)$$

$$k_i = x_{\text{мин}} / x_i, \quad (6)$$

где k_i – стандартизированный коэффициент, который рассчитывается по формуле 3 или 5 для прямых показателей, а для обратных – в соответствии с формулой 4 или 6; x_i – значение i -го показателя в муниципальном образовании; $x_{\text{макс}}$ – максимальное значение i -го показателя по всем анализируемым муниципальным образованиям региона; $x_{\text{мин}}$ – среднее значение i -го показателя по всем муниципалитетам.

При нормировании по формулам 3 и 4 значения стандартизированных коэффициентов, синтетических показателей по блокам, интегрального показателя располагаются в интервале от 0 до 1.

Для приведения разнородных показателей к сопоставимому виду и устранения «выбросов» (экстремально минимальных и максимальных значений показателей) возможно использовать z-преобразование:

$$k_i = \frac{x_i - \bar{x}}{\sigma}, \quad (7)$$

где x_i – значение i -го показателя в муниципальном образовании; $x_{срi}$ – среднее значение i -го показателя по всем муниципальным образованиям; σ – стандартное (среднеквадратическое) отклонение по показателю.

На базе стандартизированных показателей определяется *синтетический показатель* по каждому из блоков (R_j) по формуле:

$$R_j = \left(\sum_{i=1}^n k_i \right) / n, \quad (8)$$

где n – число показателей в блоке.

На *третьем этапе* рассчитывается интегральный показатель уровня социально-экономического развития субъекта РФ ($I_{общ}$):

$$I_{общ} = (R_1 + R_2 + R_3 + R_4) / 4, \quad (9)$$

где R_1 – интегральный показатель по блоку «Демографические показатели»; R_2 – интегральный показатель по блоку «Благоустройство»; R_3 – интегральный показатель по блоку «Уровень жизни»; R_4 – интегральный показатель по блоку «Экономика».

На *четвертом* (завершающем) *этапе* осуществляется группировка муниципальных образований по уровню социально-экономического развития, который определяется следующими интервальными оценками интегрального показателя $I_{общ}$:

Уровень	Диапазон $I_{общ}$	
	стандартизация по формулам 1 и 2	стандартизация по формулам 3 и 4
Высокий	$I \geq 1,15$	$0,8 \leq I \leq 1,0$
Выше среднего	$1,05 \leq I < 1,15$	$0,6 \leq I < 0,8$
Средний	$0,95 \leq I < 1,05$	$0,4 \leq I < 0,6$
Ниже среднего	$0,85 \leq I < 0,95$	$0,2 \leq I < 0,4$
Низкий	$I < 0,85$	$0,0 \leq I < 0,2$

Выбор пяти градаций уровня развития позволяет легко интерпретировать результаты и установить сходство и различия в

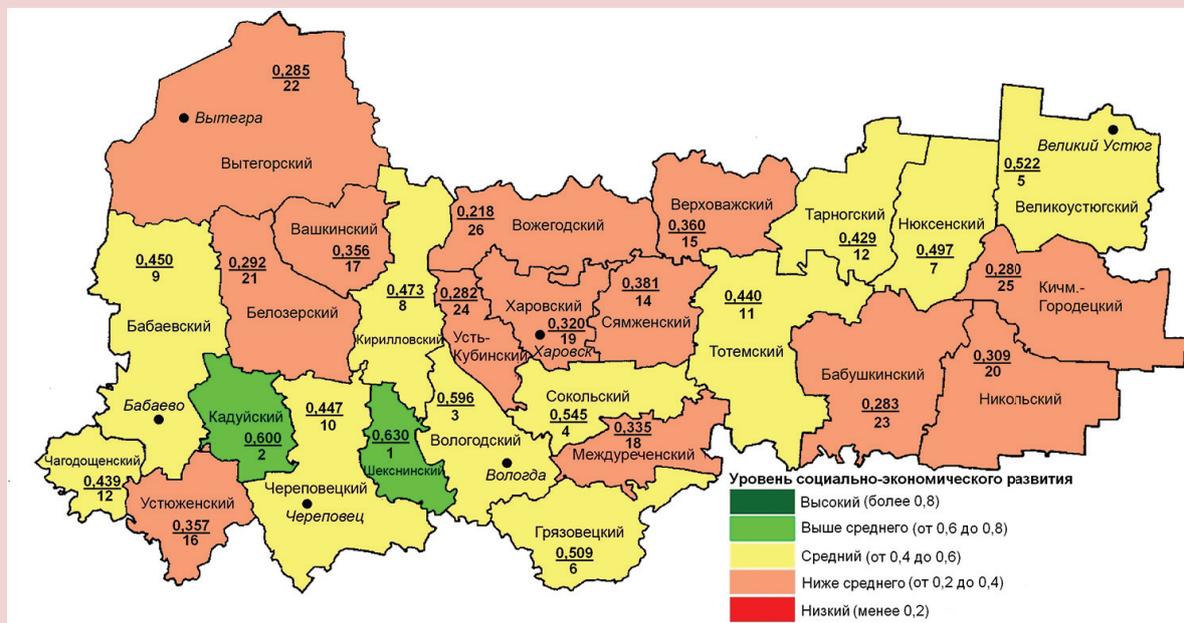
особенностях развития муниципалитетов. Ширина интервала 0,1 единицы (для стандартизации по формулам 1 и 2), на наш взгляд, достаточно оптимальна, так как районы каждой группы в данном случае отличаются от районов соседней группы по всем показателям в среднем на 10% (например, по величине заработной платы территории области отличаются в 2013 г. в среднем на 25 127 руб. $0,1=2513$ руб., что составляет треть величины прожиточного минимума в области, а это весьма существенно).

При использовании официальных данных государственной статистики по Вологодской области была проведена апробация данной методики, что дало возможность оценить в комплексе уровень социально-экономического развития (далее – УСЭР) территорий региона. Результаты исследования представлены на рисунках 1 – 3, в таблицах 3, 4. На *рисунке 1* показана группировка муниципальных районов и городских округов (Вологда и Череповец) области по итогам 2013 г. (исходные 18 показателей стандартизованы относительно средних по области значений по формулам 1 и 2), что ещё раз наглядно подтверждает тот факт, что основная экономическая активность концентрируется в двух городах области и прилегающих к ним районах. 19 из 26 районов области попали в группу с низким уровнем развития (значения большинства показателей в этих территориях существенно отстают от среднеобластных и значений городских округов). Это позволяет исключить данные города из дальнейшего исследования и сосредоточить внимание только на муниципальных районах.

На *рисунке 2* (см. также табл. 4) представлена группировка муниципальных районов Вологодской области по УСЭР в 2000 и в 2013 гг. (исходные 18 показателей стандартизованы относительно средних по районам значений по формулам 1 и 2).

На *рисунке 3* приведена группировка муниципальных районов области в 2013 г.

Рисунок 3. Группировка муниципальных районов Вологодской области по уровню социально-экономического развития в 2013 г. (стандартизация исходных показателей относительно максимального и минимального значений по районам)



(исходные 18 показателей стандартизованы относительно максимальных и минимальных значений по формулам 3 и 4). Как видно, в группу с высоким и низким уровнем социально-экономического развития не попал ни один район. Лидеры промпроизводства области, Шекснинский и Кадуйский районы расположились в группе с уровнем развития выше среднего, 11 районов – в группе со средним, 13 – в группе с уровнем ниже среднего.

Таблица 3 показывает группировку муниципальных районов Вологодской области по УСЭР. Исходные 18 показателей стандартизованы с помощью z-преобразования по формуле 7.

Результаты расчетов интегрального показателя, отражающего уровень социально-экономического развития районов Вологодской области (по 18 исходным статистическим показателям, стандартизованным относительно среднерайонных значений), позволяют утверждать, что в

целом за 2000–2013 гг. ситуация в регионе ухудшилась. Если в 2000 г. к группе с низким уровнем развития относились 8 районов, то в 2013 г. – уже 12 (табл. 4, см. рис. 2). Количество районов с высоким уровнем развития не изменилось – 6. В целом за исследуемый период ухудшение социально-экономического положения отмечено в шести муниципальных районах (Череповецком, Тотемском, Белозерском, Нюксенском, Вытегорском, Вашкинском). В группы с более высоким уровнем развития переместились три района (Грязовецкий, Харовский, Тарногский).

В 2013 году к группе с **высоким уровнем** социально-экономического развития относились Кадуйский, Шекснинский, Сокольский, Чагодощенский, Вологодский и Грязовецкий районы. Первые 4 района являются в регионе лидерами по величине среднедушевого объема промышленного производства (значения данного показателя в 2,5 раза выше, чем в среднем по

Таблица 3. Группировка муниципальных образований Вологодской области по УСЭР в 2013 г. (стандартизация исходных показателей проведена с помощью z-преобразования)

УСЭР	Муниципальный район
Высокий	1. Шекснинский (0,627); 2. Кадуйский (0,599); 3. Сокольский (0,433); 4. Вологодский (0,403)
Выше среднего	5. Великоустюгский (0,359); 6. Грязовецкий (0,333); 7. Тарногский (0,164)
Средний	8. Кирилловский (0,049); 9. Нюксенский (0,046); 10. Тотемский (0,042); 11. Бабаевский (-0,019); 12. Череповецкий (-0,048)
Ниже среднего	13. Чагодощенский (-0,098); 14. Харовский (-0,171); 15. Сямженский (-0,184); 16. Верховажский (-0,248); 17. Устюженский (-0,275); 18. Никольский (-0,292)
Низкий	19. Междуреченский (-0,380); 20. Белозерский (-0,380); 21. Вашкинский (-0,395); 22. Усть-Кубинский (-0,454); 23. Вытегорский (-0,463); 24. Кичменгско-Городецкий (-0,506); 25. Бабушкинский (-0,525); 26. Вожегодский (-0,556)
Примечание. В скобках рядом с названием района представлено значение интегрального показателя уровня социально-экономического развития.	

Таблица 4. Места районов Вологодской области по значению интегрального индекса социально-экономического развития

Район	Условное обозначение района	2000 г.		2013 г.		2013 г. к 2000 г., +/-
		Абс. знач.	Место	Абс. знач.	Место	Место
Кадуйский	Ка	1,655	1	2,014	1	0
Шекснинский	Ше	1,222	5	1,435	2	3
Сокольский	Со	1,265	4	1,320	3	1
Вологодский	Вол	1,405	2	1,284	4	-2
Чагодощенский	Ча	1,202	6	1,221	5	1
Грязовецкий	Гр	1,149	7	1,219	6	1
Великоустюгский	Вел	1,141	8	1,105	7	1
Череповецкий	Че	1,354	3	1,019	8	-5
Харовский	Ха	0,895	14	0,988	9	5
Тарногский	Та	0,861	17	0,961	10	7
Тотемский	То	1,036	9	0,921	11	-2
Устюженский	Ус	0,857	18	0,883	12	6
Кирилловский	Ки	0,872	16	0,875	13	3
Бабаевский	Бб	0,930	12	0,866	14	-2
Усть-Кубинский	УК	0,813	21	0,827	15	6
Междуреченский	Ме	0,840	19	0,820	16	3
Белозерский	Бе	0,878	15	0,817	17	-2
Нюксенский	Ню	0,928	13	0,814	18	-5
Сямженский	Ся	0,755	24	0,794	19	5
Вытегорский	Вы	0,957	10	0,790	20	-10
Верховажский	Вер	0,766	22	0,780	21	1
Никольский	Ни	0,693	26	0,759	22	4
Вашкинский	Ва	0,937	11	0,739	23	-12
Вожегодский	Вож	0,818	20	0,739	24	-4
Бабушкинский	Бш	0,756	23	0,676	25	-2
Кичменгско-Городецкий	КГ	0,709	25	0,661	26	-1
<i>Среднее</i>	-	<i>0,988</i>	<i>x</i>	<i>0,974</i>	<i>x</i>	<i>x</i>
Уровень социально-экономического развития районов области в таблице выделен следующим образом:						
Высокий	Выше среднего	Средний	Ниже среднего	Низкий		

районам). Вологодский, Грязовецкий и Шекснинский районы — лидеры по объёму производства сельскохозяйственной продукции.

Все муниципальные образования, входящие в данную группу, достаточно инвестиционно привлекательны, а Кадуйский, Чагодощенский и Грязовецкий районы занимают 1, 3 и 4 места соответственно среди районов области по объёму капиталовложений в расчёте на 1 жителя. На указанных территориях наблюдаются невысокий уровень безработицы (за исключением Чагодощенского района, где он был выше среднего по районам и области). По доле жилья, оборудованного водопроводом, канализацией и центральным отоплением (уровень благоустройства по всем трем видам выше среднего по районам), все районы данной группы занимают места не ниже 10-го.

В 2013 году к группе с уровнем развития **выше среднего** относился Великоустюгский район, у которого значения отдельных показателей, входящих в интегральный индекс, были ниже, чем у районов-лидеров. Вместе с тем данный район характеризуется высоким среднедушевым объемом промышленного производства, розничного товарооборота и платных услуг и в то же время высоким уровнем безработицы (2,5%). Последнее обусловлено прежде всего прекращением деятельности Красавинского льнокомбината.

Череповецкий, Харовский и Тарногский районы входили в 2013 году в группу со **средним** уровнем социально-экономического развития. Среднедушевые объемы промышленного и сельскохозяйственного производства в этих муниципальных образованиях (за исключением Череповецкого района) ниже средних по районам. При этом в Харовском районе среднедушевой объем инвестиций в основной капитал организаций территории является одним

из самых высоких (2 место) среди районов области. Экономическая ситуация в указанном районе характеризуется высоким уровнем безработицы — 1,8% в 2012 г., тогда как в среднем по районам — 1,7%.

Демографическая ситуация в Череповцеком, Харовском и Тарногском районах остается неблагоприятной. Так, уровень смертности в Харовском и Тарногском районах выше среднего по районам (18,0‰). Обеспеченность населения этих районов врачами и больничными койками на 10 тыс. населения выше среднего по районам уровня. Вместе с тем благоустройство жилых домов водопроводом в Череповцеком и Харовском районах, канализацией — в Харовском, центральным отоплением — в Тарногском районе не превышает средне-районный уровень. Размер оплаты труда составлял в территориях данной группы в 2013 году от 1,9 до 2,6 величины прожиточного минимума трудоспособного населения (в среднем по районам — 2,3 раза).

Немногим хуже ситуация в Тотемском, Устюженском, Кирилловском и Бабаевском районах, которые по итогам 2013 года принадлежали к группе территорий с уровнем социально-экономического развития **ниже среднего**. В них среднедушевые объемы промышленного, сельскохозяйственного производства (за исключением Устюженского района) и инвестиций в основной капитал ниже, чем в среднем по районам области. В двух муниципальных образованиях данной группы уровень зарегистрированной безработицы выше среднего по районам: 1,8% в Кирилловском районе и 2,0% — в Устюженском. Для трёх районов из этих 4-х (за исключением Тотемского) характерен низкий уровень благоустройства жилого фонда: доля жилья, оборудованного водопроводом, канализацией и отоплением, составляет менее 43%.

В группу с **низким** уровнем социально-экономического развития в 2013 году по-

пали 12 районов (Усть-Кубинский, Междуреченский, Белозерский, Нюксенский, Сямженский, Вытегорский, Верховажский, Никольский, Вашкинский, Вожегодский, Бабушкинский, Кичменгско-Городецкий). В этих муниципальных образованиях среднедушевой объем промышленного производства не превышает 23% от значения показателя района-лидера. В десяти районах объем сельхозпроизводства и инвестиций в расчете на 1 жителя также ниже среднерайонного значения. На данных территориях наблюдается самая высокая в области смертность населения (выше 18,0‰), низкие уровень благоустройства жилого фонда и среднедушевой объем платных услуг. Размер заработной платы во всех районах (за исключением Нюксенского и Вытегорского) не превышает 2,5 прожиточного минимума, что свидетельствует о низком уровне жизни населения.

Следует отметить, что в районах с низким и ниже среднего уровнем социально-экономического развития имеется множество проблем. Однако по ряду показателей некоторые муниципальные образования данных групп были в числе лидеров. Например, в 2013 году Междуреченский район занимал 1 место по доле жилья, оборудованного водопроводом, а Усть-Кубинский – 4 место по объему инвестиций, приходящихся на одного жителя; Нюксенский район – 1 место по уровню оплаты труда работников, а Верховажский, Никольский и Кичменгско-Городецкий районы – 1–3 места по коэффициенту рождаемости.

С целью исследования пространственной дифференциации развития территорий Вологодской области проведено исследование радиальной зависимости уровня социально-экономического развития муниципального района (значения интегрального показателя, рассчитанного по методике ИСЭРТ РАН; см. рис. 2) от расстояния районного центра до г. Вологды (по крат-

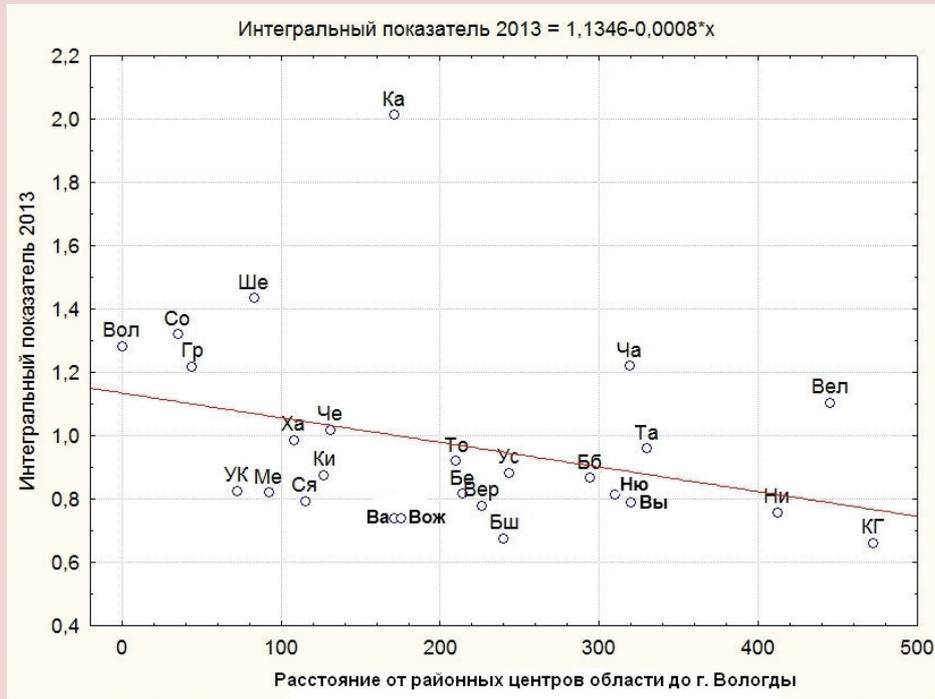
чайшему пути следования по автомобильной дороге).

Так, средний показатель корреляции между расстоянием от районных центров до г. Вологды и средним за 2000–2013 гг. значением интегрального показателя является весьма несущественным (менее 0,4). Это можно объяснить тем, что и на значительном удалении от областного центра есть районы с высоким и выше среднего уровнем развития (Великоустюгский, Чагодощенский), а, напротив, на незначительном удалении (менее 100 км) есть районы, занимающие самые низкие позиции в рейтинге, – Усть-Кубинский и Междуреченский. Хотя можно отметить, что общая закономерность уменьшения величины интегрального показателя с удалением от г. Вологды подтверждается (рис. 4). Схожее исследование было выполнено, например, в Московской области [5], где данная зависимость заметно выше.

На рисунке 5 представлена зависимость наклона тренда интегрального показателя (коэффициент наклона линейного уравнения тренда за 2000–2013 гг. по каждому району) от расстояния до областного центра. Следует отметить, что связь между динамикой интегрального показателя в районах и расстоянием от райцентра до г. Вологды практически отсутствует.

Таким образом, используемые методические подходы показывают примерно одинаковую картину: уровень социально-экономического развития и качества жизни выше среднего характерен для территорий, «тяготеющих» к формирующейся агломерации «Вологда – Череповец». В развитии этих территорий наблюдаются позитивные тенденции, а также концентрация значительной доли общеобластного объема производства и инвестиций, миграционный приток населения. Большинство периферийных районов области (за явным исключением Великоустюгского) отличает

Рисунок 4. Зависимость уровня социально-экономического развития муниципальных районов Вологодской области от расстояния до областного центра



Примечание. Расшифровка условных обозначений районов Вологодской области приведена в таблице 4.

Рисунок 5. Зависимость динамики показателя уровня социально-экономического развития районных центров от расстояния до областного центра

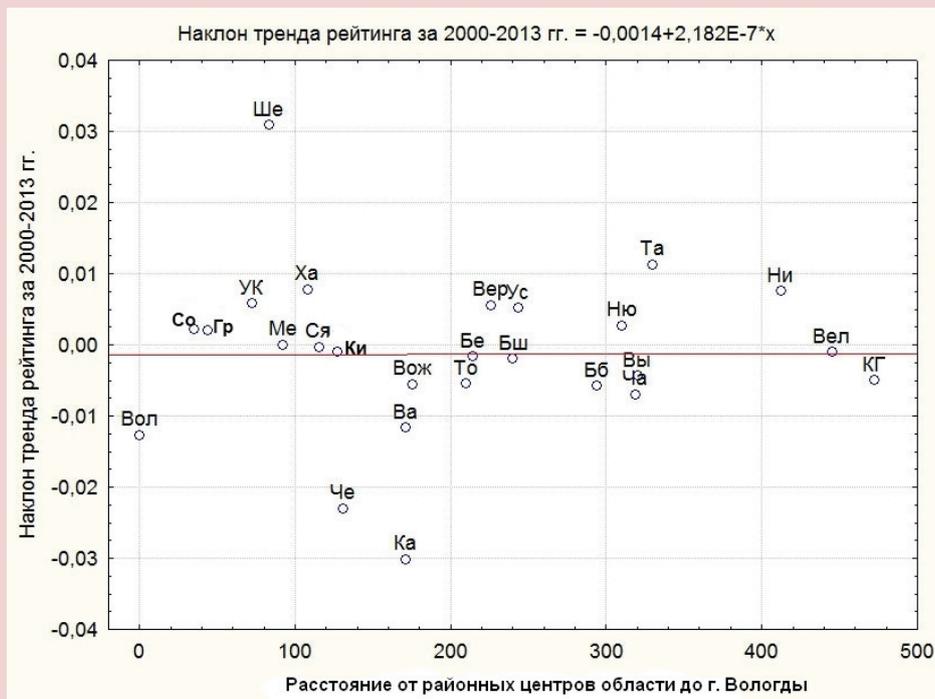


Таблица 5. Направления и инструменты государственного воздействия на развитие муниципальных образований

УСЭР муниципального образования	<p>Направления и инструменты поддержки со стороны региональных властей</p> <p style="text-align: center;"><i>Направления</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Создание для муниципальной власти четких стимулов к поддержке процессов экономического роста, обеспечению его комплексности и сбалансированности. 2. Обеспечение возможности крупных инвестиций в коммунальную и социальную инфраструктуру, от чего в значительной степени зависят темпы и перспективы развития. 3. Выделение на бездотационность для обеспечения большей финансовой самостоятельности и перспектив устойчивого роста. 4. Обеспечение доступности источников финансирования для осуществления значимых для территории инвестиционных проектов по открытию новых производств, а также реализация инфраструктурных проектов. <p style="text-align: center;"><i>Инструменты</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Оказание помощи в процессе перехода к бюджетированию, ориентированному на результат, и программно-целевому подходу к управлению. 2. Создание бизнес-инкубаторов на территории муниципального образования. 3. Совершенствование межбюджетных отношений. 4. Контроль за ценами монополистов. 5. Выставки, ярмарки, использование СМИ для трансляции опыта. 6. Создание инвестиционных фондов развития территорий и поддержки гражданских инициатив и содействие перспективным проектам развития.
2. Средний	<p style="text-align: center;"><i>Направления</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Доступ к бюджетному финансированию для реализации перспективных проектов. 2. Организационная поддержка маркетинга территории, взаимодействия с инвесторами, других аспектов муниципального и проектного управления. <p style="text-align: center;"><i>Инструменты</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Субсидии и бюджетные гарантии. 2. Создание бизнес-инкубаторов на территории муниципального образования. 3. Страхование рисков. 4. Выставки-ярмарки. 5. Содействие разработке проектов реструктуризации экономики муниципалитета. <p style="text-align: center;"><i>Направления</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Обеспечение гарантированного предоставления необходимого минимума инфраструктурных и социальных услуг для проживающего населения. 2. Сохранение шанса превращения в реструктурирующиеся территории (то есть возможность расширения производства и открытие новых производств с более комплексным и эффективным использованием всех имеющихся ресурсов развития), что предполагает обеспечение финансовой и организационной поддержки. 3. Поддержка содержания, реконструкции и строительства дорог, обеспечения транспортной доступности в целом.
3. Низкий и ниже среднего	<p style="text-align: center;"><i>Инструменты</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Дотации, субсидии, субвенции. 2. Налоговые льготы. 3. Создание бизнес-инкубаторов на территории муниципального образования. 4. Субсидии на подготовку кадров. 5. Экспертиза проектов развития и бюджетов. 6. Создание специализированных структур и организационных подразделений в системе управления регионом. 7. Использование поощрений и санкций за меры государственной поддержки. 8. Оказание консалтинговых услуг. 9. Совершенствование законодательных актов, регулирующих отдельные виды деятельности и правовое поле.
Источник. Составлено авторами с использованием материалов монографии И.В. Стародубовской «Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы в России» [13].	

невысокий уровень развития, низкая инвестиционная привлекательность, что приводит к сдерживанию перспектив развития и миграционному оттоку населения в города и более благоприятные районы.

Подводя итог, можно отметить, что типологизация муниципальных образований Вологодской области по уровню социально-экономического развития позволяет выявить проблемные территории и определить резервы, используя которые можно повысить устойчивость их развития.

Мы считаем, что для территорий с разными уровнем и потенциалом социально-экономического развития должны применяться дифференцированные меры поддержки со стороны региональных властей, что даст возможность четко обозначить приоритеты, более эффективно расходовать выделяемые средства, учитывать специфику развития таких территорий.

В таблице 5 представлены направления поддержки и соответствующие им инструменты для трех групп территорий (данная группировка упрощает интерпретацию её результатов).

Районам первой группы, имеющим относительные возможности для саморазвития, со стороны органов государственной власти необходима в основном косвенная поддержка, в то время как для районов третьей группы чаще требуются меры прямого воздействия и регулирования. Кроме того, целесообразна разработка специального инструментария и механизмов, направленных на реализацию дифференцированной политики по развитию муниципальных образований, на снижение масштабов территориальной дифференциации и преодоление её последствий. Эти вопросы мы рассмотрим в дальнейших публикациях.

Литература

1. Ворошилов, Н.В. Теоретические и практические аспекты оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований [Текст] / Н.В. Ворошилов // Молодые ученые – экономике : сб. работ молодежной научной школы. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. – Вып. 14. – С. 66-88.
2. Ворошилов, Н.В. Оценка уровня социально-экономического развития регионов России [Текст] / Н.В. Ворошилов, Е.С. Губанова // Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 12 (Ч. 3). – С. 325-332.
3. Ворошилов, Н.В. Тенденции и проблемы развития муниципальных районов Вологодской области [Электронный ресурс] / Н.В. Ворошилов // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 1. – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=3489>
4. Гутникова, Е.А. Социально-экономическое развитие муниципальных районов Вологодской области в 2000–2010 годах [Текст] / Е.А. Гутникова, А.Н. Чекавинский, Н.В. Ворошилов // Проблемы развития территории. – 2012. – № 5. – С. 23-34.
5. Митрошин, А.А. Методы оценки качества жизни населения и социально-экономической дифференциации территорий (на примере Московской области) [Текст] : автореф. дис. на соиск. уч. ст. к.э.н.: 08.00.05 / А.А. Митрошин. – М., 2013. – 23 с.
6. Муниципальные районы и городские округа Вологодской области. Социально-экономические показатели. 2000–2013 [Текст] : стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2014. – 324 с.
7. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» от 28 апреля 2008 г. № 607 и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» от 7 мая 2012 г. № 601 [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1317 // КонсультантПлюс.
8. О федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)» [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 717 // КонсультантПлюс.
9. Пространственные аспекты развития региона [Текст] / под общей ред. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда : Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, 2008. – 298 с.: ил.

10. Районы Вологодской области в 1990–1999 годах [Текст] : стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2001. – 384 с.
11. Районы и города Вологодской области. Социально-экономические показатели. 2000–2010 [Текст] : стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2011. – 348 с.
12. Социально-экономические проблемы локальных территорий [Текст] : монография / Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, Е.А. Гутникова, С.А. Кожевников. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – 196 с.
13. Стародубровская, И.В. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы в России / И.В. Стародубровская, Н.И. Миронова. – М.: Ин-т Гайдара, 2010. – 116 с.: ил. – (Научные труды / Ин-т экономической политики им. Е.Т. Гайдара; № 141Р).
14. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона [Текст] : монография / Т.В. Ускова. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.

Voroshilov N.V., Gubanova E.S.

Assessment of the level of socio-economic development in municipal formations of the Vologda Oblast

Nikolai Vladimirovich Voroshilov – Junior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, niks789@yandex.ru)

Elena Sergeevna Gubanova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Finance and Credit Department, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Vologda State University” (15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation, gubanova_elena@mail.ru)

Abstract. Socio-economic development of regions depends to a great extent on the state of economy and social sphere in its constituent municipalities, because this level of government provides basic services to the population, and ensures comfortable living conditions, which determines the growth of the standard of living and quality of life. Under the conditions of the increase in the differentiation of socio-economic development of territories it becomes especially important to identify and study groups (types) of territories with similar development factors, conditions and parameters in order to implement specific measures of regional policy. The authors propose and test a methodology of comparative analysis, which used different techniques of standardization of indicators, which makes it possible to assess the level of socio-economic development of municipal and urban districts in the Vologda Oblast, and to distinguish 5 types of territories on the basis of calculation of the integral index that aggregates 18 initial statistical indicators. The article shows that the highest level of socio-economic development is characteristic of the cities of Vologda and Cherepovets and adjacent areas; the farther from the oblast center, the lower this level. The typological classification of the municipalities makes it possible to propose main directions and instruments of regional policy for territories with different levels of development.

Key words: Vologda Oblast, municipality, municipal district, urban district, level of socio-economic development, territorial differentiation, grouping, typological classification of territories.

References

1. Voroshilov N.V. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty otsenki urovnya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy [Theoretical and Practical Aspects of Assessment of the Level of Socio-Economic Development of Municipalities]. *Molodye uchenye – ekonomike: sb. rabot molodezhnoi nauchnoi shkoly* [Young Scientists – to Economics: Collected Works of the Youth Scientific School], 2014, no. 14, pp. 66-88.

2. Voroshilov N.V., Gubanova E.S. Otsenka urovnya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossii [Assessment of the Level of Socio-Economic Development of Regions of Russia]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economy and Entrepreneurship], 2013, no. 12 (part 3), pp. 325-332.
3. Voroshilov N.V. Tendentsii i problemy razvitiya munitsipal'nykh raionov Vologodskoi oblasti [Trends and Problems in the Development of the Vologda Oblast Municipal Districts]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial Development Issues], 2014, no. 1. Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=3489>
4. Gutnikova E.A., Chekavinskii A.N., Voroshilov N.V. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie munitsipal'nykh raionov Vologodskoi oblasti v 2000–2010 godakh [Socio-Economic Development of Municipal Districts in the Vologda Oblast in 2000–2010]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], 2012, no. 5, pp. 23-34.
5. Mitroshin A.A. *Metody otsenki kachestva zhizni naseleniya i sotsial'no-ekonomicheskoi differentsiatsii territorii (na primere Moskovskoi oblasti): avtoref. dis. na soisk. uch. st. k.e.n.: 08.00.05* [Methods of Assessing the Quality of Life and Socio-Economic Differentiation of Territories (Case Study of the Moscow Oblast): Ph.D. in Economics Thesis Abstract]. Moscow, 2013. 23 p.
6. *Munitsipal'nye raiony i gorodskie okruga Vologodskoi oblasti. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2000–2013: stat. sb.* [Municipal and Urban Districts of the Vologda Oblast. Socio-Economic Indicators. 2000–2013: Statistical Collection]. Vologdastat. Vologda, 2014. 324 p.
7. O merakh po realizatsii Ukaza Prezidenta Rossiiskoi Federatsii “Ob otsenke effektivnosti deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya gorodskikh okrugov i munitsipal'nykh raionov” ot 28 aprelya 2008 g. № 607 i podpunkta “i” punkta 2 Ukaza Prezidenta Rossiiskoi Federatsii “Ob osnovnykh napravleniyakh sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya” ot 7 maya 2012 g. № 601: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 17.12.2012 № 1317 [On the Measures to Implement the Decree of the President of the Russian Federation “On the Assessment of Performance of Local Authorities in Urban Districts and Municipal Districts” of April 28, 2008 No. 607 and Subparagraph “i” Paragraph 2 of the Decree of the President of the Russian Federation “On the Main Directions to Improve the System of Public Administration” of May 7, 2012 No. 601: Resolution of the RF Government of December 17, 2012 No. 1317]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus].
8. O federal'noi tselevoi programme “Sokrashchenie razlichii v sotsial'no-ekonomicheskom razvitiy regionov Rossiiskoi Federatsii (2002–2010 gody i do 2015 goda)”: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 11 oktyabrya 2001 g. № 717 [On the Federal Target Program “Reduction of Differences in the Socio-Economic Development of the Russian Federation Regions (for 2002–2010 and up to 2015)”: the RF Government Resolution of October 11, 2001 No. 717]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus].
9. *Prostranstvennye aspekty razvitiya regiona* [Spatial Aspects of the Region's Development]. Under general editorship of Doctor of Economics, Professor V.A. Ilyin. Vologda: Vologodskii nauchno-koordinatsionnyi tsentr TsEMI RAN, 2008. 298 p.
10. *Raiony Vologodskoi oblasti v 1990–1999 godakh: stat. sbornik* [Districts of the Vologda Oblast in 1990–1999: Statistical Collection]. Vologdastat. Vologda, 2001. 384 p.
11. *Raiony i goroda Vologodskoi oblasti. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2000–2010: stat. sbornik* [Districts and Towns of the Vologda Oblast. Socio-economic indicators. 2000–2010: Statistical Collection]. Vologdastat. Vologda, 2011. 348 p.
12. Uskova T.V., Voroshilov N.V., Gutnikova E.A., Kozhevnikov S.A. *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy lokal'nykh territorii: monografiya* [Socio-Economic Issues of Local Territories: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2013. 196 p.
13. Starodubrovskaya I.V., Mironova N.I. *Problemy sel'skogo razvitiya v usloviyakh munitsipal'noi reformy v Rossii* [Rural Development Issues under the Conditions of the Municipal Reform in Russia]. Moscow: In-t Gaidara, 2010. 116 p.
14. Uskova T.V. *Upravlenie ustoichivym razvitiem regiona: monografiya* [Management of the Region's Sustainable Development: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2009. 355 p.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

DOI: 10.15838/esc/2014.6.36.6
УДК 316.4, ББК 60.524

© Шубрт И.

Размышления о понятии «кризис»



**Иржи
ШУБРТ**

доктор философии, доцент, Карлов университет, Факультет гуманитарных исследований, заведующий кафедрой исторической социологии (Чехия, г. Прага, Jiri.subrt@fhs.cuni.cz)

Аннотация. В предисловии к книге «Кризис нашего времени» ее автор Питирим Александрович Сорокин заявляет, что «важнейшая сторона жизни, организации и культуры западного общества находится в сильнейшем кризисе». И с голосом пророка продолжает: «Его тело и дух больны, и вряд ли на его теле еще можно найти местечко, которое не было бы больным» [Sorokin, 1948 (1942): 7]. Сорокин, безусловно, не был единственным, кто воспринимал свою современность как кризисную. О многих аспектах «кризисности» своего времени еще в конце XIX в. писал Т.Г. Масарик. В начале XX в. кризис культуры изучал Георг Зиммель [Simmel, 1983], Зигмунд Фрейд предостерегал об опасном потенциале человеческой деструктивности, Освальд Шпенглер оглашал «закат Европы» [Spengler, 2011], а Йозеф Алоиз Шумпетер заявлял, что циклические проявления экономических кризисов¹ относятся к экономике так же, как сердцебиение к живому организму. В то время как Адольф Гитлер укрепляет свою власть, Эдмунд Гуссерль [Husserl, 1972] читает лекции о «кризисе европейских наук», а Жорж Фридманн говорит о «кризисе прогресса» [Friedmann, 1937]. Тема кризиса удерживает свою релевантность и специфическое положение в контексте социальных наук и после Второй мировой войны, когда часто обсуждаемой темой становится вопрос политических и международных кризисов. С 1970-х гг. широко дискутируемым становится энергетический кризис (нефтяной фок) и экологический кризис. Конец 80-х гг. приносит с собой крах социалистической системы, а с приходом постмодернизма акцентируется тема кризиса идентичности. И это еще не всё: предостерегающие и критические видения того времени усиливаются и благодаря другим понятиям, которые очень быстро становятся составной частью концептуального багажа социальных ученых из многих стран мира — это понятия «риск», «катастрофа» и «коллапс».

¹ Существование экономических циклов впервые подметил и описал французский экономист Клемент Жугляр в 60-е гг. XIX в.

Ключевые слова: понятие кризиса, проявления кризисных ситуаций, циклы развития, кризис в обществе, теории социальных изменений, разрешение кризисных ситуаций.

К этимологии и семантике понятия «кризис»

Корни понятия «кризис» исходят из греческого языка. Выражение «krisis» произошло от глагола «krino», который означал отделить, выбрать и порешить между двумя противоположными вариантами, жизнью и смертью, удачей и неудачей [Koselleck, 1992: 47; Koselleck, 2006: 203]. Само слово «krisis» обозначает опасное состояние, тяжелую решающую минуту, принципиальный момент, в котором решается вопрос (о результате, о последующем существовании, о последующем развитии), минуту, в которой люди ощущают неуверенность, замешательство и затруднение.

Распространение понятия «кризис» является заслугой прежде всего гиппократовской медицины, в которой при помощи данного понятия обозначается краткий период в течении болезни, в котором решается вопрос о том, будет ли пациент жить или он умрет. Фукидид использовал это понятие для изображения политических ситуаций и военных столкновений [Prisching, 1986: 19; Koselleck, 2006: 204], оно также стало одним из основных составляющих драмы или литературного произведения, в котором изображаемый сюжет кульминирует; в классической драме оно происходит от столкновения противоположных сил и тенденций.

В XVII и XVIII вв. происходит распространение понятия «кризис» в значении сложной решающей минуты в рассуждениях того времени о политике и войне. Не позднее чем до Французской революции это понятие, как считает Райнхарт Козеллек, становится центральным интерпретационным инструментом политической и социальной истории и, таким образом, оказывается между основными

историческими понятиями [Koselleck, 2006: 206]. В XIX в. появляется выражение «экономический кризис», которое обозначает коренное, отчетливое ухудшение состояния экономики.

Козеллек, которого интересует кризис прежде всего в качестве одного из основных понятий, при помощи которых мы пытаемся понять историю, обозначает три семантические модели, в которых до сих пор выступало данное понятие [там же: 207-213; Koselleck, 1992: 50-52].

Первую модель автор объясняет при помощи высказывания Шиллера: «Мировая история является судом над миром», который, по его мнению, выражает «некое временное имманентное подобие последнего суда, проходящего постоянно и неустанно» [Koselleck, 2006: 208]. В данном понятии история рассматривается и интерпретируется как непрерывно продолжающийся кризис. Само понятие «кризис» здесь становится процессуальной категорией, при помощи которой выражается постоянная, неизменная черта человеческой истории.

Во втором случае кризис связан с пересечением рамок разных эпох, с бурным переходом от одного этапа к другому. Речь идет об итерационном понятии, в соответствии с которым кризис периодически появляется в истории как некое «динамо» развития или прогресса. В данном случае кризис воспринимается как одноразовый, ускоряющийся процесс, в котором из разрушения существующей системы рождается и развивается новая ситуация.

В рамках данного понятия над проблематикой исторических кризисов в XIX в. размышлял историк Якоб Буркхардт [Burckhardt, 1971 (1873): 125-160].

В третьем варианте кризис воспринимается в качестве конечного кризиса исто-

рии, метафорически говоря, как ее «судный день» или «Grande Crise Finale» [Koselleck, 2006: 212]. Козеллек констатирует, что в данном случае кризис, в отличие от предыдущих понятий, является понятием «чисто будущего характера», связанным с определенным ожидаемым «последним решением», после которого история будет выглядеть совершенно иначе, чем прежде. Данное понятие, по мнению этого автора, в XIX в. носило утопичный характер, однако «при современных средствах, позволяющих самоуничтожение, у него есть все шансы для того, чтобы осуществиться» [Koselleck, 1992: 51].

Риск, кризис, катастрофа и коллапс

В сегодняшних социальных науках кризис в особенности близок к таким понятиям, как «риск», «катастрофа» и «коллапс». Речь идет о терминах, очень часто служащих для выражения опасений, которые в определенных случаях даже принимают апокалипсические размеры. Риск обычно связывают с тем, что может предшествовать кризису и воздействовать на его возникновение; катастрофа или коллапс, напротив, связывают с результатом, к которому может привести развитие факторов риска или неконтролируемого кризиса. Таким образом, кризис воспринимается в качестве того, что прямо предшествует катастрофе или коллапсу, создает и вызывает их. Катастрофа и коллапс, в свою очередь, воспринимаются как некая высшая фаза или финальная стадия кризиса, как негативная кульминация кризисного развития. Катастрофа, по сути, может восприниматься как синоним коллапса, или же коллапсом можно считать такую катастрофу, которая обладает абсолютно разрушительным характером.

Понятие «риск» стало популярным, а широко известной эта проблема становится во второй половине 1980-х гг. благодаря

прежде всего Ульриху Беку [Beck, 2004 (1986)], который формулирует тезис, согласно которому современное индустриальное общество продуцирует как неосознанное следствие своего экономического роста и технического развития такой риск, который превышает меру терпимости и становится самоуничтожающим азартом. Общество, создающее опасность и риск в массовых масштабах, является «обществом риска».

Британский социолог Энтони Гидденс [Giddens, 2000: 33-50] констатирует, что концепция риска берет свое начало в страховой системе, которая родилась в связи с морскими плаваниями XVI и XVII вв. Риск – это потенциальная опасность, это что-то, что может, но не обязательно должно настать. Изначально это понятие относилось к опасности, которую связывали с преодолением значительных расстояний в пространстве. Позже его применили к банковским операциям и инвестиционной деятельности, которые связаны со временем и с вероятными последствиями определенных экономических решений.

Таким образом, риск связан с сознанием вероятности и неизвестности. Капитализм, акцентирующий размер будущего таким образом, что беспрестанно подсчитывает будущую прибыль и убытки, неразделимо связан с риском, и поэтому в нем происходит размах в области страховых систем. Благодаря страхованию у людей появляется вера в то, что у них есть возможность воздействовать на будущее и управлять им.

Таким образом, идея риска была с самого начала составной частью модерна, однако характер сегодняшних рисков новый и существенно отличный. Индустриализм XIX в., который выстроил против своих рисков страховую систему, основанную на точном расчете уровня риска и на обоснованном вычислении

возмещения и компенсации возникших убытков, пытался внести в сферу неопределенности и потенциальных угроз определенную рациональность. Однако по отношению к сегодняшним рискам такие защитные меры прошлых лет не работают. Это риски, которые уже нельзя социально ограничить; их новое качество состоит в том, что угрозы уже касаются не какого-то конкретного места (например, промышленного предприятия), а жизни на этой планете во всех ее проявлениях в целом — одним словом, это глобальные риски.

Характерной чертой современных рисков является их «непреодолимость», которая связана со способом, которым они распространяются: они становятся «безбилетными пассажирами нормального потребления. Они путешествуют с ветром и водой, они скрываются во всем и с тем, что наиболее необходимо для жизни, — с воздухом, которым мы дышим, с пищей, одеждой и с домашним обиходом, — они преодолевают все так строго контролируемые защитные зоны модерна» [Beck, 2004: 11].

Следующей важной характеристикой этих рисков является «латентность», т.е. некоторая их «невидимость». Из-за нее мы сталкиваемся с проблемой, которая не была известна в условиях индустриального общества XIX в.: как вообще отличить риски? Для наших врожденных чувств они непостижимы, для их диагностирования необходимы измерительные приборы и научная аппаратура. Угроза и разрушения, которым были подвержены люди в результате аварии атомного реактора в Чернобыле как на самом месте, так и в отдаленных областях, находятся за границами способности человеческого восприятия.

Таким образом, в первую очередь риски нужно выявить и дать им имя. Это задача,

которую часто усложняет не только сам факт их латентности, но и тот факт, что речь идет о высокомногослойных комплексах причин и эффектов, находящихся за границами каждодневного знания. Ключевую роль в их идентификации и определении играет наука. Бек в этой связи переинтерпретирует известное изречение Маркса и констатирует, что в обществе риска «сознание определяет бытие». Риски становятся тем, чем они являются, только благодаря тому, что их распознают эксперты. Однако это правда, что, пока они «научно не признаны, они не существуют, — по крайней мере, не в правовом, медицинском, технологическом и социальном смысле. Значит, они и не подавляются, не преодолеваются и не компенсируются» [Beck, 2004: 95].

Бек говорит о том, что приход общества риска, которое является следствием существования модернизационных рисков, представляет собой коренное общественное изменение, которое, однако же, произошло не открыто, а втайне, формой какой-то «тихой революции»; это переворот без субъекта и без смены элит, влияющий на общую судьбу всех живых существ на этой планете. И если сегодня в результате глобальной взаимосвязи и глобального контекста отдельные типы угроз взаимно переплетаются и усиливаются, то нужно говорить о «мировом обществе риска» [Beck, 1999].

Катастрофа — слово греческого происхождения — обозначает событие, которое негативным образом изменяет предыдущее состояние и ведет к большому ущербу. Теория катастроф развивается как отрасль математики (к основоположникам относятся Рене Том [Thom, 1989]), которая нашла применение и в других дисциплинах, таких как, например, биология, психология или медицина. Следовательно, задуманная теория изучает прежде всего проблему,

каким образом в результате кумуляции небольших эффектов могут произойти важные события катастрофического характера [Buchanan, 2004]. В области социальных наук интерес к катастрофам, в особенности экологического характера, был вызван работой Чарльза Перроу «Normal Accidents: Living with High Risk Technologies» [Perrow, 1984] и далее развился в связи с ориентацией на проблематику модернизационных рисков, которую инициировала работа Ульриха Бека.

Рене Том поднимает и изучает, кроме всего прочего, вопрос о том, всегда ли кризис проявляется при помощи каких-либо видимых знаков или морфологических симптомов. Он констатирует, что в случае живых существ факторы риска остаются относительно незаметными и иногда даже совсем отсутствуют. Это происходит из-за того, что обычно, в то время как функция во время кризиса поддается неблагоприятному воздействию, структура часто остается невредимой [Thom, 1992: 23]. С этой точки зрения, по мнению автора, необходимо принципиально различать кризис и катастрофу. Катастрофа «представляет собой феномен по своей сути хорошо видимый, определенную наблюдаемую дисконтинуальность, совершенно очевидный «факт». Кризис может быть латентным или коварно подкрадывающимся. Достаточно часто он проявляется только в количественном (а не качественном) сбое определенного регулятивного процесса: это <...> случай инфляционного кризиса в экономике. Однако между кризисом и катастрофой существует очевидная взаимосвязь: кризис часто оповещает о катастрофе, предвосхищает или вызывает ее» [там же].

Если катастрофы обладают характером такого упадка или сбоя в системе, который происходит как неуправляемое и неконтролируемое падение, то можно говорить о

коллапсе. В 1988 г. американский археолог Джозеф А. Тейнтер поднял в книге «Коллапсы сложных обществ» вопрос: почему в прошлом пали многие цивилизации, государственные органы или другие сложные формы организации человеческого общества? Автор приводит почти два десятка случаев общественных коллапсов, которые произошли в прошлом (к наиболее известным относится случай государств-городов майя) [Tainter, 2009 (1988)]. Тема, поднятая в этой работе, позднее станет популярной, в особенности благодаря книге Джареда Даймонда [Diamond, 2008], и дискутируется в научной литературе [Taylor, 2008; McAnany, Yoffee, 2010; Bárta, Kovář, 2011]. При этом очевидно, что мотивацией к столь широкому интересу к проблематике коллапсов являются актуальные вопросы, связанные с опасением того, не угрожает ли нечто подобное и нашей современной цивилизации.

Одно понятие – множество разнообразных проявлений

Было сказано, что первоначальное значение понятия «кризис» связано с последней, решающей минутой развития, в которой решается вопрос о бытии или небытии. Люди противостоят кризисам и должны преодолевать их на протяжении многих веков. Они представляют собой нечто наподобие элемента «*conditio humana*» [Úvodem: 5] – того, с чем в своей жизни люди встречаются испокон веков. При этом речь может идти о кризисах единичного, уникального характера, а также о кризисах, которые периодически повторяются. Очень часто кризисы бывают переходным этапом между двумя этапами развития. Причем протекание кризисов может иметь разный характер. В некоторых случаях речь может идти о медленном, плавном или приближающемся процессе, в иных случаях о внезапном и быстром повороте событий. Специфическим образом кризис

воспринимается некоторыми мыслителями как некий атрибут модерна, как что-то, что «генетически» связано с его развитием и с самого начала сопровождает его. В этом смысле признаки кризиса выявляются многими теоретиками постоянно, в течение всей современной истории.

Теории, изучающие кризисы, обычно прослеживают несколько основных проблем, к которым относятся вопросы их причин, движущих сил, индивидуальных и коллективных акторов, структур и функций, причинности и взаимозависимости, закономерности и случайности [Prisching, 1986: 38-58].

О кризисах можно рассуждать на разных уровнях. Речь может идти о кризисах индивидуальной человеческой жизни [Lay, 1980: 175-181], которые изучаются естественными науками и психологией, или же о кризисах семейных или межлических отношений.

Социальные науки интересуются прежде всего кризисами в обществе. Они могут иметь частичный характер и касаться отдельных областей жизни общества или же отдельных общественных подсистем (экономика, политика, религия, культура, наука), а также речь может идти о кризисах целостного, комплексного (национального, общественного) характера. В наиболее широком масштабе кризисы могут проявляться как кризисы международного (мирового, глобального) характера.

Поль Рикер говорит о «региональных» понятиях и об «общем» понятии кризиса. В своем анализе он задумывается над несколькими «очагами», из которых исходит «региональное» использование этого термина, и задается вопросом о том, можно ли прийти от них к понятию «общему» или «глобальному» [Ricoeur, 1992: 29-42].

Первый «очаг», являющийся основанием одного из «региональных» понятий

— медицина, в которой кризис является той минутой болезни, когда проявляется ее «скрытая паталогичность» и решается вопрос, произойдет выздоровление или нет.

Вторым очагом является область психофизиологического развития, где это понятие используется не для того, чтобы с его помощью выразить угрозу какой-то катастрофы, а для того, чтобы подчеркнуть те периоды развития, которые отличаются повышенным неравновесием и уязвимостью (например, взросление). Третий случай, обозначаемый как «космополитная» модель, касается рассуждений о кризисе на уровне мировой политической истории. Четвертая, «эпистемологическая» модель связана с развитием в области науки (в трактовке Куна речь идет о парадигматическом кризисе).

Пятый случай — это экономическое понятие. Именно экономический кризис, отличающийся автономностью, периодичностью и глобальным характером, по мнению Рикера, представляет собой один из основных импульсов для развития общей теории кризиса. Сам автор на основании анализа приходит к такому обобщающему понятию, в котором кризис определяется как «патология процесса темпорализации истории», которая «состоит в дисфункции нормальных отношений между горизонтом ожидания и зоной опыта» [там же: 42].

В этой связи уместно вспомнить мысль Кнута Борхардта (вдохновленного Марксом), что полезно различать кризисы «в себе» и кризисы «для себя» [Borchardt, 1992: 105]. Кризисы «в себе» — это объективная реальность, которую люди (пока) не осознают, в то время как кризис «для себя» — это уже ситуация, в которой его проявления становятся составной частью человеческого опыта и самовосприятия. Добавим, что, однако же, в рамках этого

самовосприятия кризис может рассматриваться разными способами: он может восприниматься как «предупреждение» (в том смысле, что нужно что-то сделать, чтобы избежать самого плохого, т.е. катастрофы или коллапса); как «злокачественное заболевание», которое нужно лечить, чтобы прожить в здравии; как «доброкачественное заболевание», которое нет смысла лечить, а нужно им переболеть, чтобы укрепить иммунитет нашего «организма»; а также как «рок», против которого бесполезно что-то предпринимать. Для сознания кризиса характерно чувство угрозы или даже страха перед гибелью. Мысль о кризисе часто бывает связана с минутой удивления, т.к. минуты кризиса обычно проявляются внезапно, неожиданно и с сильной интенсивностью. Это вызывает острую необходимость поиска решения, которая, тем не менее, связана с чувствами нехватки времени и неуверенности.

Попытки разрешения кризисных ситуаций могут иметь форму вмешательства, которое касается их настоящих источников и проблем и пытается их каким-либо образом преодолеть, однако случается и то, что, в особенности в случае политических кризисов, ведутся поиски их «запасных» решений. Льюис Козер в этой связи говорит о «ненастоящих» или «нереалистических» конфликтах, которые могут проходить двумя способами [Coser, 1965: 57-66].

В первом случае используется то, что Козер называет «вентилирующей» институцией. Их задача — способствовать поддержанию системы при помощи ослабления чрезмерного давления, происходящего из вражеских и агрессивных эмоций, таким образом, чтобы перенести его в другую область, например в область драматического массового зрелища или область сатиры и шутки, в которых может происходить релаксация без каких-либо серьезных последствий.

Второй способ решения нереалистических конфликтов, называемый методом «козла отпущения», влечёт за собой значительно более пагубные последствия. В данном случае конфликтная ситуация протекает так, что вражеские эмоции оборачиваются против «замещающего» объекта в форме определенной группы людей, которых называют виновниками и на которых срывается злость. Таким «козлом отпущения» обычно становятся этнические меньшинства или религиозные группы.

Плюрализм рамок толкования

Взгляд на кризисы, катастрофы и коллапсы в историко-социологическом исследовании обусловлен тем, в какие рамки толкования заключаются проблемы, связанные с этими понятиями, а также тем, в какой теоретической и пространственно-временной взаимосвязи о них рассуждают. Все названные понятия можно отнести к общей концепции социальных изменений. То, как в контексте различных концепций рассматривается и интерпретируется сама проблема социальных изменений, в значительной степени определяет и дифференцирует и способ восприятия, а также использования данных понятий.

Морин Т. Холлинан, задавая провокационный вопрос, можно ли вообще развить теорию социальных изменений, приводит три аргумента, которые могли бы прозвучать из уст тех, кто отрицает такую возможность [Hallinan, 2000: 181].

Первый аргумент раздается из уст исторических релятивистов, которые утверждают, что те выводы, которые можно сделать из анализа определенного конкретного исторического события, нельзя обобщить и использовать для объяснения других конкретных событий, т.к. они никогда не происходят при идентичных условиях. Вторым аргументом оперирует мыслью, согласно ко-

торой каждое социальное изменение представляет настолько комплексное явление, что практически невозможно принять во внимание все значимые отношения, которые могут повлиять на причины и процесс изменений. Третий аргумент касается того, что формулу изменений, которая обычно содержится в соответствующей теории, нельзя вывести непосредственно из самих фактов, которыми оперирует историческая наука и что она всегда является результатом определенного интеллектуального воображения.

Из приведенных примеров видно, что аргументы против теоретизирования о социальных изменениях раздаются в основном со стороны исторической науки. Социология же, наоборот, с самого своего начала считала исторический взгляд своего рода узким, ограниченным описанием и лишенным стремления к обобщению.

Если не принимать во внимание хронологию того, каким образом появлялась и снова исчезала тема социальной динамики и изменений в истории социологического мышления, то можно констатировать, что с точки зрения принципов трактовки выделяется несколько типов теорий социальных изменений. Первым типом являются циклические теории, которые предполагают, что в своем развитии социальные изменения следуют по кругу. Второй тип представляют теории, в которых подчеркивается аспект дисконтинуальности, которая может иметь характер революционного скачка или перелома. Третий тип представляют теории линейного, непрерывного развития, которые по большей части (однако не всегда) связаны с идеей эволюции.

Теории циклического развития и изменений развиваются в двух основных вариантах. Первый вариант, рассматривая историю монистическим образом, предполагает, что она представляет собой единое течение, внутренне разделенное

на периоды, которые повторно возвращаются. Второй вариант рассматривает историю плюралистическим образом: история не едина, она формируется благодаря существованию отдельных культур или цивилизаций, каждая из которых проходит по пути своего собственного развития, следуя по кругу, ведущему от зарождения, через стадию зрелости, к упадку и исчезновению. Первый вариант можно продемонстрировать на примере теории круговорота элит итальянского социолога Вильфреда Парето [Pareto, 1968], а также при помощи концепции смены культурных суперсистем, сформулированной Питиримом Сорокиным [Sorokin, 1937–1941]. Второй вариант представлен подходом немецкого философа Освальда Шпенглера [Spengler, 2011], а в особенности монументальным двенадцатитомным трактатом «Постижение истории» британского историка Арнольда Джозефа Тойнби [Toynbee, 1934–1961]. В обоих вариантах циклических теорий у кризиса есть свое важное место. В первом случае он связан с ситуацией, которая предшествует переходу в другую фазу развития (см. [Sorokin, 1948: 10–20]), во втором случае — с переходом к упадочной, декадентской фазе исторического цикла, направленного к исчезновению.

К теориям, в которых подчеркивается аспект дисконтинуальности, которая может обладать характером революционного скачка или перелома, относятся марксизм и некоторые развивающие его концепции исторической социологии [Moore, 1966; Skocpol, 1979]. Однако с концепциями революций и переломов в развитии можно встретиться и в некоторых других подходах. Примером может послужить постструктурализм Мишеля Фуко [Foucault, 1987], который рассуждает об исторических разрывах, а также теория научных

революций Томаса Куна [Kuhn, 1997]. Во всех этих случаях кризис является тем, что оповещает о конце одного исторического периода и оглашает приход нового, качественно иного периода.

Теории линейного развития подчеркивают непрерывный ход истории, которая протекает линейным образом. Изменения в данном случае обычно воспринимаются как процесс и результат сдвигов, постепенно приводящих к нарастанию или убыванию в определенной области или в прослеживаемом параметре.

На теории данного типа в XIX и в первой половине XX в. в значительной степени повлияла мысль о том, что человеческая история обладает восходящим развитием и следует по пути прогресса. Данному представлению соответствовала первоначальная теория эволюции, которая родилась в XIX в.

В рамках социологического мышления можно выделить классический эволюционизм, который представлен Гербертом Спенсером и Эмилем Дюркгеймом, и неэволюционизм, особенно развивавшийся в рамках структурного функционализма и системной теории (Нейл Смелзер, Толкотт Парсонс, Никлас Луман). С перспективы теории эволюции тему кризиса в своей книге рассматривает Манфред Пришинг. Этот автор связывает эволюцию с проблемой необходимости общественного равновесия и адаптации в смысле приспособления к жизненным условиям, в которых находится общество, а кризис в этом контексте он рассматривает как «адаптационный дефицит» [Prisiching, 1986: 66]. Воспринимаемое таким образом понятие кризиса, в свою очередь, относится к самым разнообразным общественным явлениям, таким как экономический и финансовый кризис, экологический кризис, кризис роста, кризис социального государства, кризис государственного

управления, кризис легитимности и кризис идентичности.

Помимо различных понятий теории социальных изменений важную роль в подходах к проблематике кризиса, катастрофы и коллапса играет также точка зрения пространственно-временных рамок. Французский историк Фернан Бродель констатирует, что в многообразии времен, которое раскрывает изучение истории, можно выделить: а) краткие временные процессы, «*courte durée*», связанные с индивидуальными судьбами и отдельными событиями; б) циклические процессы, примером которых могут послужить экономические циклы («конъюнктуры»); в) (очень) длительные периоды времени – «*longue durée*» [Braudel, 1972: 189-215].

По аналогии с тремя типами времени в последующем можно различить и три разных скорости исторического движения: а) быстрое движение, относящееся к хронологии («*temps individuel*», in: «*histoire événementielle*»); б) более медленный, но все еще видимый ритм, относящийся к переменам в политической, культурной и экономической системе («*temps social*», in: «*histoire conjoncturelle*»); в) практически невидимое течение «геоистории», т.е. история отношений между человеком и его средой («*temps géographique*», in: «*histoire structurelle*»); история как бы без движения, история постоянного повторения и неустанно возвращающихся циклов [Baert, 1992: 42]. Броделя позже дополняет Иммануил Валлерстайн, который подчеркивает, что время и пространство нельзя анализировать отдельно, потому что у каждого времени есть свое место, а у каждого места есть свое время, поэтому определенные виды времени и пространства связаны друг с другом.

Валлерстайн создает концепцию пяти разных видов пространства-времени: I. «Эпизодично-геополитическое про-

странство-время»; II. «Конъюнктурно-идеологическое пространство-время»; III. «Структуральное пространство-время»²; IV. «Вечное пространство-время»³; V. «Трансформаторное пространство-время»⁴ [Wallerstein, 2000].

То, что важно в обеих типологиях, как у Броделя, так и у Валлерстайна, – это то, что разные исторические события, включая кризисы, катастрофы или коллапсы, можно рассматривать с различных перспектив, которые раскрываются на разных уровнях времени или пространства-времени. С каждой из этих перспектив на изучаемые события открывается несколько другой взгляд. В то время как с перспективы «*histoire événementielle*» мы видим кризис как определенное историческое событие или череду событий, с точки зрения взгляда

² Понятие Валлерстайна «эпизодично-геополитического», «конъюнктурно-идеологического» и «структурального пространства-времени» соответствует представлению Броделя о различной динамике исторических движений, которые происходят на уровне «*histoire événementielle*», «*histoire conjoncturelle*» и «*histoire structurelle*».

³ На идею вечного пространства-времени Валлерстайна, безусловно, оказала влияние концепция Питирима Сорокина, который в своем труде «*Sociocultural Causality*» (с 1943 г.) рассуждает о трех уровнях социокультурного времени, которые, вдохновленный средневековыми философами, он обозначает выражениями «*tempus*» (время), «*aevum*» (век), «*aeternitas*» (вечность) [Sorokin, 1964: 216]. «*Tempus*» относится к таким явлениям, которые находятся в потоке изменений. Область «*aevum*» связана с большинством социокультурных реалий, правд и ценностей, в случае которых предполагается, что они будут (как «полувечные») действовать неопределенно длительное время. «*Aeternitas*» представляет собой уровень, на котором находятся вечные реалии, правды, чистые значения и ценности; это свет их вечного, неизменного, вневременного бытия.

⁴ Трансформаторное пространство-время связано с вопросом: есть ли и каким образом существуют исторические переходы, революции или моменты выбора? Автор констатирует, что «трансформаторное пространство-время» связано с концепцией «структурального пространства-времени», т.к. оно может появиться только в том случае, если существуют структуры развития, ведущие к разветвлению с неясным окончанием. На этом месте возникает вопрос, действительно ли дискутируемое событие является тем моментом, в котором происходит такое разветвление. И если это так, то какие исторические альтернативы есть у этой системы?

«*histoire conjoncturelle*» тот же кризис может представляться в другом свете, а именно как составная часть более широкого целого длительно проходящих циклов развития взлетов и падений. Наконец, с перспективы «*histoire structurelle*» данное событие можно рассматривать еще несколько иначе: либо как проявление определенного, длительно повторяющегося структурального образца, либо, наоборот, как момент, в котором нарушается существующее развитие и обращается к установлению иного образца, другой структуры.

Сам Валлерстайн продемонстрировал эту проблему на примере распада Советского Союза [там же: 114-116]. На уровне «*histoire événementielle*» мы можем рассматривать его как цепную реакцию определенных исторических событий, которые были детально проанализированы уже в целом ряде исследований. Тем не менее на уровне «*histoire conjoncturelle*», а «*histoire structurelle*» в данном случае предоставляется не одна, а сразу несколько возможностей одновременно, а именно в зависимости от того, каких объяснительных рамок («структурального пространства-времени») мы будем придерживаться.

Ими может стать: а) историческое развитие мировой экономической системы (выраженное при помощи категорий «центр», «периферия» и «полупериферия»); б) история той части света, которая стала на путь модернизационного развития; в) или той части, которая индустриализировалась; г) а также пространство-время, определенное религиозно-культурным образом (Константинополь, Византия, Москва). Однако в то же время появляются и такие подходы, которые основываются на предположении о «вечном пространстве-времени», а они рассматривают развал СССР как неизбежное событие, которому предшествовала, по сути, тщетная попытка противостояния естественной человеческой склонности к

частной собственности. И наконец, можно также рассуждать о рамках «трансформаторного пространства-времени», которое, по мнению Валлерстайна, связано с концепцией структурального пространства-времени, т.к. оно возникает только тогда, когда существуют структуры развития, которые ведут к разветвлению (бифуркации) с неопределенным окончанием. В таком случае нужно спросить себя, действительно ли дискутируемый вопрос является тем моментом, в котором происходит такое разветвление, и какие исторические альтернативы могут последовать за ним.

Заключение

Позиция представителей отдельных социальных наук по отношению к проблематике кризисов, безусловно, не является идентичной. Специфичной в этом смысле является в особенности экономика, в рамках которой кризисы изучались еще с половины XIX в. [de Soto, 2009]. Однако, как обращает наше внимание Кнут Борхардт, периодичность, с которой возникают кризисы в капиталистической экономике, в глазах многих экономистов, лишила это явление характера чего-то необычного.

С перспективы циклического развития кризис кажется чем-то, что, по сути, является «таким же нормальным», как и каждая другая фаза цикла [Borchardt, 1992: 95]. Кроме того, многие теоретики приписывают ему оздоровительный характер, благодаря которому последующий процесс может направиться к новой восходящей фазе, конъюнктуре. Исключение в этом смысле составлял мировой экономический кризис 1929 г., который проходил иначе, чем его предшественники, и отличался небывалыми деструктивными последствиями [Smiley, 2009; Vodička, 2009]. Борхардт в этом контексте предостерегает от преувеличенного оптимизма и надежды на функциональность экономических кризисов. Он подчеркивает, что кризисы необходимо изучать

и извлекать из них знания, которые могут послужить для «корректировки структуральных диссонансов» [Borchardt, 1992: 104].

В этой связи ключевым на сегодняшний день представляется вопрос о том, какой характер и значимость нужно придавать современным проявлениям экономического кризиса [Foster – Magdoff, 2009; Varoufakis, 2013; Lynn, 2013]. Идет речь об одной из множества нисходящих фаз в рамках повторяющихся экономических циклов? Или характер этого кризиса другой, более глубокий и значительный? Одним из тех, чье мнение раздается в дискуссии на эту тему, является Петр Робейшек, который считает, что недавний кризис финансовой индустрии был лишь «антрактом в обостряющемся глобальном кризисе». В поддержку этого тезиса он приводит четыре важных довода: 1. Усиливается тенденция к созданию слишком больших экономических целых (конгломератов фирм), которые невозможно демократическим образом эффективно регулировать. 2. Авторитарные режимы сегодня «способны продвигать свой экономический потенциал более эффективно, чем западные демократии». 3. В развитых западных странах «длительное время уменьшается количество рабочих мест, которые прокормят в среднем одаренных людей», которые, таким образом, теряют надежду на сохранение существующего жизненного уровня. 4. «Развивающиеся страны не могут ни при помощи разделения труда, ни развитых экономик достичь западного уровня благосостояния» [Robejšek, 2010: 38-41].

Еще более радикальными в своих прогнозах являются Иммануил Валлерстайн, Рэндалл Коллинз, Майкл Манн, Георгий Дерлугьян и Крейг Калхун [Wallerstein – Collins – Mann – Derluigian – Calhoun, 2013: 163-192]. Данные авторы констатируют, что в современном мире свет оказался в конце среднедолгой исторической

фазы, которая берет свое начало в кризисе 1970-х гг. Они сходятся на том, что мы вступили в бурный и темный период истории, о котором можно предполагать, что он продлится несколько десятков лет и с большой вероятностью приведет к значительным структуральным изменениям во всемирном масштабе. Они считают, что при этом можно рассматривать минимально три альтернативы развития: одной из них является конечный кризис капитализма как мировой системы; второй является упадок прежних капиталистических гегемонов и их замещение новыми; третью альтернативу представляет экологический шок глобальных размеров, вызывающий другие последующие изменения [там же: 178].

По мнению данных авторов, можно ожидать, что системный кризис таких размеров будет сеять разрушения и стимулировать насильственные действия. Поэтому

уже сейчас необходимо обдумывать возможности коллективных стратегий того, как справляться с такими ситуациями и предупредить насильственные действия.

Добавим, что перечисленные мнения представляют только часть целого ряда диагнозов, с которыми можно встретиться в современных полемиках. В частности эти диагнозы нередко отличаются, однако важно то, что многие из них подсказывают, что проблемы, перед которыми мы стоим, очевидно, более глубокие, чем мы часто готовы допустить. А это может быть опасным, т.к. если современная фаза развития модерна связана с предпосылкой рефлексивности (рефлексивной модернизации), то недостаточная и неадекватная рефлексия происходящих процессов может стать тем, что своей специфической лептой способствует тому, что кризис может стать предвестником краха, т.е. коллапса.

Литература

1. Baert, P. 1992. „Time, Self and Social Being: Temporality within a social context.“ Avebury: Aldershot.
2. Bárta, Miroslav – Kovář, Martin a kol. 2011. *Kolaps a regenerace: Cesty civilizací a kultur*. Praha: Academia.
3. Beck, Ulrich 1999. *World Risk Society*. Cambridge: Polity Press.
4. Beck, Ulrich 2004. *Riziková společnost: Na cestě k jiné moderně*. Praha: Sociologické nakladatelství.
5. Borchardt, Knut 1992. „Proměny v přemýšlení o hospodářských krizích.“ In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV, s. 94-113.
6. Braudel, Fernand 1972. „Geschichte und Sozialwissenschaften – Die „longue durée“.“ In: Wehler, Hans-Ulrich (ed.) *Geschichte und Soziologie*. Köln: Kiepenheuer – Witsch, s. 189-215.
7. Buchanan, Mark 2004. *Všeobecný princip: Věda o historii*. Praha: Baronet.
8. Burckhardt, Jacob 1971 (1873). *Úvahy o světových dějinách*. Praha: Melantrich.
9. Coser, Lewis A. 1965. *Theorie sozialer Konflikte*. Neuwied: Luchterhand.
10. Diamond, Jared 2008. *Kolaps: Proč společnosti zanikají či přežívají*. Praha: Academia.
11. Foster, John Bellamy – Magdoff, Fred 2009. *Velká finanční krize: příčiny a následky*. Všeň: Grimmus.
12. Foucault, Michel 1987. *Slová a věci: Archeológia humanitných vied*. Bratislava: Pravda.
13. Friedmann, Georges 1937. *Krise pokroku*. Praha: Mánes.
14. Giddens, Anthony 2000. *Unikající svět: Jak globalizace mění náš život*. Praha: Sociologické nakladatelství.
15. Hallinan, Maureen T. 2000. „Die soziologische Analyse des sozialen Wandels.“ In: Bögenhold, Dieter (ed.), *Moderne amerikanisme Soziologie*. Stuttgart: Lucius & Lucius, s. 177-197.
16. Husserl, Edmund 1972. *Krise evropských věd a transcendentální fenomenologie*. Praha: Academia.
17. Koselleck, Reinhart 1992. „Některé otázky spojené s dějinami pojmu „krize“.“ In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV, s. 47-57.
18. Koselleck, Reinhart 2006. *Begriffsgeschichten: Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

19. Kuhn, Thomas Samuel, 1997. *Struktura vědeckých revolucí*. Praha: OIKOYMENH.
20. Lay, Rupert 1980. *Krisen und Konflikte: Ursachen, Ablauf, Überwindung*. München: Wirtschaftsverlag Langen-Müller/Herbig.
21. Lynn, Matthew 2013. *The Long Depression: The Slump of 2008 to 2031*. Cranbrook: Endeavour Press.
22. McAnany, Patricia A. – Yoffee, Norman 2010. *Questioning Collapse: Human Resilience, Ecological Vulnerability, and the Aftermath of Empire*. New York: Cambridge University Press.
23. Moore, Barrington, 1966. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. London: Allen Lane.
24. Pareto, Vilfredo 1968. *The Rise and Fall of the Elites*. Totowa (New Jersey): The Bedminster Press.
25. Perrow, Charles 1984. *Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies*. New York: Basic Book.
26. Prisching, Manfred 1986. *Krisen: Eine soziologische Untersuchung*. Wien: Hermann Böhlau Nachf.
27. Ricoeur, Paul 1992. „Je krize jevem specificky moderním?“ In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV, s. 29-46.
28. Robejšek, Petr, 2010. „Historie se neopakuje!“ In: *Kavárna, MF Dnes*, 7. 8. 2010, s. 38-41.
29. Simmel, Georg 1983. *Philosophische Kultur: Über das Abenteuer, die Geschlechter und die Krise der Moderne (Gesammelte Essays)*. Berlin: Wagenbach.
30. Smiley, Gene 2009. *Nový pohled na velkou hospodářskou krizi*. Praha: Wolters Kluwer.
31. Skocpol, Theda 1979. *States nad Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge University Press.
32. Sorokin, Pitirim A. 1937-1941. *Social and Cultural Dynamics*. New York: American Book Company.
33. Sorokin, Pitirim A. 1948 (1942). *Krise našeho věku*. Praha: Tiskařské a vydavatelské družstvo československého obchodnictva v Praze.
34. Sorokin, P.A. 1964 (1943). *Sociocultural Causality, Space, Time: A Study of Referential Principles of Sociology and Social Science*. New York: Russell-Russell INC.
35. de Soto, Jesús Huerta 2009. *Peníze, banky a hospodářské krize*. Praha: ASPI.
36. Spengler, Oswald 2011. *Zánik západu: Obrisy morfologie světových dějin*. Praha: Academia.
37. Tainter, Joseph A. 2009 (1988). *Kolapsy složitých společností*. Praha: Dokořán.
38. Taylor, Graeme 2008. *Evolutions Edge: The Coming Colapse and Transformation our World*. Gabriola Island (Canada): New Society Publishers.
39. Thom, René 1989. *Structural Stability and Morphogenesis: An Outline of a General Theory of Models*. Reading (MA): Addison-Wesley.
40. Thom, René 1992. „Krise a katastrofa.“ In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV, s. 23-28.
41. Toynbee, Arnold J. 1934-1961. *Study of History I-XII*. Oxford: Oxford University Press.
42. „Úvodem.“ In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV, s. 5-7.
43. Varoufakis, Yanis 2013. *Globální Minotaurus: Amerika, Evropa, krize a budoucnost globální ekonomiky*. Praha: Rybka Publishers.
44. Vodička, Milan 2009. *Den, kdy došly prachy*. Praha: Práh.
45. Wallerstein, Immanuel 2000. „Der ZeitRaum der Weltsystemanalyse.“ In: Bögehold, Dieter (ed.), *Moderne amerikanische Soziologie*. Stuttgart: Lucius & Lucius.
46. Wallerstein, Immanuel – Collins, Randall – Mann, Michael – Derluguian, Georgi – Calhoun, Craig 2013, *Does Capitalism Have a Future?* Oxford, New York: Oxford University Press.

Reflections on the concept “crisis”

Jiří Šubrt – Ph.D., Associate Professor, Charles University in Prague, Faculty of Humanities, Head of the Department of Historical Sociology (Prague, Czech Republic, Jiri.subrt@fhs.cuni.cz)

Abstract. In the preface to the book “The Crisis of Our Age” its author Pitirim Aleksandrovich Sorokin argues that “every important aspect of the life, organization and the culture of Western society is in extraordinary crisis”. And he continues his words of prophecy: “Its body and mind are sick and there is hardly a spot on its body which is not sore” [Sorokin, 1948 (1942): 7]. Sorokin, of course, was not the only one who perceived their modernity as being in a crisis. T.G. Masaryk wrote about many aspects of the “crisis” of his time in the late 19th century. Georg Simmel studied the crisis of culture in the beginning of the 20th century [Simmel, 1983]; Sigmund Freud warned about the dangerous potential of human destructiveness, Oswald Spengler announced the “decline of the West” [Spengler, 2011], and Joseph Alois Schumpeter argued that cyclical manifestations of economic crises¹ relate to the economy like heartbeat to a living organism. While Adolf Hitler was consolidating his power, Edmund Husserl [Husserl, 1972] lectured on “the crisis of the European Sciences”, and Georges Friedmann spoke about the “crisis of progress” [Friedmann, 1937]. The subject of “crisis” is still relevant and it continues to hold a special position in the context of the social sciences after World War II, when political and international crises become a frequently discussed issue. Since the 1970s the energy crisis and environmental crisis have been widely discussed. The late 1980s witnessed the collapse of the socialist system, and the onset of postmodernism emphasizes the issue of identity crisis. And that is not all: the warnings and critical visions of that time are highlighted also due to other concepts, which easily become an integral part of the conceptual luggage of social scientists from many countries – the concepts of “risk”, “catastrophe” and “collapse”.

Key words: concept of crisis, manifestations of crisis situations, cycles of development, crisis in society, theories of social change, resolution of crisis situations.

References

1. Baert P. *Time, Self and Social Being: Temporality within a Social Context*. Avebury: Aldershot, 1992.
2. Bárta M., Kovář M. et al. *Kolaps a regenerace: Cesty civilizací a kultur*. Praha: Academia, 2011.
3. Beck U. *World Risk Society*. Cambridge: Polity Press, 1999.
4. Beck U. *Riziková společnost: Na cestě k jiné moderně*. Praha: Sociologické nakladatelství, 2004.
5. Borchardt K. Proměny v přemýšlení o hospodářských krizích. In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV, 1992. Pp. 94-113.
6. Braudel F. Geschichte und Sozialwissenschaften – Die “longue durée”. In: *Geschichte und Soziologie* Ed. by H.-U. Wehler. Köln: Kiepenheuer – Witsch, 1972. Pp. 189-215.
7. Buchanan M. *Všeobecný princip: Věda o historii*. Praha: Baronet, 2004.
8. Burckhardt J. *Úvahy o světových dějinách*. Praha: Melantrich, 1971 (1873).
9. Coser L.A. *Theorie sozialer Konflikte*. Neuwied: Luchterhand, 1965.
10. Diamond J. *Kolaps: Proč společnosti zanikají či přežívají*. Praha: Academia, 2008.
11. Foster J.B., Magdoff F. *Velká finanční krize: příčiny a následky*. Všeň: Grimmus, 2009.
12. Foucault M. *Slová a věci: Archeologie humanitních věd*. Bratislava: Pravda, 1987.
13. Friedmann G. *Krise pokroku*. Praha: Mánes, 1937.
14. Giddens A. *Unikající svět: Jak globalizace mění náš život*. Praha: Sociologické nakladatelství, 2000.
15. Hallinan M.T. Die soziologische Analyse des sozialen Wandels. In: *Moderne amerikanisme Soziologie*. Ed. by D.Bögenhold. Stuttgart: Lucius & Lucius, 2000. Pp. 177-197.

¹ The French economist Clément Juglar was the first to discover and describe economic cycles in the 1860s.

16. Husserl E. *Križe evropských věd a transcendentální fenomenologie*. Praha: Academia, 1972.
17. Koselleck R. Některé otázky spojené s dějinami pojmu “krize”. In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV, 1992. Pp. 47-57.
18. Koselleck R. *Begriffsgeschichten: Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2006.
19. Kuhn T.S. *Struktura vědeckých revolucí*. Praha: OIKOYMENH, 1997.
20. Lay R. *Krisen und Konflikte: Ursachen, Ablauf, Überwindung*. München: Wirtschaftsverlag Langen-Müller/Herbig, 1980.
21. Lynn M. *The Long Depression: The Slump of 2008 to 2031*. Cranbrook: Endeavour Press, 2013.
22. McAnany P.A., Yoffee N. *Questioning Collapse: Human Resilience, Ecological Vulnerability, and the Aftermath of Empire*. New York: Cambridge University Press, 2010.
23. Moore B. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. London: Allen Lane, 1966.
24. Pareto V. *The Rise and Fall of the Elites*. Totowa (New Jersey): The Bedminster Press, 1968.
25. Perrow Ch. *Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies*. New York: Basic Book, 1984.
26. Prisching M. *Krisen: Eine soziologische Untersuchung*. Wien: Hermann Böhlau Nachf, 1986.
27. Ricoeur P. Je krize jevem specificky moderním? In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV, 1992. Pp. 29-46.
28. Robejšek P. Historie se neopakuje!?. In: *Kavárna, MF Dnes, 7. 8.* 2010. Pp. 38-41.
29. Simmel G. *Philosophische Kultur: Über das Abenteuer, die Geschlechter und die Krise der Moderne (Gesammelte Essays)*. Berlin: Wagenbach. 1983.
30. Smiley G. *Nový pohled na velkou hospodářskou krizi*. Praha: Wolters Kluwer, 2009.
31. Skocpol T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
32. Sorokin P.A. *Social and Cultural Dynamics*. New York: American Book Company, 1937–1941.
33. Sorokin P.A. *Krise našeho věku*. Praha: Tiskařské a vydavatelské družstvo československého obchodnictva v Praze, 1948 (1942).
34. Sorokin P.A. *Sociocultural Causality, Space, Time: A Study of Referential Principles of Sociology and Social Science*. New York: Russell-Russell INC, 1964 (1943).
35. De Soto J.H. *Peníze, banky a hospodářské krize*. Praha: ASPI. 2009.
36. Spengler O. *Zánik západu: Obrisy morfologie světových dějin*. Praha: Academia, 2011.
37. Tainter J.A. *Kolapsy složitých společností*. Praha: Dokořán, 2009 (1988).
38. Taylor G. *Evolutions Edge: The Coming Collapse and Transformation our World*. Gabriola Island (Canada): New Society Publishers. 2008.
39. Thom R. *Structural Stability and Morphogenesis: An Outline of a General Theory of Models*. Reading (MA): Addison-Wesley. 1989.
40. Thom R. Krize a katastrofa. In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV, 1992. Pp. 23-28.
41. Toynbee A.J. *Study of History I-XII*. Oxford: Oxford University Press, 1934–1961.
42. Úvodem. In: *Pojem krize v dnešním myšlení*. Praha: Filozofický ústav ČSAV. Pp. 5-7.
43. Varoufakis Y. *Globální Minotaurus: Amerika, Evropa, krize a budoucnost globální ekonomiky*. Praha: Rybka Publishers, 2013.
44. Vodička M. *Den, kdy došly prachy*. Praha: Práh, 2009.
45. Wallerstein I. Der ZeitRaum der Weltsystemanalyse. In: *Moderne amerikanische Soziologie*. Ed. by D. Bögehold. Stuttgart: Lucius & Lucius, 2000.
46. Wallerstein I., Collins R. Mann M., Derluquian G., Calhoun C. *Does Capitalism Have a Future?* Oxford, New York: Oxford University Press, 2013

Конвергенция регионов Европейского союза: особенности и оценка



**Виктор Васильевич
ВОРОНОВ**

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социологии Российской академии наук; ведущий исследователь, Институт социальных исследований Даугавпилсского университета, эксперт по социологии и экономике Совета по науке Латвийской академии наук (LV5401, Латвия, г. Даугавпилс, ул. Парадес, д. 1, viktor.voronov@du.lv)

Аннотация. Процесс выравнивания уровня социально-экономического развития стран и регионов Европейского союза (ЕС) – важный аспект европейской интеграции, который имеет неоднозначный характер. Закон об Общем рынке, нацеленный на повышение экономической эффективности всего ЕС, стал предметом многочисленных дискуссий европейских исследователей, в которых утверждалось, что его жизнеспособность на политическом и социально-экономическом уровнях зависит от возможности справедливо распределять полученный выигрыш между странами и регионами ЕС. Результатом этих дискуссий стал существенный рост средств, выделяемых на развитие регионов ЕС из структурных фондов, Фонда сплочения и закрепление цели по выравниванию уровней развития регионов в первом разделе Единого европейского акта. Насколько эффективны эти усилия, показывает представленный анализ и оценка процессов региональной конвергенции (по критерию ВВП на 1 человека по паритету покупательной способности) в период экономического подъема ЕС (1995–2004 гг.) и в период 2004–2011 гг., когда в ЕС вступили сразу 12 стран Центральной и Восточной Европы.

Ключевые слова: выравнивание, развитие, конвергенция, дивергенция, регион, Европейский союз.

Введение. Повышение степени сплоченности стран-членов ЕС – важный аспект процесса европейской интеграции и консолидации. В то же время актуальным остается вопрос о том, насколько эта политика действенна для регионов разных уровней. Имеет ли место в ЕС

конвергенция регионов на всех уровнях или она носит избирательный характер и свои особенности у регионов разных уровней? Поэтому целью анализа в работе является оценка процессов конвергенции регионов уровня NUTS 1, -2, -3 в период с 1995 по 2011 г.

В исследованиях европейских ученых доказывалось, что жизнеспособность европейского содружества на политическом и социальном уровнях зависит от возможности справедливо распределять полученный выигрыш между странами и регионами. Результатом этих дискуссий явился существенный рост средств бюджета ЕС, выделенных на региональную политику, а также закрепление цели по выравниванию уровня развития регионов в первом разделе Единого европейского акта (1989). Евро-союз теперь выделяет свыше 1/3 расходов общего бюджета на региональное развитие из структурных фондов и Фонда сплочения. При этом после кризиса 2008 года политика выравнивания диспропорций в развитии регионов ЕС в основном свелась к поддержке новых членов ЕС, что может неоднозначно повлиять на дифференциацию развития «новых» и «старых» стран ЕС.

Неравномерность экономического развития является основополагающим принципом современного рыночного общества. Неравенство вытекает из различий в размерах производства и капитала, из принадлежности к различным областям хозяйства, а также имеет под собой исторические корни. В ЕС десятилетиями проводится активная региональная политика, в связи с чем было произведено упорядочение всей системы существующих в ЕС регионов. В 2003 году была введена для статистического учета на основе правового акта (регулы) Европейского Парламента номенклатура территориально-статистических единиц, то есть NUTS (фр.: *nomenclature des unités territoriales statistiques*, NUTS – стандарт территориального деления в странах и внутри стран Европейского союза для статистических целей) [1]. Под регионами в данной статье автор понимает статистические регионы ЕС, выделенные на основе указанной регулы. В ней выделяются три уровня регионов NUTS и еще два уровня локаль-

ных административных единиц. Регионы 1-го уровня (NUTS 1) имеются в Германии (16 федеральных земель) и еще нескольких крупных государствах, тогда как ряд малых стран ЕС (Дания, Люксембург, Ирландия, Кипр, Мальта, Словения, Словакия, Чехия и три страны Балтии) делятся только на регионы 2-го уровня (NUTS 2) или более малого уровня. Основное внимание при реализации региональной политики в ЕС уделяется 1-му и 2-му уровням и в меньшей степени 3-му. Главным критерием выделения уровней регионов в ЕС является количество населения. Так, принято следующее деление на регионы: для уровня NUTS 1 – от 3 до 7 млн человек (отражает национальный уровень территории для всех стран-членов ЕС), для уровня NUTS 2 – от 800 тыс. до 3 млн (отражает уровень субрегионов, входящих в каждую страну ЕС, исключение составляют лишь Литва, Латвия, Эстония, где уровень NUTS 1 совпадает с уровнем NUTS 2), для уровня NUTS 3 – от 150 тыс. до 800 тыс. человек (это уровень небольших регионов, входящих в субрегионы). В ЕС на 31.12.2011 г. – 97 регионов уровня NUTS 1, 271 регион уровня NUTS 2 и 1303 – уровня NUTS 3.

Основные положения теории конвергенции. Конвергенцией («convergo» – лат.) в социальных науках обозначают сближение, схождение подобных, но не одинаковых объектов. Во второй половине XX века под конвергенцией западные учёные понимали сближение капитализма и социализма как двух типов индустриального общества на схожей технологической основе. Например, Д. Белл [2], Дж. Гэлбрейт [3] и другие. К настоящему времени теоретическое содержание и практический смысл термина «конвергенция» в социальной науке утратили политический аспект и расширились из-за углубляющейся дифференциации отраслей социологической и экономической наук. Социологи (специалисты по эконо-

мической и региональной социологии), экономисты (специалисты по эконометрике, региональной экономике) активно используют этот термин в исследованиях неравномерности социально-экономического развития территорий, территориальной дифференциации и интеграции регионов в интересах их сплочения и укрепления (консолидации). Консолидация территорий анализируется на основе различных концепций конвергенции. Отмечают следующие виды конвергенции: межрегиональную и межстрановую, конвергенцию с точки зрения темпов роста или уровня дохода, абсолютную и условную, клубную, β -конвергенцию и σ -конвергенцию [4]. При этом в российской науке обычно как синонимы используются термины «сближение», «схождение», «сокращение различий», «выравнивание», «конвергенция», а как их антонимы – «расхождение», «дифференциация», «поляризация», «расслоение», «дивергенция». В исследованиях европейских социологов и экономистов утвердились термины «конвергенция» и «дивергенция». Автор статьи следует этой традиции, используя и русские термины, где это оправданно. В работе термин интерпретируется следующим образом: *конвергенция – процесс сближения экономических параметров регионов до определенного уровня.*

Конвергенция с точки зрения темпов роста определяется как выравнивание различных региональных экономик к единой траектории темпов роста. Этот подход исходит из предпосылок неоклассической теории роста [5]. Условная конвергенция предполагает наличие фундаментальных различий и непреодолимой неоднородности в изучаемых объектах, что приводит к различным траекториям экономического роста. Абсолютная – предполагает однородность объектов и наличие единой траектории роста для всех экономик. Клубная,

в отличие от абсолютной, – предполагает, что экономики стран, регионов имеют не единую для всех траекторию роста, а единую среди группы сходных экономик по начальному уровню развития и по другим характеристикам.

β -конвергенция определяет наличие отрицательной корреляции между темпами роста и начальным уровнем развития экономики. Она концептуализируется как процесс «восполнения», при котором бедные страны или регионы имеют более высокие темпы экономического роста. А σ -конвергенция является более общим случаем и подразумевает уменьшение во времени разброса характеристик изучаемых объектов на выборке стран или регионов.

В научной литературе более всего распространены исследования β -конвергенции и σ -конвергенции [6, р. 50-51; 7, р. 715-756]. В термине « β -конвергенция» первая буква означает коэффициент при начальном ВВП на душу населения в оцениваемом уравнении [8; 9]. Гипотезы β -конвергенции и σ -конвергенции взаимосвязаны, но не эквивалентны. Из абсолютной β -конвергенции напрямую не следует σ -конвергенция [10, р. 50-51]. Поэтому исследователями была предложена интерпретация связи между абсолютной β -конвергенцией и σ -конвергенцией [11]. Первая указывает на существование тенденции к сокращению разрыва в ВВП на душу населения. В то же время случайные шоки, воздействующие на экономики регионов, могут противодействовать этой тенденции и временно увеличивать дисперсию распределения ВВП на одного человека.

Методы исследования. В середине 60-х годов XX века английский экономист Дж. Уильямсон установил, что национальное развитие создает увеличивающиеся региональные различия на ранних стадиях,

в то время как на более поздних стадиях экономическое развитие создает сближение региональных уровней, то есть региональную конвергенцию, что приводит к перевернутой U-образной кривой [12, р. 1-84]. Главный аргумент в утверждении учёного заключается в том, что на первых стадиях в регионе имеется несколько полюсов роста, в которых сконцентрированы капитал и квалифицированные рабочие.

В результате более быстрого повышения производительности труда экономический рост ускоряется в этих полюсах и приводит к увеличению региональных различий (дивергенции).

На более поздних стадиях развития растут затраты в областях полюса роста, поэтому капитал, вероятно, перейдет в другие регионы, с более низкой стоимостью рабочей силы. Это, вместе с эффектами равномерного распространения знания, может увеличить перераспределение производительных факторов через сектора и регионы, что приводит к сближению их регионального развития. Отправной точкой для анализа выравнивания служит модель « β -конвергенции», основанная на неоклассической теории роста Р. Солоу [13, р. 312-320].

В рамках этой теории темпы экономического роста положительно скоррелированы с разрывом ВРП на 1 чел. данного региона и ВРП на 1 чел. региона, находящегося на устойчивой траектории роста, которая характеризуется постоянными темпами роста. Следовательно, более слабые регионы должны развиваться быстрее, чем более сильные, и в долгосрочной перспективе будет происходить выравнивание региональных уровней экономического развития [14]. Таким образом, теория β -конвергенции показывает, что сравнительно слабые регионы в начальный период развития характеризуются в среднем более высокими темпами роста.

Для оценки β -конвергенции используются модели «регрессии роста на его исходный уровень» («growth-initial level regressions»), в которых зависимой переменной являются темпы роста, а независимой – первоначальный уровень показателя. Простейшая регрессия такого типа принимает вид: $y_i = a + \beta \ln(x_{i-T}) + e$, где x_{i-T} – показатель в момент времени, предшествовавший текущему моменту времени t на T периодов (как правило, начальный период интеграции или другой значимый для развития интеграционной группировки момент времени), β – подлежащий оценке коэффициент, y_i – средние темпы роста в i -й стране за T периодов, исчисленные как $\ln(y_{it})/\ln(y_{it-T})$, e – случайное отклонение [15, с. 58-73]. Индикатором наличия конвергенции является знак коэффициента β . Если $\beta < 0$, то высокий уровень показателя в начальный момент времени коррелирует со сравнительно более низкими темпами роста.

В отличие от β -конвергенции, σ -конвергенция показывает уменьшение со временем показателей, характеризующих сглаживающее расхождение между регионами. Не всегда β -конвергенция предполагает σ -конвергенцию. В ситуации, когда группа более сильных и более слабых регионов постоянно меняется (вследствие ухудшения экономического положения в более сильных и улучшения в более слабых), но общий уровень разрыва между более сильными и более слабыми регионами постоянен, – тогда σ -конвергенция отсутствует [16; 17, р. 1325-1352; 18, р. 1019-1036].

Для определения σ -конвергенции при наличии тренда во временных рядах можно использовать такой индикатор, как дисперсия, либо относительные показатели вариации: коэффициент размаха (K_R) и коэффициент вариации (V_σ). Повышение коэффициентов размаха и вариации пря-

мо свидетельствует об усилении вариации признака в исследуемой совокупности. Таким образом, анализируя динамику указанных коэффициентов относительно ключевых параметров, можно дать качественно-количественную характеристику процесса роста существующих различий по критерию ВВП на 1 чел. в регионах ЕС.

Другим индикатором определения σ -конвергенции является нормализованный индекс Тейла [19]: $T = \sum_{i=1}^n y_i \ln(y_i/p_i)$, где y — доля ВВП страны в ВВП всего ЕС, p — доля населения страны в населении ЕС в целом. Значение индекса равно нулю в случае полного равенства и увеличивается по мере роста неравенства. Таким образом, уменьшение значения этого индекса с течением времени свидетельствует о наличии конвергенции, увеличение индекса свидетельствует о процессе дивергенции, т.е. росте различий.

Дискуссия по процессам конвергенции на территории ЕС. Территория ЕС была классифицирована на области «периферии» и «ядра» на основании исследования 12 стран (ЕС-15, за исключением Австрии, Франции и Великобритании) в период с 1989 по 1999 г., проведенного С. Даллерба и Дж. Ле Гало. Ядро включает большинство развитых стран ЕС. Установлена существенная конвергенция среди стран периферии, но они не получают того же, как и для ядра, результата развития. Согласно выводу этих учёных, польза от инвестиционных проектов структурных фондов ЕС несомненна в тех регионах, куда она направлялась, но эффекты равномерного результата от воздействия структурных фондов ЕС присутствуют только в основных регионах (ядре). Возможная причина этого в том, что регионы ядра меньше по территории, а также лучше связаны друг с другом через транспортные сети и торговлю. Исследователи отмечали две

группы стран: четыре страны — Грецию, Португалию, Испанию и Ирландию — как менее развитые и три — Германию, Великобританию и Италию — как более развитые. Установлено, что имеется несколько полюсов роста, в то время как другие регионы отстают, что приводит к увеличивающемуся неравенству [20].

Итальянские учёные К. Бразили и Л. Гуттиэрез исследовали 15 стран ЕС, представляющих 140 регионов уровня NUTS 2, в период между 1980 и 1999 г. и выявили там значительную конвергенцию: анализ распределения показал, что уровни дохода на 1 чел. в более бедных странах имеют тенденцию сходить, т.е. процесс конвергенции более интенсивен среди регионов с низким доходом населения [21]. Анализ доходов (LIS) для Чехии (1992, 1996 гг.), Венгрии (1991, 1994 гг.), Польши (1992, 1995, 1999 гг.) и России (1992, 1996 гг.) показал, что региональное неравенство доходов в пределах стран региона ЦВЕ увеличивается; лидируют столицы и главные городские территории. Вероятно, в будущем еще более обострятся межрегиональные различия внутри отдельных стран ЕС, особенно между крупными городскими агломерациями и экономической периферией со «старой» хозяйственной специализацией. При этом даже хорошая экономическая динамика некоторых крупных периферийных регионов будет обеспечиваться в основном за счет локальных точек роста [22].

Исследование стран ЕС-25 и их 1214 регионов уровня NUTS 3 в период 1995–2002 гг. привело к выводу о том, что регионы с более низким ВВП на 1 чел. развивались с более высокой скоростью в период 1995–2002 гг. Скорость конвергенции была выше для регионов NUTS 3 в ЕС-15, чем для регионов NUTS 3 в новых странах ЕС. В пределах регионов стран ЕС-15 конвергенция наблюдалась, а в группе новых

стран ЕС – нет [23]. Эти выводы выявляют более серьезную проблему: при сглаживании межрегиональных различий на уровне крупных регионов диспропорции в более мелких регионах обычно остаются вне действия механизмов регулирования территориального развития. Даже в благополучных странах могут существовать бедные регионы, которым рассчитывать не на что. Регионы ЕС уровня NUTS 3 могут оказаться объектами региональной политики, нацеленной на повышение конкурентоспособности и занятости, только при соблюдении целого ряда критериев. Локальные административные единицы оказываются вообще вне поля действия региональных программ ЕС.

На основе анализа 19 из 27 государств ЕС в 1995–2004 гг. (как на национальном уровне, так и внутри каждой страны на уровне NUTS 2) Б. Шёрфи установила, что дата вступления в ЕС имеет влияние на степень региональных различий. Новые страны-члены ЕС имеют более высокий уровень региональных различий [24, р. 100-121]. В исследовании 10 новых стран ЕС за период 1995–2005 гг. на предмет выявления конвергенции экономических систем по критерию ВВП (на данных ежеквартальной динамики реального ВВП на 1 чел. в этот период) была определена тенденция выравнивания этих стран к среднему по ЕС уровню ВВП [25, р. 157-166]. В течение последних 15 лет значительно вырос интерес к исследованию различий в развитии регионов ЕС с использованием различных эконометрических методов. Большинство исследований конвергенции сосредоточивались на анализе β -конвергенции и σ -конвергенции (пространственной конвергенции).

Из приведённого сравнительного обзора следует, что результаты исследований зависят от выбранных методов, периода исследования и перечня исследуемых регионов.

Однако, несмотря на то, что авторы рассмотренных исследований использовали разные методы оценки конвергенции, полученные ими результаты сопоставимы и позволяют сделать следующие предварительные выводы. На протяжении четверти века происходило сближение уровня развития между относительно бедными и богатыми странами ЕС. Такое сближение происходило как в период, когда наиболее бедными странами ЕС были страны Южной Европы и Ирландия (1980–1999 гг.), так и в период, когда к таким странам ЕС стали относиться государства Центральной и Восточной Европы (1995–2005 гг.). При этом процесс конвергенции на уровне отдельных регионов (NUTS 2 и NUTS 3) носил сложный характер. Если для Скандинавских стран и Италии была, в целом, характерна конвергенция и различия в уровне экономического развития между отдельными регионами сокращались, то в других странах ЕС процесс носил противоречивый характер и периоды конвергенции сменялись периодами дивергенции.

Последние вступившие в ЕС страны Центральной и Восточной Европы имеют более высокий уровень региональных различий по сравнению со «старыми» странами ЕС. При этом неравенство между крупными и малыми регионами во многих «новых» странах ЕС увеличивается из-за более быстрого развития столичных регионов и крупных городов по сравнению с другими, особенно малыми, регионами. Рассмотрим это подробнее.

Оценка процессов конвергенции регионов на уровне NUTS 1. Для эмпирического анализа в работе использованы данные Евростата с 1995 по 2011 г. В странах ЕС критерий ВВП на 1 чел. по ППС для регионов уровня NUTS 1 в 2009 г. колеблется в диапазоне с 44% от среднего по ЕС-27 (10 300 долл. по ППС на человека) в Болгарии до 266% (62 500 долл. по ППС на

человека) в Люксембурге. Диспропорции регионов ЕС уровня NUTS 2 еще острее: ВВП на 1 чел. по ППС в 2009 г. колебался в диапазоне 27% от среднего значения по ЕС-27 (6400 долл. США по ППС) в Северо-Западном регионе Болгарии до 332% (78 000 долл. США по ППС) в столичном регионе (Большой Лондон) в Великобритании. В «новых» странах лидером выступает Прага (Чехия) – 175% (41 200 долл. по ППС на чел.) и регион Братислава (Словакия) – 178% (41 800 долл. США по ППС) от среднего по ЕС-27. Однако эти два региона следует рассматривать как исключение среди новых государств, которые присоединились в 2004 г. Далее следуют наиболее благополучные регионы в новых странах: Бухарестский в Румынии – 111% от среднего уровня по ЕС-27 (26 100 долл. США по ППС), Центральная Венгрия (Венгрия) – 109% (25 500 долл. США по ППС), Западная Словения (Словения) – 105% (24 600 долл. США по ППС), Кипр – 100% (23 500 долл. США по ППС) от среднего уровня по ЕС-27. За исключением Мазовецкого воеводства в Польше – 97%, Мальты – 82%, все остальные регионы новых государств-членов имеют ВВП на 1 чел. по ППС 75% и менее от среднего уровня по ЕС-27.

Повышение уровня ВВП на 1 чел. в бедных территориях является основной задачей главного направления региональной политики ЕС – конвергенции. Основанием для получения помощи служит развитие ниже 75% ВВП по ППС от среднего уровня по ЕС. Включение в ЕС центральных и восточно-европейских стран (ЦВЕ) автоматически снизило величину среднего показателя по ЕС, поэтому менее развитые регионы «старых» стран (Восточная Германия и среднеразвитые районы Греции) не смогут получать эту помощь. Повышение уровня ВВП на 1 чел. в бедных областях ЕС по критерию NUTS

1 приводит к сглаживанию диспропорций по ВВП [26]. Г. Петракос, А. Родригес-Посе и А. Роволис, анализируя этот процесс во Франции, Великобритании, Италии, Португалии, Испании, Бельгии, Греции, Нидерландах в период с 1981 по 1997 г., установили, что долгосрочные процессы развития имеют тенденцию к выравниванию в распределении ресурсов. Хотя более быстрый рост ВВП приводит к более интенсивному увеличению регионального неравенства. Региональные различия на национальном уровне в ЕС цикличны: они увеличиваются в периоды быстрого роста ВВП и уменьшаются в периоды медленного [27, p. 1837-1855].

Анализ такого показателя, как ВВП на 1 человека, показывает, что уровень дифференциации по нему между регионами уровня NUTS 1, которые являются членами ЕС, неуклонно сокращался на протяжении всего периода. Медленное сокращение дифференциации, характерное для 1995–1999 гг., сменилось быстрой конвергенцией в 2000–2009 гг. Вступление десяти новых стран в Европейский союз в 2004 г. и еще двух стран (Болгария и Румыния) в 2007 г., скорее всего, положительно повлияло на процесс конвергенции, однако это влияние было относительно небольшим и темпы конвергенции были примерно одинаковыми на протяжении всего первого десятилетия XXI в. Однако экономический кризис 2008–2009 гг. все же оказал некоторое влияние на процессы конвергенции в рамках ЕС в целом. Темпы ее несколько снизились, в 2010 году даже наблюдается незначительная дивергенция, но затем снова начались процессы конвергенции и в 2011 году индекс Тейла практически вернулся на уровень 2009 года (табл. 1).

Столь быстрый процесс конвергенции в 1995–2009 гг. обуславливался в первую очередь сокращением дифференциации между «старыми» (ЕС-15) и «новыми»

Таблица 1. Изменение индекса Тейла в странах Европейского союза (ЕС – 27), 1995–2011 годы

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Индекс Тейла	6,44	6,21	6,18	6,16	6,12	6,05	5,68	5,31	4,97	4,64	4,41	4,09	3,65	3,21	2,96	3,00	2,95

Источник: расчёты по данным Евростата 1995–2011 гг. (данные по Словении, Чехии, Словакии, Венгрии, Польше, Литве, Латвии, Эстонии, Болгарии, Румынии, Кипру и Мальте учитывались на протяжении всего периода, независимо от того, являлись ли эти страны в тот период членами ЕС или нет).

Таблица 2. Темпы роста реального ВВП в странах ЕС (1996–2011 гг.), в %

Страны	1996	2000	2004	2008	2009	2010	2011
ЕС -27	1,8	3,9	2,5	0,3	-4,3	2,1	1,6
ЕС-15	1,5	3,8	2,2	0,4	-4,4	2,0	1,4
Болгария	-9,0	5,7	6,7	6,2	-5,5	0,4	1,8
Чехия	4,5	4,2	4,7	3,1	-4,5	2,5	1,9
Эстония	5,9	9,7	6,3	-4,2	-14,1	3,3	8,3
Кипр	1,8	5,0	4,2	3,6	-1,9	1,3	0,5
Латвия	4,3	5,7	8,9	-3,3	-17,7	-0,9	5,5
Литва	5,2	3,6	7,4	2,9	-14,8	1,5	5,9
Венгрия	0,2	4,2	4,8	0,9	-6,8	1,3	1,6
Мальта	:	:	-0,3	3,9	-2,6	2,9	1,7
Польша	6,2	4,3	5,3	5,1	1,6	3,9	4,5
Румыния	3,2	2,4	8,5	7,3	-6,6	-1,1	2,2
Словения	3,6	4,3	4,4	3,4	-7,8	1,2	0,6
Словакия	6,9	1,4	5,1	5,8	-4,9	4,4	3,2

Источник: по данным Евростата 1996–2011 гг.

странами, что было вызвано как более высокими темпами роста ВВП в «новых» странах, так и более низкими темпами роста населения в них. Рост ВВП и процесс конвергенции отображаются в ЕС следующим образом. Темпы роста ВВП в более бедных новых странах ЕС вплоть до 2008 г. существенно превосходили темпы экономического роста в странах ЕС-15. В некоторых «новых» странах (например, в Латвии в 2005–2007 гг.) темпы роста ВВП доходили до 10% в год, в то время как в большинстве стран ЕС-15 этот показатель составлял лишь 2–3% (табл. 2).

Столь высокие различия в темпах экономического роста, безусловно, приводили к сокращению уровня дифференциации между «богатыми» и «бедными» странами Евросоюза.

Рассмотрим гипотезу о σ -конвергенции исследуемых регионов ЕС на уровне NUTS 1 по критерию ВВП на 1 чел. по ППС. Счи-

тается, что необходимым условием для существования σ -выравнивания является существование β -конвергенции [28, р. 1325–1352; 29, р. 1019–1036; 30]. При расчете коэффициентов вариации и размаха установлено, что за период 1995–2009 гг. «поляризация» регионов ЕС на уровне NUTS 1 по критерию ВВП на 1 чел. уменьшилась, о чем прямо свидетельствует уменьшение коэффициента вариации на 9%. В указанный период рост стандартного отклонения (σ) не обгонял рост среднеевропейского значения по критерию ВВП на 1 чел.

Следовательно, различия в ВВП уменьшались и происходило сглаживание различий в ВВП на 1 чел. по ППС, что подтверждает σ -конвергенцию регионов ЕС по критерию ВВП на 1 чел. Из факта установленной пространственной конвергенции должно следовать и подтверждение гипотезы β -конвергенции исследуемых регионов по критерию ВВП на 1 чел. по ППС (из

σ -конвергенции следует β -выравнивание) [31, р. 50-51]. При построении регрессии роста ВВП с 1995 по 2004 г. на его исходный уровень в 1995 г., в которой зависимой переменной является темп роста, а независимой – первоначальный уровень показателя ($y = a + \beta x$, где $y = \ln(\text{ВВП } 2004 / \text{ВВП } 1995)$, $x = \ln(\text{ВВП } 1995)$), было установлено, что коэффициент при начальном ВВП на 1 чел. по ППС отрицателен ($\beta = -0,0000017 < 0$, $\text{Beta} = 0,588 < 0$) и статистически значим ($p=0,001$). Следовательно, предположение о β -конвергенции в период 1995–2004 гг. по ВВП по ППС оказалось верным.

При построении регрессии роста ВВП с 2004 по 2009 г. на его исходный уровень в 2004 г. ($y = a + \beta x$, где $y = \ln(\text{ВВП } 2009 / \text{ВВП } 2004)$, $x = \ln(\text{ВВП } 2004)$) получаем, что коэффициент отрицателен ($\beta = -0,00000078 < 0$, $\text{Beta} = -0,627 < 0$) и статистически значим ($p=0,000$). Следовательно, предположение о β -конвергенции в период 1995–2004 гг. по ВВП по ППС также верно. Итак, в период с 1995 по 2009 г. отмечается σ - и β -конвергенция регионов ЕС на уровне NUTS 1. Таким образом, регионы ЕС с более слабыми значениями экономического развития повышают его более быстрыми темпами, чем более сильные.

В период 2010–2011 гг. в ЕС в регионах NUTS 1 имеет место как σ -, так и β -конвергенция. Установлен факт пространственной конвергенции, в период с 2010 по 2011 г. коэффициент вариации уменьшился более чем на 4% (табл. 3)¹.

Регионы ЕС с более слабыми значениями экономического развития продолжают повышать его более быстрыми темпами, чем более сильные регионы: β -конвергенция ($\beta = -0,004 < 0$, $\text{Beta} = -0,491 < 0$, $p=0,009$).

¹ Автор статьи выражает признательность О.Я. Лавриненко, доктору экономики (PhD), ведущему исследователю Института социальных исследований Даугавпилсского университета, за обработку и расчеты данных, проведенные в программе SPSS (см. табл. 3).

Таблица 3. Изменение коэффициента размаха и коэффициента вариации ВВП по ППС на 1 чел. по регионам NUTS 1 в период с 2010 по 2011 год

Показатели вариации	2010	2011
Коэффициент размаха, (K_R)	2,26	2,17
2010 г. = 100%	100%	95,96%
Коэффициент вариации, (V_σ)	0,44	0,42
2010 г. = 100%	100%	96,49%
Источник: расчёты в программе SPSS.		

По мнению автора, значимым является и вопрос о роли структурных фондов Европейского союза (Социальный фонд, Фонд регионального развития и др.) в процессе конвергенции. Учёные сходятся во мнении, что надо повышать уровень дохода в более бедных регионах, где этот уровень менее 75% от среднего уровня по ЕС.

В рамках эндогенной теории государственная политика играет важную роль в определении долгосрочных темпов роста: общественная инфраструктура является фактором производственной функции, а её увеличение повышает предельный продукт частного капитала, что приводит к увеличению капитальных накоплений и росту. В рамках неоклассической теории подобная политика также призвана ускорять процесс конвергенции, т.к. предельный продукт частного капитала увеличивается с предоставлением государственного капитала. Для учета роли фондов ЕС в правую часть уравнения регрессии можно включить дополнительный фактор – долю инвестиций структурных фондов ЕС вместе с софинансированием государств в ВВП (табл. 4).

Коэффициент при начальном ВВП на 1 чел. отрицателен и статистически значим ($-0,027$). В то же время коэффициент при переменной, характеризующей влияние общественных инвестиций, хотя и положительный, но статистически незначим.

Таблица 4. Оценка β -конвергенции регионов стран ЕС с включением доли общественных инвестиций в ВВП, 2000–2010 гг. [32, р. 289–290]

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
Константа β_0	0,129	0,016	7,809	0,000
Начальный ВВП на 1 чел. в 2000 г., логарифм	-0,027	0,003	-8,394	0,000
Общественные инвестиции, доля в ВВП	0,002	0,001	1,253	0,222
Коэффициент детерминации, R^2				0,82
Стандартная ошибка				0,006

Полученные результаты могут быть интерпретированы как свидетельство того, что внутри ЕС в период с 2000 по 2010 г. происходили процессы конвергенции, однако влияние финансовой поддержки европейских структурных фондов на интеграционные процессы нельзя оценить однозначно. Рост объемов общественных инвестиций в менее развитых странах и регионах ЕС за счет поддержки структурных фондов увеличился и, исходя из теоретических предпосылок, можно отметить, что это должно положительно влиять на процесс конвергенции. Хотя с использованием предложенной модели это не подтверждается.

Оценка процессов конвергенции регионов ЕС на уровне NUTS 2 и NUTS 3. Рассмотрим далее проблему диспропорций развития регионов в «старых» и «новых» странах-членах ЕС на уровне NUTS 3 сравнительно с уровнем NUTS 2 (рисунки).

Диспропорции развития регионов ЕС уровня NUTS 3 по ВВП на 1 чел. по ППС в 2009 г. – самые острые и колеблются в диапазоне от 22% в регионах Силистра и Силвен (Болгария) и Васлуй (Румыния) (664 долл. США по ППС и 1087 долл. США по ППС соответственно) до 596% в регионе Лондонский Сити-Запад в Великобритании (156 661 долл. США по ППС).

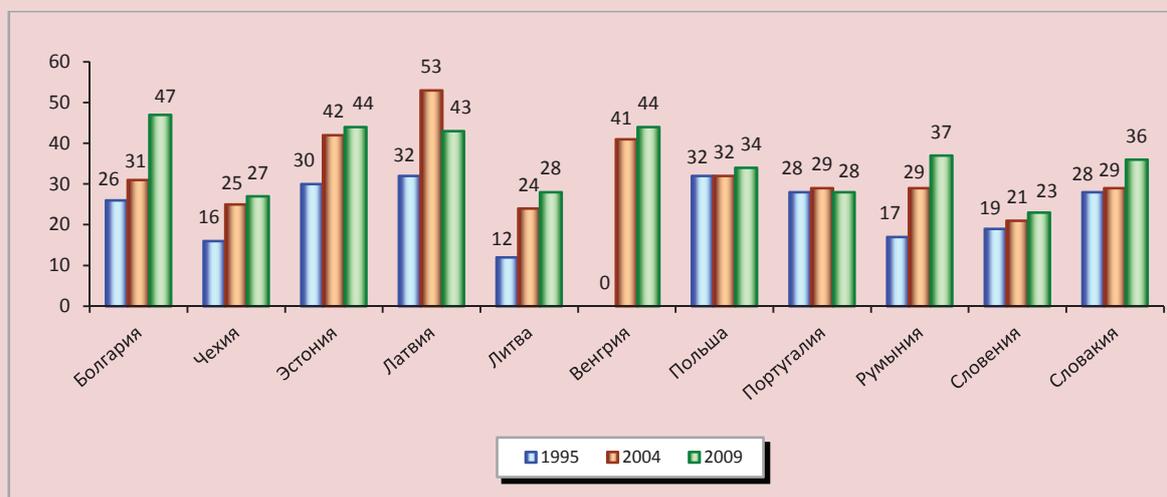
В «новых» странах ЕС значительный разрыв в развитии регионов уровня NUTS 3

чаще всего лишен политической окраски и связан с гипертрофированным развитием столиц, особенно в малых странах Балтии.

Контрасты внутри регионов «новых» стран ЕС по уровню NUTS 3 еще острее. Например, в Болгарии критерий ВВП на 1 чел. в столице превысил показатель Силистры и Силвена почти в 5 раз (105 к 22%). В 2009 г. в маленькой Латвии критерий ВВП на 1 чел. в Риге превысил показатель периферийного региона Латгале в 3 раза: 86% против 28% от среднего по ЕС, в Венгрии разрыв между Будапештом и Новградом составил почти 5 раз (147 к 30%). В таких государствах, как Румыния и Польша, дифференциация также значительна. В Илфов-округе, который окружает Бухарест, критерий ВВП на 1 чел. составил 115% от среднего по ЕС-27, тогда как в приграничном с Молдавией румынском уезде Васлуй – только 22% (разрыв более чем в 5,2 раза); в городе Познань аналогичный показатель достиг 121% против 35% в приграничном с Беларусью Бяльском регионе (почти четырехкратный разрыв).

Значимые историко-экономические различия важно учитывать при выборе направления средств из структурных фондов ЕС для регионального выравнивания, решая при этом жесткую дилемму рынка «эффективность – справедливость».

Дисперсия в «новых» странах ЕС на уровнях NUTS 2 (сверху) и NUTS 3 (снизу) в период 1995–2009 гг., %



Источник: по данным Евростата 1995–2009 гг.

Например, в Латвии справедливее направить средства из структурных фондов ЕС в регион Латгале, но там отдача будет лишь 100 латов на единицу вводимого ресурса.

Поэтому эффективнее направить средства в центральный Рижский регион, где отдача будет 200–300 латов на единицу вводимого ресурса, т.е. в 2–3 раза выше [33, с. 47-53]. В условиях рынка приоритет развития, при прочих условиях, за эффективностью, а не за справедливостью.

При этом дифференциация крупных регионов (уровень NUTS 1 и NUTS 2) в «новых» странах ЕС не столь значительна:

по критерию ВВП на 1 чел. наиболее развитое в Польше Мазовецкое воеводство превзошло Люблинское лишь в 2,4 раза (97 к 41%), а столичный район в Румынии в 3,8 раза обогнал Северо-Западный регион страны (111 к 29%). В Болгарии разрыв между Юго-Западным и Северо-Западным регионами составил 2,7 раза (75 к 27%). Подобный разрыв в некоторых западноевропейских странах, например Великобритании и Франции, оказался больше.

Сделаем некоторые **выводы**. В результате исследования установлено наличие процессов β - и σ -конвергенции в регионах ЕС по критерию ВВП на 1 чел. по ППС на

уровне NUTS 1. При этом на протяжении последних 15 лет процесс конвергенции в странах ЕС был достаточно быстрым, особенно на уровне отдельных стран. Это было вызвано как более высокими темпами роста ВВП в «новых» странах ЕС, так и более низкими темпами роста населения в них. В «новых» странах ЕС разрыв в развитии отдельных регионов на уровнях NUTS 2 и NUTS 3 связан с гипертрофированным развитием столиц, особенно в малых государствах. Вступление в ЕС новых стран существенно стимулировало β и σ -конвергенцию в них.

Следовательно, выявленное сокращение различий по критерию ВВП на 1 чел. по ППС отвечает в значительной степени интересам как «новых», так и «старых» стран ЕС и свидетельствует о достаточно позитивной политике Евросоюза в направлении развития регионов уровня NUTS 1.

Процессы конвергенции в регионах ЕС на уровнях NUTS 1, NUTS 2 и NUTS 3 носят неоднозначный характер и свидетельствуют о том, что цели достижения регионального сближения, паритета («равенства») и максимизации выпуска

совокупного продукта («эффективности») являются, в условиях рынка, не всегда совместимыми. В этих условиях отрицательный эффект снижения темпов роста в регионах «ядра» ЕС превысит по влиянию положительный эффект от темпов роста в «периферии». Поэтому рост ВВП регионов ЕС на уровне NUTS 1 и NUTS 2 может быть обеспечен, в том числе, и ценой углубления регионального неравенства (дивергенции) на уровне NUTS 3.

Анализ показал, что чем крупнее регионы ЕС (уровни NUTS 1 и NUTS 2), тем короче период времени для выравнивания их различий. Наоборот, чем меньше регионы ЕС (уровень NUTS 3), тем длиннее период времени для тех же целей. Поэтому при выборе объектов выравнивания предпочтителен приоритет в отношении регионов уровня NUTS 3, имеет смысл также взвешенная политика укрупнения регионов. Последнее замечание весьма актуально и для многих регионов европейской части такой страны как Россия, где необходима многопрофильность производства и кластеризация экономики для выравнивания уровней их развития.

Источники

1. Regulation (EC) No 1059/2003 of the European Parliament and of the Council of 26 May 2003, on the establishment of a common classification of territorial units for statistics (NUTS). Available at: <http://ec.europa.eu/eurostat/ramon/nomenclatures/index.cfm?>
2. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York: Basic Books, 1973.
3. Galbraith J. The new industrial state. Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1969.
4. Зверев Д.В., Коломак Е.А. Субфедеральная фискальная политика в России: межрегиональные различия и связи. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ», № 209. М.: Московский общественный научный фонд; Сибирский центр прикладных экономических исследований, 2010.
5. Solow R.M. Growth theory: an exposition. New York Oxford. Oxford University Press, 2000.
6. Barro R., Sala-i-Martin X. Economic Growth. 2nd ed. Cambridge, MA, London: MIT Press, 2004.
7. Le Pen Y. Convergence internationale des revenus par t[^]ete: Un tour d'horizon. // Revue d'Economie Politique, 1997. Vol. 107.
8. Barro R., Sala-i-Martin X. Economic Growth. Chicago: The MIT Press, 1995.
9. Barro R. Determinants of Economic Growth (The Lionel Robbins Lectures) Cambridge. The MIT Press Second Printing, 1997.
10. Barro R., Sala-i-Martin X. Economic Growth. 2nd ed. Cambridge, MA, London: MIT Press, 2004.
11. Henin P., Le Pen Y. Les épiodes de la convergence européenne. // Revue Économique, 1995. Vol. 46 (3). P. 667-677.

12. Williamson J.G. Regional Inequality and the Process of National Development: a Description of the Patterns // *Economic and Cultural Change*. 1965. No. 13. P. 1-84.
13. Solow R.M. Technical Change and the Aggregate Production Function. *The Review of Economics and Statistics*, 1957. V. 39 No. 3 (Aug. 1957). P. 312-320.
14. Гаджиев Ю.А. Неоклассические и кумулятивные теории регионального экономического роста и развития // *Корпоративное управление и инновационное развитие Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. Электронный журнал*. – Режим доступа: <http://koet.syktu.ru/vestnik/2008/2008-1/1/1.htm> /
15. Либман А. Роль экономической интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве: количественный анализ // *Проблемы прогнозирования*. 2006. № 5. С. 58-73.
16. Barro R., Sala-i-Martin X. *Economic Growth*. Chicago: The MIT Press, 1995.
17. Sala-i-Martin X. Regional Cohesion: Evidence and Theories of Regional Growth and Convergence. *European Economic Review*. 1996. Vol. 40. Iss. 6, June. P. 1325-1352.
18. Sala-i-Martin X. The Classical Approach to Convergence Analysis // *The Economic Journal*. 1996. Vol. 106. No. 437. July. P. 1019-1036.
19. Theil H., *Economics and Information Theory*. North-Holland, 1967.
20. Dall'Erba S., Le Gallo J. Regional Convergence and the Impact of the European Structural Funds Over 1989–1999: A Spatial Econometric Analysis. *REAL Discussion Papers*, 2003.
21. Brasili C., Gutierrez L. Regional Convergence Across European Union, 2004. / *Econ WPA, Development and Comp. Systems* 0402002.
22. Förster M., Jesuit D., Smeeding T. Regional Poverty and Income Inequality in Central and Eastern Europe: Evidence from the Luxembourg Income Study // *Spatial Inequality and Development*. Kanbur R, Venables AJ (eds). Oxford University Press, 2005.
23. Paas T., Kuusk A., Schlitte F. Modelling Regional Income Convergence in EU-25. University of Tartu, 2004. Available at: <http://www.ecomod.org/files/papers/1388.pdf> /
24. Szörfi B. Development and Regional Disparities – Testing the Williamson Curve Hypothesis in the European Union. Focus on European Economic Integration 2007. P. 100-121. Available at: http://www.oenb.at/de/img/feei_2007_2_szoerfi_tcm14-79074.pdf /
25. Ranjpour R., Karimi T.Z. Evaluation of the Income Convergence Hypothesis in Ten New Members of the European Union. A Panel Unit Root Approach. *Panoeconomicus*. 2008. 2. P. 157-166.
26. Региональная политика стран ЕС / Центр европейских исследований ИМЭМО РАН / отв. ред. д.э.н. А.В. Кузнецов. М.: ИМЭМО РАН, 2009.
27. Petrakos G, Rodríguez-Pose A., Rovolis A. Growth, integration, and regional disparities in the European Union. *Environment and Planning A*, 37 (10), 2005. P. 1837-1855.
28. Sala-i-Martin X. Regional Cohesion: Evidence and Theories of Regional Growth and Convergence. *European Economic Review*. 1996. Vol. 40. Iss. 6, June. P. 1325-1352.
29. Sala-i-Martin X. The Classical Approach to Convergence Analysis // *The Economic Journal*. 1996. Vol. 106. No. 437. July. P. 1019–1036.
30. Arbia G., Piras G. Convergence in Per-capita GDP Across European Regions Using Panel Data Models Extended to Spatial Autocorrelation Effects, 2005. Available at: http://www.isae.it/Working_Papers/WP_Arbia_Piras_n51_2005.pdf /
31. Barro R., Sala-i-Martin X. *Economic Growth*. 2nd ed. Cambridge, MA, London: MIT Press, 2004.
32. Хотулев А. Влияние регионального инвестирования на процессы социально-экономической интеграции в рамках ЕС // *Starptautiskās zinātniskās konferences „Eiropas integrācijas sociālā un ekonomiskā dimensija: problēmas, risinājumi, perspektīvas” materiāli*. 2011. gada 3.-5. novembris). III daļa. Ekonomiskais aspekts. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds «Saulē». 2012.
33. Воронов В.В., Лавриненко О.Я. Доходы населения Латвии: уровень, дифференциация, динамика // *Социологические исследования*, 2011. № 3. С.47-53.

Convergence regions in European Union: features and the evaluation

Viktor Vasil'evich Voronov – Doctor of Sociology Professor, Leading Research Associate, Center for Regional Sociology and Conflict Resolution, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow; Leading Researcher, Institute for Social Research, Daugavpils University, Latvia; Expert in Sociology and Economics, Science Council of the Latvian Academy of Science. (Daugavpils University, Parades Street 1, Daugavpils LV-5401, Latvia, viktor.voronov@du.lv)

Abstract. The process of alignment of socio-economic development of countries and regions in the European Union (EU) – is an important aspect of European integration, which is ambiguous. Common Market Act, which is aimed at improving the economic efficiency of the entire EU, became the subject of many discussions of European researchers, which claimed that its viability on the political and socio-economic levels depends on the ability to fairly distribute the resulting gains between countries and regions in the EU. As the result of these discussions there was a significant increase in funds allocated for the development of the regions of the EU Structural Funds, the Cohesion Fund and consolidation goals to equalize levels of development of the regions in the first section of the Single European Act. How effective are these efforts shows the presented analysis and assessment of regional convergence (by GDP per capita at purchasing power parity) during the economic boom of the EU (1995–2004) and in the period 2004–2011, when 12 countries in Central and Eastern Europe joined the EU at the same time.

Key words: alignment, development, convergence, divergence, region, European Union.

References

1. *Regulation (EC) No 1059/2003 of the European Parliament and of the Council of 26 May 2003, on the establishment of a common classification of territorial units for statistics (NUTS)*. Available at: <http://ec.europa.eu/eurostat/ramon/nomenclatures/index.cfm?/>
2. Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books, 1973.
3. Galbraith J. *The New Industrial State*. Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1969.
4. Zverev D.V., Kolomak E.A. *Subfederal'naya fiskal'naya politika v Rossii: mezhhregional'nye razlichiya i svyazi. Seriya "Nauchnye doklady: nezavisimyy ekonomicheskii analiz", № 209* [Subnational Fiscal Policy in Russia: Regional Differences and Communication. Series "Scientific Reports: Independent Economic Analysis", no.209]. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond; Sibirskii tsentr prikladnykh ekonomicheskikh issledovaniy, 2010.
5. Solow R.M. *Growth Theory: an Exposition*. New York Oxford. Oxford University Press, 2000.
6. Barro R., Sala-i-Martin X. *Economic Growth*. 2nd ed. Cambridge, MA, London: MIT Press, 2004.
7. Le Pen Y. Convergence Internationale des Revenus par Tête: Un tour d'horizon. *Revue d'Économie Politique*, 1997, vol. 107.
8. Barro R., Sala-i-Martin X. *Economic Growth*. Chicago: The MIT Press, 1995.
9. Barro R. *Determinants of Economic Growth (The Lionel Robbins Lectures)*. Cambridge: The MIT Press Second Printing, 1997.
10. Barro R., Sala-i-Martin X. *Economic Growth*. 2nd ed. Cambridge, MA, London: MIT Press, 2004.
11. Henin P., Le Pen Y. Les Épisodes de la Convergence Européene. *Revue Économique*, 1995, Vol.46(3), pp. 667-677.
12. Williamson J.G. Regional Inequality and the Process of National Development: a Description of the Patters. *Economic and Cultural Change*, 1965, no.13, pp. 1-84.

13. Solow R.M. Technical Change and the Aggregate Production Function. *The Review of Economics and Statistics*, 1957, vol.39, no.3, August, pp. 312-320.
14. Gadzhiev Yu.A. Neoklassicheskie i kumulyativnye teorii regional'nogo ekonomicheskogo rosta i razvitiya [Neoclassical and Cumulative Theories of Regional Economic Growth and Development]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta. Elektronnyi zhurnal* [Corporate Management and Innovation Development of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Capital of the Syktyvkar State University. Electronic Journal]. Available at: <http://koet.syktsu.ru/vestnik/2008/2008-1/1/1.htm/>
15. Libman A. Rol' ekonomicheskoi integratsii i dezintegratsii na postsovetском prostranstve: kolichestvennyi analiz [The Role of Economic Integration and Disintegration in the Post-Soviet Space: a Quantitative Analysis]. *Problemy prognozirovaniya* [Issues of Forecasting], 2006, no.5, pp. 58-73.
16. Barro R., Sala-i-Martin X. *Economic Growth*. Chicago: The MIT Press, 1995.
17. Sala-i-Martin X. Regional Cohesion: Evidence and Theories of Regional Growth and Convergence. *European Economic Review*, 1996, vol. 40, no.6, June, pp. 1325-1352.
18. Sala-i-Martin X. The Classical Approach to Convergence Analysis. *The Economic Journal*, 1996, Vol.106, no.437, July, pp. 1019-1036.
19. Theil H. *Economics and Information Theory*. North-Holland, 1967.
20. Dall'erba S., Le Gallo J. Regional Convergence and the Impact of the European Structural Funds Over 1989–1999: A Spatial Econometric Analysis. *REAL Discussion Papers*, 2003.
21. Brasili C., Gutierrez L. *Regional Convergence Across European Union, 2004*. Econ WPA, Development and Comp. Systems 0402002.
22. Förster M., Jesuit D., Smeeding T. Regional Poverty and Income Inequality in Central and Eastern Europe: Evidence from the Luxembourg Income Study. *Spatial Inequality and Development*. Oxford University Press, 2005.
23. Paas T., Kuusk A., Schlitte F. *Modelling Regional Income Convergence in EU-25*. University of Tartu, 2004. Available at: <http://www.ecomod.org/files/papers/1388.pdf/>
24. Szörfi B. *Development and Regional Disparities – Testing the Williamson Curve Hypothesis in the European Union. Focus on European Economic Integration 2007*. P. 100-121. Available at: http://www.oenb.at/de/img/fee_i_2007_2_szoerfi_tcm14-79074.pdf/
25. Ranjpour R., Karimi T.Z. Evaluation of the Income Convergence Hypothesis in Ten New Members of the European Union. A Panel Unit Root Approach. *Panoeconomicus*, 2008, no.2, pp. 157-166.
26. *Regional'naya politika stran ES* [Regional Policy of the EU]. Tsentrv evropeiskikh issledovaniy IMEMO RAN [Center for European studies, IMEMO RAN]. Executive Editor A.V. Kuznetsov, Doctor of Economics. Moscow: IMEMO RAN, 2009.
27. Petrakos G, Rodríguez-Pose A., Rovolis A. Growth, integration, and regional disparities in the European Union. *Environment and Planning A*, 2005, no.37(10), pp. 1837-1855.
28. Sala-i-Martin X. Regional Cohesion: Evidence and Theories of Regional Growth and Convergence. *European Economic Review*, 1996, vol.40, no.6, June, pp. 1325-1352.
29. Sala-i-Martin X. The Classical Approach to Convergence Analysis. *The Economic Journal*, 1996, vol.106, no.437, July, pp. 1019-1036.
30. Arbia G., Piras G. *Convergence in Per-capita GDP Across European Regions Using Panel Data Models Extended to Spatial Autocorrelation Effects, 2005*. Available at: http://www.isae.it/Working_Papers/WP_Arbia_Piras_n51_2005.pdf/
31. Barro R., Sala-i-Martin X. *Economic Growth*. 2nd ed. Cambridge, MA, London: MIT Press, 2004.
32. Khotulev A. Vliyanie regional'nogo investirovaniya na protsessy sotsial'no-ekonomicheskoi integratsii v ramkakh ES. *Starptautiskās zinātniskās konferences „Eiropas integrācijas sociālā un ekonomiskā dimensija: problēmas, risinājumi, perspektīvas” materiāli. 2011. gada 3.-5. novembris). III daļa. Ekonomiskais aspekts*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds «Saule», 2012.
33. Voronov V.V., Lavrinenko O.Ya. Dokhody naseleniya Latvii: uroven', differentsiatsiya, dinamika [Incomes of Population in Latvia: Level, Differentiation, Dynamics]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2011, no.3, pp. 47-53.

Качество населения как основной фактор системной модернизации российского общества



**Вячеслав Вениаминович
ЛОКОСОВ**

доктор социологических наук, профессор, директор, Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32, info@isesp-ras.ru)

Аннотация. В статье анализируется состояние качества населения современной России как результат повышения уровня и качества жизни и как основной фактор модернизации. Приводятся показатели и тенденции изменения качества населения. Предлагается сочетать при проведении социальной политики классический патронажный (экстенсивный) подход с партисипаторным (интенсивным) формированием «общества-участия». К одному из основных направлений этого подхода автор относит перенацеливание демографической политики с количества на качество населения, накопление и реализацию человеческого потенциала.

Ключевые слова: качество населения, социальная политика, экстенсивный и интенсивный подходы, социальный патернализм, «общество-участия».

Большинство научных работ, связанных с социально-экономической проблематикой населения, сконцентрированы вокруг вопросов уровня и качества жизни, социального неравенства и бедности, демографии. Минимальный прожиточный минимум, минимальный размер оплаты труда (официально рассчитанные сегодня на какого-то среднестатистического «гомукула»), социальная поддержка, пен-

сионное обеспечение, распределительные отношения — от решения этих и других вопросов зависит жизнь каждого человека. Но, признавая безусловную базовую значимость этих вопросов, не следует игнорировать не менее важную для развития российского общества проблему качества населения.

«Судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов, — справед-

ливо писал П. Сорокин в 1922 г. — Общество, состоящее из идиотов или бездарных людей, никогда не будет обществом преуспевающим. Общество, состоящее из талантливых и волевых лиц, неминуемо создаст и более совершенные формы общежития... Внимательное изучение явлений расцвета и гибели целых народов показывает, что одной из основных причин их было именно резкое качественное изменение состава их населения в ту или другую сторону» [13].

Именно качество населения является главным стратегическим ресурсом развития общества, главным результатом повышения уровня и качества жизни. Повышение уровня и качества жизни не имеет прямопропорциональной корреляции с повышением качества населения. Здесь проявляются функциональные зависимости типа так называемого парадокса Истерлина (Easterlin, Richard), когда счастье (чувство субъективного благополучия) интенсивно растет вместе с доходом только до определенной точки насыщения. Жители более бедных стран зачастую ощущают себя более благополучно, чем жители стран богатых. Отсюда происходят разработка такого термина, как экономика счастья, и проведение исследований индекса счастья в более чем 140 странах.

Закономерно, что акцент на укреплении человеческого потенциала делается в программных выступлениях Президента Российской Федерации В.В. Путина: *«Вокруг задачи развития человеческого потенциала России мы должны выстроить нашу социальную, экономическую, миграционную, гуманитарную, культурно-просветительскую, экологическую, законодательную политику. И не на период «от выборов до выборов», а на долгосрочную, в полном смысле — историческую перспективу»* [11]. *«Именно образованные, творческие, физически и духовно здоровые люди, а не природные ресурсы*

или ядерное оружие, будут главной силой России этого и последующего веков» [4].

Однако декларированное признание приоритета развития позитивных способностей человека далеко не всегда имеет на практике соответствующие возможности формирования и реализации этих способностей. Экономический детерминизм, в котором столь часто упрекали большевиков, стал главным идейным принципом неолибералов. Поэтому многие ученые отмечают странное на первый взгляд сходство деятельности большевиков по установлению советской власти и неолибералов по насаждению в России капитализма. Так, английский социолог Арчи Браун утверждает, что среди российских радикальных демократов много «необольшевиков», действующих по принципу «цель оправдывает средства» [19].

А.С. Панарин проводил прямую аналогию между большевиками и неолибералами, считая, что «победа большевиков, как и победа нынешнего “либерализма”, связана с превосходством организованного меньшинства, к тому же пользующегося мощной зарубежной поддержкой, над разрозненным провинциальным большинством» [8]. Те и другие опираются на «абсурдное состояние духа» (Х. Ортега-и-Гассет), когда людей больше всего «заботит собственное благополучие и меньше всего — истоки этого благополучия. Не видя в благах цивилизации ни изощренного замысла, ни искусного воплощения, для сохранности которого нужны огромные и бережные усилия, средний человек и для себя не видит иной обязанности, кроме как убежденно помогать этим благ единственно по праву рождения» [7].

Исходя из этого «абсурдного состояния духа», реформаторы мало ценят то позитивное и великое, что было в прежнем типе социетальной системы. Для них это только объект, который надо кардинально изменить, а поколения людей, которые прикла-

дывали «огромные и бережные усилия» для его развития, — это почти природная данность, человеческий материал, готовый для проведения социальных экспериментов.

Некой «суррогатной идеологией» выступает набор идей, политических лозунгов, мифов, которые противоречат друг другу, носят ситуативный характер. Формируется мировосприятие «парадоксального человека», основанное на социальных химерах, которым придается мультикультуральный шарм. Главную роль призваны сыграть мозаичность, фрагментарность, игровая заменяемость ее компонентов, исходя из капризного возбуждения индивида. Сегодня ты сторонник коммунизма, завтра — капитализма, а послезавтра — фашизма, и ничего страшного: ведь за всеми этими ярлыками якобы нет реального смысла (или один и тот же смысл), и, кроме того, человек имеет право на поиск идентичности. В «суррогатной идеологии» можно найти широкий простор для любых изысков, но этот хаотичный, эклектичный набор идей, как правило, умело структурирован, чтобы на уровне ценностей нейтрализовать возможность консолидации народа как суверена.

Часть современной российской элиты вновь ощутила себя авангардом «всего прогрессивного человечества» и пытается навязать большинству граждан свою «передовую» точку зрения по главным вопросам национального развития, призывая, как это делал, например, социолог Б. Грушин, двигаться вперед к образцам евро-американской цивилизации. Для этого, по его мнению, необходимо покончить «с русизмом вообще, русизмом как таковым», т.е. говорить не только о смене политических и экономических одежек, но и о коренных изменениях в самой натуре народа, в привычках, практиках его жизнедеятельности, менталитете и психологии» [6]. Ж.Т. Тощенко отмечает, что за всю историю XX века не было дано более неверных и при-

митивных прогнозов, чем те, которые были сделаны в перестроечный период и начале 1990-х годов [17].

Напомню один из прогнозов Б.Н. Ельцина: «Хуже будет всем примерно полгода, затем — снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 — стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей» [5]. Как писал лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц, «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества — колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства» [15]. Еще в 1990 г. С. Шаталин, Н. Петраков и другие авторы программы, получившей название «500 дней», сделали вывод о нежизнеспособности всех существующих структур, которая «до определенного момента маскировалась экстенсивным использованием людских и природных ресурсов, но и такой тип экономического развития исчерпал себя еще в 60-е годы» [10]. Современный сырьевой тип экономики не менее исчерпан.

И главное — за годы очередных потрясений произошли потери качества населения: в уровне здоровья, образования, культурном уровне, трудоспособности, которые необходимо восполнять. Сегодня померкли иллюзии о фатальности прогресса, экономический рост автоматически не решает общественного развития. Народ оказался столь же конечным ресурсом, как и земная природа, и опыт нашей страны, где бездумно и кощунственно «догоняли и перегоняли», подсказывает, что надо договориться о тех ограничениях реформирования, выходить за которые недопустимо.

Физическое, душевное, социальное здоровье населения в нашей стране вызывает тревогу. Опережающими темпами идет ухудшение здоровья детей: здоровье каждого нового поколения хуже здоровья поколения предыдущего [12]. Анализ результатов лонгитюдного исследования (1995–2010)

здоровья и развития детей, выполненного ИСЭРТ РАН в Вологодской области, приводит к сходным выводам [18].

Идет постепенное «омоложение» детской инвалидности: оно происходит как по абсолютной величине, так и по показателю уровня инвалидности. Доля I-й группы здоровья детей, не имеющих отклонений по всем избранным для оценки критериям здоровья, сократилась за 25 лет с 49 до 9%.

Социальное здоровье населения, определяемое показателями девиантного поведения, зачастую превышает их предельно критические (пороговые) значения. Девиантное поведение приняло массовый характер и непосредственно влияет на рост смертности прежде всего мужчин трудоспособного возраста. Людские потери от несчастных случаев, отравлений, убийств, самоубийств напоминают военные сводки. Например, предельно критическим, по оценке ВОЗ, считается 20 суицидов на 100 тыс. населения. Среди российских мужчин трудоспособного возраста это пороговое значение было превышено в 2–4 раза.

Россия занимает первое место в мире по числу курящих людей – 39% взрослого населения (2011). По данным Министерства здравоохранения, в стране преждевременно умирают от потребления табака около 288 тыс. человек. Из-за этого российская экономика каждый год теряет порядка 1,5 трлн. рублей.

На диспансерном учете состоит более 2 млн. больных алкоголизмом, 3,3 миллиона россиян имеют проблемы с психическим здоровьем. По различным оценкам число россиян, регулярно употребляющих наркотические и сильнодействующие вещества, превышает 3 млн. человек. Важно, что происходит «омоложение» всех форм социальных болезней, а наркомания на 80% является болезнью россиян в возрасте до 30 лет. По данным Росстата, ежегодно в

стране умирают от наркотиков более 100 тысяч человек от 15 до 30 лет. На этих преждевременных смертях общество теряет ежегодно около 300 млрд. рублей своих инвестиций в воспитание и образование, не считая упущенных выгод от потерь работников¹ [1].

Сотрудники Института психологии РАН разработали индекс макропсихологического состояния общества, и его значение далеко от оптимального (*таблица*).

Судя по прогнозам, смертность от заболеваний нервной системы и органов чувств в XXI веке в значительной мере потеснит болезни кровеносной системы, которые сегодня занимают первое место среди причин смертности.

Негативная тенденция наблюдается и по снижению уровня (качества) образования. Снижение социальных обязательств государства сопровождается коммерциализацией систем здравоохранения и образования. По данным Росстата, в 2011 г. 15% россиян в возрасте 15 лет и старше не смогли получить медицинскую помощь из-за невозможности её оплаты. Доля студентов, обучающихся с полным возмещением затрат в системе среднего профессионального образования (СПО), повысилась до 30% (2010 г.), в системе высшего профессионального образования (ВПО) – до 63%.

С точки зрения оценки культурного уровня, ценностных ориентаций россиян иногда обвинения большинства людей чрезмерны. Некоторые авторы пишут о том, что они не приучены думать, живут «травяной жизнью» и ничего не создают, кроме себе подобных [16]. В адрес населения часто звучат упреки в склонности к лени, патернализму. Вот как об этом говорил

¹ Стоимость жизни в России и в других странах растет. См.: Аганбегян А. Сколько стоит жизнь человека в России? // Экономическая политика. – 2014. – №1. – С. 54-66.

Макропсихологическое состояние общества

Показатель	Значение показателя	Место России по данному показателю
Смертность от убийств на 100 000 жителей	16,7	1-е место в Европе и СНГ
Смертность от самоубийств на 100 000 жителей	27,1	2-е место в Европе и СНГ после Литвы, примерно на одном уровне с Беларусью и Казахстаном
Смертность от случайных отравлений алкоголем на 100 000 жителей	16,9	1-е место в Европе и СНГ
Смертность от дорожно-транспортных происшествий на 100 000 жителей	16,9	2-е место в Европе и СНГ после Латвии
Число детей, оставшихся без попечительства родителей, на 100 000 жителей	88,8	2-е место в Восточной Европе и СНГ после Эстонии
Количество разводов на 1000 жителей	5	1-е место среди стран с развитой и переходной экономикой
Число аборт на 1000 женщин (в возрасте 15–49 лет)	36	1-е место в Восточной Европе и СНГ
Доля детей, родившихся у женщин, не состоявших в браке, %	26,9	13-е место в Восточной Европе и СНГ
Индекс Джини (индекс концентрации доходов)	0,422	1-е место среди стран с развитой и переходной экономикой
Индекс коррупции, 2009 г. (от 0 до 10 баллов; чем выше балл, тем ниже уровень коррумпированности)	2,2	146 позиция в мире (наряду с Украиной, Кенией, Камеруном, Эквадором, Зимбабве, Сьерра-Леоне) из 180 стран
Источник: Журавлев А.Л., Юревич А.В. Макропсихологическое состояние современного российского общества. – М., 2012.		

в программной статье «Россия, вперед!» в 2009 г. Д.А. Медведев: «Желание “делать себя”, достигая шаг за шагом личных успехов не является нашей национальной привычкой. Отсюда безынициативность, дефицит новых идей, нерешенные вопросы, низкое качество общественной дискуссии, в том числе, и критических выступлений. Общественное согласие и поддержка обычно выражаются молчанием. Возражения очень часто бывают эмоциональными, хлесткими, но при этом поверхностными и безответственными».

Обвинения российских граждан в склонности к патернализму активно поддерживают многие политики. Например, в 2009 г. бывший тогда губернатор Кировской области Н. Белых сказал: «Одна из бед, которую я считаю главной, как ни странно, главное, чем коррупция и экономическая отсталость, это патерналистские настроения в обществе». В 2010 г. в одном из интервью председатель правления Ин-

ститута современного развития И. Юргенс выразился не менее определенно и радикально: «Среди подавляющей части населения преобладают архаичные и патерналистские настроения. Это, кстати, сильно отличает наших сограждан от европейцев. Преодолены подобные настроения могут быть лишь к 2025 году».

Примеры подобных хлестких суждений можно множить, но ситуация и так понятна: часть современной политической элиты хочет объяснить, мягко говоря, скромные результаты управления страной в лихие 90-е и нулевые десятилетия тяжёлым наследием царизма, советизма и слабой способности российского народа к активной социальной деятельности. Возможно, в такой постановке вопроса есть доля правды, но она явно небольшая. Утверждения о широте патерналистских настроений не получают подтверждения.

Во-первых, академик Д.С. Львов обращал внимание на бессмысленность кон-

фликта патернализма и либерализма. Речь может идти о мере использования патернализма, которая делает жизнедеятельность той или иной общественной сферы более эффективной. Во-вторых, упования на помощь государства давно остались привилегией небольшой части россиян, в основном преклонного возраста. По многим индикаторам шкалы отчуждения федеральные и региональные органы власти воспринимаются массовым сознанием населения в лучшем случае как партнер, на которого следует воздействовать не столько уговорами, прошениями, сколько силой. Наблюдается высокий уровень согласия россиян, причем жителей всех федеральных округов и возрастных групп, касательно утверждения «власть понимает только язык силы».

Анализ результатов социологических исследований приводит к выводу, что в массовом сознании, в первую очередь среди молодёжи, преобладают установки на социальную активность, личный успех и локальную консолидацию. Апатия, инфантильность населения постепенно сменяются социальной энергией, готовностью защищать свои интересы, рассчитывая прежде всего не на государственную поддержку, а на свои силы². Если брать негативные характеристики патернализма, такие как иждивенчество, архаичную клановость, вождизм, то, возможно, части правящей элиты, а не большинству населения было бы полезно коренным образом поменять свой менталитет и психологию.

Предпочтение гражданами «мягких» форм протеста и их относительное нежелание участвовать даже в таких легальных акциях, как марши протеста и забастовки,

² Анализируются данные, полученные в ходе всероссийских социологических исследований, проведённых в 2007 (n=7119), 2009 (n=2110) и 2011 (n=1531) годах под руководством акад. Г.В. Осипова, чл.-корр. В.Л. Шульца и В.В. Локосова.

объясняется многими причинами. Назовем две из них. С одной стороны, это давление администрации и работодателей, которое побуждает граждан к чрезмерной осторожности в выборе форм протеста. Боязнь потерять работу продолжает усиливаться среди населения и занимает первые места в ранговом ряду острых социальных проблем. К этому следует добавить дефицит доверия населения к таким «организаторам» социального протеста, как профсоюзы и политические партии, и инерционно слабую способность к самоорганизации.

С другой стороны, в исторической памяти большинства россиян массовые протестные выступления 1991 и 1993 годов ассоциируются с политическим хаосом, разгулом преступности. Присущая населению «боязнь смуты» на фоне украинских событий дает возможность власти позиционировать себя как «оплот стабильности» и рассчитывать на поддержку обществом своих усилий по наведению порядка. Ситуация может измениться при углублении кризиса, росте природных и техногенных катастроф, нарушении систем жизнеобеспечения и неспособности, прежде всего, местных органов власти справиться с их последствиями. В этом случае люди сделают вывод, что хуже уже не будет, и перейдут к более активным протестным действиям.

Вместе с определенными положительными изменениями в социокультурной сфере здоровый образ жизни начинает входить в моду и образ жизни россиян, возвращается практика сдачи норм ГТО. Потеря здоровья сегодня зачастую ведет человека на социальное дно. Человеку с вредными привычками затруднительно побеждать в обострившейся конкурентной борьбе за рабочее место. Постепенно вводится новая производственная культура и дисциплина. Быть в плохой физической форме становится «неприличным».

Надо учитывать тенденцию старения населения. Согласно прогнозу Росстата к 2025 г. сокращение лиц трудоспособного возраста составит 11,6 млн. человек. Из этой сложной ситуации возможны два выхода: либо продолжать привлекать в Россию многомиллионные массы неквалифицированных трудовых мигрантов, что усиливает технологическое отставание страны, либо интенсивно модернизировать экономику на инновационной основе. Исследования ИСЭПН РАН приводят к выводу, что увеличение числа пожилых людей с сохраненным ресурсным потенциалом не ведет к возрастанию иждивенческой нагрузки ни на семью, ни на социум в целом. Точка зрения о том, что людей старшего возраста надо оценивать в основном как социальный балласт, глубоко ошибочна даже в контексте экономического детерминизма. Поэтому столь перспективные исследования, связанные с изучением третьего возраста, рассмотрения людей этого возраста как фактора модернизации современного общества [14].

Мы исходим из того, что положение человека в обществе в целом, включая государство, есть краеугольный камень научного понимания и объяснения социальной реальности, что необходимо придавать аналитическим разработкам «антропологическую» направленность. Политическая, экономическая и другие целесообразности, которыми аргументируют временную второстепенность интересов людей, как правило, оборачивается доказательствами их второсортности и маргинальности, что в конечном счете ведет общество к получению очередного негативного опыта реформ и далее — к новым потрясениям.

Большинство прогнозов (например, Минэкономразвития РФ) предполагают 1–2%-ный рост ВВП в 2015–2016 годах, что создает трудности для реализации социальной политики и наиболее важной её

части — семейной политики. Вероятность «затягивания поясов» при сложившемся конфликте интересов разных групп населения может усилить социальную напряженность в обществе. Череда реформ в здравоохранении, образовании, науке, культуре пока не привели к продуктивным результатам. Вероятно, преждевременными являются и суждения о том, что негативные тенденции в демографической сфере удалось переломить.

В управленческой практике преобладают количественный и технократический подходы к реорганизации социетальной системы. Проводимая корректировка приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий фактически игнорирует социальные и гуманитарные науки. К сожалению, неэкономическим факторам, в том числе качеству населения, развития экономической, социальной, демографической сфер уделяется мало внимания.

В статье М. Шелера «Народонаселенческие проблемы как мировоззренческие вопросы» (1921) выдвигается тезис о том, что, помимо способности к размножению (которая была сильно подорвана в послевоенной Германии из-за массового распространения проституции, половых болезней, импотенции и т.д.), существует также воля к продолжению рода, которая определяется мировоззрением личности. Анализ полученных социологических данных приводит к выводу, что установка на рождение определенного числа детей в существенно большей степени зависит от потребности в детях, чем от восприятия уровня жизни, т.е. мировоззрение и воля к продолжению рода остаются доминантными [3].

Ни одна из задач повышения качества населения в полной мере не решена. Планируемая дальнейшая коммерциализация социальной сферы ведет к деградации

человеческого потенциала, который является основным фактором системной модернизации общества. Раскол общества переходит в социокультурную плоскость.

Вероятно, наиболее эффективным ответом на эти и иные социальные риски и угрозы стала бы реализация партисипаторного подхода (формирования «общества-участия»), его встраивания для повышения качества жизни населения и качества самого населения в контуры государственного управления и местного самоуправления [9]. С одной стороны, в рыночных реалиях нельзя все надежды на решение социальных вопросов возлагать на государственную власть, с другой — проблемы повышения качества жизни населения, и особенно борьба с бедностью, не могут решаться только за счет граждан. Переход от экстенсивной

(патерналистской, патронажной) к интенсивной социальной политике, рассчитанной не только на поддержку нуждающихся, но и на умение поддерживать и формировать способности человека к непрерывной учебе, применению новых социальных практик, самореализации, поможет успешному развитию социального государства, консолидации и сотрудничеству власти, бизнес-структур и населения. В демографической политике этот переход означает ее перенацеливание с количества на качество населения, на накопление и рациональное применение человеческого потенциала; корректировку миграционной политики с учетом стратегических интересов коренных народов России; воссоздание традиционных ценностных ориентаций российского народа на семейную жизнь и многодетность.

Литература

1. Аганбегян, А. Сколько стоит жизнь человека в России? / А. Аганбегян // Экономическая политика. — 2014. — № 1. — С. 54-66.
2. Архангельский, В.Н. Влияние субъективной оценки уровня жизни на репродуктивное поведение / В.Н. Архангельский // Уровень жизни населения регионов России. — 2011. — № 8. — С. 36-41.
3. Выступление В.В. Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19.09.2013. — Режим доступа: <http://yablog.ru/blogs/vistuplenie-vv-putina-na-valdae/3038189>.
4. Выступление Б.Н. Ельцина на VI съезде народных депутатов России // Известия. — 1991. — 28 ноября.
5. Грушин, Б.А. Четыре жизни России в зеркале общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева / Б.А. Грушин. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — С. 31.
6. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс: избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет. — М., 2000. — С. 74.
7. Панарин, А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. — М., 2000. — С. 80.
8. Партисипаторный подход в повышении качества жизни населения / под ред. Н.М. Римашевской и Н.Н. Ивашиненко. — Нижний Новгород—Москва: Издательство Нижегородского госуниверситета им. Р.И. Лобачевского, 2013.
9. Переход к рынку. Концепция и программа. — М., 1990. — С. 15.
10. Путин, В.В. «Строительство справедливости. Социальная политика для России» / В.В. Путин. — Режим доступа: <http://archive.premier.gov.ru/events/news/18071>.
11. Римашевская, Н.М. Человек и реформы: секреты выживания / Н.М. Римашевская. — М.: ИСЭПН РАН. — С. 74-79.
12. Сорокин, П. Современное состояние России / П. Сорокин. — Прага, 1922.
13. Старшее поколение и будущее / под ред. Н.М. Римашевской. — М.: Экономическое образование, 2014.
14. Стиглиц, Дж. Глобализация: тревожные тенденции / Дж. Стиглиц. — М.: Мысль, 2003. — С. 188.
15. Тихонов, А.В. Посткризисный синдром отечественной социологии и ее проблемы. — Социологические исследования / А.В. Тихонов. — 2008. — № 7. — С. 37.

16. Тощенко, Ж.Т. Социология управления / Ж.Т. Тощенко. — М: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. — С. 83.
17. Шабунова, А.А. Здоровье детей: итоги пятнадцатилетнего мониторинга / А.А. Шабунова, М.В. Морев, Н.А. Кондакова. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. — С. 108.
18. Brown, A. Political leadership in post-communist Russia / A. Brown // *Russia in search of its future*. — Cambridge, 1995. — P. 44.

Lokosov V.V.

Quality of the population as a major driving force of systemic modernization of the Russian society

Vyacheslav Veniaminovich Lokosov — Doctor of Sociology, Professor, Director, the Institute of Social and Economic Studies of Population at the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimov Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation, info@isesp-ras.ru)

Abstract. The article analyzes the state of the quality of life in modern Russia as a result of the increase in the standard of living and quality of life and as a major modernization factor. The author presents the indicators and trends describing the change in the quality of the population. The article proposes to combine the classical patronage (extensive) approach and the participatory (intensive) formation of a “participatory society” in the implementation of social policy. According to the author, one of the main directions of this approach is the redirection of demographic policy from the quantity to the quality of the population, and to the accumulation and realization of human potential.

Key words: quality of population, social policy, extensive and intensive approaches, social paternalism, “participatory society”.

References

1. Aganbegyan A. Skol'ko stoit zhizn' cheloveka v Rossii? [What is the Cost of a Human Life in Russia?]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 2014, no. 1, pp. 54-66.
2. *Argumenty i fakty* [The Arguments and Facts Newspaper], 2000, no. 23.
3. Arkhangel'skii V.N. Vliyaniye sub"ektivnoi otsenki urovnya zhizni na reproduktivnoye povedeniye [The Influence of the Subjective Assessment of the Standard of Living on Reproductive Behavior]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Standard of Living in the Regions of Russia], 2011, no. 8, pp. 36-41.
4. Vystupleniye V.V. Putina na zasedanii mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba “Valdai” 19.09.2013 [V.V. Putin's Speech at the Valdai International Discussion Club]. Available at: <http://yablor.ru/blogs/vistuplenie-vv-putina-na-valdae/3038189>.
5. Vystupleniye B.N. El'tsina na VI s"ezde narodnykh deputatov Rossii [B. N. Yeltsin's Speech at the 6th Congress of the People's Deputies of Russia]. *Izvestiya* [The News], 1991, November 28.
6. Grushin B.A. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'tsina: v 4-kh knigakh. Zhizn' 1-ya. Epokha Khrushcheva* [Four Lives of Russia in the Mirror of Public Opinion. Essays on Mass Consciousness of the Russians from the Times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin: in 4 Books. Life 1. The Khrushchev Era]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2001. P. 31.
7. Ortega y Gasset J. *Vosstaniye mass: izbrannyye trudy* [The Revolt of the Masses: Selected Works]. Moscow, 2000. P. 74.
8. Panarin A.S. *Iskusheniye globalizmom* [Temptation of Globalism]. Moscow, 2000. P. 80.
9. *Partisipatornyi podkhod v povyshenii kachestva zhizni naseleniya* [Participatory Approach to Enhancement of the Quality of Life]. Ed. by N.M. Rimashevskaya and N.N. Ivashinenko. Nizhny Novgorod—Moscow: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. R.I. Lobachevskogo, 2013.
10. *Perekhod k rynku. Kontseptsiya i programma* [Transition to the Market. The Concept and the Program]. Moscow, 1990. P. 15.

11. Putin V.V. *Stroitel'stvo spravedlivosti. Sotsial'naya politika dlya Rossii* [Building Justice: A Social Policy for Russia]. Available at: <http://archive.premier.gov.ru/events/news/18071>.
12. Rimashevskaya N.M. *Chelovek i reformy: sekrety vyzhivaniya* [Man and Reforms: the Secrets of Survival]. Moscow: ISEPN RAN. Pp. 74-79.
13. Sorokin P. *Sovremennoe sostoyanie Rossii* [The Current State of Russia]. Praga, 1922.
14. *Starshee pokolenie i budushchee* [The Older Generation and the Future]. Ed. by N.M. Rimashevskaya. Moscow: Ekonomicheskoe obrazovanie, 2014.
15. Stiglitz J. *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii* [Globalization and Its Discontents]. Moscow: Mysl'. 2003. P. 188.
16. Tikhonov A.V. Postkrizisnyi sindrom otechestvennoi sotsiologii i ee problem [Post-Crisis Syndrome in Russian Sociology and Its Problems]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2008, no. 7, p. 37.
17. Toshchenko J.T. *Sotsiologiya upravleniya* [Management Sociology]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2011. P. 83.
18. Shabunova A.A., Morev M.V., Kondakova N.A. *Zdorov'e detei: itogi pyatnadsatiletnego monitoringa* [Children's Health: Results of a Fifteen-Year Monitoring]. Vologda: ISERT RAN, 2012. P. 108.
19. Brown A. Political Leadership in Post-Communist Russia. *Russia in Search of Its Future*. Cambridge, 1995. P. 44.

Социальные аспекты модернизации регионов России*



**Мария Александровна
ЛАСТОЧКИНА**

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, mashkop@mail.ru)



**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, aas@vscc.ac.ru)

Аннотация. Модернизация – это длительный процесс, идущий неравномерно во всем мире и каждой стране, а тем более в России, с учетом территориальной протяженности и национального многообразия. Причем особую актуальность имеет не только проблема 2–4-кратного отставания нашей страны от развитых стран по уровню жизни населения, но и глубокие межрегиональные различия. Каждый субъект РФ отличается степенью социально-экономического развития и, соответственно, уровнем модернизированности. Цель данной статьи – обозначить некоторые актуальные социальные аспекты развития территорий на фоне модернизационных изменений. На основе комплексного анализа статистических и социологических данных предпринята попытка показать особенности изменения тенденций в области здоровья населения, образования, материального положения. В ходе исследования авторы пришли к выводу, что модернизацию в регионах России нужно рассматривать не только как достижение высокого мирового уровня по показателям в экономической и технологической сферах, но и как осовременивание общества в социокультурном и духовном ракурсе.

Ключевые слова: модернизационное развитие, качество жизни, здоровье населения, смертность, неравенство.

* Статья выполнена при поддержке гранта РНФ № 14-18-03120.

Развитие российских регионов и включенность их в модернизационные процессы все больше становятся одними из ведущих аспектов современного социального познания общества. Предметом изучения при этом служат не только изменения социально-экономических показателей, но и инновационная деятельность, инвестиционный потенциал, качество жизни, гражданская активность, специфика социокультурной модернизированности территории. Модернизация носит глобальный характер и является приоритетной для тех регионов и стран, которые стремятся ускорить экономическое развитие, поскольку совершенствование, прогрессивность и инновации выступают важными движущими факторами роста.

Эксперты выделяют три составляющие модернизационного процесса: индустриальную, информационно-когнитивную и социокультурную [4].

Индустриальная — это развитие промышленности как новой основы экономики (где создается большая часть ВВП страны), она формирует первую стадию модернизации как комплексного цивилизационного процесса. Информационно-когнитивная представляет собой переход к информационному обществу, основанному на знаниях (служат главным источником роста ВВП), и формирует качественно новую вторую стадию модернизации. Социокультурная — это неотъемлемая составляющая каждой стадии модернизации, нацеленная на развитие человека как личности, что обеспечивается функционированием социальных институтов и структур.

Главными критериями успеха модернизации страны являются обеспечение конкурентоспособности среди других стран и повышение качества жизни населения. Естественно, что эти задачи взаимосвязаны и реализуются в современном мире с помощью эффективного социально-эконо-

мического управления, инновационного развития всех сфер жизни общества.

В России особенную актуальность имеет не только проблема 2–4-кратного отставания по уровню жизни населения от развитых стран, но и глубокие межрегиональные различия. Каждый регион отличается степенью социально-экономического развития и, соответственно, модернизированности.

Представляется важным и значимым сравнение регионов России по уровню их модернизированности. Подобное исследование позволяет провести методика Центра исследования модернизации Китайской академии наук (Хэ Чуаньци [9]), адаптированная к российской региональной статистике (Центр исследования социокультурных изменений Института философии РАН, Н.И. Лапин).

Согласно теории разделения всемирной модернизации, различают первичную и вторичную модернизацию. Первичная модернизация связана с индустриальной эрой цивилизационного процесса, а вторичная — с информационной эрой, или эрой знаний. Интегрированная модернизация представляет собой координированное развитие первичной и вторичной модернизации.

Для каждой стадии модернизации создана модель количественной оценки, включающая определенный набор индикаторов и их стандартных значений. Результатами оценки служат итоговые индексы и значения каждой стадии модернизации. Оценка индексов проведена нами в специализированной информационно-аналитической системе «Модернизация», разработанной в ИСЭРТ РАН (<http://mod.vssc.ac.ru/>).

В зависимости от уровня индекса вторичной модернизации (ВМ) регионы РФ можно разделить на три группы (табл. 1). Наиболее высокий уровень модернизации

Таблица 1. Динамика субъектов РФ по уровню индекса вторичной модернизации, 2000 и 2012 гг.

Уровень (индекс ВМ)	Субъекты РФ	
	2000 г.	2012 г.
Низкий (31–51)	Респ. Адыгея, Респ. Башкортостан, Респ. Бурятия, Респ. Алтай, Респ. Дагестан, Респ. Ингушетия, Кабардино-Балкарская Респ., Респ. Калмыкия, Карачаево-Черкесская Респ., Респ. Карелия, Респ. Мордовия, Респ. Тыва, Удмуртская Респ., Респ. Хакасия, Чеченская Респ., Чувашская Респ., Алтайский кр., Краснодарский кр., Ставропольский кр., Хабаровский кр., Амурская обл., Архангельская обл., Астраханская обл., Белгородская обл., Брянская обл., Волгоградская обл., Вологодская обл., Ивановская обл., Кемеровская обл., Кировская обл., Костромская обл., Курганская обл., Курская обл., Липецкая обл., Новгородская обл., Оренбургская обл., Орловская обл., Псковская обл., Рязанская обл., Сахалинская обл., Смоленская обл., Тамбовская обл., Забайкальский кр., Еврейская авт. обл., Чукотский АО, Южный ФО, Северо-Кавказский ФО, Дальневосточный ФО	Респ. Ингушетия, Чеченская Респ.
Средний (52–80)	Респ. Коми, Респ. Марий Эл, Респ. Саха (Якутия), Респ. Северная Осетия–Алания, Респ. Татарстан, Красноярский кр., Приморский кр., Владимирская обл., Воронежская обл., Иркутская обл., Калининградская обл., Калужская обл., Камчатский кр., Ленинградская обл., Магаданская обл., Московская обл., Мурманская обл., Нижегородская обл., Новосибирская обл., Омская обл., Пензенская обл., Пермский кр., Ростовская обл., Самарская обл., Саратовская обл., Свердловская обл., Тверская обл., Томская обл., Тульская обл., Тюменская обл., Ульяновская обл., Челябинская обл., Ярославская обл., г. Санкт-Петербург, Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО – Югра, Ямало-Ненецкий АО, Центральный ФО, Северо-Западный ФО, Приволжский ФО, Сибирский ФО, Уральский ФО, Россия	Респ. Адыгея, Респ. Башкортостан, Респ. Бурятия, Респ. Алтай, Респ. Дагестан, Кабардино-Балкарская Респ., Респ. Калмыкия, Карачаево-Черкесская Респ., Респ. Карелия, Респ. Коми, Респ. Марий Эл, Респ. Мордовия, Респ. Саха (Якутия), Респ. Северная Осетия–Алания, Респ. Татарстан, Респ. Тыва, Удмуртская Респ., Респ. Хакасия, Чувашская Респ., Алтайский кр., Краснодарский кр., Красноярский кр., Приморский кр., Ставропольский кр., Хабаровский кр., Амурская обл., Архангельская обл., Астраханская обл., Белгородская обл., Брянская обл., Владимирская обл., Волгоградская обл., Вологодская обл., Воронежская обл., Ивановская обл., Иркутская обл., Калининградская обл., Калужская обл., Камчатский кр., Кемеровская обл., Кировская обл., Костромская обл., Курганская обл., Курская обл., Ленинградская обл., Липецкая обл., Магаданская обл., Мурманская обл., Новгородская обл., Новосибирская обл., Омская обл., Оренбургская обл., Орловская обл., Пензенская обл., Пермский кр., Псковская обл., Ростовская обл., Рязанская обл., Самарская обл., Саратовская обл., Сахалинская обл., Свердловская обл., Смоленская обл., Тамбовская обл., Тверская обл., Томская обл., Тульская обл., Тюменская обл., Ульяновская обл., Челябинская обл., Забайкальский кр., Ярославская обл., Еврейская автономная обл., Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО – Югра, Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО, Южный ФО, Северо-Кавказский ФО, Приволжский ФО, Сибирский ФО, Уральский ФО, Дальневосточный ФО, Россия
Высокий (81–120)	г. Москва	Московская обл., г. Москва, г. Санкт-Петербург, Центральный ФО

Источники: таблица подготовлена с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.

наблюдается в самых крупных городах страны — Москве и Санкт-Петербурге, некоторых сибирских регионах с развитой добывающей и обрабатывающей промышленностью и регионах, включающих крупные города или соседствующих с ними.

Самым низким уровнем модернизации характеризуются в основном аграрные регионы и территории, принадлежащие Южному и Северо-Кавказскому федеральным округам.

В рассматриваемый период наблюдалась позитивная динамика индекса вторичной модернизации: так, если в 2000 г. соответствовали низкому уровню 45 регионов, то в 2012 г. таких осталось только два — Республика Ингушетия и Чеченская Республика. Всё больше территорий (92% в 2012 г.) соответствуют среднему уровню вторичной модернизации; группа с высоким уровнем развития увеличилась за 12 лет с одного региона до трех. Следует отметить неравномерность процесса региональной модернизации в стране, причем очевидна асинхронность в развитии даже соседних по географическому положению территорий. Ярким примером служат Санкт-Петербург, опережающий Ленинградскую область на 31 п.п. по индексу ВМ, Москва и Московская область (разница — 26 п.п.).

Из четырех групп показателей индекса ВМ менее благоприятна ситуация с субиндексом качества экономики и инноваций в знаниях (субиндексы в среднем по РФ равны 52%, табл. 2). Субиндексам качества жизни и трансляции знаний недостает 7–9 п.п. до уровня развитых стран. В рамках поставленных в данной статье задач исследования рассмотрим более подробно субиндекс качества жизни, величина которого за 2000–2012 годы выросла на 9 п.п. Анализируя его состав, отметим, что при расчете уровня модернизованности учитываются социально-демографические

характеристики населения. Наименьшее значение имеет показатель «ожидаемая продолжительность жизни» (ОПЖ), который составляет в среднем по России 70,2 года, что меньше уровня развитых стран на 10 лет. Наблюдаемый в стране с 2003 г. рост средней продолжительности жизни поднял планку более чем на 5 лет.

Здесь позитивный вклад в демографию, на наш взгляд, внесла успешная реализация нацпроекта «Здоровье» и «Концепция демографического развития...». Более чем за десять лет объемы финансирования здравоохранения повысились почти в шесть раз. Немалые вливания в эту сферу принесли весомые результаты: в стране удалось увеличить продолжительность жизни, рождаемость, снизить смертность населения, младенческую смертность.

Ожидаемая продолжительность жизни — это комплексный индикатор, характеризующий состояние здоровья и качество жизни населения. Определяющее значение при расчете ОПЖ имеет смертность населения в раннем и трудоспособном возрасте. Наиболее распространенными причинами смертности являются заболевания сердечно-сосудистой системы (53,5% среди всех смертей в 2013 г.), ситуацию с которыми в РФ можно оценить как катастрофическую; новообразования (15,6%) и внешние причины (9,9%).

По данным ВОЗ, по уровню преждевременной (то есть в возрасте до 64 лет) смертности от патологий органов кровообращения (206,9 случая на 100 тыс. населения) Россия занимает место в группе наиболее неблагополучных стран наряду с Казахстаном (208,8), Беларусью (191,3) и Украиной (176,8). Наименьшие значения показателя смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в развитых странах: Финляндия — 44,5, Германия — 35,7, Великобритания — 35,6, Нидерланды — 26, и это в 4–8 раз меньше, чем в РФ [11].

Таблица 2. Динамика индекса (субиндексов) вторичной модернизации в РФ, 2000 и 2012 гг.

Показатель	2000 г.			2012 г.		
	Значение	Стандарт	Индекс	Значение	Стандарт	Индекс
Валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения, долл.	1660	27680	6	11204,8	38811,2	28,905
ВВП на душу населения по паритету покупательской способности (ППС), долл.	8010	27770	28,8	19048,2	37322	51,0
Доля добавленной стоимости материальной сферы в ВВП, %	38	32	84,2	43,8	25,5	58,2
Доля занятых в материальной сфере в общей занятости, %	38	30	78,9	37,5	25,9	69,1
Субиндекс качества экономики	49,5			51,8		
Доля затрат на НИОКР в ВВП, %	1,1	2,3	47,8	1	2,4	41,7
Число ученых и инженеров на 10 тыс. человек	34	33,4	101,8	30	39,8	75,4
Число жителей, подавших патентные заявки, на 1 млн. человек	138	790	17,5	294	745	39,5
Субиндекс инновации в знаниях	55,7			52,2		
Доля городского населения во всем населении, %	73	79	92,4	74	80	92,5
Число врачей на 1000 человек	4,2	2,9	120	4,9	2,8	120
Младенческая смертность (в возрасте до 1 года) на 1000 родившихся	15	6	40	8,6	5,1	59,3
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	65	78	83,3	70,2	80	88
Энергетическая эффективность: ВВП на душу / стоимость потребления энергии на душу, раз	4121	5448	75,6	4943	4999,2	98,9
Субиндекс качества жизни	82,3			91,7		
Доля студентов, обучающихся в вузах, среди населения от 18 до 22-х лет, %	41	60	68,3	76	72,1	104
Доля обучающихся в средних учебных заведениях среди населения 12–17 лет, %	95	100	95	88,6	100	84
Число телевизоров на 100 домохозяйств	124	189	65,6	174	160	108,7
Число персональных компьютеров на 100 домохозяйств	6	85	7,1	86	117	73,5
Субиндекс трансляции знаний	59,0			92,6		
Индекс вторичной модернизации	61,6			72,4		
Примечание. Индекс ВМ есть среднее арифметическое субиндексов ВМ. Значения индексов округляются до 120 (согласно методике). Источники: таблица подготовлена с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент № 2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.						

Еще одним не менее важным показателем, участвующим в расчете индекса ВМ, является младенческая смертность, которая хотя и сократилась в последние годы почти в 2 раза, но все еще значительно превышает уровень развитых стран (в 1,7 раза). В рейтинге стран мира по данному показателю за 2014 год Рос-

сийская Федерация находится на 160 позиции (7,08 умерших в возрасте до 1 года на 1 тыс. родившихся живыми) из 224 возможных, по соседству с Чили и Кувейтом. Положительные тенденции в состоянии здоровья детей первого года жизни начались после 2006 г., что явилось результатом действия приоритетного на-

ционального проекта «Здоровье». Однако достигнутые результаты все же хуже тех, которые были в 1990 г.: так, в 2012 г. 34% детей (в 2 раза больше показателя 1990 г.) уже родились больными или заболели в первую неделю жизни.

Как показывают исследования [2], проведенные в различных регионах России, здоровье детей имеет комплексный характер, включая множество факторов (социальное окружение, здоровье матери, питание, жилищные условия и др.), которые поддаются изменению и требуют безотлагательного вмешательства со стороны общества и государства. От их эффективности во многом зависит здоровье и жизнь подрастающего поколения, а значит, и будущее России. Кроме того, здоровье детей особенно значимо, если учитывать заметное сокращение населения страны.

Демографические тенденции в странах европейского региона (депопуляция, старение населения, увеличение демографической нагрузки) и в России несколько сходны, но в нашей стране ситуация осложняется отставанием в экономическом и социальном развитии.

Подчеркнем, что современная модернизация возможна только при осознании важности демографических проблем, при сбережении человеческого капитала (численность и здоровье населения, образование, соотношение возрастных и трудовых категорий).

Продвижение по пути модернизации в этих условиях весьма непростая задача, для ее реализации требуются трудовые ресурсы, которые, судя по прогнозам, в России в ближайшие 20 лет (скорее всего и в дальнейшем) будут ограничены. Следовательно, стране нужна наукоемкая высокотехнологичная модель развития, необходимым условием которой является высокий уровень человеческого капитала, образования и социокультурного развития.

Векторы развития мировой экономики по инновационному пути сводятся к тому, что высококвалифицированные и образованные кадры играют все более значимую роль. Для этого в России должна хорошо работать модель социального лифта, одним из важных механизмов которой является образование. Благодаря наличию бюджетных мест в высших учебных заведениях одаренные дети могут получить хорошее образование, однако далее, на практике, привилегированное положение и престижные рабочие места занимают те, у кого есть «связи» или деньги. С появлением платного высшего образования перестал работать фильтр, отсеивающий молодежь с низким уровнем знаний, а социальные лифты стали платными, поэтому за деньги в вузы может попасть практически любой и, как следствие, существенно снизилась эффективность такого социального канала.

Об этом свидетельствуют данные социологического исследования, проведенного в 2013 г. в регионах СЗФО¹. Интенсивность мобильности зажиточного и богатого населения значительно превышает данный показатель в других категориях населения (*табл. 3*). Восходящие социальные перемещения интенсивнее всего происходят в группе наиболее обеспеченных (44%). Самый низкий коэффи-

¹ Выборочная совокупность – 5000 человек в десяти регионах Северо-Западного федерального округа (Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, республики Карелия и Коми, г. Санкт-Петербург). Объем выборки по каждому региону составляет не менее 400 респондентов, что позволяет с высокой степенью достоверности (ошибка выборки не более 5% при вероятности 95%) судить о ситуации в отдельно взятом регионе и осуществлять межрегиональные сопоставления. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения региона.

Таблица 3. Интенсивность социальной мобильности населения СЗФО в зависимости от материального положения (за последние 5 лет; в % от числа опрошенных)

Показатель мобильности	Группы населения		
	Зажиточные и богатые	Обеспеченные	Бедные и нищие
Общий коэффициент мобильности	46,7	35,4	36,9
Показатель восходящей мобильности	43,8	26,0	16,2
Показатель нисходящей мобильности	2,9	9,4	56,1
Показатель обменной мобильности	5,7	-5,6	76,8

Источник: данные социологического исследования, проведенного ИСЭРТ РАН в 2013 г. в регионах СЗФО.

коэффициент восходящей мобильности в группе бедных и нищих (16%). Коэффициенты нисходящей социальной мобильности имеют противоположную тенденцию — чем выше доходы населения, тем ниже показатель нисходящей мобильности [7]. Нисходящая мобильность в группе бедных составляет 56%. Показатель обменной мобильности демонстрирует степень открытости группы — чем он меньше, тем более закрыта группа, доступ в нее затруднен [1]. Этот показатель в группах наиболее обеспеченных жителей минимален, что свидетельствует о труднодоступности этих групп для перехода. Об открытости группы бедного населения говорит высокая обменная мобильность — 77%.

Результаты исследования показывают, что для населения с низкими доходами и социальным положением практически неосуществимо повысить свой социальный статус, так как даже уровень образования не обеспечивает работу социального лифта, при том что его роль выполняют «связи» и деньги.

Проведенный в исследовании анализ выявил взаимосвязь между социальной мобильностью и уровнем модернизированности территорий. Социальная мобильность выше в регионах, обладающих более высоким уровнем модернизированности, что, на наш взгляд, может обеспечить ускорение процессов модернизации.

В свою очередь, обратное влияние тоже имеет место быть.

Сравнение данных об уровне модернизации и степени социально-экономического неравенства населения дает основания говорить, что Россия сейчас находится на восходящем тренде развития обоих этих процессов. Следуя закону Кузнецца [10] и анализируя динамику наблюдаемых тенденций, можно констатировать, что регионы РФ проходят путь, приближающий их к точке А (рис. 1).

«Кривая Кузнецца» породила в научном сообществе массу споров и попыток ее проверки и опровержения. Хотя С. Кузнецц описывал процессы «капиталистической модернизации», этот закон выполняется и в настоящее время — в эпоху неоиндустриализации. Об этом свидетельствует сопоставление данных об индексах модернизированности территорий и о степени социально-экономического неравенства населения (рис. 2). В регионах с высоким уровнем модернизированности выше коэффициент фондов, характеризующий неравенство населения по доходам. За анализируемый период произошло сгущение области рассеивания территорий, так что зона стала более концентрированной.

Для таких субъектов, как Краснодарский край, Республика Бурятия, Свердловская область, Красноярский край, Республика Коми, Иркутская область,

Рисунок 1. «Кривая Кузнеца»

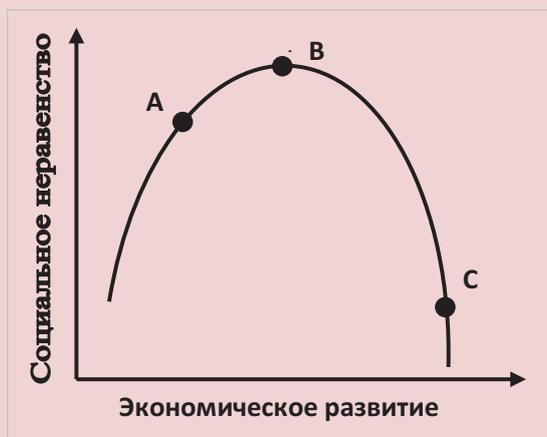
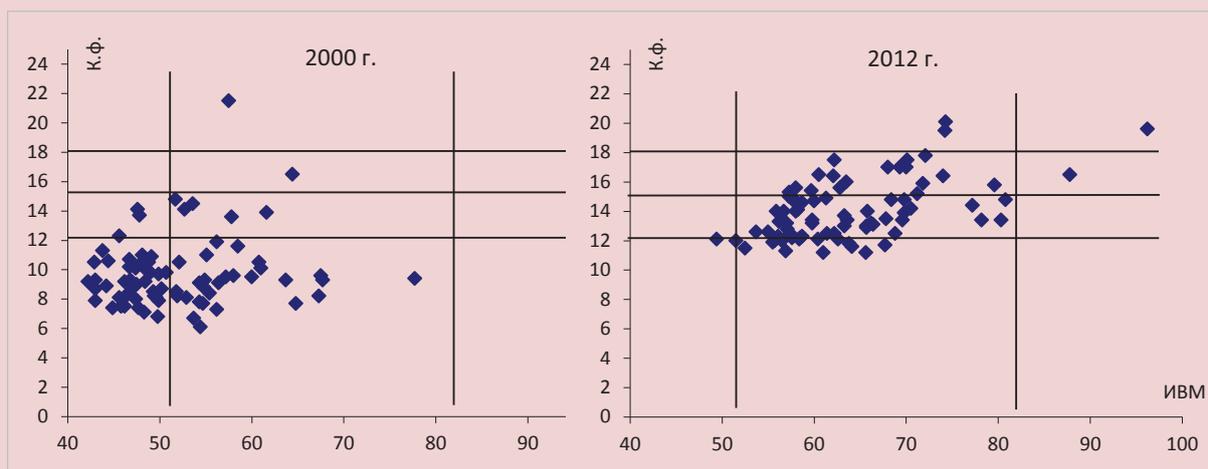


Рисунок 2. Динамика индекса вторичной модернизации (ИВМ) и коэффициента фондов (К.ф.) в регионах РФ за 2000 и 2012 гг.



Республика Башкортостан, характерно наиболее сильное несоответствие уровня модернизации и степени неравенства. В этих регионах повышение благосостояния и, соответственно, увеличение степени неравенства происходит более активно, нежели в других. Противоположные тенденции — отставание роста благосостояния населения от активности модернизационных процессов — заметнее всего проявляются в Тульской, Томской, Мурманской, Нижегородской и Магаданской областях. Наиболее высокие показатели уровня модернизации и дифференциации населения

характерны для столичных регионов, отличающихся развитым финансовым сектором, и территорий с ярко выраженной добывающей промышленностью (города Москва, Санкт-Петербург, Московская, Ленинградская, Тюменская, Свердловская и некоторые другие области). Малочисленны группы с высоким уровнем модернизации и низкой или средней степенью социально-экономического неравенства населения (5 регионов) [6].

По закону Кузнеца увеличение социального неравенства в регионах РФ при дальнейшем росте социально-экономического

развития должно смениться снижением (кривая после точки В; см. рис. 1). А.Е. Фаерман и А.М. Терентьев [8] в 1997 году, прогнозируя динамику коэффициента дифференциации, заключили, что коэффициент фондов составит в 2000 г. 9,89, в 2010 г. – 10,94, в 2015 г. – 11,67, в 2020 г. – 12,03. Тенденция повышения уровня неравенства, указанная в прогнозе, – верна, однако это произошло более быстрыми темпами, чем предполагалось: в 2012 г. коэффициент дифференциации составил уже 16,4. Прогнозные расчеты времени наступления уменьшения неравенства дают основания для двояких выводов. С одной стороны, при существующих темпах роста неравенства подобный переход должен произойти к 2030–2035 гг., однако с учетом финансовых кризисов, которым подвержена экономика, возможны существенные подвижки.

С другой стороны, при построении прогнозных оценок следует принимать во внимание, что самопроизвольно это не произойдет. И государство, и гражданское общество должны приложить максимальные усилия для сокращения (полного искоренения) коррупционных стратегий ведения бизнеса. Позитивные сдвиги возможны при росте трудовых доходов на основе повышения экономической активности населения, а также модернизации и увеличения производительности труда в наиболее трудоемких отраслях (как

следствие – менее доходных). Осуществление данных шагов, как и движение по пути модернизации, требует политической воли и эффективного государственного управления. Задачей руководства (страны, региона, муниципального образования), заявляющего о модернизации, становится проведение дальновидной политики и институциональных реформ, нацеленных не только на развитие инноваций, нового технологического уклада, но и на поднятие качества и уровня жизни, снижение неравенства, что позволит людям в полной мере реализовывать свой потенциал.

Однако следует подчеркнуть, что это весьма сложная задача, если учесть, что сплоченность российского общества ослаблена практически до антагонистичности в отношении властных структур и общества, отчуждения друг от друга социальных слоев, которые не соприкасаются друг с другом ни на социальном, ни на уровне повседневного общения [5]. Вместе с тем социальная солидарность является главной силой, сплачивающей общество, способной создавать новое качество социальной среды. Поэтому модернизацию в регионах России нужно рассматривать не только как достижение высокого мирового уровня по показателям в экономической и технологической сферах, но и как осовременивание общества в социокультурном и духовном ракурсе.

Литература

1. Буланова, М.А. Социальная мобильность работающей молодежи региона: социологический анализ / М.А. Буланова // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – № 3. – С. 205-212.
2. Кислицына, О.А. Здоровье детей – богатство нации: тенденции, факторы риска, стратегии сбережения [Текст] / О.А. Кислицына. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 268 с.
3. Кондакова, Н.А. Здоровье и условия жизни подрастающего поколения / Н.А. Кондакова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 1. – С. 151-161.
4. Лапин, Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 2012. – № 9. – С. 4-24.
5. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / ИФ РАН; сост. и общ. ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: Academia, 2013. – С. 45.

6. Россошанский, А.И. Благополучие населения как показатель модернизационного развития потенциала территории / А.И. Россошанский, Г.В. Белехова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 5 (35), – С. 260-275.
7. Соловьева, Т.С. Средний класс в регионах СЗФО: возможности расширенного воспроизводства / Т.С. Соловьева, А.А. Шабунова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 4 (34). – С. 113-129.
8. Фаерман Е.Ю. Дифференциация доходов, сбережений, непроизводственного потребления в переходном периоде / Е.Ю. Фаерман, А.М. Терентьев, И.А. Васильев. – М.: ЦЭМИ РАН, 1997.
9. Хэ Чуаньци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010): пер. с англ. / под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М.: Весь Мир, 2011. – 256 с.
10. Kuznets, S. Economic Growth of Nations: Total Output and Production Structure, 1971.
11. World Health Statistics. World Health Organization. – 2014. – 180 p.

Lastochkina M.A., Shabunova A.A.

Social aspects of modernization in Russia's regions

Mariya Aleksandrovna Lastochkina – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, mashkop@mail.ru)

Aleksandra Anatol'evna Shabunova – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director, Department Head, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, aas@vscc.ac.ru)

Abstract. Modernization is a long process that is going on unevenly in the world and in every country, and especially in Russia taking into account its vast territory and national diversity. Moreover, very acute issues that our country has to face include its lagging behind developed countries by 2–4 times in terms of the standard of living, and profound interregional differences. Each subject of the Russian Federation has its own degree of socio-economic development and, consequently, its own level of modernization. This article aims to outline some important social aspects of territories' development on the background of modernization change. The authors try to show the specifics of change in the trends in health, education, and financial situation on the basis of a comprehensive analysis of statistical and sociological data. The authors conclude that modernization in Russia's regions should be considered not only as an achievement of the highest international standard in economic and technological fields, but also as an updating of the society in the socio-cultural and spiritual perspective.

Key words: modernization, quality of life, population health, mortality, inequality.

References

1. Bulanova M.A. Sotsial'naya mobil'nost' rabotayushchei molodezhi regiona: sotsiologicheskii analiz [Social Mobility of the Working Young People of the Region: Sociological Analysis]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [The Power and Administration in the East of Russia], 2011, no. 3, pp. 205-212.
2. Kislytsyna O.A. *Zdorov'e detei – bogatstvo natsii: tendentsii, faktory riska, strategii sberezheniya* [Children's Health – the Wealth of the Nation: Trends, Risk Factors, and Preservation Strategies]. Moscow: MAKSPress, 2011. 268 p.
3. Kondakova N.A. *Zdorov'e i usloviya zhizni podrastayushchego pokoleniya* [Health and Living Conditions of the Rising Generation]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 1, pp. 151-161.
4. Lapin N.I. *Izmerenie modernizatsii rossiiskikh regionov i sotsikul'turnye faktory ee strategii* [Assessment of Modernization in the Russian Regions and Sociocultural Factors in Its Strategy]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2012, no. 9, pp. 4-24.
5. *Problemy sotsiokul'turnoi modernizatsii regionov Rossii* [Problems of Socio-Cultural Modernization of Russia's Regions]. Compiled and edited by N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. Moscow: Academia, 2013. P. 45.

6. Rossoshanskii A.I., Belekhova G.V. Blagosostoyanie naseleniya kak pokazatel' modernizatsionnogo razvitiya potentsiala territorii [Welfare of the Population as an Indicator of Modernization Potential of the Territory]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 5 (35), pp. 260-275.
7. Solov'eva T.S., Shabunova A.A. Srednii klass v regionakh SZFO: vozmozhnosti rasshirenogo vosproizvodstva [Middle Class in the Regions of the Northwestern Federal District: Expanded Reproduction Capabilities]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 4 (34), pp. 113-129.
8. Faerman E.Yu., Terent'ev A.M., Vasil'ev I.A. *Differentsiatsiya dokhodov, sberezhenii, neproizvodstvennogo potrebleniya v perekhodnom periode* [Differentiation of Income, Savings, Non-Productive Consumption in a Period of Transition]. Moscow: TsEMI RAN, 1997.
9. He Chuanqi. *Obzornyi doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001–2010)* [China Modernization Report Outlook (2001–2010)]. Translated from English under general editorship of N.I. Lapin; foreword by N.I. Lapin, G.A. Tosunyan. Moscow: Ves' Mir, 2011. 256 p.
10. Kuznets S. *Economic Growth of Nations: Total Output and Production Structure*, 1971.
11. *World Health Statistics*. World Health Organization, 2014. 180 p.

Об «обучающихся организациях» и корпоративном образовании в инновационном контексте*



**Григорий Артурович
КЛЮЧАРЕВ**

доктор философских наук, профессор, директор Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии Российской академии наук (Kliucharev@mail.ru)

Аннотация. Существующая за счет бюджетных средств система дополнительного профессионального образования далеко не всегда успевает за реальными потребностями производства и рынка труда в повышении квалификации и переподготовке кадров. В качестве альтернативы развивается корпоративное (внутрифирменное) образование. Оно успешно конкурирует с государственными образовательными системами, поскольку имеет перед собой конкретную цель – подготовить сотрудника к производительному труду именно в своей компании и для ее блага. Компании, которые развивают внутрифирменное непрерывное образование, становятся «обучающимися организациями» и приобретают очевидные конкурентные преимущества.

Ключевые слова: корпоративное образование, внутрифирменные центры подготовки кадров, обучающиеся организации, отраслевые НИОКР.

Введение

Корпоративные университеты появились в конце 1980-х гг. в связи с глобализацией рынка труда и интеграцией национальных экономических пространств¹. В настоящее время в мире насчитывается

около 1200 корпоративных университетов. Признанными лидерами являются Toyota University, ORACLE, MacDonald's University, General Electric, Disney University. Особенно активны в обучении своих со-

* В статье использованы результаты исследования, выполняемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-03-00015а «Непрерывное образование и трансфер наукоемких технологий: модели взаимодействия учреждений образования и науки с предприятиями реального и финансового секторов».

¹ John F. Gutowski. A Corporate Education. PublishAmerica (2010) – 542 p.; Чумаков А.Н. Глобализация: контуры целостного мира. – М.: Проспект, 2005.

трудников такие наукоемкие компании, как Google, Роулз-Ройс, БМВ, IBM, Sony, Даймлер-Бенц. О размерах подобной деятельности можно судить на примере компании «Моторола», корпоративный университет которой обеспечивает работой более 1000 штатных преподавателей, которые ведут занятия на 24 языках, в 49 странах мира. Существенно, что при этом лишь 10% от общего числа занятых штатных преподавателей работали когда-либо в обычных классических университетах.

На международном уровне корпоративное образование выходит из-под контроля государства и превращается в один из основных факторов трудовой миграции. Если внутри государства органы управления образованием вынуждены, как правило, проводить определенную политическую и идеологическую линии, то на межгосударственном уровне у них гораздо больше свободы «для маневра» и учета собственного внутрифирменного интереса.

Казалось, не так давно сторонники известной «фордистской» модели считали, что обучать кадры нерентабельно – выгоднее нанять новую рабочую силу. Но с ростом интеллектуальной емкости труда, внедрением высоких (наукоемких) технологий, а главное, в связи с углубляющейся специализацией профессий и ростом объема необходимых работнику знаний внутрифирменное обучение получает значительное распространение. Организация учебы сотрудников становится выгодным инвестированием. Так, широкомасштабное исследование в ряде американских компаний показало, что увеличение расходов на обучение персонала на 10% дает прирост производительности труда на 8,5%, в то время как такое же увеличение капиталовложений повышает производительность труда только на 3,8%².

² John F. Gutowski. Там же, с. 5-25.

Масштабность корпоративного образования впечатляет. Подготовка кадров становится индустрией, в которой все большую роль играет не государство, а работодатели и которая приносит немалые доходы. В США, например, в сфере подготовки кадров «работает» 70 млрд. долл. ежегодно. Оценить российский рынок корпоративного образования пока не представляется возможным. По всей видимости, он в несколько раз превышает размеры нынешних государственных расходов на систему дополнительного профессионального образования.

Корпоративным университетом (КУ) обычно называют обособленную структуру (подразделение) компании, организующую по специально разработанным учебным планам подготовку и повышение квалификации своих штатных сотрудников. По сути дела, корпоративный университет – это система внутрифирменного обучения, которая абсолютно отличается от того порядка, который принят в классическом университете. Здесь, как правило, нет деканатов, кафедр, зачетных книжек. Не звучат звонки в начале и по окончании занятий.

Нет почетных докторов и ученых советов – неизбежных атрибутов классического учебного заведения.

При определении особенностей корпоративного обучения эксперты называют два основных признака. Первый заключается в том, что данная форма образования всегда нацелена на определенную целевую группу – сотрудников компании либо сотрудников отрасли, для которых обучение совершенно бесплатно и проводится, как говорится, «с отрывом от производства». Для посторонних такая система образования закрыта.

Вторым существенным признаком, характеризующим систему внутрифирменного обучения, является наличие у компании *единой стратегии непрерывного разви-*

тия, которая предполагает непрерывное образование — целевую и направленную постоянную (периодическую) подготовку (переподготовку) и повышение квалификации персонала этой компании. При этом компания постепенно превращается в «обучающуюся организацию», где учатся все и каждый в определенные моменты своей трудовой биографии³.

Существует и более узкое понимание корпоративного образования как системы подготовки молодых специалистов в профильных вузах на старших курсах по специально разработанным программам обучения, учитывающим специфику и корпоративную культуру компании. В данном случае разрабатывается специальная программа обучения для студентов старших курсов (специалистов и магистров) профильных (отраслевых) вузов в тех регионах, где имеются предприятия компании-заказчика. Выпускные дипломные работы выполняются, как правило, под руководством опытных сотрудников предприятий. На основании результатов выпускных «корпоративных» экзаменов и с учетом рекомендации представителя фирмы выпускники трудоустраиваются на предприятие-заказчик.

Таким образом, можно принять за основу следующее определение корпоративного образования: это система внутрифирменного обучения, объединенная единой концепцией в рамках стратегии развития организации и разработанная для всех уровней руководителей и специалистов⁴. Как видим, по сути, речь идет о реальной системе непрерывного профессионального образования, действующей в форме *обучающейся организации*.

³ Martijn Rademakers. *Corporate Universities: Drivers of the Learning Organization*. Routledge (2014). — 170 p.

⁴ Корпоративные университеты в российской и зарубежной практике. — М.: Ассоциация менеджеров России, 2002. — С. 8.

Корпоративное образование в России

Считается, что одна из причин развития корпоративного образования⁵ в России — оторванность действующих институтов профессиональной подготовки от реальных потребностей и специфики рынка труда. Эту нишу, по понятным причинам, осваивают сами крупные предприятия, которые лучше знают, какие кадры им нужны. Как справедливо отметил один из опрошенных экспертов, классические университеты, да и почти вся система высшего и среднего профессионального образования со своими традиционными программами, государственными стандартами, утвержденными на несколько лет вперед учебными планами, идут позади стремительно несущегося вперед «корпоративного локомотива знаний».

В то же время, несмотря на критику современной высшей школы, многие эксперты отмечают необходимость использования ресурсов традиционных классических вузов. Так, представители корпоративных университетов и учебных центров компаний подтвердили, что готовы работать на персональной основе с отдельными преподавателями, отвечающими требованиям, предъявляемым к ним корпорациями. Это означает, что вузовские преподаватели смогут разрабатывать и предлагать авторские курсы с учетом специфики заказчика, постоянно обновлять свои знания, демонстрировать навыки

⁵ При подготовке настоящей статьи использованы данные экспертных опросов, проведенных ФГУП «Центр социологических исследований» Минобрнауки РФ в 2012 г. (рук. — Ф.Э. Шереги). В исследовании приняли участие ряд крупнейших отечественных компаний, корпораций и акционерных обществ, в том числе Росатом, Ростехнологии, РусГидро, ЕЭС, Роснефть, Газпром, РЖД, Автоваз, Информационные спутниковые системы имени академика М.Ф. Решетнева, ГКНПЦ имени М.В. Хруничева, Алроса, концерн радиостроения «Вега», концерн «Созвездие», концерн «Гидроприбор», Центр технологии судостроения и судоремонта, корпорация «Росхимзащита», концерны «Океанприбор» и «Моринформсистема-Агат», НПК «Уралвагонзавод».

владения современными техническими средствами обучения (включая дистанционное) и, главное, будут во всех смыслах «ориентированы на рынок».

Другая причина интенсивного развития корпоративного образования в России заключается в том, что топ-менеджмент крупных компаний заинтересован в приобретении непрофильных активов, включая и образовательный блок. Для многих компаний возможности экстенсивного роста, характерного для 1990-х – начала 2000-х гг., исчерпали себя. Поэтому, чтобы поддерживать конкурентные позиции, необходимы качественные изменения прежде всего внутри самой организации, включая активное производство и накопление человеческого капитала. В данном контексте изменяются принципы работы с персоналом, осваиваются новые стратегии переподготовки и повышения квалификации сотрудников.

Еще одна предпосылка развития корпоративного образования связана с устойчивой тенденцией к слиянию компаний и созданию крупных холдингов. При покупке одними компаниями других всегда встает проблема совмещения разных систем управления, «стыковки» корпоративных структур и ценностей. Для этого специально разрабатываются такие учебные программы, которые обеспечивают унификацию бизнес-технологий и трансляцию ценностей бизнеса.

Когда финансовые группы принимают решение об инвестировании, они смотрят не только на прибыльность бизнеса, но и на то, насколько безопасно инвестировать в него свои средства. Агентства, которые выставляют инвестиционные рейтинги, обычно указывают на два основных фактора: финансовую прозрачность и прозрачность управленческую. Последняя определяется наличием внутри фирмы системы обучения менеджерского состава,

наличием единых, современных стандартов в управлении людьми и в действиях менеджеров на различных позициях.

Одним из ключевых моментов в деятельности корпоративного университета является выбор его целевой аудитории. От этого зависят масштабы деятельности и специфика организации учебных и тренинговых программ. Среди российских экспертов существует большой разброс мнений о том, кого и чему надо учить в корпоративном университете. Несмотря на различные, казалось бы, модели корпоративного образования в обследованных компаниях, у них общая целевая группа – сотрудники этих компаний, причем независимо от занимаемой должности.

Специфика той или иной компании заключается в соотношении объема образовательных услуг для разных должностных уровней. В одних компаниях подавляющий объем занимают образовательные услуги для технического персонала, в других – программы для менеджеров среднего звена; в третьих – весомую роль играет формирование и развитие кадрового управленческого резерва. При этом для сотрудников практически не существует альтернативы в выборе образования: для одних необходимо бизнес-образование, для других – повышение профессиональной квалификации, технический тренинг или тренинг инновационной направленности.

Что же касается дополнительных курсов по адаптации вновь пришедших после окончания «обычного» учебного заведения молодых сотрудников, то здесь повсеместно ситуация достаточна похожа. Особое внимание уделяется подготовке кадрового резерва непосредственно в высших учебных заведениях. По большей части это касается технических, инженерных специальностей. Примером подобного взаимодействия является

внутрифирменная система обучения в Московской городской телефонной сети (МГТС), которая на свои средства содержит базовую межвузовскую кафедру в МТУСИ. Ежегодно после окончания третьего курса отбирается группа 30 человек, и на основании дополнительного соглашения они изучают все телекоммуникационные системы, которые поставлены в МГТС. Специалисты Московской телекоммуникационной сети читают специальные курсы, в которых рассказывается о том, что делается на практике. Кроме того, МГТС заключает договоры о подготовке специалистов на коммерческой основе. Если это дети сотрудников, то их обучение оплачивается МГТС и после окончания учебы они принимаются на работу на предприятие.

Таким образом, основными направлениями современного корпоративного образовательного процесса следует считать: *во-первых*, обучение менеджерского состава компании всех уровней и подготовка кадрового резерва; *во-вторых*, подготовку молодых специалистов; *в-третьих*, повышение квалификации сотрудников, непосредственно занятых в производстве. Корпоративные университеты как система внутрифирменной подготовки кадров заняли нишу прикладного инженерного образования, которое практически выпало из современной системы государственного профессионального образования.

Подготовка профессиональных кадров ведется на всех образовательных уровнях – начальном, среднем специальном, высшем и послевузовском. Так, имеют собственные (корпоративные) курсы повышения квалификации: для рабочих, имеющих диплом об окончании ПТУ, лица (НПО) – в среднем 8,0% обследованных предприятий и компаний; для специалистов, имеющих диплом об окончании техникума, колледжа (СПО) – 8,5%;

для специалистов, имеющих диплом об окончании вуза (ВПО) – 8,5%; для рабочих, имеющих полное или неполное общее образование – 22,3% предприятий и учреждений⁶.

Особенно велика доля предприятий, в которых созданы корпоративные образовательные учреждения по переподготовке и повышению квалификации специалистов и квалифицированных рабочих, в Санкт-Петербурге, Центральном Черноземье, Поволжье, Волго-Вятском, Уральском и Восточно-Сибирском районах; на предприятиях тяжелой промышленности и в финансовых учреждениях.

Из числа тех предприятий и учреждений, у которых нет собственной базы полного цикла профессионального образования специалистов и квалифицированных рабочих, собираются создать курсы для персонала, имеющего диплом об окончании учреждения НПО, – 1,8%; диплом об окончании учреждения СПО – 0,6%, диплом об окончании вуза – 0,9%. Значительно больше доля тех предприятий, которые собираются создать курсы повышения квалификации, – 14,2%.

Имеющаяся у предприятий и компаний собственная база полного цикла профессионального образования удовлетворяет их собственные потребности в восполнении дефицита квалифицированных кадров: имеющих диплом об окончании учреждения НПО – в среднем на 55,9%, имеющих диплом об окончании учреждения СПО – в среднем на 68,9%, имеющих диплом об окончании вуза – в среднем на 71,2%. Данные показатели практически во всех отраслях промышленности особенно велики в Москве, Санкт-Петербурге, Поволжье, на Северном Кавказе, на Урале и на Дальнем Востоке (табл. 1 и 2).

⁶ Данные ФГУП «Центр социологических исследований» Минобрнауки РФ (2011). Рук. – Ф.Э. Шереги.

Таблица 1. Насколько собственная корпоративная база профессионального образования удовлетворяет потребностям предприятия (компании) в подготовке кадров (по регионам), %

Уровень подготовки специалистов и квалифицированных рабочих	Регион					
	Москва	Санкт-Петербург	Поволжский	Северо-Кавказский	Уральский	Дальневосточный
ПТУ, лицей (НПО)	90,0	48,3	31,8	70,0	56,7	40,5
Техникум, колледж (СПО)	90,0	57,5	52,5	78,0	59,1	50,5
Вуз (ВПО)	87,5	55,6	61,7	68,0	76,3	0,0

Таблица 2. Насколько собственная корпоративная база профессионального образования удовлетворяет потребностям предприятия (компании) в подготовке кадров (по отраслям), %

Уровень подготовки специалистов и квалифицированных рабочих	Отрасль				
	Легкая промышленность	Тяжелая промышленность	Сфера услуг	Строительство	Бюджетные учреждения
ПТУ, лицей (НПО)	70,0	40,5	63,3	73,0	46,3
Техникум, колледж (СПО)	70,0	62,7	70,8	78,2	63,3
Вуз (ВПО)	60,0	80,8	67,4	67,5	76,7

Вопрос эффективности корпоративного образования является наиболее важным. Для предприятия, которое направляет на обучение своих сотрудников, подобным критерием служит рост прибыли, повышение конкурентоустойчивости и темпов роста капитализации на фондовом рынке. Не последнее место по значимости занимает рост социальных выплат и льгот сотрудникам, которые, опять-таки, напрямую связаны с общими экономическими показателями эффективности. Как правило, для сотрудника, который направляется на учебу, первичным показателем эффективности является карьерный рост и повышение заработной платы. С достижением этих показателей обычно и связана мотивация к учебе. Однако в зависимости от статуса учащегося мотивация может существенно изменяться. Так, к примеру, в исследовании внутрифирменного образования россий-

ских филиалов крупной международной компании выявились значительные различия по группам высшего и среднего состава менеджеров (табл. 3).

Особенность современного ведомственного и корпоративного образования в России состоит в том, что объективно оценить его результативность достаточно сложно. В международной практике при выборе образовательной программы потребитель ориентируется на рейтинг поставщика и, как следствие, на ожидаемое повышение зарплаты и карьерный рост. Так, по нашим расчетам на основе данных RLMS-HSE, в течение первых двух лет после получения дополнительного профессионального образования зарплата российских работников растет обычно на 10–20% быстрее, чем у необучавшихся. Именно поэтому авторитетные мировые рейтинги основаны в первую очередь на показателе роста зарплаты

Таблица 3. Мотивы участников корпоративного обучения компании Japan Tobacco Int. (российские филиалы), %

Мотивы/занимаемая позиция	Решение руководителя	Желание обсудить проблемы с коллегами	Желание повысить свою компетентность	Желание сменить обстановку
Высшее управленческое звено	0,0	42,9	57,1	0,0
Среднее управленческое звено	35,5	5,0	40,0	20,0
% от общего числа участников ДПО	29,8	10,6	42,6	17,0

после получения образования. В России такой рейтинг создать проблематично. Реальное вознаграждение работников с учетом значительной доли «серой» зарплаты определить почти невозможно, соответственно и об эффективности образования можно судить лишь косвенно. Но, с другой стороны, прямые инвестиции бизнеса в образование позволяют отвлечься от уровня «непрозрачных» зарплат сотрудников и установить контроль за соотношением размеров инвестиций и прибылей предприятий. Если данное соотношение имеет положительную динамику и она устраивает бизнес-структуру, то это достаточно надежный аргумент за высокий рейтинг образовательной программы.

В отношении же такого критерия, как переход корпоративного университета к самоокупаемости и прибыльности, мнения разделяются. Большинство экспертов считают, что переход на самоокупаемость и самофинансирование в конечном счете отрицательно скажется на качестве обучения персонала, поскольку образовательная структура будет решать собственные задачи по обеспечению прибыльности и доходности.

В целом же, учитывая современный этап становления и развития российского корпоративного образования, можно сказать, что понимание его экономической эффектив-

ности достаточно размыто. Менеджеры обычно соглашаются с необходимостью обучения персонала, однако размер вложений может сильно варьироваться. По сути, каждое предприятие и компания по-своему решают вопрос о соотношении аутсорсинга и образования, иначе говоря, о соотношении числа тех, кого следует обучить, и тех, кого выгоднее нанять со стороны.

Определенного внимания заслуживает показатель текучести кадров. Практически все эксперты не считают снижение текучести кадров прямым результатом корпоративного образования. Это связано с тем, что существование самой системы внутрифирменного обучения связано не столько с проблемами удержания кадров на рабочих местах, сколько с повышением их профессионального потенциала в целях развития компании. Эксперты обратили внимание на наличие определенной взаимосвязи между обучением персонала и уровнем текучести. Причем эта взаимосвязь имеет два аспекта. Согласно одному — обучение персонала может способствовать текучести, если конкурирующее предприятие проявит заинтересованность в привлечении такого сотрудника на свое производство. Но, с другой стороны, повышая квалификацию отдельного сотрудника, компания инвестирует в его человеческий капитал, способствует его внутреннему карьерному росту.

Внутрифирменный учебный процесс

Уже отмечалось, что корпоративное образование во многом зависит от соотношения долей общих и специальных знаний в содержании занятий. Речь, разумеется, идет не об общеобразовательных предметах, а о тех знаниях, навыках, технологиях, которые применяются на предприятиях отрасли (крупной компании) или же имеют узкое, эксклюзивное применение только на конкретном предприятии. Понятно, что ценность узкого специалиста для предприятия выше, чем работника с массовой специальностью. Так, например, при подготовке управленцев высокого уровня для Волжского каскада гидроэлектростанций доля специальных знаний, связанных с особенностями основной деятельности компании, не превышает 20%. Однако если речь идет о подготовке специалистов, занятых в конкретных (отраслевых) технологиях, то объем специальных знаний достигает 80%. В этих случаях корпоративный университет может трансформироваться в самостоятельный факультет или институт. Понятно, что управляющий более мобилен на внеотраслевом рынке труда, хотя узкий специалист всегда будет востребован внутри самой компании.

Интересный пример актуальности узкоспециальных знаний наблюдается в ОАО РЖД. Здесь, в связи с вводом в эксплуатацию локомотивов нового поколения, оборудованных современными цифровыми технологиями управления, возникла потребность в переподготовке большого количества инженеров, ремонтников, машинистов. Как правило, обучающиеся направляются в дорожную школу или базовое депо, которые могут находиться за несколько сотен километров от основного места работы. После окончания учёбы и получения новых знаний специалист не всегда возвращается на прежнее место работы, а чаще переводится (с предостав-

лением ведомственной жилой площади или льготной ипотеки) в другое депо, где организует ремонт и эксплуатацию вновь поступающих локомотивов. Так через обучение обеспечивается внутрифирменная мобильность кадров.

Особенно важным направлением деятельности корпоративного университета является подготовка и повышение квалификации менеджеров с учетом специфики компании. Требования к управленческим кадрам в современной конкурентной среде кардинально отличаются от того, что было раньше. Понимание перспективности подготовки управленцев именно внутри компании приходит постепенно. На развитие этого процесса влияют и такие факторы, как стабильная макроэкономическая ситуация (позволяет инвестировать средства в сферы образования и исследований) и укрупнение предприятий (создание холдингов), которое вызывает необходимость унификации управления на предприятиях, расположенных в различных регионах страны и представляющих, часто, различные сектора экономики.

Обучение менеджеров происходит на самом разном уровне – от линейных руководителей нижнего звена (бригадиров, мастеров) до подготовки кадрового резерва высшего менеджмента предприятий. Повышение квалификации высшего менеджмента обычно находится в руках самих топ-менеджеров, поскольку они и так достаточно квалифицированные специалисты (несколько высших образований, MBA, большой опыт). Им уже не нужно преподавание первичных навыков менеджмента, повышение квалификации может происходить неформально, непосредственно на рабочем месте. Необходимые специфические новые знания и навыки они получают по большей части в ходе общения с коллегами на конференциях, выставках, презентациях. При этом строгая суборди-

нация и иерархия в большинстве случаев не позволяет сотрудникам учебного центра, как бы авторитетны они в компании ни были, оценивать высший персонал и давать им советы по повышению квалификации.

Работа по повышению квалификации управленцев ведется сегодня практически во всех учебных центрах. В данном виде образовательной деятельности неважен сектор экономики, в котором работает компания, поскольку основные принципы менеджмента едины во всех сферах. Кроме того, в подобной ситуации (кросс-секторальная работа) заметным образом смягчаются вопросы конкуренции и закрытости информации, которые очень значимы для современных субъектов экономики.

Таким образом, вопрос эффективности инвестиций в корпоративное образование имеет три аспекта.

Во-первых, собственно экономическая эффективность, которая заключается в получении премии к зарплате для работников и прибыли для предприятия, а именно в превышении доходов над расходами. Говоря экономическим языком, инвестиция эффективна тогда, когда приобретаемые выгоды перекрывают издержки – невозвращенные затраты, потери по инфляции и др.

Во-вторых, следует принимать во внимание, что результатом финансовой инвестиции является производство и накопление нематериального человеческого капитала, который со временем опять конвертируется в выражаемые в денежном эквиваленте результаты в виде растущей заработной платы и прибылей. При сравнении таких показателей между собой нагляднее прослеживается эффективность инвестиций⁷. Отличие от первого аспекта заключается в том, что инвестиции

в человеческий капитал, производимые корпорациями, имеют экстернальные эффекты, получаемые не только работником и предприятием, но и потенциально другим предприятием, а также обществом в целом.

Третий аспект – инструментальный. Дополнительное образование выступает для других компаний – потенциальных работодателей – в качестве *маркера*, который посредством дипломов, сертификатов, справок и свидетельств отмечает индивидуальные возможности учащихся и перспективность их участия в оплачиваемом профессиональном труде. Очевидно, что для такого «просеивания» – скрининга потенциальных работников – приходится создавать достаточно затратную систему школ, курсов, учебных центров. Впрочем, это не касается тех групп работников, которые претендуют на малопrestижные должности сторожа, дворника, уборщика, билетера, кондуктора, регистратора, диспетчера на домашнем телефоне и т.д.

Корпоративная наука и образование

Весьма важный вопрос – это связь корпоративного образования с научными исследованиями, которые финансируются компанией и результаты которых находят приложение в технологическом процессе (НИОКР). Обычно на начальных стадиях развития компании образовательные и научные подразделения организационно никак не связаны. Крупнейшие компании создают собственные научные центры в силу того, что знания для них становятся важным фактором конкурентной борьбы. Как только данное обстоятельство начинает осознаваться руководством, встает вопрос о людях, которые способны к проведению соответствующих исследований. Подготовка кадров, способных к такой деятельности, становится одним из приоритетных направлений корпоративного образования.

Не вызывает сомнений, что развитие корпоративной науки позволяет предпри-

⁷ Диденко Д.В. Финансирование российского образования и науки: роль институциональных секторов экономики // Финансовый журнал. – 2014. – № 1. – С. 111-122.

ятию поддерживать высокую степень конкурентоспособности. По идеологии и форме ведомственные научно-исследовательские структуры коренным образом отличаются от бывших советских отраслевых институтов. Основное отличие состоит в закрытости исследований, которыми занимаются корпоративные научные центры, вне зависимости от самого предмета исследования и разработки. Дело заключается в том, что информация и научные результаты становятся конкурентным преимуществом каждой компании, которая стремится хранить их в тайне от других. Вся стратегия развития компании строится на ее ресурсной базе, а последняя формируется на основе научных изысканий (НИОКР). Источники НИОКР и расходы по ним представлены в *таблице 4*.

Размер выделяемых средств на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки – важный показатель конкурентоспособности компании. Так, к примеру, в Газпроме и РАО ЕЭС ежегодно в корпоративную науку инвестируется более 1 млрд. долл. Это считается оптимальным уровнем для компаний такого масштаба. В более мелких компаниях структура расходования бюджета научных исследований выглядит следующим образом (*табл. 5*).

НИОКР справедливо относят к инновационным направлениям развития ком-

паний. Об их эффективности принято судить по двум показателям. Первый – это суммарная стоимость НИОКР, приходящаяся на каждого сотрудника компании. Второй – удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах компании. Как правило, эти показатели закрыты для сторонних экспертов, однако косвенными методами можно оценить эти величины. Такие методики используют аналитические агентства, которые по заказу конкурентов могут определить вероятную перспективность новых разработок и технологий на соответствующем сегменте рынка.

В связи с этим просматривается новая и принципиально важная тенденция. Она состоит в том, что подготовка научных кадров, традиционно считавшаяся прерогативой государства (ведь достижения науки составляют предмет национальной гордости), постепенно переходит к корпорациям. У крупных компаний возникает интерес к подготовке собственных научных кадров если не с «нуля» (с этим неплохо справляются ведущие вузы), то начиная с определенного уровня, где требуется специализация в профильной для компании области. Это может быть уровень магистра или выше, если говорить о преемственности государственного и корпоративного образования. Но чаще эта подготовка происходит в конструкторском бюро, лабора-

Таблица 4. Источники финансирования НИОКР в корпорациях, %

	Федеральный бюджет	Местный бюджет	Российский грант	Иностран- ный грант	Коммерческий заказ (хоздого- воры)	Спонсорские поступления
Доля от поступлений	30,3	2,5	1,2	0,1	65,7	0,2

Источник: Осипов Г.В., Стриханов М.Н., Шереги Ф.Э. Взаимодействие науки и производства: социологический анализ. – М.: Институт социально-политических исследований, 2014. – Ч. 1. – С. 141-143.

Таблица 5. Структура расходования бюджета научных исследований в корпорациях, %

	Фонд оплаты труда	Обеспечение НИОКР	Отчисления корпорации	Прочие удержания (налоги)
Доля расходов	30,3	15,4	41,2	13,1

тории, проектном или исследовательском институте, содержащемся на средства корпорации. Именно с этим связывают развитие и внедрение технологических и высокотехнологических (интеллектуально-ёмких) инноваций в современные экономические отношения.

Начиная с 2010 года крупные госкорпорации приняли и исполняют программы инновационного развития, предусматривающие значительное расширение расходов на НИОКР. При этом происходит концентрация ресурсов на так называемых драйверах развития (Centers/Points of excellence) и прорывных научных направлениях. Такие центры развития корпораций представляют собой подразделение (или группу подразделений), которое ведет научные исследования и разработки в прорывных областях знаний и технологий, располагает при этом уникальными материально-техническими, интеллектуальными и кадровыми ресурсами. Деятельность центра отличается особенно высокой результативностью и качеством создаваемого продукта. Как правило, такие центры являются национальными (иногда – мировыми) лидерами в одном или нескольких направлениях науки и технологий и одновременно служат звеном **трансфера технологий** от переднего края исследований к национальным компаниям и лабораториям.

Важным компонентом внутрифирменного образования является корпоративная этика – обучение манере поведения, которое принято в данной компании. К настоящему моменту почти все крупнейшие отечественные компании приняли этические кодексы, в которых сформулированы основные положения корпоративной морали и системы ценностей. Подобный кодекс содержит перечень основных принципов, которыми должны руководствоваться работники корпорации всех уровней. Здесь

же определяются принципы делегирования полномочий, участия в конкурентной борьбе, делового партнерства, отношения к информации (коммерческой тайне), корпоративного поведения и имиджа сотрудников. Особое внимание уделяется предотвращению ситуаций, когда возникает несовпадение личного интереса сотрудника и интереса корпорации или же появляется возможность использования служебного положения в личных целях.

С точки зрения образовательных технологий изучение системы корпоративных ценностей происходит неформально, в процессе выполнения ежедневных обязанностей. Не последнюю роль играют и специально созданные комиссии по этике, которые разрешают наиболее сложные случаи применения кодекса корпоративной этики и решения которых затем широко распространяются среди сотрудников компании. Наконец, тексты кодексов, как правило, выставлены на сайтах компании и доступны каждому интересующемуся.

Следует отметить и такую важную особенность, как наличие определенного социального эффекта корпоративного образования. Действительно, с одной стороны, развитие корпоративных форм обучения связано с решением задач бизнеса по повышению его эффективности и развития. Тем не менее социальная составляющая корпоративного образования заключается, как уже отмечалось выше, в формировании рынка высокопрофессиональных специалистов, в производстве и накоплении человеческого капитала.

Несмотря на очевидные преимущества корпоративного образования, необходимо понять аргументы противников, которые считают, что профессиональной подготовкой должны заниматься действующие вузы и университеты, а не предприятия.

Критическое отношение к корпоративному образованию основывается обычно на

признании возможностей нарушения прав и интересов учащихся. Корпоративные университеты, как правило, непрозрачны для государства и общественности в отличие от «обычных» учебных заведений. Другой аргумент — это сильные сомнения в необходимости узкой специализации (за счет более общих и, соответственно, легче конвертируемых знаний), которой подвергается корпоративный учащийся, и появляющаяся привязанность к конкретному технологическому процессу. Критикуется также запрограммированный характер обучения, при котором какое-либо отклонение от программы, индивидуализация учебного процесса становятся невозможными.

Кроме того, в угоду высокооплачиваемому профессионализму нередко приходится жертвовать общим образованием и моральными установками, поскольку корпоративные ценности далеко не всегда совпадают с общепринятыми, включая семейные, религиозные, гражданские. Как отмечает один из экспертов: «В корпоративном образовании людей учат действовать по привычке. Здесь, как правило, поощряется не думающий учащийся, способный к изменениям и росту, а нерелексивный конформист. Едва ли выпускники корпоративного университета смогут применить

полученные знания с целью социальных преобразований или изменить привычный образ жизни и мышления»⁸.

Самый «сильный» аргумент критиков заключается в том, что корпорации «снимают сливки» и обучают по тем специальностям, где эффективность инвестиций наиболее высокая. При этом на откуп государству остаются такие низкорентабельные (с точки зрения частной отдачи от высоких общественных затрат на подготовку) и массовые профессии, как учитель, врач, рабочий средней квалификации и т.д.

Однако, несмотря на критику, корпоративное образование успешно расширяет свои возможности и масштабы. Сегодня в большинстве экономически активно развивающихся стран прирост участвующих в образовании связан в первую очередь с потребностями профессиональной деятельности, а не общего развития и повышения эрудированности⁹. Поэтому следует ожидать, что подготовка и переподготовка кадров за счет средств работодателя будет определяться все-таки потребностями рынка, а субъективные пожелания учащихся или, как говорят, их «образовательные траектории» будут учтены лишь в той степени, в которой они соответствуют этим потребностям.

Литература

1. Диденко, Д.В. Финансирование российского образования и науки: роль институциональных секторов экономики / Д.В. Диденко // Финансовый журнал. — 2014. — № 1. — С. 111-122.
2. Корпоративные университеты в российской и зарубежной практике. — М.: Ассоциация менеджеров России, 2002. — С. 8.
3. Осипов, Г.В. Взаимодействие науки и производства: социологический анализ / Г.В. Осипов, М.Н. Стриханов, Ф.Э. Шереги. — М.: Институт социально-политических исследований, 2014. — Ч. 1. — С. 141-143.
4. Чумаков, А.Н. Глобализация: контуры целостного мира / А.Н. Чумаков. — М.: Проспект, 2005.
5. Gutowski, John. Corporate Education. PublishAmerica (2010). — 542 p.
6. Rademakers., Martijn Corporate Universities: Drivers of the Learning Organization. Routledge (2014) — 170 p.

⁸ Not just the economy: Public value and adult learning. Ed. by C. Flint, C. Huges. National Institute for Adult and Continuing Education. NIACE, Leicester, 2009.

⁹ Fengliang Li, W. John Morgan, Xiaohao Ding. The expansion of higher education, employment and over-education in China // International Journal of Educational Development 28 (2008): 687–697.

7. Flint, C., Huges. C. (Eds.) Not just the economy: Public value and adult learning. Ed. by National Institute for Adult and Continuing Education. NIACE, Leicester, 2009.

Klyucharev G.A.

About the “learning organizations” and corporate education in the context of innovation*

Grigorii Arturovich Klyucharev – Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Center for Sociology of Education, Science and Culture at the Institute of Sociology under the Russian Academy of Sciences (Klyucharev@mail.ru)

Abstract. The current state-financed system of continuing professional education is often unable to catch up with the real needs of production and labor market in advanced training and professional retraining of staff. Corporate (internal) education is being developed as an alternative. It competes successfully with state educational systems, since it has a specific purpose – to train an employee for productive work specifically in his/her organization and for its benefit. Companies that are developing internal continuing education become “learning organizations” and gain obvious competitive advantages.

Key words: corporate education, corporate internal staff training centers, learning organizations, sectoral R&D projects.

References

1. Didenko D.V. Finansirovanie rossiiskogo obrazovaniya i nauki: rol' institutsional'nykh sektorov ekonomiki [Financing of Education and Science in Russia: the Role of Institutional Sectors of the Economy]. *Finansovyy zhurnal* [Journal of Finance], 2014, no. 1, pp. 111-122.
2. *Korporativnye universitety v rossiiskoi i zarubezhnoi praktike* [Corporate Universities in the Russian and Foreign Practice]. Moscow: Assotsiatsiya menedzherov Rossii, 2002. P. 8.
3. Osipov G.V., Strikhanov M.N., Sheregi F.E. *Vzaimodeistvie nauki i proizvodstva: sotsiologicheskii analiz* [Interaction between Science and Production: Sociological Analysis]. Moscow: Institut sotsial'no-politicheskikh issledovaniy, 2014. Part 1, Pp. 141-143.
4. Chumakov A.N. *Globalizatsiya: kontury tselostnogo mira* [Globalization: the Contours of the Holistic World]. Moscow: Prospekt, 2005.
5. Gutowski J. *Corporate Education*. PublishAmerica, 2010. 542 p.
6. Rademakers M. *Corporate Universities: Drivers of the Learning Organization*. Routledge, 2014. 170 p.
7. *Not Just the Economy: Public Value and Adult Learning*. Ed. by C. Flint, S. Huges. National Institute for Adult and Continuing Education, Leicester, 2009.

* The article uses the results of a study performed with the support of the Russian Humanitarian Science Foundation, project No. 13-03-00015a “Lifelong learning and the transfer of knowledge-intensive technology: models of interaction between institutions of education and science and enterprises of the real and financial sectors”.

Государственные инвестиции в адресные программы социальной помощи



**Валентина Валентиновна
ТИХОМИРОВА**

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26, tikhomirova@iespn.komisc.ru)

Аннотация. В статье анализируется роль ежемесячного детского пособия в бюджете малоимущей семьи. На материале Республики Коми дается сравнительная оценка муниципалитетов по доле детей, на которых назначено ежемесячное пособие, в общем числе детей. Выделены пять групп территорий по уровню социальной защищенности детей в возрасте до 18 лет. Определено слабое влияние ежемесячного детского пособия на бюджет семей с детьми, особенно в сельских районах республики.

Ключевые слова: адресная социальная помощь, прожиточный минимум, социальные инвестиции, социальные пособия, ежемесячное пособие на ребенка.

Активизация государственной политики в области развития объектов социальной сферы приводит к повышению научного интереса к проблемам социальных инвестиций. *Социальная сфера* – совокупность государственных и частных институтов, деятельность которых направлена на поддержание и повышение социально приемлемого уровня и качества жизни людей [1]. Субъектами социальных инвестиций являются органы государственной власти.

Целью данной работы является: раскрыть содержание понятия «адресная социальная помощь»; на примере Республики Коми (21 муниципальное образование) рассмотреть один из видов адресной социальной помощи – ежемесячное пособие на детей; провести анализ применения новой прогрессивной схемы назначения и предоставления пособий на детей – «градации по возрасту; показать динамику государственных инвестиций в данный вид посо-

бий; определить влияние инвестиционных вложений в бюджет малоимущей семьи.

В настоящее время существует множество определений адресной социальной помощи, мало различающихся между собой. В основном они представлены в законодательных и нормативно-правовых документах федерального и регионального уровня, в которых прямо или косвенно затрагиваются вопросы, регламентирующие государственную адресную социальную помощь. Большинство из них близки к базовому определению, данному в Федеральном законе «О государственной социальной помощи»: «Государственная социальная помощь предоставляется малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам, а также иным категориям граждан, указанным в настоящем Федеральном законе, в виде социальных пособий, социальных доплат к пенсии, субсидий, социальных услуг и жизненно необходимых товаров» [2].

В законодательстве субъектов федерации определение государственной адресной социальной помощи иногда совпадает с тем, что дается в федеральном законе, как, например, в Законе Республики Башкортостан (2000): «Адресная социальная помощь – предоставление малоимущим семьям или малоимущим одиноко проживающим гражданам за счет средств соответствующих бюджетов социальных пособий, субсидий, социальных услуг, жизненно необходимых товаров».

В большинстве случаев в определениях адресной социальной помощи указан один и тот же адресат помощи – малоимущие семьи, малоимущие одиноко проживающие граждане (*Закон Нижегородской области...*, 2004; *Закон Мурманской области...*, 2004; *Закон Ростовской области...*, 2004).

В ряде нормативно-правовых документов и публикаций уточняются условия

предоставления социальной помощи (наступление трудной жизненной ситуации), критерии предоставления (доход ниже величины прожиточного минимума) и виды помощи (денежная, натуральная и помощь в виде услуг) (*Закон Республики Карелия, 1998; Закон Республики Башкортостан...*, 2000; *Республики Казахстан...*, 2001; *Областной закон Нижегородской...*, 2004).

Иногда адресную социальную помощь определяют как систему мер, социальных нормативов и государственных гарантий. С теоретической и практической точки зрения наиболее приемлемыми, в полной мере отражающими суть адресной социальной помощи, являются первые из перечисленных определений.

В нашей трактовке адресная социальная помощь – это социальные пособия в денежном выражении, натуральная помощь и помощь в виде услуг, предоставляемые малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации *по не зависящим от них причинам* и имеющим среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума.

Прожиточный минимум – критерий уровня бедности, предусматривающий не только биологическое, но и социальное выживание человека. Общими для всех стран являются принципы установления прожиточного минимума, определенные конвенцией Международной организации труда: «При установлении прожиточного минимума принимаются такие основные потребности семей трудящихся, как продукты питания, их калорийность, жилище, одежда, медицинское обслуживание и образование» [3].

В настоящее время официально действующий в России прожиточный минимум принят Министерством труда РФ в 1992 г. на основе абсолютной концепции бедности. Он рассчитывается для трудоспо-

собного населения, пенсионеров и детей в среднем на душу населения.

Использование российского стандарта потребления для оценки определения нуждаемости показал свою полную несостоятельность и давно дискредитировал себя [4].

Прожиточный минимум является *основным показателем* уровня бедности (малообеспеченности) населения страны. Он «предназначен для обоснования устанавливаемых на федеральном уровне минимального размера оплаты труда и минимального размера пенсии по старости, а также для определения стипендий, пособий, оказания необходимой государственной социальной помощи малоимущим гражданам и других социальных выплат. Прожиточный минимум – стоимостная оценка потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы» [5].

Основа прожиточного минимума и концепция стоимости потребительской корзины впервые были определены К. Марксом (1818–1883 гг.) – немецким экономистом, философом, основателем марксизма – экономического учения о рабочем классе [6].

Методология К. Маркса берет свое начало из классической политической экономии трудовой теории стоимости А. Смита и Д. Риккардо [7]. Он считает, что стоимость труда определяется стоимостью благ, необходимых рабочему для существования и для воспроизводства своей рабочей силы. На этой основе построена концепция стоимости потребительской корзины – фиксированного набора потребительских благ и услуг.

Таким образом, система адресной социальной помощи основывается на следующих принципах: предоставление социальной помощи исключительно с учетом уровня доходов домохозяйств и имущественного состояния; определение размера выплат социальной помощи на основе стоимости утвержденной корзины про-

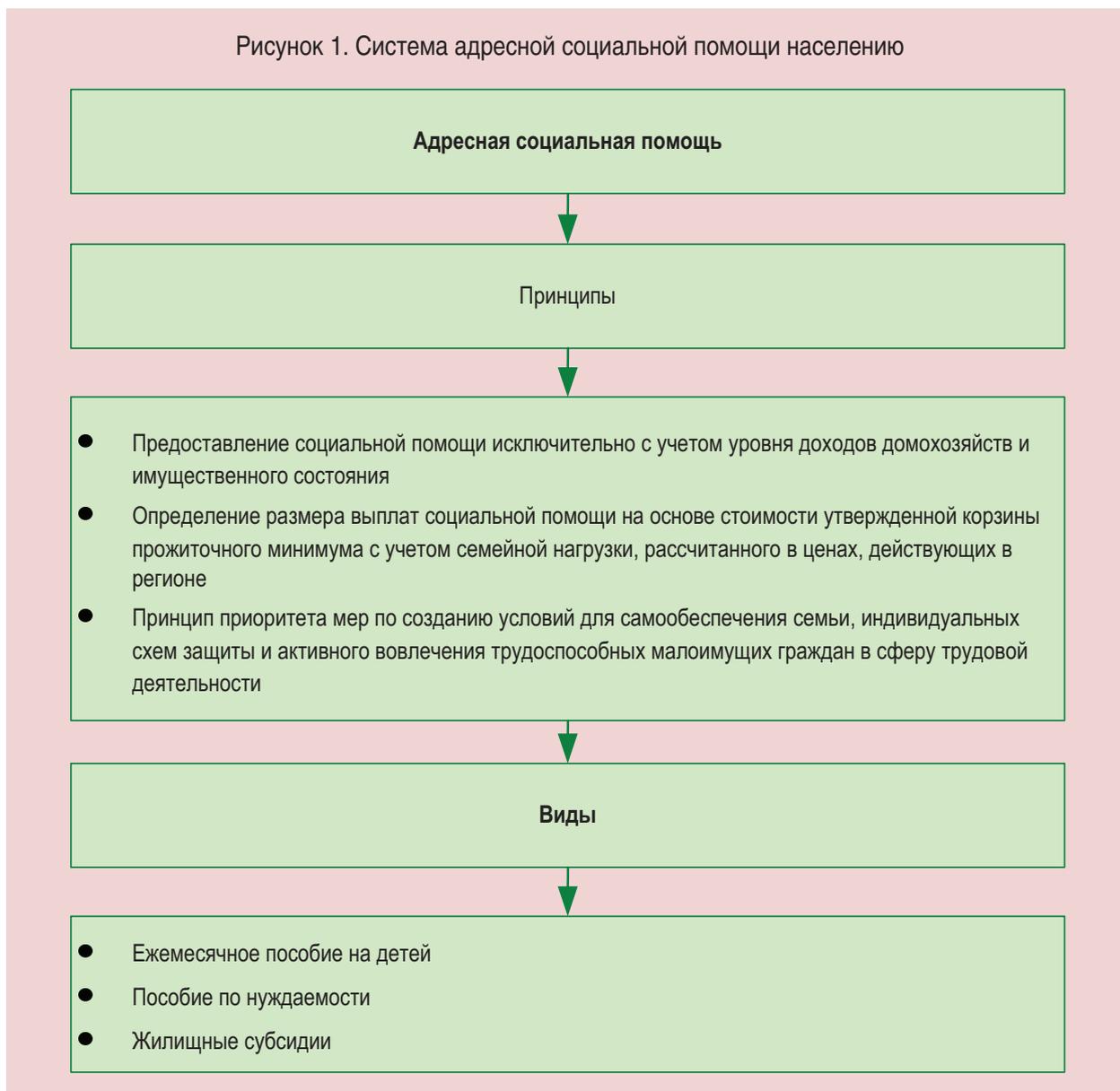
житочного минимума с учетом семейной нагрузки, рассчитанной в ценах, действующих в регионе; *приоритетность мер по созданию условий для самообеспечения семьи, индивидуальных схем защиты и активного вовлечения трудоспособных малоимущих граждан в сферу трудовой деятельности (рис. 1)*. Она охватывает три вида адресных пособий социальной защиты: ежемесячное пособие на детей, пособие по нуждаемости и жилищные субсидии, которые назначаются при условии проверки доходов домохозяйств [8].

В данной статье мы рассмотрим один из видов адресной социальной помощи – ежемесячное пособие на детей. Нас интересуют инвестиции, преследующие исключительно социальные цели, лежащие преимущественно в области социальной защиты населения.

В соответствии с требованиями действующего законодательства гражданам, имеющим детей, назначаются и выплачиваются следующие виды государственных пособий (инвестиций) [9]:

- пособие по беременности и родам;
- единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности;
- единовременное пособие при рождении ребенка;
- ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет;
- ежемесячное пособие на ребенка;
- единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью.

Из всех видов семейных и материнских пособий только ежемесячное пособие на детей является адресным видом социальной помощи. Оно назначается при условии проверки доходов домохозяйств и направлено на *сокращение детской бедности*, которая представляет собой самое уродливое проявление бедности вообще.



Ежемесячное пособие на детей – это регулярные денежные выплаты алиментарного¹ характера, предоставляемые из республиканского бюджета с целью оказания материальной помощи семье в содержании и воспитании малолетних детей.

¹ Под алиментарностью социальной защиты обычно понимался способ её предоставления государством на справедливой основе бесплатно, безэквивалентно с учетом связи с трудом, но не в порядке ответных действий за новый встречный труд, в объеме нормального уровня жизни, сложившегося на данном этапе развития общества, без применения договорных начал, из фонда социального обеспечения.

Ежемесячное пособие на ребенка до 1 января 2005 г. являлось федеральной гарантированной выплатой и предоставлялось в соответствии с Федеральным законом «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19 мая 1995 г. № 122-ФЗ при соблюдении определенных условий: если среднедушевой доход в семье с ребенком не превышает величину прожиточного минимума в субъекте РФ; лицо, обратившееся за пособием, совместно проживает с ребенком, на которого оно назначается; возраст ребенка не превышает 16 лет, а обу-

чающегося в общеобразовательных учреждениях – 18 лет. Размер пособия составлял 70 руб., но увеличивался с учетом категории семьи – на детей в неполных семьях, детей военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, и детей, родители которых уклонялись от уплаты алиментов. Несмотря на инфляционные процессы, размер пособия ни разу не пересматривался. Столь низкие базовые размеры пособия, несмотря на то что оно выплачивается исключительно малоимущим семьям, имеют место на фоне высокого удельного веса детей среди малоимущего населения.

С принятием данного закона изменились существовавшие подходы. Согласно новой редакции Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ, созданной Законом № 122-ФЗ, размер, порядок назначения и выплаты ежемесячного пособия на ребенка устанавливаются законами и иными нормативными правовыми актами субъекта Федерации.

Таким образом, с 1 января 2005 г. предоставление ежемесячного пособия на ребен-

ка стало исключительной компетенцией региональных органов государственной власти. Как и ранее, в большинстве регионов право на получение пособия имеют только семьи со среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума [10].

На территории Республики Коми семьям, имеющим детей, в соответствии с Законом Республики Коми «О государственных гарантиях в Республике Коми семьям, имеющим детей» от 12 ноября 2004 года № 57-РЗ, установлены следующие виды пособий: 1) ежемесячное пособие: а) на ребенка, рожденного до 01.01.2005 г., б) на ребенка, рожденного после 01.01.2005 г.; 2) доплата к ежемесячному пособию на ребенка, рожденного до 01.01.2005 г. [11].

На ребенка, рожденного до 01.01.2005 г., ежемесячное пособие предоставляется семьям со среднедушевым доходом, размер которого не превышает величину прожиточного минимума в Республике Коми. При расчете среднедушевого дохода семьи в её состав включаются состоящие в браке родители, в том числе отдельно проживающие родители и проживающие совместно

Таблица 1. Размеры инвестиционных выплат на детей согласно Закону РК «О государственных гарантиях в Республике Коми семьям, имеющим детей» от 12.11.2004 г. № 57-РЗ (с 1 декабря 2013 года)

На детей, рожденных до 1 января 2005 года		Без р/к	20%	30%	50%	60%
Ежемесячное пособие на ребенка	В обычном размере	139,95	167,94	181,94	209,93	223,92
	Дети одиноких матерей	279,89	335,87	363,86	419,84	447,82
Возраст ребенка не учитывается	Отец проходит военную службу по призыву	209,92	251,90	272,90	314,88	335,87
	Взыскание алиментов невозможно	209,92	251,90	272,90	314,88	335,87
Доплата к ежемесячному пособию на ребенка в зависимости от возраста ребенка:						
от 3 до 6 лет		459,84	551,81	597,79	689,76	735,74
от 6 до 16 (школьники – до 18) лет		159,94	191,93	207,92	239,91	255,90

с ними или с одним из них их несовершеннолетние дети. Размер ежемесячного пособия на ребенка зависит от категории семьи и выплачивается в диапазоне от 167,94 до 735,74 руб. (табл. 1, 2).

Доплата к ежемесячному пособию на ребенка, рожденного до 01.01.2005 г., предоставляется семьям, признанным в установленном порядке малоимущими. На размеры ежемесячного пособия на ребенка и доплаты к ежемесячному пособию на ребенка начисляется районный коэффициент. Размеры ежемесячного пособия на ребенка и доплаты к ежемесячному пособию на ребенка ежегодно индексируются согласно законодательству Республики Коми.

На ребенка, рожденного после 01.01.2005 г., ежемесячное пособие предоставляется семьям, признанным в установленном порядке малоимущими.

В состав семьи для решения вопроса о признании ее малоимущей включаются лица, которые совместно проживают и ведут совместное хозяйство, к которым относятся супруги, их дети и родители, усыновители и усыновленные, братья и сестры, пасынки и падчерицы. Размер ежемесячного пособия на ребенка зависит от категории семьи, возраста ребенка, природно-климатической зоны и выплачивается в диапазоне от 359,88 до 1977,14 руб. (табл. 3).

В 2013 году средний размер прожиточного минимума пересматривался ежеквартально [12], при этом увеличение было значительным: сначала на 54 рубля, потом – на 115, затем на 836 рублей, а в четвертом квартале прибавка составила еще 252 рубля. Размер ПМ определяется для разных групп населения и по разным природно-климати-

Таблица 2. Размеры инвестиционных выплат на детей согласно Закону РК от 12.11.2004 г. № 57-РЗ «О государственных гарантиях в Республике Коми семьям, имеющим детей» (с 1 декабря 2013 года)

Ежемесячное пособие на ребенка в зависимости от его возраста (на детей, рожденных после 1 января 2005 года)		Без р/к	20%	30%	50%	60%
До 1,5 лет	В обычном размере	1095,76	1314,91	1424,49	1643,64	1753,22
	Дети одиноких матерей	1235,71	1482,85	1606,42	1853,57	1977,14
	Отец проходит военную службу по призыву	1165,73	1398,88	1515,45	1748,60	1865,17
	Взыскание алиментов невозможно	1165,73	1398,88	1515,45	1748,60	1865,17
От 1,5 до 3 лет	В обычном размере	1062,98	1275,58	1381,87	1594,47	1700,77
	Дети одиноких матерей	1202,93	1443,52	1563,81	1804,40	1924,69
	Отец проходит военную службу по призыву	1132,96	1359,55	1472,85	1699,44	1812,74
	Взыскание алиментов невозможно	1132,96	1359,55	1472,85	1699,44	1812,74
От 3 до 6 лет	В обычном размере	599,80	719,76	779,74	899,70	959,68
	Дети одиноких матерей	739,75	887,70	961,68	1109,63	1183,60
	Отец проходит военную службу по призыву	669,77	803,72	870,70	1004,66	1071,63
	Взыскание алиментов невозможно	669,77	803,72	870,70	1004,66	1071,63
От 6 до 16 (школьники – до 18) лет	В обычном размере	299,90	359,88	389,87	449,85	479,84
	Дети одиноких матерей	439,85	527,82	571,81	659,78	703,76
	Отец проходит военную службу по призыву	369,87	443,84	480,83	554,81	591,79
	Взыскание алиментов невозможно	369,87	443,84	480,83	554,81	591,79

Таблица 3. Размер прожиточного минимума на 1 квартал 2014 года

Группы населения	В среднем по Коми (руб.)	Природно-климатические зоны	
		северная	южная
Все население, в том числе:	9496	10 879	8930
Трудоспособное население	10 113	11 371	9577
Пенсионеры	7692	8669	7357
Дети	9367	11 263	8550

ческим зонам (см. табл. 3). В итоге к началу 2014 года средний прожиточный минимум на ребенка составил 9367 рублей.

Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения по основным социально-демографическим группам населения и природно-климатическим зонам Республики Коми на 1 квартал 2014 г. составляла для северной природно-климатической зоны: трудоспособное население – 11 371 руб., пенсионеры – 8669 руб., дети – 11 263 руб.

Для южной природно-климатической зоны: трудоспособное население – 9577 руб., пенсионеры – 7357 руб., дети – 8550 руб.

В северную природно-климатическую зону республики входят Воркута, Инта, Печора и Усинск с подчиненными им территориями, а также Ижемский и Усть-Цилемский районы. В южную зону включены остальные пятнадцать муниципалитетов республики из двадцати одного.

В регионе применена новая прогрессивная схема назначения и предоставления пособий на детей – «градации по возрасту», которая призвана усилить адресность социальной помощи в условиях глубокого уровня бедности и ограниченных финансовых ресурсов в республике. Следует отметить, что данная схема применяется только в двух регионах России – в Республике Коми и Санкт-Петербурге.

Каждой возрастной группе выделяется разное по величине пособие на детей одиноких матерей и детей, у которых отец

проходит военную службу по призыву и где взыскание алиментов невозможно.

Данная схема в принципе более прогрессивна относительно других способов предоставления детских пособий, поскольку усиливается адресность социальной помощи, что особенно ценно в условиях ограниченных финансовых ресурсов, а значит, повышается эффективность их использования.

Однако опыт ее применения в республике показал, что, несмотря на относительно большие размеры пособий на детей с учетом районного коэффициента, они слабо влияют на бюджет малоимущей семьи, особенно семьи с детьми от 6 до 16 (школьники – до 18) лет.

Численность детей до 18 лет, на которых назначено ежемесячное пособие, ежегодно сокращается (рис. 2).

В 2005 году их насчитывалось 71,9 тыс. чел., а в 2013 г. их численность сократилась в 3,5 раза – до 20,7 тыс. чел. Соответственно за этот период сократился с 25 до 8% и удельный вес таких детей в общей численности детей соответствующего возраста (от 0 до 18 лет).

Расходы на выплату ежемесячного пособия на ребенка постепенно сокращаются и в 2005–2013 гг. колебались в пределах от 185,5 до 171,7 млн. руб.

В расходах на выплату пособий и социальную помощь доля ежемесячного пособия на ребенка составила от 7,1% в 2005 г. до 1,3% в 2013-м (табл. 4).

Среднемесячный размер пособия на ребенка за обозначенный период (девять

Рисунок 2. Численность детей до 18 лет, на которых назначено ежемесячное пособие, и удельный вес детей, на которых назначено пособие, в общей численности детей соответствующего возраста в Республике Коми за 2005–2013 гг.



лет) вырос с 297,62 до 637,6 руб., т.е. на 339,98 руб. Ежегодно размер пособия в среднем *увеличивался* на 37,77 рублей, а ежемесячно — на 3,14 рубля.

В основном это обусловлено резким увеличением объема пособий по уходу за ребенком до 1,5 года, по беременности и родам, введением материнского капитала и снижением абсолютного объема ежемесячных пособий на ребенка, что свидетельствует об ослаблении роли этого вида пособий в бюджете малоимущих семей.

Сравнительная оценка муниципалитетов по доле детей, на которых назначено ежемесячное пособие, в общем числе детей за 2009–2013 годы, позволила выделить 5 групп территорий по уровню социальной защищенности детей в возрасте до 18 лет: обеспеченные, относительно обеспеченные, малообеспеченные, бедные, за чертой бедности (табл. 5).

В 2009 году в *первой группе (высокообеспеченные)* оказались города Сыктывкар, Ухта, Сосногорск, Усинск, Вуктыл. К 2013 году сюда вошли города Воркута, Инта, Печора. Теперь во всех городах республики менее 10% детского населения нуждается в предоставлении ежемесячных пособий. Это объясняется размещением здесь высокодоходных предприятий по добыче и переработке нефти и газа, а также учреждений рыночной инфраструктуры. В городах отмечается самый высокий уровень доходов семей, особенно в моногородах Воркуте и Инте, в связи с оказанием специальной помощи из федерального бюджета и других источников для переселения шахтерских семей в южные регионы страны из-за закрытия угольных шахт.

Во *вторую группу (обеспеченные)* в 2013 году вошли Усть-Вымский, Княжпогостский и Сыктывдинский районы. Причем

Таблица 4. Расходы на выплату пособий и социальную помощь (с учетом районного коэффициента), млн. руб.

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Расходы на выплату пособий и социальную помощь – всего	2598,0	3374,0	4654,9	6908,2	10 233,5	11 763,5	13 130,9	13 045,8	-
Ежемесячное пособие на ребенка (до 16(18) лет)	185,5	164,6	163,7	145,6	170,7	160,7	176,4	180,1	171,7
Ежемесячное пособие на ребенка (до 16(18) лет), в %	7,1	4,9	3,5	2,1	1,7	1,4	1,3	1,4	1,3
Среднемесячный размер пособия на ребенка, руб.	297,62	275,44	283,61	364,36	458,90	475,34	546,64	590,37	637,6

Таблица 5. Группировка городских округов и муниципальных образований Республики Коми по уровню социальной защищенности детей до 16 (18) лет, получающих ежемесячные пособия (2009–2013 гг.), %

№ п/п	Характеристика социального статуса	Уровень, в %	Районы 2009 г.	Районы 2011 г.	Районы 2013 г.
1.	Высокообеспеченные	Менее 10,1	Сыктывкар, Ухта, Сосногорск, Усинск, Вуктыл	Сыктывкар, Воркута, Вуктыл, Ухта, Сосногорск, Усинск	Сыктывкар, Воркута, Вуктыл, <u>Инта</u> , <u>Печора</u> , Ухта, Сосногорск, Усинск
2.	Обеспеченные	От 10,1 до 20,0	Печора, Воркута, Инта, Усть-Вымский	Инта, Печора, Княжпогостский, Усть-Вымский	Княжпогостский, <u>Сыктывдинский</u> , <u>Усть-Вымский</u>
3.	Малообеспеченные	От 20,1 до 30,0	Удорский, Княжпогостский	Сыктывдинский, Троицко-Печорский, Удорский	Сысольский, Троицко-Печорский, Удорский
4.	Бедные	От 30,1 до 40,0	Троицко-Печорский, Сысольский, Сыктывдинский, Койгородский, Ижемский	Койгородский, Сысольский	Койгородский, Корткеросский, Прилузский, Усть-Цилемский,
5.	За чертой бедности	Более 40,0	Прилузский, Усть-Цилемский, Усть-Куломский, Корткеросский	Корткеросский, Прилузский, Усть-Цилемский, Усть-Куломский, Ижемский	Ижемский, Усть-Куломский

Усть-Вымский район удерживал свои позиции по уровню социальной защищенности детей на протяжении пяти лет, а Сыктывдинский постепенно поднял социальный статус детского населения с группы бедных до статуса обеспеченных. Несмотря на заметное снижение доходов семей Княжпогостского района в связи с банкротством завода ДВП, он также укрепил свои позиции. В этих районах от 10 до 20% детей нуждаются в предоставлении ежемесячных пособий.

В третью группу (малообеспеченные) в 2013 году вошли Удорский, Сысольский и Троицко-Печорский районы республики, где нуждаются в ежемесячных пособиях от 20 до 30% всех детей. Причем Удорский район за весь исследуемый период стабильно состоит в данной группе. В значительной мере это объясняется преобладанием здесь малообеспеченных лесозаготовительных и сельскохозяйственных предприятий.

В четвертую группу (бедные), в которой количество детей, нуждающихся в посо-

биях, составляет от 30 до 40%, с 2013 года входят Койгородский, Корткеросский, Прилузский и Усть-Цилемский районы. Их характеризует очень низкий уровень доходов, обусловленный нахождением здесь низкорентабельных сельскохозяйственных и лесозаготовительных предприятий. Койгородский район за пять лет не изменил свой статус, в то время как в остальных районах данной группы дети стали жить лучше.

В пятую группу (за чертой бедности), с порогом нуждающихся детей более 40%, включены Усть-Куломский и Ижемский районы. Причем если Усть-Куломский район держит свои позиции, то дети Ижемского района стали жить еще беднее. В основном бедность здесь связана с безработицей и со специализацией данного района на неприбыльных лесозаготовках и сельском хозяйстве.

Следует отметить, что наибольшее количество получающих ежемесячные пособия на детей или бедных семей сосредоточено в 12 сельских районах, что является следствием низкого уровня экономического и социального развития этих территорий.

Таким образом, качественные и количественные характеристики детской бед-

ности служат одним из основных показателей социального статуса детства и отражают степень развитости общества в целом.

Анализ показал, что инвестиционные вложения в адресные социальные программы малоэффективны. Несмотря на применение новой прогрессивной схемы назначения и предоставления пособий на детей – «градации по возрасту» и увеличение размера детских пособий, можно констатировать, что они оказывают слабое влияние на бюджет малоимущей семьи, особенно в сельских районах республики. Размер пособия с возрастом ребенка сокращается, хотя презумпция о снижении расходов на содержание и воспитание ребенка по мере его взросления представляется совсем неочевидной. Эта тенденция прослеживается во всех регионах, где применена схема градации по возрасту. Необходимо увеличить размер пособия, и прежде всего на семью с детьми от 6 до 16 лет. Очевидно также, что только путем предоставления ежемесячных детских пособий невозможно устранить бедность семей работников нерентабельных предприятий и жителей территорий со слаборазвитой инфраструктурой.

Литература

1. Бухонова, С.М. Управление инвестиционной деятельностью в регионе: дис. д-ра экон. наук: 08.00.05 / С.М. Бухонова. – Белгород, 1998. – 343 с. – РГБ ОД, 71:99-8/89-4.
2. О государственной социальной помощи: Федеральный закон № 178-ФЗ от 17 июля 1999 года, ст. 11.
3. Конвенция МОТ № 117, ст. 5, часть 2, Конвенция МОТ № 82, ст. 9, часть 2.
4. Римашевская, Н.М. Социальная защита населения / Н.М. Римашевская. – ИСЭПН РАН, 2002. – С. 286.
5. О прожиточном минимуме в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 октября 1997 года № 134-ФЗ (с изменениями от 27 мая 2000 года).
6. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс. – Т. 1. – Кн. 1. Процесс производства капитала. – Политиздат, 1988. – С. 194-196.
7. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М.: Соц-Экгиз, 1962. – С. 227.
8. Тихомирова, В.В. Адресная социальная помощь в системе социальной защиты населения (на примере Республики Коми) / В.В. Тихомирова. – Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, 2013. – 162 с.
9. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: Федеральный закон РФ от 1995 (в ред. ФЗ № 122 от 22.08.2004, ФЗ № 181 от 22.12.2005).

10. Состояние и перспективы развития системы социальной защиты в России / А. Золотарева и др. – М. : Ин-т Гайдара, 2011. – С. 166.
11. О государственных гарантиях в РК семьям, имеющим детей: Закон Республики Коми от 12.11.2004 № 57-РЗ (в ред. РЗ № 99 от 6.10.2006).
12. Методические рекомендации по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в целом по Российской Федерации (с изменениями и дополнениями от 16 марта 2000 года), ст. 1, п. 5, 6.

Tikhomirova V.T.

Public investment in targeted social assistance programs

Valentina Valentinovna Tikhomirova – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch of RAS.

Abstract. The article analyzes the role of a monthly child care allowance in the budget of needy families. The author uses the data on the Republic of Komi and makes a comparative assessment of municipalities by the share of children subject to a monthly allowance in the total number of children. The author defines five groups of territories according to the level of social protection of children aged under 18. The article reveals that the role of a monthly child care allowance in a budget of families with children is insignificant, especially in rural areas of the republic.

Key words: targeted social assistance, subsistence level, social investment, social benefits, monthly child care allowance.

References

1. Bukhonova S.M. *Upravlenie investitsionnoi deyatel'nost'yu v regione: dis. d-ra ekon. nauk: 08.00.05* [Management of Investment Activity in the Region: Doctor of Economics Dissertation]. Belgorod, 1998. 343 p. RGB OD, 71:99-8/89-4.
2. *O gosudarstvennoi sotsial'noi pomoshchi: Federal'nyi zakon № 178-FZ ot 17 iyulya 1999 goda, st. 11* [On State Social Assistance: Federal Law No. 178-FZ of July 17, 1999, Article 11].
3. *Konventsiya MOT № 117, st. 5, chast' 2, Konventsiya MOT № 82, st. 9, chast' 2* [ILO Convention No. 117, Article 5, part 2, ILO Convention No. 82, Article 9, part 2].
4. Rimashevskaya N.M. *Sotsial'naya zashchita naseleniya* [Social Protection of Population]. ISEPN RAN, 2002. P. 286.
5. *O prozhitochnom minimume v Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 24 oktyabrya 1997 goda № 134-FZ (s izmeneniyami ot 27 maya 2000 goda)* [On the Subsistence Level in the Russian Federation: Federal Law of October 24, 1997 No. 134-FZ (as amended on May 27, 2000)].
6. Marx K. *Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii – T. 1. – Kn. 1. Protssess proizvodstva kapitala* [Capital: Critique of Political Economy. Vol. 1. Book 1. The Process of Capitalist Production]. Politizdat, 1988. Pp. 194-196.
7. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow: Sots-Ekgiz, 1962. P. 227.
8. Tikhomirova V.V. *Adresnaya sotsial'naya pomoshch' v sisteme sotsial'noi zashchity naseleniya (na primere Respubliki Komi)* [Targeted Social Assistance in the System of Social Protection (Case Study of the Republic of Komi)]. Komi NTs UrO RAN, Syktyvkar, 2013. 162 p.
9. *O gosudarstvennykh posobiyakh grazhdanam, imeyushchim detei: Federal'nyi zakon RF ot 1995 (v red. FZ № 122 ot 22.08.2004, FZ № 181 ot 22.12.2005)* [On State Benefits for Citizens with Children: the Federal Law of the Russian Federation of 1995 (in the Wording of the Federal Law No. 122 of August 22, 2004, Federal Law No. 181 of December 22, 2005)].
10. Zolotareva A. et al. *Sostoyanie i perspektivy razvitiya sistemy sotsial'noi zashchity v Rossii* [The State and Prospects of Development of the Social Protection System in Russia]. Moscow: In-t Gaidara, 2011. P. 166.

11. *O gosudarstvennykh garantiyakh v RK sem'yam, imeyushchim detei: Zakon Respubliki Komi ot 12.11.2004 № 57-RZ (v red. RZ № 99 ot 6.10.2006)* [On State Guarantees in the Republic of Komi to Families with Children: the Law of the Republic of Komi of November 12, 2004 No. 57-RZ (in the Wording of the Law of the Republic of Komi No. 99 of October 6, 2006)].
12. *Metodicheskie rekomendatsii po opredeleniyu potrebitel'skoi korziny dlya osnovnykh sotsial'no-demograficheskikh grupp naseleniya v tselom po Rossiiskoi Federatsii (s izmeneniyami i dopolnениями ot 16 marta 2000 goda), st. 1, p. 5, 6* [Methodological Recommendations on the Determination of the Consumer Basket for the Main Socio-Demographic Groups of the Population in the Russian Federation as a Whole (with the Amendments and Additions of March 16, 2000), Article 1, p. 5, 6].

Совершенствование государственного регулирования аграрного сектора приарктических и арктических территорий в условиях ВТО*



**Валентин Александрович
ИВАНОВ**

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26, ivanov@iespn.komisc.ru)

Аннотация. В статье показана необходимость изменения роли государства в технико-технологическом и социально-экономическом развитии аграрного сектора. Рассмотрены формы и методы госрегулирования. Дан анализ существующей бюджетной поддержки сельского хозяйства, выявлены ее недостатки применительно к приарктическим и арктическим территориям Республики Коми. Показано влияние господдержки на уровень доходов сельхозпроизводителей. Выявлены риски и угрозы для модернизации отраслей в условиях членства России в ВТО. Предложены меры по совершенствованию господдержки аграрной сферы с неблагоприятными условиями ее функционирования. Обоснован подход к совершенствованию госрегулирования аграрного сектора в рамках региональных и муниципальных программ сельского развития.

Ключевые слова: сельское хозяйство, государственное регулирование, финансовая поддержка, ВТО, Арктический субрегион, Республика Коми.

Введение

В период рыночных реформ в зоне Севера произошло резкое сокращение господдержки, объемов инвестиций, разрушение материально-технической базы сельского хозяйства, отток квалифициро-

ванных кадров из отрасли, падение производства продукции [3, 10].

Современное состояние аграрного сектора северных и арктических территорий характеризуется как неустойчивое,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Коми, научный проект № 13-12-11001 а/С, и научного проекта УрО РАН № 12-У-7-1013.

оно может приобрести крайне негативную форму, связанную с ликвидацией сельхозпроизводства, прежде всего, периферийных (удаленных) районов и сокращением обжитой сельской территории. Для преодоления кризисного состояния и перехода сельского хозяйства к динамичному развитию предстоит сформировать многоцелевую аграрную политику с учетом специфики Севера, направленную на технико-технологическую модернизацию аграрного производства, формирование многоукладного и многофункционального хозяйства на селе, усиление государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей. Для осуществления технико-технологического и социально-экономического развития сельского хозяйства Севера и Арктики потребуются значительные финансовые ресурсы, включая государственные инвестиции.

Целью и задачей данной работы является анализ финансовой поддержки, выявление ее недостатков и обоснование мер по совершенствованию госрегулирования сельского хозяйства Арктического субрегиона на примере Республики Коми.

Усиление роли государства в развитии модернизационных процессов аграрной сферы

Повышение роли государства как организатора и координатора модернизации объясняется не только ее всевозрастающим значением для экономики и общества, но и спецификой сельского хозяйства и рыночных отношений в отрасли. Аграрный сектор в целом и, прежде всего, северных и арктических территорий не вписывается в современную модель рыночной экономики и может развиваться при государственной поддержке. Объективная необходимость госрегулирования сельского хозяйства заключается в следующем.

1. Спрос на продовольственное сырье является малоэластичным. Спрос определяется не только такими экономическими факторами, как уровень доходов потребителя и цены на продовольствие, но и физиологическими потребностями, которые имеют жесткие пределы. При росте розничных цен население снижает потребности в высококачественных продуктах питания.

2. Сельское хозяйство по своей природе, обусловленной его биологическим характером, является относительно консервативной отраслью и не может немедленно перестроить структуру и технологию производства. Длительность производственного цикла в большинстве сельскохозяйственных отраслей означает, что, независимо от рыночной ситуации, объем предложений не может быть сокращен или увеличен за короткий период времени.

3. На рынке продовольствия действуют два малоэластичных компонента – спрос на продовольствие и его предложение. При резком колебании цен на продовольствие государство должно принимать меры госрегулирования агропродовольственного рынка.

В настоящее время конкурентоспособность сельского хозяйства США и стран Западной Европы обеспечивается благодаря вмешательству государства, то есть методами, противоположными подходу, представленному учениями о совершенной и несовершенной конкуренции. Модели рынка совершенной и несовершенной конкуренции – это теоретические абстракции, не имеющие никакого отношения к реальной практике [12, с. 293].

4. Необходимость госрегулирования сельского хозяйства вызвана тем, что монопольному аграрному рынку противостоят олигопольные структуры первой и третьей сфер АПК, устанавливающие так называемые административные цены.

5. Сельское хозяйство является одновременно и отраслью производства, и сферой жизнедеятельности людей. Ликвидация сельскохозяйственного производства означает смену места жительства и образа жизни. Ограниченная конкурентоспособность сельских жителей на рынке труда заставляет крестьян и общественность активно отстаивать программы государственной поддержки сельского хозяйства.

В России вообще, а в условиях Севера и Арктики в частности государственное вмешательство вызвано также следующими причинами:

- крайне низкий уровень производительности и оплаты труда в отрасли;
- диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию;
- значительный размер затрат на землеустроительные и мелиоративные работы при сравнительно низкой от них отдаче;
- незавершенность процесса интенсификации и индустриализации сельскохозяйственного производства; интенсификация и переход к индустриальным методам производства связаны с высокой

потребностью в постоянных вложениях при относительно низкой капиталоотдаче;

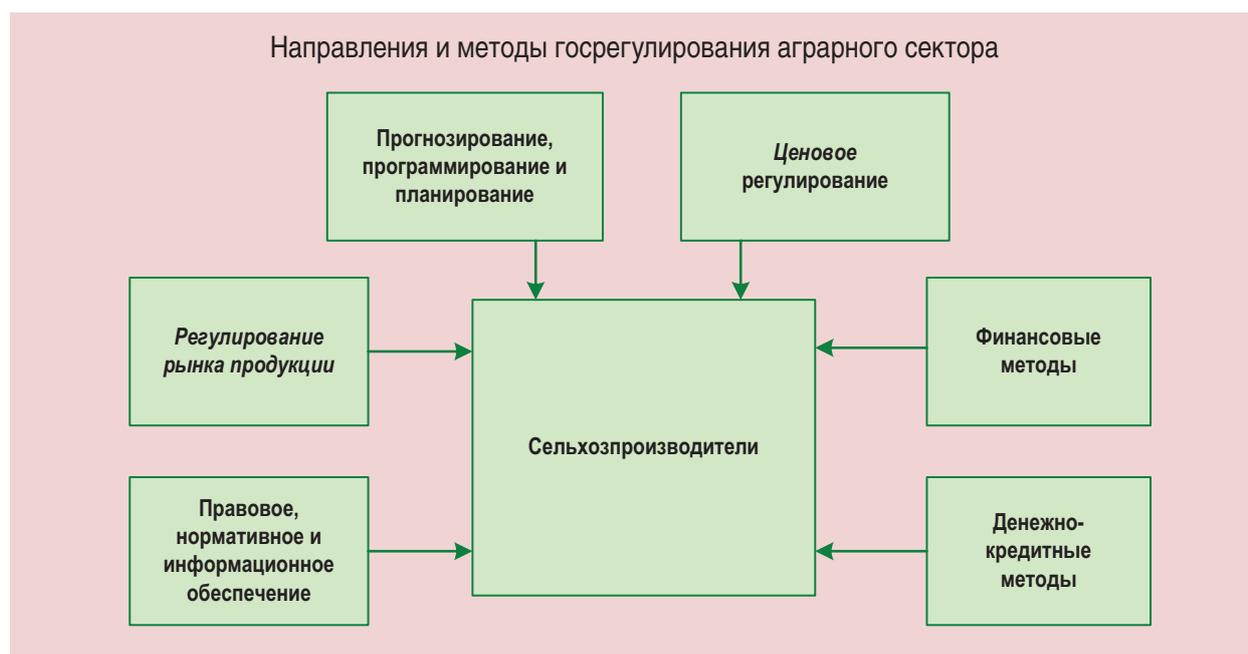
- слабое развитие сельской производственной, социальной и финансовой инфраструктуры.

В экстремальных условиях Севера и Арктики, в отличие от южных и центральных районов страны, частный капитал не заинтересован вкладывать свои средства в сохранение и развитие сельского хозяйства. Здесь особенно велика роль государства в финансировании аграрной сферы.

Игнорирование особого характера сельского хозяйства как специфической отрасли народного хозяйства, незначительные размеры финансовой поддержки аграрной сферы — основные причины кризисного состояния отрасли. Решение проблемы модернизации аграрного сектора потребует многократного повышения объемов субсидий.

Регулирование имеет многоаспектный характер с точки зрения как метода осуществления, так и объектов, на которые оно направлено.

Направления и методы воздействия государства на воспроизводственный процесс в сельском хозяйстве показаны на *рисунке*.



Для аграрной реформы, проводившейся в России в 1990-х годах, были характерны необоснованность ряда мер, противоречивость и непоследовательность осуществлявшихся преобразований. Социально-экономическая направленность аграрных преобразований была подменена самодовлеющей задачей поспешного перехода к рынку.

Недостаточно учитывались региональные особенности, в частности, те обстоятельства, что сельское хозяйство Севера развивается в экстремальных природных условиях, с ограниченными материально-технической базой и сферой агросервиса, слабой обустроенностью жилья и отсталой социальной инфраструктурой села. Исторически здесь сложилась общинная система землепользования, а следовательно, выраженная в большей степени по сравнению с южными регионами России психологическая настроенность людей на коллективную работу и проживание в совместных поселениях. Одной из причин кризисного состояния, в котором оказалось сельское хозяйство, явилась реализация ошибочного курса на немедленную и полную либерализацию экономических отношений и отстранение государства от поддержки аграрной сферы.

В Российской Федерации начиная с 2006 г. осуществляется реализация национального проекта «Развитие АПК», трансформированного в «Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг. и 2013–2020 гг.». Проект ориентирован на господдержку развития животноводства и малых форм хозяйствования.

Анализ существующей финансовой поддержки сельского хозяйства

Реализация приоритетного национального проекта «Развитие АПК» спо-

собствовала существенному росту финансовой поддержки сельхозпроизводителей. Объем субсидий сельскому хозяйству Республики Коми за 2006–2012 гг. увеличился более чем в 1,8 раза. Господдержка аграрного сектора в основном осуществляется из регионального бюджета.

Сейчас из бюджета республики в отрасль направляется 84% субсидий, из федерального – 14 и из местного – 2%. Прогнозная оценка доли субсидий, предусмотренная в «Госпрограмме развития агропродовольственного сектора Республики до 2020 г.», из республиканского бюджета увеличится до 91%, а из федерального и местных бюджетов уменьшится, соответственно, до 8 и 1%.

Субсидии позволили избежать убыточности большинству сельхозпроизводителей арктических и приарктических территорий. Без финансовой поддержки сельхозорганизации, за исключением специализирующихся на разведении оленей, добыче и переработке рыбы, получают многомиллионные убытки. Однако, даже с учетом субсидий, уровень рентабельности в большинстве сельхозорганизаций останется крайне низким, а некоторые из них – убыточны (*табл. 1*).

Анализ существующей финансовой поддержки свидетельствует, что значительная ее доля приходится на крупные аграрные предприятия, лучше обеспеченные ресурсами, и на пригородные районы. Причем поддержка не всегда пропорциональна производимым ими объемам аграрной продукции. Из общей суммы субсидий сельскому хозяйству Республики Коми сельхозпроизводителям периферийных приарктических районов (Усть-Цилемский и Ижемский) в 2012 г. было направлено только 4,5% при их доле в объеме валовой аграрной продукции 7,1%. На технико-технологическую модернизацию товаропроизводителям этих районов направляется

Таблица 1. Прибыль (убыток -) и рентабельность сельхозорганизаций арктических и приарктических территорий Республики Коми в 2012 г.

Муниципальное образование, организация	Прибыль (убыток-) от продажи, тыс. руб.	Прибыль (убыток-) до налогообложения, тыс. руб.	Чистая прибыль (убыток-), тыс. руб.	Рентабельность (убыточность-), %	
				Без учета субсидий	С учетом субсидий
Городской округ Воркута	107	22141	21954	0,2	34,2
ПСК «Оленевод»	785	22124	21937	1,3	36,9
ООО «Совхоз Городской»	-678	17	17	-15,3	0,4
Городской округ Инта	-43892	-802	-1548	-16,5	-0,6
ООО Агрофирма «Инта Приполярная»	-44121	-5411	-5876	-18,5	-2,5
ОАО «Петруньское»	-1300	3103	3103	6,7	15,9
ОАО «Абезь»	-1071	1446	1225	-15,5	17,7
Городской округ Усинск	-44396	-2481	-2753	-27,3	-1,7
ООО «Колва»	-8330	-2742	-2764	-47,9	-15,9
ООО «Северный»	-36066	261	11	-24,8	0,0
Муниципальный район Печора	-4221	7979	7652	-14,1	25,5
ООО «АгроВид»	-3063	6965	6638	-10,2	22,2
ООО «Аквакомплекс»	-1158	1014	1014	-95,3	83,5
Муниципальный район Усть-Цилемский	-15309	4077	3361	-27,6	6,0
СПК «Заря-1»	-2274	3283	3058	-14,8	19,9
ООО «Велес-Агро»	-1084	274	274	-58,4	14,8
ООО «Рочеве»	-2795	880	788	-33,7	9,5
СПК «Маяк»	-1611	585	491	-39,7	12,1
ООО «Филиппово»	-1182	298	250	-31,9	6,7
ООО «Трусово»	-2361	800	790	-26,5	8,9
ООО «Звезда»	-4008	-1940	-2034	-51,2	-26,0
Муниципальный район Ижемский	-8644	4125	4118	-28,4	13,5
СПК «Агро-Центр»	-4111	421	421	-29,1	3,0
ООО «Заречье»	-1566	4222	4222	-19,0	51,2
СПК «Боровая»	-2967	-518	-525	-36,9	-6,5

Источник: годовые отчеты.

лишь 1,4% субсидий от общего объема финансовой поддержки по данному направлению. В то же время в арктических и приарктических территориях основные производственные фонды в скотоводстве изношены на 70–80%.

Данные об объемах и доле субсидий сельхозпроизводителям арктических и приарктических районов республики приведены в *таблице 2*.

Таким образом, существующие размеры господдержки аграрной сферы субар-

ктического региона Республики Коми не позволяют не только развивать ее на инновационной основе, но и сдерживать падение производства. Создание условий для динамичного развития сельского хозяйства требует усиления его господдержки.

Присоединение Российской Федерации к ВТО внесло существенные коррективы в систему государственного регулирования. Россия приняла на себя ряд обязательств, касающихся государственной поддержки сельского хозяйства, экс-

Таблица 2. Субсидии сельхозпроизводителям Республики Коми в 2012 г., тыс. руб.

Направления господдержки	Республика Коми	Субарктический регион	Доля субарктического региона в общем объеме поддержки сельского хозяйства республики, %
Субсидии на продукцию животноводства	305783	71328	23,3
Из них:			
на мясо крупного рогатого скота	27674	9264	33,5
молоко	214587	43223	19,7
Субсидии на наращивание поголовья оленей	25507	25507	100
Субсидии на технико-технологическую модернизацию	175146	27807	15,9
Субсидии на корма	91499	16363	17,9
Прочие субсидии и субвенции	238063	58729	24,7
Всего	835998	199734	23,9
Источник: годовые отчеты.			

портных и импортных пошлин, тарифных квот, экспортных субсидий.

Что касается таможенно-тарифного регулирования, то угрозы связаны прежде всего со снижением тарифов на сельскохозяйственную продукцию и продовольствие с 15,6% в настоящее время до 11,3% на конец переходного периода (2018 г.). По мнению экспертов, серьезные отрицательные последствия от снижения тарифов ожидаются на рынке свинины и мяса говядины. Наша страна обязалась снизить таможенный тариф на живых свиных с 40 до 5%, а на ввоз свинины в рамках квоты пошлина упадет с существующих 15 до нуля. Введен запрет на дальнейшее сокращение размеров квот.

Серьезную угрозу для сельского хозяйства представляет рост цен на энергетические и другие материально-технические средства, снижающий доходы сельхозтоваропроизводителей. Всемирная торговая организация требует от России довести внутренние цены на газ, нефтепродукты и электроэнергию до мирового уровня, то есть поднять их в 1,3–1,5 раза, чтобы российская промышленность не имела экономических преимуществ при производстве материально-технических средств по

сравнению с западной промышленностью. Россия также должна снизить таможенные пошлины на импорт сельскохозяйственной техники в 2–3 раза, чтобы облегчить ввоз зарубежных машин.

По расчетам «Россельмаша», импорт сельскохозяйственной техники приведет к ее удорожанию в среднем на 20%, рост издержек составит свыше 31 млрд. руб. в год. Ограничение субсидирования цен на ГСМ для села вызовет их рост на 25–30% и увеличит издержки сельских товаропроизводителей на 39,8 млрд. руб. в год [1, с. 51]. Это ограничивает их возможности осуществлять модернизацию и инновационное развитие. До вступления в ВТО государство ежегодно частично компенсировало прямыми субсидиями потери от диспаритета цен между сельскохозяйственной и промышленной продукцией.

Важную роль в развитии аграрного сектора играет господдержка. Поэтому её размеры при присоединении России к ВТО являются основным предметом торга в соглашениях по сельскому хозяйству. По условиям ВТО Россия и ее регионы должны придерживаться ограничений бюджетной поддержки отрасли и изменений направлений ее субсидирования. Разре-

шенный в рамках ВТО уровень поддержки разделяется на три типа — три «корзины», которые подразделяются на «зеленую», «желтую» («янтарную») и «голубую» в зависимости от степени искажающего воздействия на торговлю.

В «зеленую корзину» входят меры поддержки, не оказывающие негативного влияния на торговлю, в «желтую корзину» — меры, искажающие рынок. Уровень господдержки по «желтой корзине» для нашей страны на 2013 г. определен в 9 млрд. долл. с последующим сокращением, к 2018 г. равными долями до 4,4 млрд. долл. В «голубую корзину» входят бюджетные выплаты, направленные на ограничение производства сельхозпродукции.

В настоящее время для производителей сельскохозяйственной и пищевой продукции Республики Коми финансовая поддержка осуществляется по следующим направлениям:

- субсидирование технико-технологической модернизации агропромышленного производства;
- компенсация части затрат на содержание крупного рогатого скота;
- поддержка племенного животноводства;
- возмещение части стоимости приобретения и изготовления комбикормов;
- возмещение части затрат на наращивание поголовья северных оленей, осуществление мер противопожарной безопасности на оленьих пастбищах, на ветеринарное обслуживание оленей;
- поддержка элитного семеноводства;
- субсидирование мероприятий по повышению плодородия почвы;
- несвязанная поддержка в области растениеводства;
- поддержка малых форм хозяйствования;
- субсидирование развития аквакультуры и рыболовства.

Совершенствование государственной поддержки аграрного сектора

Частные предприниматели в условиях Севера, в силу низкой доходности сельского хозяйства, больших сроков окупаемости вложенных средств, не заинтересованы инвестировать капитал в его развитие. Здесь основная тяжесть финансирования в технико-технологическую модернизацию агропроизводства ложится на государство. Для подъема рентабельности и увеличения инвестиционных возможностей аграрного сектора требуется значительный рост прямой господдержки. Субсидии сельхозпроизводителям позволяют им получать доходы дополнительно к выручке от реализации продукции, не влияя на рост цен на продовольствие. Без поддержки доходов товаропроизводителей через субсидирование цен на производимую продукцию эффективность инвестиций будет крайне низкой, они могут даже не окупиться.

Экономическая оценка инновационно-инвестиционных проектов строительства молочных ферм на 100 и 200 коров в периферийном Удорском районе, использующих новейшие технологии, достигших высокой продуктивности коров (5500 кг), а также соответствующих принципам производства органической продукции, показала следующее. При существующей достаточно неплохой господдержке инновационно-инвестиционной деятельности и доходов сельхозпроизводителей указанные проекты окупятся через 12,5 и 11,3 года при сроке предоставляемого кредита на 8 лет. Только при достижении объемов господдержки, обеспечивающих оптимальный уровень рентабельности (40–50%), сроки окупаемости проектов будут ниже сроков предоставляемого кредита [4].

Чтобы ускорить модернизацию аграрного производства, необходимо увеличить

прямую господдержку в 3–4, а для отдельных сельхозорганизаций – в 4,7–5,1 раза [9, с. 215]. С этой целью требуются также государственные инвестиции.

Для скорейшего перевода аграрной экономики на новую технико-технологическую основу предлагается субсидировать её не только из регионального, но и федерального бюджета. Из федерального бюджета целесообразно осуществлять господдержку на увеличение поголовья крупного рогатого скота и оленей, объемов производства говядины, оленины и молока; компенсировать часть стоимости приобретаемой современной техники и высокопроизводительного оборудования, минеральных удобрений, горючего, запасных частей, комбикормов, а также тарифы в размере 50% при транспортировке железнодорожным и водным транспортом материально-технических ресурсов; субсидировать процентные ставки по кредитам; выделять субсидии на ликвидацию бедности среди сельского населения. Вместе с тем потребуются разработка и принятие федеральных целевых программ развития оленеводства и ликвидации бедности сельского населения.

На региональном уровне нужно сохранить финансовую поддержку на строительство и реконструкцию животноводческих помещений, приобретение новой техники и оборудования, производство продукции скотоводства и оленеводства, субсидирование процентных ставок по кредитам. С целью развития предпринимательской деятельности в сфере сельского хозяйства, рыболовства и переработки их продукции; лесного сектора; туризма предлагается выдавать целевые субсидии на открытие своего дела.

Для организаций агропродовольственного сектора необходимо сохранить субсидирование процентных ставок по кредитам, освободить сельхозпроизводителей

от уплаты налога на имущество и транспортного налога. Региональные органы власти могут принять законодательные акты, предусмотрев в них освобождение инвесторов от налога на имущество и транспортного налога в региональные бюджеты, предоставление поручительств при оформлении банковских кредитов.

Чтобы привлечь квалифицированных специалистов в агропромышленное хозяйство, государство должно создать для них необходимые условия жизни. Например, выпускникам вузов, прибывшим на работу в аграрный сектор, требуется установить единовременные субсидии в размере 1 млн. руб., техникумов – 600 тыс. руб. Молодым специалистам необходимо установить зарплату выше средней по региону, предоставить дешевую ипотеку (2–3%). В свою очередь, молодой специалист должен отработать в сельской местности не менее пяти лет.

Очевидно, что в условиях ВТО сельское хозяйство северных и арктических территорий, не преодолевшее кризисных явлений 1990–2000 гг., столкнется с новыми проблемами технико-технологического и социально-экономического развития отрасли.

К рискам и угрозам следует отнести: снижение инвестиционной привлекательности и рентабельности предприятий и хозяйств, что делает проблематичной модернизацию отраслей аграрного сектора; невыполнение показателей Доктрины продовольственной безопасности России; банкротство сельхозорганизаций и крестьянско-фермерских хозяйств из-за низкой конкурентоспособности; сокращение числа рабочих мест; налоговых поступлений от агропродовольственного сектора; снижение доходов и уровня жизни крестьян. В связи с этим особую значимость приобретает выработка комплекса мер по недопущению ухудшения социально-эко-

номической ситуации в агропромышленном хозяйстве. Для северных и арктических территорий, ведущих сельское хозяйство в экстремальных условиях, необходимо снять ограничения по «желтой корзине». Снятие ограничений на поддержку сельского хозяйства зоны Севера позволит повысить рентабельность аграрного производства, заработную плату работников, обеспечить их занятость, увеличить инвестиционные возможности для модернизации скотоводства и оленеводства.

Одним из важнейших решений является внесение поправок в Федеральный закон 2006 г. «О развитии сельского хозяйства», предусматривающий выделение субъектов РФ с неблагоприятными для занятия сельским хозяйством и возможности снятия ограничений господдержки аграрного предпринимательства в этих регионах, разрешенных «желтой корзиной». Для выхода из ограничений Министерство сельского хозяйства России выделило 63 субъекта с неблагоприятными условиями для развития сельского хозяйства.

Целесообразно также в условиях членства России в ВТО освободить крестьян от всех налогов, а также повысить роль долгосрочного кредита. Льготный кредит на строительство и модернизацию животноводческих помещений в условиях Севера и Арктики следует предоставлять на 20–25 лет, на приобретение оборудования – на 6–8 лет.

По-видимому, следует пересмотреть корпоративную политику ресурсных компаний с их стремлением вывести непрофильные активы за баланс своего бизнеса. Подсобное сельское хозяйство внутри промышленных предприятий желательно восстановить хотя бы в минимальных размерах и финансировать его за счет прибыли добывающих компаний. Затраты из прибыли на создание аграрного производства необходимо освободить от налогов.

При обосновании направлений совершенствования государственного регулирования сельского хозяйства нужно учитывать роль отрасли не только в обеспечении продуктами питания, но и в решении вопросов комплексного развития сельских территорий, сохранения традиций и культурно-нравственных ценностей, окружающей среды и природного ландшафта и удовлетворения рекреационных потребностей общества. Реализация многофункциональности предполагает осуществлять модернизацию аграрного сектора в рамках концепций и программ комплексного и устойчивого сельского развития.

Термин «сельское развитие» получил распространение сравнительно недавно. В ЕС разработкой политики сельского хозяйства занимаются с 1970-х гг. [6], в нашей стране – с 2000-х гг. [2, 5, 7, 8, 11, 14].

Переход от политики развития агропродовольственного сектора к политике сельского развития необходим и на муниципальном уровне. Примером такого программно-целевого управления является муниципальная программа городского округа Усинск «Устойчивое развитие сельских территорий в 2014–2016 гг. и на период до 2020 г.» от 28.11.2013 г. Программа включает две подпрограммы: «Социальное развитие села» и «Развитие АПК». Объем субсидий из муниципального бюджета на реализацию программы в 2014–2016 гг. составит 89,8 млн. руб., в том числе по подпрограмме «Социальное развитие села» – 48,0 млн., «Развитие АПК» – 41,8 млн.

Реализация предусмотренных в программе мер создаст предпосылки для улучшения жилищных условий на селе, повышения уровня социально-инженерного обустройства, привлекательности сельской местности для комфортного проживания и приложения труда, увеличения производства картофеля, мяса и молока.

В настоящее время местное самоуправление периферийных районов не имеет финансовой базы для комплексного и устойчивого развития своих территорий. По мнению некоторых ученых, для ускоренного социально-экономического развития сельских территорий для России целесообразна одноуровневая модель местного самоуправления, наделенная крепкой экономической базой, сформированной за счет собственных доходов не менее чем на 75% [13, с. 20].

Проблема развития сельских районов и базовой отрасли – аграрного сектора – является комплексной и требует привлечения региональной науки к исследованию различных аспектов пространственной организации сельской экономики, производственной, рыночной и социальной инфраструктуры. Нужен социальный заказ науке на концептуальную разработку различных сценариев возможного устойчивого социально-экономического развития аграрного сектора сельских территорий.

Заключение

Проведенный анализ существующей господдержки аграрного производства позволяет предложить комплекс мер по ее совершенствованию применительно к северным и арктическим территориям.

1. В условиях Севера и Арктики, в силу низкой доходности сельского хозяйства, больших сроков окупаемости вложенных средств, незаинтересованности частных инвесторов вкладывать капитал в его развитие, особенно велика роль государства как организатора, координатора и главного участника технико-технологического совершенствования отрасли и решения социальных проблем села.

2. Анализ существующей финансовой поддержки аграрной сферы приарктических и арктических территорий Республики Коми свидетельствует, что ее размеры

не позволяют не только развивать отрасль на инновационной основе, но и сдерживать падение производства. Объемы бюджетной поддержки не учитывают вклад зоны Севера в производство биологически полноценных продуктов питания, специфику специализации сельского хозяйства, уровень развития транспортной и социальной инфраструктуры. Основная тяжесть финансовой поддержки сельхозтоваропроизводителей ложится на региональный бюджет. Для подъема рентабельности и повышения инвестиционных возможностей аграрному производству необходимо увеличить объем прямой государственной поддержки в 3–4 раза. Ускорение модернизации отрасли и инфраструктуры сельской местности потребует также выделения государственных капитальных вложений.

3. Для скорейшего перехода аграрной экономики на новую технико-технологическую основу предлагается субсидировать ее не только из регионального, но и федерального бюджета. Из федерального бюджета целесообразно осуществлять господдержку на увеличение поголовья крупного рогатого скота и оленей, объемов говядины, оленины и молока, на ликвидацию бедности сельского населения.

4. Членство России в ВТО потребует для северных и арктических территорий, ведущих сельское хозяйство в экстремальных условиях, снятия ограничений уровня поддержки по «желтой корзине». Снятие ограничений на поддержку сельского хозяйства Севера позволит увеличить рентабельность, заработную плату работников аграрного производства, обеспечить их занятость, увеличить инвестиционные возможности и ускорить модернизацию скотоводства и оленеводства.

5. Предстоит повысить роль долгосрочного льготного кредита в модернизации агропродовольственного сектора,

освободить сельхозорганизации и фермерские хозяйства от налогов, восстановить в ограниченных масштабах подсобное хозяйство промышленных предприятий и финансировать его за счет прибыли добывающих компаний.

6. Совершенствование государственного регулирования сельского хозяйства

предлагается осуществлять в рамках региональных и муниципальных программ развития аграрного сектора и сельской местности. В настоящее время местное самоуправление сельских районов Республики Коми не имеет финансовой базы для комплексного и устойчивого развития своих территорий.

Литература

1. Алферьев, В. Рынок ресурсов для села в условиях членства России в ВТО / В. Алферьев // АПК: экономика, управление. – 2013. – № 1. – С. 48-54.
2. Баутин, В.М. Устойчивое развитие сельских территорий: сущность, термины и понятия / В.М. Баутин, В.В. Козлов // Информационный бюллетень Минсельхозпрода. – 2006. – № 3. – С. 64-67.
3. Иванов, В.А. Аграрный сектор Севера России: трансформационные процессы, перспективы и механизмы развития / В.А. Иванов. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2012. – 168 с.
4. Иванов, В.А. Оценка инновационно-инвестиционных проектов развития муниципального образования северного региона / В.А. Иванов, А.С. Пономарева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 3 (21). – С. 155-166.
5. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г.: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. – № 2136-р.
6. Мантино, Ф. Сельское развитие в Европе. Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х гг. до наших дней / Ф. Мантино. – Милан: Инвестиционный центр ФАО, 2010. – 272 с.
7. Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года»: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 г. № 598.
8. Петриков, А.В. Устойчивость сельского развития / А.В. Петриков // Экономист. – 2006. – № 7. – С. 86-93.
9. Пономарева, А.С. Условия устойчивого развития сельского хозяйства Республики Коми (на примере периферийных районов) / А.С. Пономарева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 5 (23). – С. 206-216.
10. Терентьев, В.В. Кадровое обеспечение модернизации сельского хозяйства северных и арктических территорий (на примере Республики Коми) / В.В. Терентьев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 4 (28). – С. 151-165.
11. Устойчивое развитие сельских территорий: региональный аспект: науч. тр. ВИАПИ им. А.А. Никонова / под. общ. ред. А.В. Петрикова. – Вып. 25. – М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова: ЭРД, 2009. – 272 с.
12. Ушачев, И.Г. Аграрная политика России: проблемы и решения / И.Г. Ушачев. – М.: Изд-во ИП Насирддинова В.В., 2013. – 524 с.
13. Ушачев, И. Система управления – основа реализации модели инновационного развития АПК России / И. Ушачев // АПК: экономика, управление. – 2013. – № 1. – С. 12-21.
14. Чепурных, Н.В. Региональное развитие: сельская местность / Н.В. Чепурных, А.Л. Новоселов, А.В. Мерзлов. – М.: Наука, 2006. – 384 с.

Ivanov V.A.

Improvement of state regulation of the agrarian sector of the sub-arctic and arctic areas under the WTO membership

Valentin Aleksandrovich Ivanov – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Associate at the Laboratory for Natural Resources Management, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation, ivanov@iespn.komisc.ru)

Abstract. The article substantiates the necessity to change the role of the state in technological and socio-economic development of the agricultural sector. The author considers the forms and methods of state regulation and analyses the current budget support provided to agriculture; he highlights its drawbacks with regard to sub-arctic and arctic territories of the Republic of Komi. The article shows the influence of state support on the farmers' level of income and identifies modernization risks and threats under Russia's WTO membership. The author proposes measures to improve state support of the agrarian sector and change the adverse conditions of its functioning. He substantiates the approach that helps improve the state regulation of the agrarian sector in the framework of regional and municipal programs for rural development.

Key words: agriculture, state regulation, financial support, WTO, Arctic sub-region, Republic of Komi.

References

1. Alfer'ev V. Rynok resursov dlya sela v usloviyakh chlenstva Rossii v VTO [Resources Market for the Village in the Conditions of Russia's WTO Membership]. *APK: ekonomika, upravlenie* [Agro-Industrial Complex: Economics, Management], 2013, no. 1, pp. 48-54.
2. Bautin V.M., Kozlov V.V. Ustoichivoe razvitie sel'skikh territorii: sushchnost', terminy i ponyatiya [Sustainable Development of Rural Areas: Essence, Terms and Concepts]. *Informatsionnyi byulleten' Minsel'khozproda* [Information Bulletin of the Ministry of Agriculture and Food], 2006, no. 3, pp. 64-67.
3. Ivanov V.A. *Agrarnyi sektor Severa Rossii: transformatsionnye protsessy, perspektivy i mekhanizmy razvitiya* [Agrarian Sector of the North of Russia: Transformation Processes, Prospects and Mechanisms of Development]. Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN, 2012. 168 p.
4. Ivanov V.A., Ponomareva A.S. Otsenka innovatsionno-investitsionnykh proektov razvitiya munitsipal'nogo obrazovaniya severnogo regiona [Assessment of Innovation and Investment Projects of Municipality's Development in the Northern Region]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2012, no. 3 (21), pp. 155-166.
5. *Kontseptsiya ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 g.: utv. Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 30 noyabrya 2010 g. – № 2136-r* [The Concept for Sustainable Development of Rural Territories of the Russian Federation for the Period up to 2020: Approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation of November 30, 2010 No. 2136-r].
6. Mantino F. *Sel'skoe razvitie v Evrope. Politika, instituty i deistvuyushchie litsa na mestakh s 1970-kh gg. do nashikh dnei* [Rural Development in Europe. Policies, Institutions and Actors in the Field since the 1970's to the Present Day]. Milan: Investment Centre Division FAO, 2010. 272 p.
7. *Federal'naya tselevaya programma "Ustoichivoe razvitie sel'skikh territorii na 2014–2017 gody i na period do 2020 goda": utv. Postanovleniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 15 iyulya 2013 g. № 598* [Federal Target Program "Sustainable Development of Rural Territories for 2014–2017 and for the Period up to 2020": Approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation of July 15, 2013 No. 598].
8. Petrikov A.V. Ustoichivost' sel'skogo razvitiya [Sustainability of Rural Development]. *Ekonomist* [The Economist], 2006, no. 7, pp. 86-93.
9. Ponomareva A.S. Usloviya ustoichivogo razvitiya sel'skogo khozyaistva Respubliki Komi (na primere periferiinykh raionov) [Conditions of the Sustainable Development of Agricultural Sector in the Komi Republic (in the Case

- of Remote Areas)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2012, no. 5 (23), pp. 206-216.
10. Terent'ev V.V. Kadrovoe obespechenie modernizatsii sel'skogo khozyaistva severnykh i arkticheskikh territorii (na primere Respubliki Komi) [Staffing for the Modernization of Agriculture in the Northern and Arctic Territories (Case Study of the Komi Republic)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 4 (28), pp. 151-165.
 11. *Ustoichivoe razvitie sel'skikh territorii: regional'nyi aspekt: nauch. tr. VIAPI im. A.A. Nikonova* [Sustainable Rural Development: the Regional Aspect: Scientific Works at the All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics named after A.A. Nikonov]. Vol. 25. Under general editorship of A.V. Petrikov. Moscow: VIAPI im. A.A. Nikonova: ERD, 2009. 272 p.
 12. Ushachev I.G. *Agrarnaya politika Rossii: problemy i resheniya* [Agrarian Policy in Russia: Problems and Solutions]. Moscow: Izd-vo IP Nasirddinova V.V., 2013. 524 p.
 13. Ushachev I. Sistema upravleniya – osnova realizatsii modeli innovatsionnogo razvitiya APK Rossii [Management System – the Basis for the Implementation of the Innovation Development Model of Russia's Agricultural Sector]. *APK: ekonomika, upravlenie* [Agro-Industrial Complex: Economics, Management], 2013, no. 1, pp. 12-21.
 14. Chepurnykh N.V., Novoselov A.L., Merzlov A.V. *Regional'noe razvitie: sel'skaya mestnost'* [Regional Development: Rural Areas]. Moscow: Nauka, 2006. 384 p.

Взаимоотношения металлургических комбинатов с бюджетом: долги растут, налоги падают



**Анна Ивановна
ПОВАРОВА**

старший научный сотрудник, зав. сектором исследования проблем общественных финансов, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, aip150663@yandex.ru)

Аннотация. Крупные предприятия чёрной металлургии, консолидирующие существенную часть денежных потоков, являются значимыми налогоплательщиками в бюджет.

В 2008–2013 гг. две трети совокупного объёма налога на прибыль от отрасли чёрной металлургии обеспечили семь крупнейших комбинатов: Новолипецкий (НЛМК); Череповецкий (ЧерМК); Нижнетагильский (НТМК); Магнитогорский (ММК); Оскольский электрометаллургический (ОЭМК); Западно-Сибирский (ЗСМК) и Челябинский (ЧМК). Все эти комбинаты – ключевые активы крупнейших транснациональных корпораций, поэтому анализ их отчётности позволяет оценить финансовое состояние не только конкретной корпорации, но и отрасли чёрной металлургии в целом.

В статье представлены результаты анализа финансовой деятельности ведущих отечественных комбинатов чёрной металлургии за 2008–2013 гг. Особый акцент делается на взаимоотношениях с бюджетом в сфере администрирования налога на прибыль. Исследованы факторы формирования прибыли до налогообложения. Выявлено деструктивное влияние налогового законодательства на мобилизацию бюджетных доходов. Сделан вывод о роли крупных предприятий в экономическом развитии страны и её регионов. Предложены варианты изменения налоговой политики в отношении крупных налогоплательщиков.

Ключевые слова: металлургические комбинаты, прибыль, бюджет, налог на прибыль.

До кризисного 2009 года металлургическое производство являлось важнейшей бюджетообразующей отраслью. По

объёму внесённых налоговых платежей оно хотя и уступало сектору сырьевых производств, но занимало 9

место среди 83 отраслей экономической деятельности.

Основным источником налоговых платежей, поступивших от металлургического комплекса, являлся налог на прибыль, удельный вес которого в структуре налогов в докризисный период составлял более 80% (рис. 1).

После обвального падения в 2009 г. поступлений налога на прибыль в дальнейшем его восстановления не произошло. В 2012–2013 гг. удельный вес этого налога в структуре платежей, отчисляемых предприятиями чёрной металлургии, стал меньше, чем в 2008 г., в три раза.

Многие эксперты и органы государственного управления объясняют уменьшение сборов налога на прибыль исключительно ухудшением рыночной конъюнктуры.

Действительно, в 2012–2013 гг. цены на металлопродукцию имели понижательную

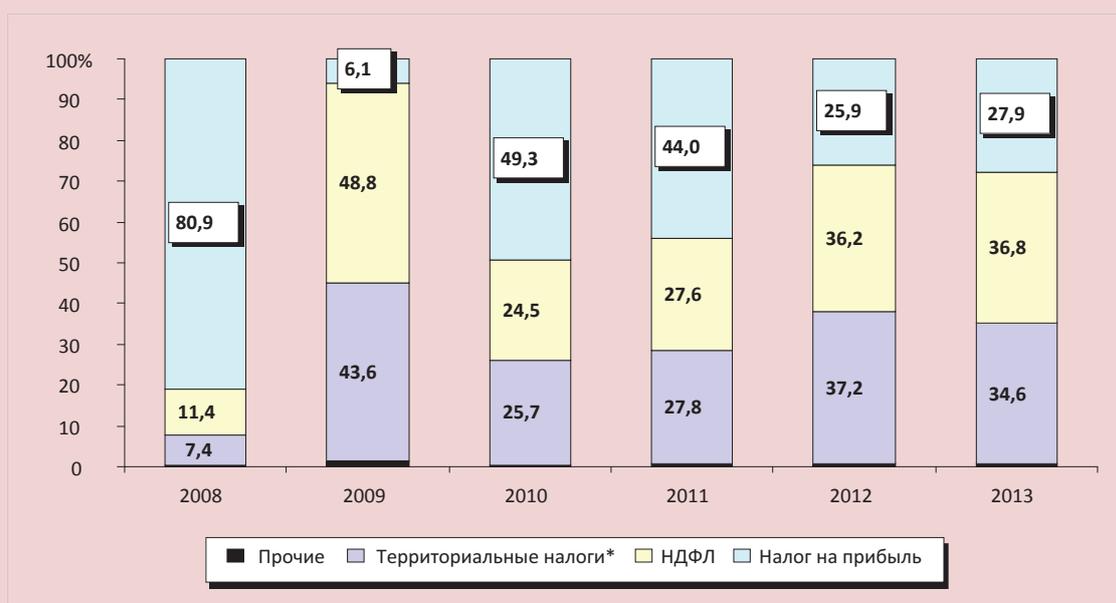
тенденцию, однако в среднегодовом исчислении их уровень за период 2010–2013 гг. по сравнению с 2005–2009 гг. был выше (рис. 2).

Следовательно, объяснять снижение налоговых отчислений только лишь негативными ценовыми трендами было бы не совсем правильно.

Для выяснения реальных причин сложившегося положения необходимо обратиться к достоверной информации в виде публичной финансовой отчётности, размещённой на официальных сайтах открытых акционерных обществ [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11].

Анализ фактических данных показал, что в действующей системе корпоративного управления есть много способов не только снижения налоговой базы, но и перераспределения финансовых потоков, связанных с владением и управлением активами крупнейших компаний. Рассмотрим практику

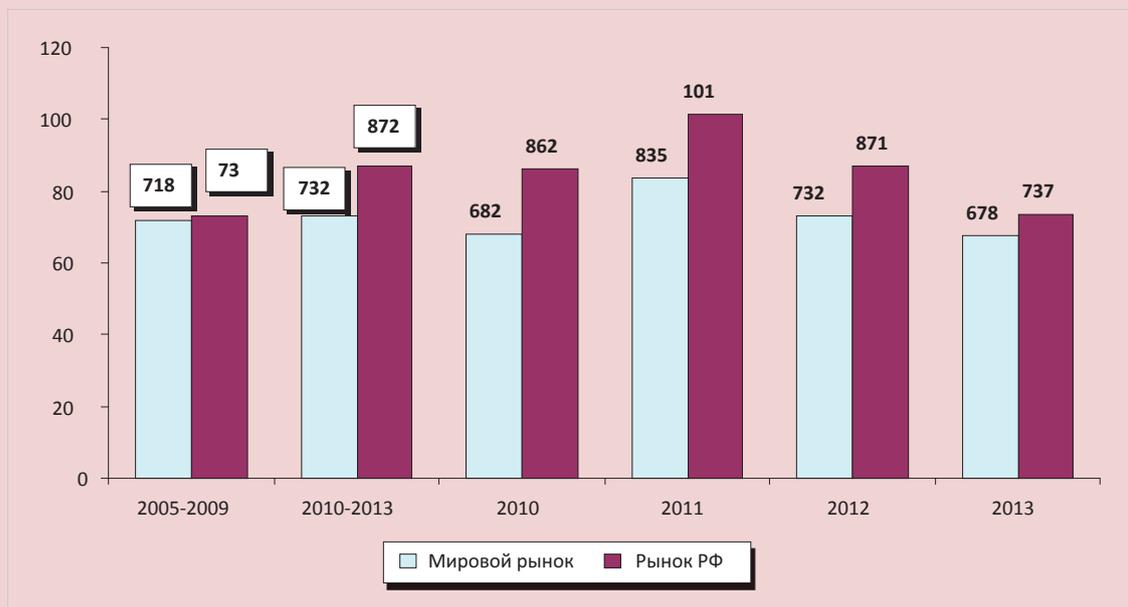
Рисунок 1. Структура налогов, поступивших в консолидированный бюджет РФ от предприятий чёрной металлургии в 2008 и 2013 гг., %



* Налог на имущество организаций, транспортный налог, земельный налог.

Источники: данные ФНС; расчёты автора.

Рисунок 2. Средние цены на металлопрокат* на мировом рынке и рынке РФ в 2005–2013 гг., долл./т



* Горячекатаный и холоднокатаный листовой прокат.

Источники: данные Infogeo; The World Bank Group; Metaltorg; расчёты автора.

применения некоторых из этих инструментов на примере ведущих отечественных комбинатов чёрной металлургии.

Ценовая политика. Одним из основных показателей, характеризующих локализацию налоговых доходов на предприятиях, является отношение налога на прибыль к выручке от продаж. После 2008 г. значение данного показателя стремительно снижалось (табл. 1).

Нетрудно заметить, что при уменьшении объёма продаж и выручки в среднем по всем комбинатам на 0,4–10% падение налога на прибыль составило 64–96%. Только два предприятия имели положительную динамику продаж и выручки – НЛМК и ЗСМК, однако поступления налога на прибыль от НЛМК сократились на 70%, а ЗСМК в 2013 г. вообще не вносил платежей в бюджет. Челябинский меткомбинат в течение 2009–2011 гг. также

не уплачивал налог на прибыль, поскольку сработал с убытком, а в 2012–2013 гг. поступления от этого налога составили всего 74 млн. руб. против 1,2 млрд. руб. в 2008 г.

Устойчивое снижение удельных значений налога на прибыль, являющегося основным источником доходов для бюджетов, прежде всего территориальных, указывает на то, что при относительно стабильном объёме продаж металлопродукции часть выручки выводилась из оборота комбинатов.

Этот вывод подтверждают результаты анализа их сбытовой деятельности на внешних рынках.

К сожалению, отчётность предприятий содержит крайне непрозрачную информацию об экспортных продажах, поэтому большинство показателей для анализа внешнего сбыта металлопродукции получено расчётным путём.

Таблица 1. Налог на прибыль, поступивший в бюджет от металлургических комбинатов в 2008–2013 гг.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2013 к 2008, %
ЧерМК							
Продажи, тыс. т*	10197	8675	10142	10457	9802	9935	-2,6
Выручка от продаж, млн. руб.	243635	143568	209767	254272	223611	212898	-12,6
Налог на прибыль, млн. руб.	18138	594	5148	5104	1576	1339	-92,6
К выручке, %	7,4	0,4	2,5	2,0	0,7	0,6	-6,8 п.п.
ММК							
Продажи, тыс. т*	10911	8760	10203	10683	11031	10670	-2,2
Выручка от продаж, млн. руб.	225972	137317	201824	247290	243059	224642	-0,6
Налог на прибыль, млн. руб.	10512	508	1606	3133	853	405	-96,1
К выручке, %	4,7	0,4	0,8	1,3	0,3	0,2	-4,5 п.п.
НЛМК							
Продажи, тыс. т*	8927	9518	9508	8933	9510	9340	+4,6
Выручка от продаж, млн. руб.	202103	128575	179927	221178	240123	225492	+11,6
Налог на прибыль, млн. руб.	17964	1322	5329	7077	4699	5351	-70,2
К выручке, %	8,9	1,0	3,0	3,2	2,0	2,4	-6,5 п.п.
ЧМК							
Продажи, тыс. т*	4078	4120	4485	4309	4557	3756	-7,9
Выручка от продаж, млн. руб.	86170	60225	94861	99203	93568	81813	-5,1
Налог на прибыль, млн. руб.	1185	0	0	0	17	57	-95,2
К выручке, %	1,4	0	0	0	0,02	0,07	-1,3 п.п.
ОЭМК							
Продажи, тыс. т*	3175	3271	3282	3232	3251	3169	-0,2
Выручка от продаж, млн. руб.	61560	39402	57100	70685	64435	57892	-6,0
Налог на прибыль, млн. руб.	5208	-424	514	2594	2940	916	-82,4
К выручке, %	8,5	0	0,9	3,7	4,6	1,6	-6,9 п.п.
ЗСМК							
Продажи, тыс. т*	5929	5644	6387	6523	6550	6859	+15,7
Выручка от продаж, млн. руб.	119400	68281	102769	132840	130598	127335	+6,6
Налог на прибыль, млн. руб.	7502	246	1142	186	26	0	х
К выручке, %	6,3	0,4	1,1	0,1	0,02	0	х
НТМК							
Продажи, тыс. т*	4710	3751	3797	4216	4461	4470	-5,1
Выручка от продаж, млн. руб.	114745	61718	83894	109327	112970	109113	-4,9
Налог на прибыль, млн. руб.	7644	1930	2680	468	2759	2744	-64,1
К выручке, %	6,7	3,1	3,2	0,4	2,4	2,5	-4,2 п.п.
* Продажи металлопродукции. Источники: данные годовых и бухгалтерских отчётов меткомбинатов; УФНС по Белгородской, Вологодской и Липецкой областям; расчёты автора.							

По нашим оценкам, агрегированные значения которых представлены в *таблице 2*, в 2008–2013 гг. металлургические комбинаты отгружали товарную продукцию на экспорт по ценам на 11–45% ниже мировых, в результате общая сумма расчётной недополученной выручки от продаж составила 117,4 млрд. руб. в год.

Дополнительно исчисленный с этой суммы налог на прибыль мог бы достигать ежегодно 24,7 млрд. руб., в том числе: в федеральный бюджет – 3,7 млрд. руб.; в территориальные бюджеты – 21 млрд. руб.

Как известно, металлургические комбинаты поставляют продукцию на внешние рынки через трейдерские компании, зарегистрированные вне российской юрисдикции [2]. По нашим расчётам, в рамках раскрытой информации о связан-

ных сторонах, за анализируемый период 70–95% металлопродукции было отгружено через трейдеров, однако отсутствие финансовой отчётности этих компаний в свободном доступе не позволяет измерить объёмы дальнейшей реализации продукции российских предприятий и полученной выручки.

Вместе с тем на сайте ОАО «Северсталь» раскрыты данные о годовом обороте швейцарской трейдерской компании «Severstal Export GmbH», через которую в 2010, 2011 и 2013 гг. было реализовано две трети металлопроката Череповецкого металлургического комбината (*табл. 3*).

По расчётным данным, трейдер отгружал продукцию по ценам, которые на 30% превышали цены продаж ЧерМК. В результате в среднем ежегодно 14,5 млрд. руб.

Таблица 2. Недополученная выручка от экспортных продаж металлургических комбинатов за 2008–2013 гг., млрд. руб. в год

Показатели	ЧерМК	ММК	НЛМК	ЧМК	ОЭМК	ЗСМК	НТМК	Итого
Средняя цена комбината, долл./т	620	510	723	560	648	421	439	х
Средняя мировая цена, долл./т	786	766	812	766	750	766	766	х
Разница в ценах, %	-21,1	-33,4	-11,0	-26,9	-13,6	-45,1	-42,7	х
Недополученная выручка	14712	29006	12792	7431	6713	29142	17640	117436
<i>Дополнительный налог на прибыль</i>	<i>3062</i>	<i>6143</i>	<i>2624</i>	<i>1637</i>	<i>1343</i>	<i>6139</i>	<i>3747</i>	<i>24695</i>
- в федеральный бюджет	428	963	329	318	135	931	598	3702
- в региональный бюджет	2634	5180	2295	1319	1208	5208	3149	20993

Источники: данные годовых и финансовых отчётов меткомбинатов; расчёты автора.

Таблица 3. Объёмы продаж компании «Severstal Export GmbH» в 2010–2011 и 2013 гг.

Показатели	2010	2011	2013	В среднем
Годовой оборот в объёмном выражении, млн. т	2,4	3,84	2,52	8,8
В % от общего объёма экспорта ЧерМК	50,0	90,4	69,6	68,7
Годовой оборот в стоимостном выражении, млрд. руб.	68,9	75,3	47,5	63,9
Цена продаж, долл./т*	942	609	576	709
Продажи ЧерМК компании «Severstal Export GmbH», млрд. руб.	55,1	57,5	34,7	49,1
Цена продаж, долл./т*	753	465	421	546
Разница между объёмами выручки «Severstal Export GmbH» и выручки ЧерМК от продаж «Severstal Export GmbH», млрд. руб.	13,8	17,8	12,8	14,5

* Цена рассчитана исходя из объёмов продаж и выручки «Severstal Export GmbH».
Источники: данные официального сайта ОАО «Северсталь» (раздел «Бизнес»); финансовой отчётности ОАО «Северсталь»; Вологдастата; расчёты автора.

выручки, полученной от перепродаж металлопроката ЧерМК, предположительно оставалось у компании «Severstal Export GmbH». Эта сумма совпадает с суммой рассчитанной нами среднегодовой выручки, не поступившей на комбинат в 2010, 2011 и 2013 гг.

Отсюда есть основания предполагать, что и у других комбинатов основная часть выручки, недополученной от экспортных продаж по ценам ниже мирового рынка, оставалась в офшорах и была выведена из-под налогообложения.

Таким образом, ценовая политика предприятий чёрной металлургии на внешних рынках не стимулировала увеличение конъюнктурных доходов и, соответственно, налоговых платежей.

Коммерческие и управленческие расходы. Динамика коммерческих и управленческих затрат, напрямую влияющих на формирование базы налогообложения,

в 2008–2013 гг. имела явно выраженную тенденцию роста (табл. 4).

Особенно заметный рост указанных расходов наблюдался в 2011–2013 гг. Характерно и то, что увеличивались не только абсолютные, но и относительные объёмы указанных издержек, определяемые их отношением к выручке от продаж. Лидерами по наращиванию затрат являлись Западно-Сибирский, Череповецкий и Новоліпецкий металлургические комбинаты. Лишь на Челябинском комбинате объём расходов сохранялся стабильным.

К примеру, только в одном 2013 году коммерческие и управленческие траты «съели» всю валовую прибыль НЛМК и ЗСМК, 91% прибыли ЧМК и более чем по 60% прибыли ЧерМК, ММК и ОЭМК (табл. 5). Излишне напоминать о том, что валовая прибыль имеет важнейшее значение для формирования прибыли от продаж и конечных финансовых результатов.

Таблица 4. Коммерческие и управленческие расходы металлургических комбинатов в 2008–2013 гг.

Комбинат	2008		2009, млрд. руб.	2010, млрд. руб.	2011, млрд. руб.	2012, млрд. руб.	2013, млрд. руб.	В среднем за 2009–2013		2013 к 2008, %
	Млрд. руб.	К выручке, %						Млрд. руб.	К выручке, %	
ЗСМК	5,2	4,4	3,8	5,1	11,9	15,7	15,8	10,5	9,3	303,8
ЧерМК	12,3	5,1	13,4	17,7	22,2	25,7	23,6	20,5	9,8	191,9
НЛМК	14,6	7,2	16,8	20,3	22,7	26,2	26,4	22,5	11,3	180,8
ММК	11,2	5,0	9,6	11,4	12,5	16,9	19,5	14,0	6,6	174,1
НТМК	6,1	5,3	4,4	4,7	7,8	10,0	10,2	7,4	7,8	167,2
ОЭМК	3,5	5,7	3,1	4,1	5,5	5,7	5,2	4,7	8,1	148,6
ЧМК	4,2	4,9	3,4	4,2	4,3	4,7	4,9	4,3	5,0	116,7

Источники: данные финансовой отчётности меткомбинатов; расчёты автора.

Таблица 5. Валовая прибыль, прибыль от продаж, коммерческие и управленческие расходы металлургических комбинатов в 2013 г., млрд. руб.

Показатели	ЧерМК	ММК	НЛМК	ЧМК	ОЭМК	ЗСМК	НТМК
Валовая прибыль	38,7	31,6	25,8	5,4	7,8	14,7	31,5
Коммерческие и управленческие расходы	23,6	19,5	26,4	4,9	5,2	15,8	10,2
К валовой прибыли, %	61,1	61,9	102,5	91,2	67,1	107,4	32,4
Прибыль (убыток) от продаж	15,1	12,0	(0,6)	0,5	2,6	(1,1)	21,3

Источники: данные финансовых отчётов меткомбинатов; расчёты автора.

Весомая часть управленческих затрат направлялась на выплату вознаграждений высшим органам управления корпораций – членам советов директоров, правлений, управляющим организациям. На фоне снижения налоговых поступлений доходы топ-менеджеров неуклонно росли (табл. 6).

Вместе с тем обращает на себя внимание номинальный размер вознаграждений. Если за 2009–2013 гг. на Череповецком и Оскольском комбинатах он со-

ставлял в среднем 6–8 млн. руб. в месяц, то на Магнитогорском и Новолипецком – значительно меньше – 2,5 млн. руб. и 1,1 млн. руб. соответственно.

Среднемесячное вознаграждение высшего звена органов управления ОЭМК и ЧерМК в сотни раз превышало среднемесячную заработную плату остального персонала.

Отсутствие регулирования доли коммерческих и управленческих расходов относительно выручки имело своим след-

Таблица 6. Среднегодовое вознаграждение органов управления металлургических комбинатов* в 2009–2013 гг.

Показатели	2009	2010	2011	2012	2013	В среднем за 2009–2013
ЧерМК (10 членов Совета директоров)						
Среднемесячная заработная плата одного работника комбината, тыс. руб.	29,8	33,7	39,3	46,9	52,7	40,5
Вознаграждение одного работника управления, тыс. руб. в месяц	5250	5011	8904	5417	6680	6252
К среднемесячной заработной плате работников комбината, раз	176	149	227	116	127	154,4
ММК (25 членов Совета директоров и Правления)						
Среднемесячная заработная плата одного работника комбината, тыс. руб.	27,9	34,5	39,6	43,4	45,6	38,2
Вознаграждение одного работника управления, тыс. руб. в месяц	2171	1463	3942	2237	2787	2520
К среднемесячной заработной плате работников комбината, раз	78	42	100	52	61	66,0
НЛМК (19 членов Совета директоров и Правления)						
Среднемесячная заработная плата одного работника комбината, тыс. руб.	26,7	32,1	35,4	39,0	43,1	35,3
Вознаграждение одного работника управления, тыс. руб. в месяц	1069	1431	1096	861	1288	1149
К среднемесячной заработной плате работников комбината, раз	40	45	31	22	30	32,5
ОЭМК (8 членов Управляющей компании)						
Среднемесячная заработная плата одного работника комбината, тыс. руб.	24,9	28,3	31,6	35,0	36,3	31,2
Вознаграждение одного работника управления, тыс. руб. в месяц	3393	4341	8776	11800	11800	8022
К среднемесячной заработной плате работников комбината, раз	136	153	278	337	325	257,0
* Данные по ЧМК, ЗСМК и НТМК не приводятся, так как отсутствует информация о количестве работников органов управления (управляющей компании). Источники: годовые и ежеквартальные отчёты меткомбинатов; расчёты автора.						

ствием снижение прибыли для целей налогообложения (табл. 7).

По нашим расчётам, при условии сохранения удельного веса на уровне 2008 г. коммерческие и управленческие расходы, учтённые в целях налогообложения прибыли в 2009–2013 гг., могли бы уменьшаться ежегодно на 1,4–10 млрд. руб., что позволило бы увеличить совокупные поступления налога на прибыль на 6,2 млрд. руб.

Процентные платежи. Следующим элементом затрат, уменьшающих прибыль до налогообложения, являются процентные расходы. На предприятиях чёрной металлургии они прогрессирующе росли (табл. 8).

Ключевым фактором роста процентных расходов стало существенное увеличение задолженности по кредитам и займам. На конец 2013 г. долги НТМК на 21% превзошли выручку от продаж. Высоким уровнем долговой нагрузки, составившей соответственно 97 и 80%, отличались ОЭМК и ЧерМК. Из всех предприятий только ЧМК удалось снизить долговую задолженность.

В 2009–2013 гг. растущие процентные платежи за обслуживание кредитов ежегодно уменьшали налогооблагаемую прибыль ЧерМК на 10 млрд. руб. На других

предприятиях влияние расходов по уплате процентов на прибыль было менее значимым (2–4 млрд. руб.).

В результате резкого роста абсолютных объёмов процентных платежей их удельный вес в выручке от реализации продукции увеличился в два-четыре раза (табл. 9).

По нашим расчётам, при условии сохранения удельного веса на уровне 2008 г. процентные расходы, учтённые в целях налогообложения прибыли в 2009–2013 гг., могли быть уменьшены на ЧерМК на 6 млрд. руб. в год, на других комбинатах – на 1–3 млрд. руб.

В этом случае дополнительные отчисления налога на прибыль от всех металлургических комбинатов могли бы составить 3,5 млрд. руб. ежегодно.

Исследование показало, что наряду с уменьшением базы налогообложения закономерным следствием высокой долговой нагрузки предприятий стала низкая рентабельность собственного капитала из-за отсутствия устойчивой прибыли, затрудняющая возможность сокращения долгов.

Эту закономерность наглядно подтверждают данные таблицы 10, показывающие высокую рентабельность до кризиса и её резкое падение после него. В то же время из приведенных данных видно, что восста-

Таблица 7. Влияние повышения удельного веса коммерческих и управленческих расходов в выручке металлургических комбинатов* на формирование налога на прибыль

Показатели	ЧерМК	ММК	НЛМК	ОЭМК	ЗСМК	НТМК
Расходы в 2008 г. к выручке, %	5,1	5,0	7,2	5,7	4,4	5,3
Расходы в 2009–2013 гг., млн. руб. в год	20543	14012	22508	4737	10470	7485
К выручке, %	9,8	6,6	11,3	8,1	9,3	7,8
Расходы в 2009–2013 гг. при условии сохранения удельного веса расходов на уровне 2008 г., млн. руб.	10650	10541	14332	3300	4944	5056
Разница, млн. руб.	9893	3471	8176	1437	5526	2429
Налог на прибыль, который мог бы поступить в 2009–2013 гг. при условии сохранения удельного веса расходов на уровне 2008 г., млн. руб. в год	1979	694	1635	287	1105	486
* Данные по ЧМК не приводятся ввиду повышения удельного значения расходов на 0,1%						

Таблица 8. Задолженность по кредитам и процентные расходы металлургических комбинатов в 2008–2013 гг., млрд. руб.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2013 к 2008, %
ЧерМК							
Задолженность	127,2	141,1	147,8	158,5	194,1	168,1	132,2
В % к выручке	52,2	98,3	70,5	62,3	86,8	78,9	+26,7 п.п.
Проценты к уплате	4,7	8,8	10,8	10,3	10,9	9,2	196,3
ММК							
Задолженность	24,2	39,3	72,9	107,7	90,7	80,0	331,4
В % к выручке	10,7	28,6	36,1	43,6	37,3	35,6	+25,2 п.п.
Проценты к уплате	1,1	1,6	2,3	3,5	4,4	3,9	351,3
НЛМК							
Задолженность	63,5	62,0	78,6	105,9	106,0	112,8	177,6
В % к выручке	31,4	48,2	43,7	47,9	44,1	50,0	+18,6 п.п.
Проценты к уплате	2,0	2,1	3,2	3,7	6,3	6,4	312,8
ЧМК							
Задолженность	51,8	55,0	44,6	45,7	38,0	43,5	84,0
В % к выручке	60,1	91,4	47,0	46,1	40,5	53,1	-7 п.п.
Проценты к уплате	2,3	4,0	4,2	3,2	3,2	3,1	137,4
ОЭМК							
Задолженность	43,8	49,3	42,4	61,9	63,7	56,2	128,3
В % к выручке	71,1	125,1	74,3	87,6	98,9	97,1	+26 п.п.
Проценты к уплате	1,8	3,2	3,4	2,7	3,0	3,1	175,1
ЗСМК							
Задолженность	15,8	18,3	33,4	22,9	25,1	32,1	203,2
В % к выручке	13,3	26,9	32,5	17,3	19,2	25,2	+11,9 п.п.
Проценты к уплате	0,7	1,5	2,5	2,0	1,5	2,2	327,0
НТМК							
Задолженность	23,7	25,6	30,4	36,3	140,7	131,6	5,6 р.
В % к выручке	20,7	41,5	36,2	33,2	124,6	120,6	+99,9 п.п.
Проценты к уплате	1,0	1,9	2,2	1,8	2,6	10,3	10,3 р.
Источники: данные бухгалтерских балансов; отчётов о прибылях и убытках; отчётов о движении денежных средств меткомбинатов; расчёты автора.							

Таблица 9. Влияние повышения удельного веса процентных расходов в выручке металлургических комбинатов на формирование налога на прибыль

Показатели	ЧерМК	ММК	НЛМК	ЧМК	ОЭМК	ЗСМК	НТМК
Расходы в 2008 г. к выручке, %	1,9	0,5	1,0	2,6	2,9	0,5	0,9
Расходы в 2009–2013 гг., млн. руб. в год	9992	3127	4322	3526	3093	1938	3782
К выручке, %	4,8	1,5	2,2	4,1	5,3	1,7	4,0
Расходы в 2009–2013 гг. при условии сохранения удельного веса расходов на уровне 2008 г., млн. руб.	3968	1054	1991	2234	1679	562	859
Разница, млн. руб.	6024	2073	2331	1292	1414	1376	2923
Налог на прибыль, который мог бы поступить в 2009–2013 гг. при условии сохранения удельного веса расходов на уровне 2008 г., млн. руб. в год	1205	415	466	258	283	275	585

Таблица 10. Рентабельность капитала металлургических комбинатов в 2008–2013 гг., %

Комбинат	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2013 к 2008, п.п.
ЧерМК	13,8	0,4	-14,8	-0,8	7,8	4,2	-9,6
ММК	30,8	15,8	12,6	-0,9	4,1	-39,7	х
НЛМК	30,7	9,3	11,4	11,4	6,6	-4,2	х
ЧМК	21,2	-17,9	-2,9	-1,1	-2,6	-208,1	х
ОЭМК	55,6	9,3	33,4	39,4	22,1	9,2	-46,4
ЗСМК	81,2	0,2	8,9	-3,5	22,6	10,7	-70,5
НТМК	56,6	12,1	16,2	9,3	23,5	10,1	-46,5

Источник: рассчитано автором по данным отчётов о прибылях и убытках меткомбинатов.

новления рентабельности не произошло. Напротив, в 2013 г. она имела минимальные значения, а на ММК, НЛМК и ЧМК и вовсе перешла в отрицательную зону.

Падение доходности отягощённых большими объёмами долгов металлургических комбинатов создаёт высокие риски для устойчивого состояния не только бюджетной системы, но и экономики страны, поскольку дефицит прибыли системообразующих предприятий не позволяет решать долгосрочные задачи.

Внереализационная деятельность. Анализ финансовой отчётности предприятий выявил ещё одну проблему, связанную с методологией определения налогооблагаемой прибыли.

Дело в том, что существуют разные подходы к определению прибыли как экономической категории и прибыли для целей налогообложения, поэтому величина прибыли как объекта налогового администрирования отличается от величины прибыли как результата производственной деятельности. Если последняя формируется в основном под влиянием рыночных факторов, то порядок определения налогооблагаемой прибыли носит специфический характер, учитывающий особые подходы к признанию и оценке доходов и расходов [13]. В результате организации обязаны вести наряду с бухгалтерским учётом специ-

альный налоговый учёт, что не вполне оправданно, поскольку, на наш взгляд, именно бухгалтерский учёт наиболее полно отражает финансово-хозяйственные операции, чего нет в налоговом учёте, сама концепция которого исходит из необходимости максимально полного учёта затрат налогоплательщиков [14].

К примеру, внереализационные доходы, полученные в виде дивидендов от участия в уставных капиталах других организаций, включаются в налогообложение по правилам бухгалтерского учёта, но не принимаются во внимание в налоговом учёте.

С 1 января 2008 г. в РФ была введена нулевая ставка налога на прибыль, начисляемая на дивиденды от стратегического участия¹ российской организации в других компаниях. В результате действия нулевой ставки налогообложения дивидендов, полученных металлургическими комбинатами, в 2008–2013 гг. федеральный бюджет ориентировочно недополучал в среднем ежегодно более 8 млрд. руб. платежей по налогу на прибыль (табл. 11).

Кроме того, весомая часть прочих издержек предприятий приходилась на затраты, целесообразность включения которых в состав внереализационных рас-

¹ Стратегическим признаётся участие, если оно отвечает требованиям, установленным Налоговым кодексом РФ: акции находятся в собственности более 365 календарных дней, а доля в уставном капитале превышает 50%.

ходов до налогообложения подлежит, как мы считаем, пересмотру. Это расходы на формирование резервов под обесценение финансовых вложений и по сомнительным долгам. За 2008–2013 гг. указанные расходы уменьшали прибыль предприятий в среднем на 46 млрд. руб. в год.

В целом за этот период расчётный недополученный налог на прибыль в результате нулевой ставки налогообложения доходов от участия в других организациях и включения в состав внереализационных расходов оценочных резервов составил 17,4 млрд. руб. в год, в том числе: в федеральный бюджет – 9,1 млрд. руб., в региональные бюджеты – 8,3 млрд. руб.

Исчисление налога на прибыль в соответствии с методикой налогового учёта

нередко приводит к снижению размера платежей, исчисленных в бухгалтерском учёте. Например, если обратиться к отчётности предприятий чёрной металлургии за 2012 г., то можно увидеть, что на всех комбинатах, за исключением ОЭМК, текущий налог на прибыль, определяемый по правилам налогового учёта, оказался значительно ниже условного налога на прибыль, исчисленного по стандартной ставке 20% (табл. 12).

Таким образом, отсутствие согласованности прибыли как объекта налогового администрирования с экономическим содержанием прибыли как объективной категории указывает на несовершенство налогового законодательства, усложняет механизм формирования базы налого-

Таблица 11. Дивиденды, полученные от участия в других организациях, и прочие расходы металлургических комбинатов* за 2008–2013 гг., млн. руб. в год

Показатели	ЧерМК	ММК	НЛМК	ЧМК	ЗСМК	НТМК	Итого
Полученные дивиденды	4510	560	19118	333	7054	7666	39728
Налог на прибыль	904	119	4021	67	1470	1612	8193
Прочие расходы**	21746	13955	7280	2204	427	250	45963
Налог на прибыль	4349	2791	1456	441	85	50	9172
Итого налог на прибыль	5253	2910	5477	508	1555	1662	17365
- в федеральный бюджет	1399	398	4167	111	1478	1617	9110
- в региональный бюджет	3914	2512	1310	397	77	45	8255

* Данные по ОЭМК не приводятся ввиду незначительных объемов полученных дивидендов (81 млн. руб.) и прочих расходов (51 млн. руб.).
 ** Сальдо оценочных резервов по финансовым вложениям и сомнительным долгам.
 Источники: финансовая отчётность меткомбинатов; расчёты автора.

Таблица 12. Сумма снижения налога на прибыль, исчисленного металлургическими комбинатами* по налоговому учёту в 2012 г., млн. руб.

Показатели	ЧерМК	ММК	НЛМК	ОЭМК	ЗСМК	НТМК
Прибыль до налогообложения	16341	11399	24223	6059	9320	28066
Текущий налог на прибыль	2280	1958	2730	1487	250	2939
Условный налог на прибыль (20%)	3268	2280	4845	1212	1864	5613
Разница						
млн. руб.	-988	-322	-2115	275	-1614	-2674
%	-30,2	-14,1	-43,7	+22,7	-86,6	-47,6

* Данные по ЧМК не приводятся, поскольку предприятие имело прибыль до налогообложения только в 2008 г.
 Источники: отчёты о прибылях и убытках меткомбинатов; расчёты автора.

обложения, что нередко влечёт её занижение и последующие возвраты из бюджета налога на прибыль, искажающие его фискальную функцию.

Консолидация налогообложения. Одним из способов налоговой оптимизации стал пролоббированный крупным бизнесом институт консолидированных групп налогоплательщиков (КГН), допускающий взаимозачёт прибылей и убытков организаций, входящих в группу [3].

Череповецкий и Новолипецкий металлургические комбинаты являются ответственными участниками КГН ОАО «Северсталь» и КГН ОАО «НЛМК».

С консолидацией налогообложения Правительство РФ связывало надежды по «созданию эффективной и стабильной налоговой системы, обеспечивающей бюджетную устойчивость» [4].

Как оправдались эти надежды, можно судить, например, по изменению динамики

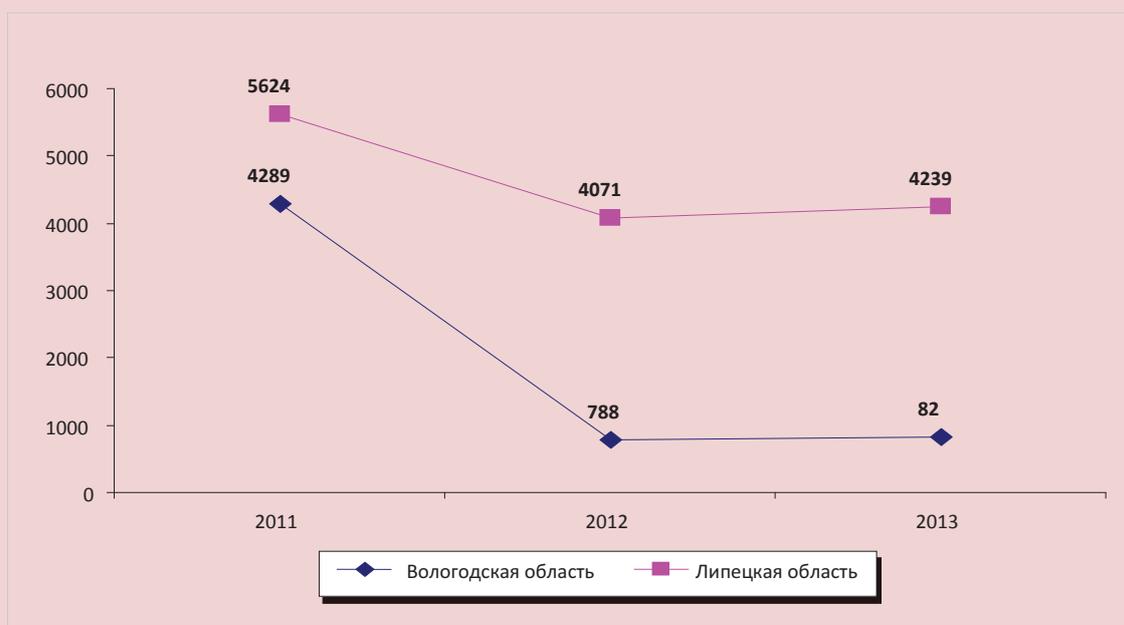
налога на прибыль, поступившего от металлургического производства в бюджеты Вологодской и Липецкой областей (рис. 3).

После создания КГН в 2012–2013 гг. в Вологодской области сборы налога от предприятий чёрной металлургии сократились на 3,5 млрд. руб. и не достигли даже 20% от уровня 2011 г. В Липецкой области падение платежей было не столь резким, но всё равно существенным – 26%.

В целом по данным Счётной палаты РФ, за счет консолидации убытков внутри КГН региональные бюджеты недосчитались в 2012 году 8-ми, а в 2013 году – 16,4 млрд. руб. налога на прибыль.

Поскольку из 22 участников КГН «Северсталь» только 6 являются открытыми акционерными обществами, раскрывающими финансовую отчётность, а в КГН ОАО «НЛМК» таковых пять из десяти, оценить влияние большинства консолидированных компаний на изменение

Рисунок 3. Поступления налога на прибыль от металлургического производства в бюджеты субъектов РФ в 2011–2013 гг., млн. руб.



Источник: данные ФНС.

поступлений налога на прибыль мы не сможем. Вместе с тем имеющиеся в свободном доступе финансовые отчёты ведущих предприятий дают возможность проследить общую тенденцию финансовых результатов и налоговых отчислений (табл. 13).

Как видно, в 2012–2013 гг. ключевые участники КГН ОАО «Северсталь» имели весомые объёмы прибыли до налогообложения. По отчётным данным, исчисленный к уплате налог на прибыль составлял в 2012 г. 5,6 млрд. руб., а в 2013 г. – 2,6 млрд. руб. Однако, судя по данным отчётности ФНС, фактически в 2012 г. было внесено в бюджет 1,7 млрд. руб., или на 4 млрд. руб. меньше, чем исчислено. Аналогично и в 2013 г. уплаченный налог оказался меньше исчисленного на 1,2 млрд. руб.

За 2012 год всеми основными участниками КГН ОАО «НЛМК» была получена прибыль до налогообложения, исчисленный налог с которой составил 8,3 млрд. рублей, а фактически внесённый в бюджет – 4,7 млрд. руб., то есть почти в два раза меньше. По итогам 2013 г. ответственный участник группы – НЛМК – получил убыток, поэтому отчисления в бюджет производились преимущественно из прибыли Стойленского ГОКа.

Указанные факты дают основание предполагать, что в результате взаимозачёта прибылей и убытков, допускаемого режимом консолидации, прибыль до налогообложения вышеуказанных предприятий была сальдирована убытками других участников группы, не раскрывающих финансовую отчётность.

Негативная динамика сборов налога на прибыль после введения КГН свидетельствует о том, что действующая налоговая политика, прежде всего в отношении крупнейших налогоплательщиков, не способствует росту бюджетных доходов, а, напротив, открывает дополнительные возможности для «оптимизации» налогообложения.

Распределительная политика. Анализируя факторы снижения фискальной функции ведущих металлургических комбинатов, нельзя не затронуть и вопросы распределительных отношений, поскольку они напрямую обусловлены уровнем доходности.

Дивидендная политика предприятий была весьма разнонаправленной. Если на ЧерМК и ОЭМК почти вся остающаяся после налогообложения прибыль использовалась на выплату дивидендов акционерам, то на ММК и НЛМК на эти цели

Таблица 13. Налог на прибыль, исчисленный в отчётности акционерных обществ, входящих в КГН ОАО «Северсталь» и КГН ОАО «НЛМК», млн. руб.

КГН ОАО «Северсталь»					КГН ОАО «НЛМК»				
ОАО	Прибыль до налогообложения		Текущий налог на прибыль		ОАО	Прибыль до налогообложения		Текущий налог на прибыль	
	2012	2013	2012	2013		2012	2013	2012	2013
ЧерМК	16341	9170	2280	0,5	НЛМК	24223	0	2730	0
Воркутауголь	2500	3132	303	172	Алтай-Кокс	4430	1939	875	394
Карельский окатыш	10366	11498	2408	2234	Стойленский ГОК	24447	28301	4651	5480
Олкон	3378	1445	576	157					
Итого	33729	22113	5566	2564	Итого	53100	17927	8256	5875
Фактически уплаченный налог на прибыль			1691	1407	Фактически уплаченный налог на прибыль			4699	5351

Источники: данные отчётов о прибылях и убытках предприятий; ФНС.

расходовалось 22–24% чистой прибыли, причём на ММК, в отличие от ЧерМК, при получении убытка дивидендные выплаты не производились.

В связи с ухудшением финансового состояния в течение 2008–2013 гг. дивиденды акционерам ЧМК не выплачива-

лись, а на ЗСМК и НТМК выплаты производились лишь в 2008 г., хотя объём полученной НТМК чистой прибыли был в 1,4 раза выше, чем на ЧерМК (табл. 14).

Важно подчеркнуть перекося в распределительной политике руководства ЧерМК и ОЭМК в большей степени в

Таблица 14. Расходы металлургических комбинатов на выплату дивидендов в 2008–2013 гг., млн. руб.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2008–2013
ЧерМК							
Чистая прибыль, (убыток)	38579	1356	(39628)	(1909)	14638	8055	62628
Дивиденды	30957	0	6762	15307	9622	6953	62648
К чистой прибыли, %	80,2	0	убыток		65,7	86,3	100,0
Налог на прибыль ЧерМК*	18138	594	5148	5104	1576	1339	31899
ММК							
Чистая прибыль, (убыток)	10064	27406	24377	(1692)	7925	(54924)	69772
Дивиденды	4269	4135	3688	0	3129	0	15221
К чистой прибыли, %	42,4	15,1	15,1	0	39,5	0	21,8
Налог на прибыль ММК*	10512	508	1606	3133	853	405	17017
НЛМК							
Чистая прибыль, (убыток)	71676	23998	32384	34667	21318	(12829)	184043
Дивиденды	11986	1319	10908	11986	3716	4015	43930
К чистой прибыли, %	16,7	5,5	33,7	34,6	17,4	49,3	23,9
Налог на прибыль НЛМК*	17964	1322	5329	7077	4699	5351	41742
ОЭМК							
Чистая прибыль, (убыток)	17355	1929	7086	8137	4675	1997	39182
Дивиденды	15446	0	1900	7086	8137	3750	36319
К чистой прибыли, %	89,0	0	98,5	100,0	100,0	80,2	92,7
Налог на прибыль ОЭМК*	7433	0	514	2594	2940	916	14397
ЗСМК							
Чистая прибыль, (убыток)	27907	82	3351	(1044)	8743	4639	44722
Дивиденды	15400	0	0	0	0	0	15400
К чистой прибыли, %	55,2	0	0	0	0	0	34,4
Налог на прибыль ЗСМК*	7502	246	1142	186	26	0	9102
НТМК							
Чистая прибыль, (убыток)	29184	7109	11390	7204	23799	11393	90079
Дивиденды	16650	0	0	0	0	0	16650
К чистой прибыли, %	57,1	0	0	0	0	0	18,5
Налог на прибыль НТМК*	7644	1930	2409	310	2939	2193	17425
* Налог на прибыль, уплаченный в федеральный и региональный бюджет. Источники: данные финансовой отчётности меткомбинатов; расчёты автора.							

сторону потребления, чем в сторону выполнения обязательств перед бюджетом: дивидендные выплаты в два раза превышали отчисления в бюджет налога на прибыль, в то время как на других комбинатах этот разрыв был заметно меньше.

Несмотря на снижение прибыльности, отечественные предприятия чёрной металлургии концентрируют значительные финансовые потоки, что свидетельствует о наличии существенного инвестиционного ресурса для реализации программ развития. Сальдированный финансовый результат отрасли в два-три раза превышает объём инвестиций в развитие металлургического производства [1].

В течение 2008–2013 гг. металлургические комбинаты имели многомиллиардные собственные средства в виде нераспределённой прибыли и денежных средств (табл. 15).

Однако всего 4–19% из этих средств использовалось на капиталовложения. При этом финансовые инвестиции в виде вкладов в уставные капиталы других организаций и предоставленных займов на Череповецком, Оскольском и Нижнетагильском металлургических комбинатах многократно превышали не

только инвестиции в основной капитал, но и собственные средства. Неслучайно эти предприятия имели самую высокую долговую нагрузку, поскольку источниками финансовых инвестиций служили как собственные ресурсы, так и кредиты коммерческих организаций.

Необходимо отметить, что только Челябинский металлургический комбинат направлял 80% собственных средств на финансирование капиталовложений.

По данным финансовых отчётов комбинатов, за 2008–2013 гг. общий объём средств, израсходованных на приобретение других компаний и выдачу долгосрочных займов, составил 1,5 трлн. руб., или 243 млрд. руб. ежегодно (табл. 16).

К примеру, только с Череповецкого и Новоліпецкого металлургических комбинатов выводилось ежегодно соответственно 55,4 и 37,6 млрд. руб. – суммы, сопоставимые с годовыми доходами консолидированных бюджетов Вологодской и Липецкой областей².

На то, что финансовые потоки изымались из хозяйственного оборота предприятий чёрной металлургии, указывает и отрицательное значение чистых денежных средств от инвестиционной деятельности.

Таблица 15. Собственные средства и инвестиции металлургических комбинатов в 2008–2013 гг., млрд. руб.

Показатели	ЧерМК	ММК	НЛМК	ЧМК	ОЭМК	ЗСМК	НТМК
Собственные средства*	147,6	141,9	290,7	11,2	21,8	32,3	81,5
Износ основных средств, %**	46,1	42,4	37,9	44,0	51,1	45,1	46,7
Инвестиции в основной капитал*	11,1	27,2	22,5	8,8	2,7	5,8	3,3
В % к собственным средствам	7,5	19,2	7,7	78,6	12,4	18,1	4,1
Финансовые инвестиции*	284,4	66,2	174,6	8,6	32,8	24,2	99,6
К инвестициям в основной капитал, раз	25,6	2,4	7,8	0,98	12,1	4,2	30,2
* Среднегодовой объём. ** На конец 2013 г. Источники: данные бухгалтерских балансов и финансовой отчётности меткомбинатов; расчёты автора.							

² По данным Федерального казначейства, в 2008–2013 гг. среднегодовой объём доходов консолидированных бюджетов составлял: в Вологодской области – 49 млрд. руб.; в Липецкой области – 41 млрд. руб.

Таблица 16. Расходы металлургических комбинатов на вложения в уставные капиталы других организаций и предоставление займов в 2008–2013 гг., млрд. руб.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	Всего за 2008–2013	В среднем за 2008–2013
ЧерМК								
Вклады в уставные капиталы и выданные займы	121,0	62,7	80,5	51,1	13,5	3,6	332,4	55,4
Чистые денежные средства от инвестиций	-87,0	-32,0	-21,5	-27,2	24,2	21,6	-121,9	-20,3
ММК								
Вклады в уставные капиталы и выданные займы	72,3	38,3	9,1	21,1	2,3	12,5	155,6	25,9
Чистые денежные средства от инвестиций	-13,0	-45,9	-42,2	-32,2	-14,2	-16,4	-163,9	-32,8
НЛМК								
Вклады в уставные капиталы и выданные займы	33,7	49,7	31,6	44,8	37,0	29,0	225,8	37,6
Чистые денежные средства от инвестиций	-71,9	-45,8	-42,4	-44,0	-7,0	-0,06	-211,2	-35,2
ЧМК								
Вклады в уставные капиталы и выданные займы	34,1	22,1	1,0	0,02	0,007	3,1	60,3	10,1
Чистые денежные средства от инвестиций	-8,7	-10,0	17,3	9,2	-4,3	-5,1	-1,6	-0,3
ОЭМК								
Вклады в уставные капиталы и выданные займы	113,1	17,5	27,4	27,7	28,9	50,9	265,5	44,3
Чистые денежные средства от инвестиций	-5,6	-4,3	1,0	-11,6	-7,3	6,6	-21,2	-3,5
ЗСМК								
Вклады в уставные капиталы и выданные займы	36,6	5,8	42,8	30,8	0,03	0	116,0	19,3
Чистые денежные средства от инвестиций	-16,4	-1,5	-26,3	6,8	1,4	1,3	-34,7	-5,8
НТМК								
Вклады в уставные капиталы и выданные займы	23,1	14,0	40,3	12,8	193,6	18,2	302,0	50,3
Чистые денежные средства от инвестиций	-7,2	-12,0	-20,2	-4,2	-117,3	0,3	-160,6	-26,8
Итого вклады и займы	433,9	210,1	232,7	188,3	275,3	117,3	1457,6	242,9
Источники: данные финансовой отчетности меткомбинатов; расчёты автора.								

Все эти предприятия имели задолженность перед бюджетом по уплате налогов, причём за анализируемый период она увеличилась в два-три раза (табл. 17). Только Западно-Сибирскому комбинату удалось сократить долговые обязательства.

Погашение задолженности, имевшейся на конец 2013 г., позволило бы увеличить поступления платежей в бюджет на 7 млрд. руб.

На фоне наращивания долгов перед бюджетом руководство металлургических комбинатов в соответствии с действующим

Таблица 17. Задолженность металлургических комбинатов перед бюджетом и налоги, предъявленные к возврату из бюджета в 2008–2013 гг., млн. руб.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	В среднем за 2008–2013
ЧерМК							
Задолженность, млн. руб.*	488	1075	620	1375	1515	1678	х
К объёму уплаченных налогов, %	1,8	19,1	6,3	12,4	17,9	19,7	х
Налоги к возврату**	10892	5769	7352	7861	5904	3378	6859
К объёму уплаченных налогов, %	51,8	81,6	77,4	108,2	97,9	94,5	75,5
ММК							
Задолженность, млн. руб.*	762	835	870	1013	1229	1018	х
К объёму уплаченных налогов, %	4,4	16,4	8,5	6,3	15,1	11,9	х
Налоги к возврату**	11664	7469	7620	12443	8808	5957	8994
К объёму уплаченных налогов, %	81,0	147,0	74,4	77,8	108,3	69,7	82,5
НЛМК							
Задолженность, млн. руб.*	590	765	880	938	1454	1707	х
К объёму уплаченных налогов, %	2,5	10,8	7,5	6,4	11,1	11,8	х
Налоги к возврату**	10805	8167	12186	17386	15111	15728	13231
К объёму уплаченных налогов, %	46,2	115,7	104,3	118,1	115,2	108,9	94,0
ЧМК							
Задолженность, млн. руб.*	310	327	981	1175	755	871	х
К объёму уплаченных налогов, %	5,4	12,5	31,6	37,0	24,5	23,9	х
Налоги к возврату**	3538	777	815	1075	674	667	1258
К объёму уплаченных налогов, %	62,0	29,8	26,2	33,8	21,9	18,3	35,4
ОЭМК							
Задолженность, млн. руб.*	213	232	597	385	323	292	х
К объёму уплаченных налогов, %	2,6	11,3	15,8	5,7	5,7	9,7	х
Налоги к возврату**	4218	3870	3321	3806	3058	3284	3593
К объёму уплаченных налогов, %	51,2	187,8	87,9	55,8	53,9	108,8	72,9
ЗСМК							
Задолженность, млн. руб.*	722	455	273	533	507	546	х
К объёму уплаченных налогов, %	5,8	20,7	7,4	13,8	10,6	9,5	х
Налоги к возврату**	1496	6105	5927	4585	6479	6352	5157
К объёму уплаченных налогов, %	12,1	277,2	47,1	26,4	28,9	30,1	35,2
НТМК							
Задолженность, млн. руб.*	393	290	373	1213	921	818	х
К объёму уплаченных налогов, %	3,6	8,9	8,0	30,8	13,9	11,7	х
Налоги к возврату**	1091	2703	1278	2547	1681	1820	1853
К объёму уплаченных налогов, %	10,0	82,6	27,3	64,6	25,4	26,0	30,5
* Задолженность в федеральный, территориальный бюджет и государственные внебюджетные фонды.							
** Налог на прибыль и налог на добавленную стоимость (НДС).							
Источники: данные бухгалтерских балансов и финансовой отчётности меткомбинатов; консолидированной финансовой отчётности ОАО «Северсталь», «ММК» и «НЛМК»; расчёты автора.							

Таблица 18. Состояние владельцев металлургических корпораций в 2008–2013 гг.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2013 к 2008, раз
ЧерМК (ОАО «Северсталь» – 79,17%)*							
Состояние владельца, млрд. руб.	149,6	287,4	522,1	451,3	399,8	378,9	+2,5
Налоговая нагрузка ЧерМК, %	11,1	2,8	4,4	4,4	3,8	4,0	-2,8
ММК (ОАО «ММК» – 82,27%)*							
Состояние владельца, млрд. руб.	87,0	284,5	316,1	165,2	131,2	101,0	+1,2
Налоговая нагрузка ММК, %	7,7	3,7	4,3	6,5	3,0	3,6	-2,1
НЛМК (ОАО «НЛМК» – 85,54%)*							
Состояние владельца, млрд. руб.	181,0	458,7	677,3	469,0	440,4	599,0	+3,3
Налоговая нагрузка НЛМК, %	11,6	5,5	6,7	5,5	6,4	6,2	-1,9
ЧМК (ОАО «Мечел» – 67,42%)*							
Состояние владельца, млрд. руб.	34,8	158,8	251,2	91,4	56,2	14,7	-2,4
Налоговая нагрузка ЧМК, %	6,6	4,3	3,3	3,2	3,3	4,5	-1,5
ОЭМК («Металлоинвест» – 48%)*							
Состояние владельца, млрд. руб.	55,7	209,1	499,5	533,9	550,0	671	+12,0
Налоговая нагрузка ОЭМК, %	13,4	5,2	6,6	9,6	8,8	5,2	-2,6
ЗСМК и НТМК («Евраз» – 31%)*							
Состояние владельца, млрд. руб.	295,8	325,2	378,2	356,9	318,6	328	+1,3
Налоговая нагрузка ЗСМК, %	10,4	3,2	3,6	2,9	3,7	4,5	-2,3
Налоговая нагрузка НТМК, %	9,5	5,3	5,6	3,6	5,9	6,4	-1,5
* Название корпорации, активом которой является комбинат, и доля контрольного пакета акций основного собственника корпорации. Источники: данные журнала «Forbes»; финансовой отчётности меткомбинатов; расчёты автора.							

шим налоговым законодательством предъявляло к возврату из бюджета НДС, уплаченный при экспорте продукции, и налог на прибыль.

За 2008–2013 гг. среднегодовая сумма компенсированных из бюджета платежей составила 41 млрд. рублей³, в том числе налога на прибыль – 5,3 млрд. руб., НДС – 35,6 млрд. руб. При этом ММК и НЛМК было возмещено 83–94% общего объёма внесённых платежей, ЧерМК и ОЭМК – более 70%.

³ Оговоримся, что эта сумма ориентировочная, поскольку отчётность ни одного предприятия не содержит точных сведений о структуре уплаченных налогов и возвратах из бюджета, поэтому данные по ЧерМК и ММК приведены из международной консолидированной отчётности ОАО «Северсталь» и ОАО «ММК» (стальной сегмент), по НЛМК, ОЭМК и ЗСМК – из отчётности ФНС, по НТМК – из расшифровки к финансовому отчёту формы № 4.

Действующие нормы налогового законодательства не позволяют увязывать реальный размер вклада ведущих предприятий металлургических корпораций в бюджет с объёмами доходов, получаемых собственниками этих корпораций.

За указанный период состояние владельцев корпораций в среднем выросло в 1,2–3,3 раза (состояние владельца «Металлоинвеста» – в 12 раз), а налоговая нагрузка металлургических комбинатов уменьшилась в 1,5–2,8 раза (табл. 18).

В результате глубокого падения отчислений налога на прибыль крупнейших металлургических комбинатов доля отрасли чёрной металлургии в мобилизации этого важнейшего источника бюджетных доходов сократилась почти в четыре раза: с 4,9% в 2006–2008 гг. до 1,3% в 2011–2013 гг. (рис. 4).

Однако самым болезненным следствием столь значительного недопоступления налога на прибыль стало замедление темпов роста налоговых доходов и увеличение долговой нагрузки бюджетов тех регионов, где расположены бюджетобразующие комбинаты чёрной металлургии (табл. 19).

В 2013 г. только в Свердловской области сборы налога на прибыль превзошли уровень 2008 г. на 4% за счёт более диверсифицированной структуры экономики. В остальных регионах они оказались ниже на 26–56%, а в Вологодской области – на 73%.

В целом налоговые доходы по итогам года немного увеличились только в Челябинской и Липецкой областях. Долговая нагрузка во всех субъектах росла быстрыми темпами.

Общий вывод исследования состоит в том, что деятельность ключевых активов металлургических корпораций мало согласуется с интересами регионов присутствия и становится сдерживающим фактором регионального развития.

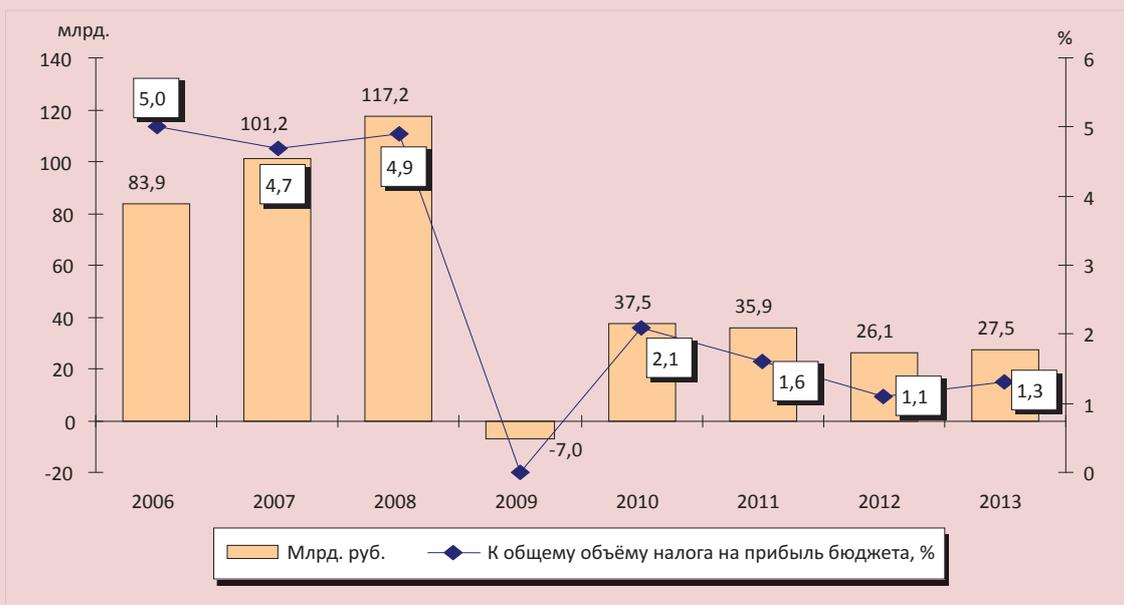
Территориальные ресурсы, некогда ставшие основой бизнеса корпораций, всё в больших масштабах консолидируются и перенаправляются за пределы регионов, в том числе в офшорные юрисдикции.

При этом действующее налоговое законодательство не ограничивает, а, наоборот, создаёт условия для уменьшения вклада крупнейших налогоплательщиков в наполняемость бюджета, позволяя им манипулировать ценами, допускать неконтролируемое наращивание управленческих издержек и корпоративных долгов.

По нашим оценкам, в результате использования различных способов минимизации налогообложения ориентировочная сумма расчётных налоговых платежей, недополученных бюджетом от семи ведущих российских металлургических комбинатов, составила 114 млрд. руб. в год (табл. 20).

Из этой суммы федеральный бюджет недосчитался 53,2 млрд. руб. ежегодных поступлений налога на прибыль и налога

Рисунок 4. Налог на прибыль, поступивший в бюджет РФ от отрасли чёрной металлургии в 2006–2013 гг.



Источники: данные ФНС; расчёты автора.

Таблица 19. Налоговые доходы и долговая нагрузка региональных бюджетов субъектов РФ в 2008–2013 гг., млрд. руб.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2013 к 2008, %
Вологодская область							
Налог на прибыль, млрд. руб.	21,8	4,8	10,8	12,0	10,9	6,0	27,3
Налоговые доходы, млрд. руб.	33,6	18,2	25,6	28,0	29,9	28,3	84,3
Темп роста, %	130,2	54,3	140,5	109,3	106,7	94,8	-35,4 п.п.
Долговая нагрузка, %*	5,1	54,5	71,6	89,6	92,2	105,3	+100,2 п.п.
Липецкая область							
Налог на прибыль, млрд. руб.	16,6	5,1	9,5	11,1	9,7	9,2	55,6
Налоговые доходы, млрд. руб.	23,1	15,0	19,2	21,9	23,4	24,5	106,1
Темп роста, %	125,3	65,0	127,8	113,8	107,2	104,7	-20,6 п.п.
Долговая нагрузка, %*	16,5	25,8	24,6	31,2	39,5	49,7	+33,2 п.п.
Челябинская область							
Налог на прибыль, млрд. руб.	30,4	4,9	19,1	20,8	19,6	17,5	57,5
Налоговые доходы, млрд. руб.	60,0	33,0	53,9	60,4	66,9	68,4	114,1
Темп роста, %	113,1	55,0	163,6	112,1	110,8	102,2	-10,9 п.п.
Долговая нагрузка, %*	0,4	8,6	16,9	14,8	21,7	30,8	+30,4 п.п.
Белгородская область							
Налог на прибыль, млрд. руб.	18,7	6,0	13,8	25,6	19,2	13,6	74,4
Налоговые доходы, млрд. руб.	30,2	18,2	27,8	41,9	37,2	31,8	105,2
Темп роста, %	130,9	60,3	152,6	150,8	88,9	85,4	-45,5 п.п.
Долговая нагрузка, %*	31,8	71,9	48,4	42,6	84,2	110,3	+78,5 п.п.
Кемеровская область							
Налог на прибыль, млрд. руб.	34,7	9,4	22,4	35,9	24,6	15,1	43,6
Налоговые доходы, млрд. руб.	66,4	39,6	56,3	74,4	64,8	57,8	87,0
Темп роста, %	148,7	59,6	142,3	132,2	87,1	89,1	-59,6 п.п.
Долговая нагрузка, %*	16,3	37,4	30,4	26,7	38,4	63,4	+47,1 п.п.
Свердловская область							
Налог на прибыль, млрд. руб.	44,6	20,2	36,8	47,3	55,6	46,4	103,9
Налоговые доходы, млрд. руб.	94,4	66,4	89,0	107,4	123,2	121,3	128,5
Темп роста, %	116,0	70,4	134,0	120,6	114,8	98,4	-17,6 п.п.
Долговая нагрузка, %*	2,2	11,3	10,2	16,7	15,3	25,2	+23 п.п.
* Отношение объёма государственного долга к налоговым и неналоговым доходам регионального бюджета. Источники: данные Министерства финансов РФ; ФНС; Федерального казначейства; расчёты автора.							

на добавленную стоимость, а региональные бюджеты – 60,5 млрд. руб. налога на прибыль, в том числе бюджеты:

- Вологодской области – 18,3 млрд. руб.;
- Липецкой области – 16,2 млрд. руб.;
- Челябинской области – 12,5 млрд. руб.;
- Кемеровской области – 6,6 млрд. руб.;

- Свердловской области – 5,1 млрд. руб.;
- Белгородской области – 1,8 млрд. руб.

Всё вышесказанное свидетельствует об усилении противоречий во взаимоотношениях крупных предприятий и регионов, на территории которых осуществляется их хозяйственная деятельность.

Таблица 20. Налоги, недопоступившие в бюджет от крупнейших комбинатов чёрной металлургии РФ в 2008–2013 гг., млрд. руб. в год

Показатели	Консолидированный бюджет РФ	Федеральный бюджет	Бюджеты субъектов РФ
Налог на прибыль, всего	78,1	17,6	60,5
В том числе			
Недополученная выручка от экспортных продаж	24,7	3,7	21,0
Нерегулируемый рост коммерческих, управленческих и процентных расходов	9,7	1,0	8,7
Налогообложение дивидендов по ставке 0%	8,2	8,2	
Создание оценочных резервов и списание безнадежных долгов	9,2	0,9	8,3
Возврат из бюджета	5,3	0,8	4,5
Сальдирование прибылей и убытков КГН*	21,0	3,0	18,0
Возмещение экспортного НДС	35,6	35,6	
Всего	113,7	53,2	60,5

* Рассчитано исходя из среднего объема налога на прибыль, поступившего в 2010–2012 гг. (до вступления в КГН) от следующих участников КГН: ОАО «ЧерМК»; «Воркутауголь»; «Карельский окатыш»; «Олкон»; «НЛМК»; «Стойленский ГОК»; «Алтай-Кокс».

Вместе с тем следует отметить и то, что в действующей организационно-правовой плоскости региональные власти практически не имеют рычагов влияния на распределение финансовых ресурсов, создаваемых на бюджетобразующих предприятиях.

Достаточно вспомнить, что все анализируемые комбинаты чёрной металлургии администрируются межрегиональными инспекциями, находящимися в Москве, поэтому налоговые управления ФНС на местах не имеют прямого доступа к налоговой отчетности и не владеют достоверной информацией о деятельности находящихся на их территории крупнейших налогоплательщиков.

Представляется, что для повышения фискальной функции крупного бизнеса федеральный центр должен принять ряд мер, включающих:

- расширение прав налоговых органов, прежде всего территориальных, в сфере контроля за денежными потоками системообразующих предприятий и получения всей необходимой информации об их деятельности;

- введение дифференцированной шкалы возвратов НДС для экспортёров, отгружающих продукцию с малой добавленной стоимостью, и поэтапной отмены полной компенсации НДС для сырьевых экспортёров [12];
- введение налогообложения недополученной экспортной выручки, остающейся в офшорных трейдерных структурах;
- обложение налогом доходов в виде дивидендов, получаемых стратегическими налогоплательщиками от контролируемых компаний;
- исключение практики учёта во вне-реализационных расходах оценочных резервов и безнадежных долгов;
- введение моратория на создание новых консолидированных групп налогоплательщиков и отмену (или установление ограничений на размер сальдируемых убытков) действующих КГН;
- установление повышенной ставки налогообложения (например, 20–25%) с сумм вознаграждений, выплачиваемых топ-менеджерам крупных компаний;
- расширение перечня информации, подлежащей раскрытию публичными юри-

дическими лицами, касающейся прежде всего деятельности головных предприятий и их взаимоотношений с бюджетом⁴.

Достижение разумного баланса частных и общественных интересов позволит существенно расширить ресурсные возможности государства по формированию

условий для опережающего экономического роста. На наш взгляд, назрела острая необходимость создания комиссии из представителей заинтересованных органов для проработки вопроса по налоγοобложению стратегических налогоплательщиков.

Литература

1. Буданов, И.А. Экономические условия перспективного развития металлургии в России / И.А. Буданов // Проблемы прогнозирования. — 2011. — № 5. — С. 48-64.
2. Ильин, В.А. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие / В.А. Ильин, А.И. Поварова, М.Ф. Сычев. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. — 102 с.
3. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса РФ в связи с созданием консолидированной группы налогоплательщиков: Федеральный закон от 16.11.2011 г. № 321-ФЗ.
4. О результатах и основных направлениях деятельности на 2013–2015 годы: Доклад Министерства экономического развития РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://economy.gov.ru/mines/about/rukdocmin/doc20130429_05
5. Официальный сайт ОАО «Северсталь». — Режим доступа: <http://www.severstal.ru/>
6. Официальный сайт ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат». — Режим доступа: <http://www.mmk.ru/>
7. Официальный сайт ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат». — Режим доступа: <http://www.lipetsk.nlmk.ru/>
8. Официальный сайт ОАО «Челябинский металлургический комбинат». — Режим доступа: <http://www.mechel.ru/sector/steel/cmkn>
9. Официальный сайт ОАО «Оскольский электрометаллургический комбинат». — Режим доступа: <http://www.metalloinvest.com/our-business/>
10. Официальный сайт ОАО «Западно-Сибирский металлургический комбинат». — Режим доступа: <http://www.zsmk.ru/emitent.jsp>
11. Официальный сайт ОАО «Нижнетагильский металлургический комбинат». — Режим доступа: <http://www.ntmk.ru/ru/>
12. Поварова, А.И. Неэффективное администрирование НДС как угроза экономической безопасности России / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2013. — № 2. — С. 126-140.
13. Поварова, А.И. Снижение фискальной функции налога на прибыль: факторы и пути повышения / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — № 3. — С. 180-195.
14. Учёт расчётов по налогу на прибыль организаций: Положение по бухгалтерскому учёту 18/02, утверждённое приказом Министерства финансов РФ от 19.11.2002 г. № 114н.

⁴ На наш взгляд, для повышения прозрачности деятельности необходимо обязать публичные компании раскрывать следующую информацию: об экспортных продажах и ценах реализации головных предприятий; о фактически внесённых налогах по их структуре и уровням бюджета; о результатах финансовой деятельности каждого участника КГН и сумме уплаченного им налога на прибыль; о фактических возвратах из бюджета НДС и налога на прибыль.

Povarova A.I.

Relationship between metallurgical works and the budget: debt increases, taxes decline

Anna Ivanovna Povarova – Senior Research Associate, Head of the Sector for Research into the Issues of Public Finance, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, aip150663@yandex.ru)

Abstract. Large enterprises of ferrous metallurgy consolidate a significant share of cash flows and are important taxpayers for the budget.

In 2008–2013 two-thirds of the aggregate profit tax from the ferrous metallurgical industry were provided by seven largest plants: Novolipetsk Steel (NLMK); Cherepovets Steel Mill (CherMK); Nizhniy Tagil Iron and Steel Works (NTMK); Magnitogorsk Iron and Steel Works (MMK); Oskol Electrometallurgical Plant (OEMK); West-Siberian Metallurgical Plant (ZSMK) and Chelyabinsk Metallurgical Plant (ChMK). All these plants are the key assets of the largest multinational corporations; therefore, the analysis of their statements makes it possible to assess the financial condition not only of individual corporations, but also of the whole ferrous metallurgy.

The article presents the results of the analysis of the financial statements of the leading domestic enterprises of ferrous metallurgy for 2008–2013. Particular emphasis is placed on their relations with the budget in the field of profit tax administration. The author investigates the factors in the formation of profit before tax and reveals the destructive impact of the existing tax legislation on the mobilization of budget revenues. The article draws a conclusion about the role of large enterprises in the economic development of the country and its regions. The author proposes several options to change the tax policy in relation to large taxpayers.

Key words: iron and steel works, profit, budget, profit tax.

References

1. Budanov I.A. Ekonomicheskie usloviya perspektivnogo razvitiya metallurgii v Rossii [Economic Conditions for the Development of Metallurgy in Russia]. *Problemy prognozirovaniya* [Issues of Forecasting], 2011, no. 5, pp. 48–64.
2. Ilyin V.A., Povarova A.I., Sychev M.F. *Vliyaniye interesov sobstvennikov metallurgicheskikh korporatsii na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye* [The Influence of Metallurgical Corporations Owners' Interests on the Socio-Economic Development]. Vologda: ISERT RAN, 2012. 102 p.
3. *O vnesenii izmenenii v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa RF v svyazi s sozdaniem konsolidirovannoi gruppy nalogoplatel'shchikov: Federal'nyi zakon ot 16.11.2011 g. № 321-FZ* [On Introduction of Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation in Connection with the Creation of the Consolidated Group of Taxpayers: the Federal Law of November 16, 2011, No. 321-FZ].
4. *O rezul'tatakh i osnovnykh napravleniyakh deyatel'nosti na 2013–2015 gody: Doklad Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya RF* [About the Results and Main Directions of Activity for 2013–2015: Report of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: http://economy.gov.ru/minec/about/rukdocmin/doc20130429_05
5. *Ofitsial'nyi sait OAO "Severstal"* [Official Website of OAO Severstal]. Available at: <http://www.severstal.ru/>
6. *Ofitsial'nyi sait OAO "Magnitogorskii metallurgicheskii kombinat"* [Official Website of OJSC Magnitogorsk Iron and Steel Works]. Available at: <http://www.mmk.ru/>
7. *Ofitsial'nyi sait OAO "Novolipetskii metallurgicheskii kombinat"* [Official Website of OJSC Novolipetsk Steel]. Available at: <http://www.lipetsk.nlmk.ru/>

8. *Ofitsial'nyi sait OAO "Chelyabinskii metallurgicheskii kombinat"* [Official Website of OJSC Chelyabinsk Metallurgical Plant]. Available at: <http://www.mechel.ru/sector/steel/cmк>
9. *Ofitsial'nyi sait OAO "Oskol'skii elektrometallurgicheskii kombinat"* [Official Website of OJSC Oskol Electrometallurgical Plant]. Available at: <http://www.metalloinvest.com/our-business/>
10. *Ofitsial'nyi sait OAO "Zapadno-Sibirskii metallurgicheskii kombinat"* [Official Website of OJSC West Siberian Iron and Steel Works]. Available at: <http://www.zsmk.ru/emitent.jsp>
11. *Ofitsial'nyi sait OAO "Nizhnetagil'skii metallurgicheskii kombinat"* [Official Website of OJSC Nizhniy Tagil Iron and Steel Works]. Available at: <http://www.ntmk.ru/ru/>
12. Povarova A.I. Neeffektivnoe administrirovanie NDS kak ugroza ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii [Inefficient VAT Administration as a Threat to Russia's Economic Security]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 2, pp. 126-140.
13. Povarova A.I. Snizhenie fiskal'noi funktsii naloga na pribyl': faktory i puti povysheniya [Reduction of the Fiscal Function of Corporate Tax: the Factors and Ways of Increase]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 3, pp. 180-195.
14. *Uchet raschetov po nalogu na pribyl' organizatsii: Polozhenie po bukhgalterskomu uchetu 18/02, utverzhdennoe prikazom Ministerstva finansov RF ot 19.11.2002 g. № 114n* [The Account of Calculations of Corporate Tax: the Regulations on Accounting 18/02, Approved by the Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation of November 19, 2002, No. 114n].

Финансовая нестабильность региона: методы оценки и инструменты элиминирования



**Павел Андреевич
ИВАНОВ**

кандидат экономических наук, научный сотрудник сектора региональных финансов и бюджетно-налоговой политики, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук (450054, г. Уфа, Проспект Октября, д. 71, sjufa84@rambler.ru)



**Гульнара Рауфовна
САХАПОВА**

младший научный сотрудник сектора региональных финансов и бюджетно-налоговой политики, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук (450054, г. Уфа, Проспект Октября, д. 71, Sahapovag@mail.ru)

Аннотация. Финансовая нестабильность является одним из важнейших факторов, влияющих на уровень и устойчивость социально-экономического развития территорий различного уровня. Однако в настоящее время данное понятие применительно к купированию и прогнозированию угроз финансово-экономического кризиса на современном этапе методологически разработано в недостаточной мере. Особенно остро данная проблема проявляется на уровне регионов. В целях её решения в статье предлагается методика оценки рисков финансовой нестабильности, позволяющая в разрезе основных институциональных секторов экономики (государство, бизнес, домохозяйства) определить наиболее подверженные волатильности индикаторы состояния и развития региональных финансов, а также с помощью методологии VaR осуществить прогноз вероятных максимальных изменений индикаторов в будущем. Расчеты по предложенной методике на примере Республики Башкортостан показали, что региональные финансы наиболее подвержены бюджетному риску. В качестве одного из инструментов элиминирования бюджетного риска представлены предложения по повышению эффективности использования

межбюджетных трансфертов, позволяющие повысить степень финансовой самостоятельности регионов и выступить действенным стимулом их инновационного развития.

Ключевые слова: финансовая нестабильность; регион; индикаторы; межбюджетные трансферты; региональные финансы.

Финансово-экономический кризис, развивающийся на всех уровнях управления, обуславливает выделение в числе наиболее актуальных и первостепенных задач выявление и изучение причин (факторов) нынешней финансовой нестабильности, выработку методологии и инструментария элиминирования рисков и прогнозирования возможных проявлений негативных тенденций в будущем.

Подходы к оценке финансовой нестабильности

В настоящее время в России решению проблемы разработки моделей оценки и прогнозирования финансовой нестабильности посвящено относительно небольшое количество публикаций, которые в основном или описывают динамику макроэкономических индикаторов и обобщают международный опыт по разработке системы индикаторов — предвестников кризисных явлений, или предпринимают попытки по построению собственной системы опережающих индексов (сводного опережающего индекса), но с упором на реальный сектор экономики и с недостаточным вниманием к финансовой составляющей.

Тем не менее, на данный момент, по нашему мнению, среди работ, посвященных разработке инструментария прогнозирования финансовой нестабильности в России, следует выделить две. Они принадлежат Институту экономической политики (Институт Гайдара) [16] и Центру макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования [11], разработавшим систему индикаторов — предвестников финансовой нестабиль-

ности и систему раннего оповещения о финансовых кризисах соответственно. Их сравнительная характеристика представлена в *таблице 1*.

Приведенные модели оценки финансовой нестабильности, как и множество других, несмотря на использование в них различных подходов, имеют объективный недостаток на современном этапе экономического развития: существующий финансово-экономический кризис носит системный характер, вследствие чего прогностическая сила имеющихся моделей, строящихся по ретроспективным данным, носит ограниченный характер. Это признают и сами авторы некоторых работ (в частности [11]).

Группировка исследований по выявлению факторов финансовой нестабильности позволяет выделить следующие группы [16]:

1. Качественный анализ. В его основе лежит выполненное в графическом виде сравнение динамики основополагающих экономических показателей в предкризисный период и в период нормального состояния.

2. Эконометрическое моделирование. Сущность данного подхода заключается в построении регрессионных моделей, оцениваемых с помощью *logit*- и *probit*-анализа, показывающих вероятность возникновения финансовой нестабильности от того или иного финансово-экономического показателя в прогнозируемом периоде.

3. Непараметрические оценки. Данный подход предполагает выявление уязвимости финансовой системы от нестабильности, выраженной в количественном виде. Работа в рамках обозначенного подхода

Таблица 1. Сравнительный анализ моделей оценки финансовой нестабильности*

Сравниваемый параметр	Система индикаторов – предвестников финансовой нестабильности	Система раннего оповещения о финансовых кризисах
Группировка существующих методологий исследования	Качественный анализ Эконометрическое моделирование (оценка вероятности наступления кризиса) Непараметрические оценки («сигнальный» подход)	Методология построения опережающих индикаторов кризиса Методы макроэкономического стресс-тестирования Макроэкономическая модель (оценка последствий реализации среднесрочных сценариев)
Сравниваемые модели	В целом на основе «сигнального» подхода и в меньшей степени с помощью статистических и эконометрических методов	Включает элементы всех трех рассмотренных подходов («сигнальный», эконометрический, стресс-тестирование)
Преимущества	Оценка прогностической силы каждого индикатора индивидуальна, что позволяет проранжировать переменные	Использование комплексного подхода обеспечивает значительное повышение коррелируемости оценочных данных с фактическими
Недостатки	Вероятность кризиса определяется по бинарной функции, что не позволяет определить степень отклонения индикатора от порогового значения Субъективность определения порогового значения	Ограниченная прогностическая сила, т.е. возможность модели по предсказанию новых по своей природе кризисов существенно ниже, чем по предсказанию событий, аналогичных ранее происходившим
* Составлено по: Улюкаев А.В., Трунин П.В. Применение сигнального подхода к разработке индикаторов-предвестников финансовой нестабильности в РФ // Проблемы прогнозирования. – 2008. – № 5. – С. 100-109; Опыт разработки системы раннего оповещения о финансовых кризисах и прогноз развития банковского сектора России на 2012 г. / О.Г. Солнцев, А.А. Пестова, М.Е. Мамонов, З.М. Магомедова // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 12. – С. 41-76.		

строится по двум основным направлениям: установление на основе различных критериальных параметров пороговых значений индикативных показателей возможных кризисных явлений финансового характера, а также разработка интегральных (сводных) индексов финансовой стабильности.

Из анализа преимуществ и недостатков каждой из групп можно сделать вывод, что наиболее адекватной для оценки финансовой нестабильности является третья группа, использующая «сигнальный» подход.

В работе [11], выполненной сотрудниками московского Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), рассмотрен опыт разработки системы раннего оповещения о финансовых кризисах. Авторы выделяют 3 стадии (фазы), различающиеся по ключевым источникам ресурсов и интенсивности расширения реального объема кредита экономике:

1) адаптационную, где наблюдается сокращение кредитования реального сектора

экономики и увеличение резервирования банковскими учреждениями для смягчения последствий роста кредитных, валютных, операционных и других видов риска;

2) сберегательную стадию, на которой ключевым ресурсом являются вклады населения; увеличение сбережений поддерживает на высоком уровне значения процентных ставок, возросших в адаптационную фазу, и снижение уровня потребительских расходов; в то же время повышается спрос на кредитные ресурсы банковского сектора со стороны предприятий, населения и государства;

3) фаза интенсивного импорта капитала, когда в экономике начинается проводиться агрессивная долговая политика, что способствует повышению уязвимости финансового сектора и экономики к внешним шокам.

В работе [11] описаны также недостатки модели опережающих индикаторов – предвестников финансовой нестабильности, предложенной в статье [16], заключающиеся, во-первых, в отсутствии четких

количественных критериев отнесения того или иного события к понятию финансовой нестабильности и, во-вторых, в наличии у модели не очень высокой прогностической силы для кризисного периода конца 2008 г.

Таким образом, в настоящее время при формировании системы индикаторов в зависимости от поставленных целей и задач возможно использование трех основных подходов [3, с. 56]:

- на основе показателей макроэкономической статистики (валовой внутренний продукт, национальный доход, инвестиции в основной капитал и др.), отражающих социально-экономические аспекты развития общества;

- на основе построения относительных показателей (удельные веса, баллы, коэффициенты, рейтинги, индексы и др.), применяемых при проведении анализа экономической деятельности многими экономистами и учеными;

- путем формирования системы «показателей тревоги» («сигнальный» подход), основная задача которых заключается в своевременном предупреждении исполнительных структур о превышении текущих значений того или иного индикатора системы своих предельных параметров, что служит «сигналом» различным структурам международного, государственного и регионального уровней о принятии соответствующих управленческих решений.

На региональном уровне к работам, исследующим проблему финансовой стабильности в рамках оценки экономической безопасности региона, следует отнести методики А.И. Татаркина и группы авторов [14] и С.Н. Яшина, Е.Н. Пузова [19]. В отличие от методики С.Н. Яшина, которая основывается на первом подходе (макроэкономические индикаторы), методика А.И. Татаркина содержит элементы всех трех подходов, рассмотренных ранее, что дает определенные преимущества [3, с. 62-63]:

- более высокий уровень иерархичности и детализированности структуры показателей социально-экономического развития региона;

- формирование предельных параметров индикаторов экономической безопасности региона, превышение которых служит сигналом о начале кризиса;

- применение балльного инструментария в качестве оценки состояния экономической безопасности;

- построение классификации состояний экономической безопасности по стадияльным зонам (нормальное, предкризис 1, 2, 3, кризис 1, 2, 3);

- наличие интервальных значений балльных оценок территориальной экономической безопасности в зависимости от степени кризисности ситуации;

- обобщение и представление комплексной оценки уровня региональной экономической безопасности.

Методика оценки рисков

При оценке рисков в зависимости от выбранного метода используются различные показатели, в числе которых следует выделить:

- стандартное отклонение;

- коэффициент вариации;

- показатель *VaR* и др.

Одним из наиболее эффективных методов оценки рисков финансовой нестабильности является методология *Value-at-Risk* (*VaR*). Формула расчета *VaR* изменяется в зависимости от выбранного метода (точнее, от выбранного способа оценки вероятностного распределения). Сначала, как правило, рассчитывается логарифм роста показателя по формуле (1):

$$D_i = \ln\left(\frac{x_i}{x_{i-1}}\right), \quad (1)$$

где D_i – логарифм роста показателя в i -ом периоде; x_i – значение случайной величины в i -ом периоде; x_{i-1} – значение случайной величины в предыдущем периоде к i -ому периоду.

Затем определяется значение VaR на t периодов вперед по формуле (2):

$$VaR_i(\alpha, t) = x_i \times (\bar{D} - k_\alpha \sigma) \times \sqrt{t}, \quad (2)$$

где \bar{D} – среднее значение логарифма роста показателя; k_α – квантиль нормального распределения, соответствующий вероятности α ; σ – стандартное отклонение; t – количество прогнозных периодов.

Часто в качестве показателя измерителя риска используют волатильность, которая определяется по формуле стандартного отклонения (3):

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2}{n - 1}}, \quad (3)$$

где \bar{x} – математическое ожидание; n – количество периодов.

Еще одним показателем измерения риска является коэффициент вариации, который, в отличие от стандартного отклонения, выражается в единицах измерения оцениваемого показателя. Коэффициент вариации – относительный показатель, что позволяет сравнивать коэффициенты вариации различных индикаторов между собой. Коэффициент вариации представляет собой отношение стандартного отклонения к математическому ожиданию (4):

$$K_{var} = \frac{\sigma}{\bar{x}} \quad (4)$$

Таким образом, для оценки рисков финансовой нестабильности требуется комплексный подход, учитывающий самые различные аспекты и параметры изменения индикаторов. Кроме того, необходимо обеспечить сопоставимость оценок рисков по различным индикаторам между собой. С этой целью была разработана авторская методика оценки рисков финансовой нестабильности на примере индикаторов,

характеризующих состояние и развитие региональных финансов Республики Башкортостан. Данная методика опирается на такие показатели, как стандартное отклонение, коэффициент вариации, величина VaR . Алгоритм расчета рисков по методике состоит в следующем:

1. Определение значений индикаторов состояния и развития региональных финансов, предложенных сотрудниками Института социально-экономических исследований УНЦ РАН, в разрезе трёх секторов экономики: общественного, сектора бизнеса и домохозяйств [1, 4, 15] (табл. 2).

Данный набор индикаторов, по нашему мнению, позволяет наиболее комплексно оценить уровень региональных финансов по основным секторам экономической деятельности.

2. Расчет поиндикативно стандартного отклонения по формуле (3).

3. Расчет поиндикативно коэффициента вариации по формуле (4).

4. Вычисление среднего значения коэффициента вариации по каждому сектору (на примере общественного сектора) по формуле средней геометрической (5):

$$K_{var(G)} = \sqrt[n]{K_{var(G_1)} \times K_{var(G_2)} \times \dots \times K_{var(G_n)}}, \quad (5)$$

где $K_{var(G)}$ – коэффициент вариации по общественному сектору; $K_{var(G_n)}$ – коэффициент вариации n -го показателя.

5. Определение сводного коэффициента вариации по формуле (6):

$$K_{var(C)} = \sqrt[3]{K_{var(G)} \times K_{var(B)} \times K_{var(H)}}, \quad (6)$$

где $K_{var(C)}$ – сводный коэффициент вариации по трём секторам; $K_{var(B)}$ – коэффициент вариации по сектору бизнеса; $K_{var(H)}$ – коэффициент вариации по сектору домохозяйств.

6. Расчет значения VaR для индикаторов, изменяющихся по закону нормального распределения (2).

Таблица 2. Индикаторы состояния и развития региональных финансов*

Общественный сектор (G)	Сектор бизнеса (B)	Сектор домохозяйств (H)
Отношение дефицита бюджета региона к ВРП (G_1)	Инвестиции в основной капитал к ВРП (B_1)	Сберегательная активность населения (H_1)
Объем собственных бюджетных средств на одного жителя (G_2)	Отношение кредиторской задолженности предприятий и организаций региона к ВРП (B_2)	Инвестиционная активность населения (H_2)
Доля федеральных трансфертов в бюджете региона (G_3)	Доля просроченной задолженности по кредитам предприятий и организаций региона (B_3)	
Отношение задолженности по налогам к общей сумме налоговых сборов региона (G_4)	Отношение сальдированного финансового результата предприятий и организаций региона к ВРП (B_4)	
Объем государственного долга к ВРП (G_5)		
Уровень монетизации в % к ВРП (G_6)		
Индекс потребительских цен (G_7)		

* Составлено по: Алтуфьева Т.Ю. Особенности управления региональными финансами в условиях посткризисной модернизации // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – В 3-х частях. – Ч. II. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2013. – С. 108-113; Климова Н.И. Теоретико-методические подходы к формированию информационно-модельного комплекса управления региональными финансами // Там же. – С. 129-134; Тютюнникова Т.И. Время как экономический ресурс и анализ его использования в секторе домохозяйств // Там же. – С. 151-155.

Дальнейшая апробация методики оценки рисков на основе предложенных выше индикаторов позволит в секторальном разрезе оценить уровень подверженности региона рискам финансовой нестабильности.

Апробация методики оценки рисков, осуществлявшаяся на примере Республики Башкортостан (РБ) за период 2000–2011 гг., состоит из следующих этапов.

Этап 1. На этом этапе, исходя из вышеприведенного алгоритма, необходимо определить значения индикаторов состояния и развития региональных финансов по трём секторам. Все индикаторы, за исключением одного – объема собственных бюджетных средств на одного жителя, представлены в относительных единицах и характеризуются разнонаправленной динамикой (*табл. 3*).

Этапы 2–4. Результаты расчета стандартного отклонения (3), математического ожидания, коэффициента вариации (4) и значения VaR (2) по каждому индикатору состояния и развития региональных финансов и секторам экономики в целом представлены в *таблице 4*.

Этап 5. Заключается в определении сводного коэффициента вариации. Поскольку в 2008 г. наблюдался провал сберегательной активности (0,3%), представляющей собой отношение объема сбережений домохозяйств к денежным доходам населения, было решено рассчитать сводный коэффициент вариации с учетом и без учета данного показателя за 2008 г. по формуле (7):

$$K_{var(C)} = \sqrt[3]{K_{var(G)} \times K_{var(B)} \times K_{var(H)}} = \\ = \sqrt[3]{0,241 \times 0,308 \times 0,334} = 0,291 \quad (7)$$

$$K_{var(C)(M)} = \sqrt[3]{0,241 \times 0,308 \times 0,244} = 0,263$$

где $K_{var(C)}$ – сводный коэффициент вариации по трём секторам; $K_{var(C)(M)}$ – сводный коэффициент вариации по трём секторам без учета сберегательной активности (H_1) за 2008 г. по сектору H .

При величине коэффициента вариации более 33% совокупность считается неоднородной, при значении менее 33% – однородной. Чем более однородна совокупность

Таблица 3. Индикаторы состояния и развития финансов
в Республике Башкортостан за 2000–2011 гг.*

Индикатор	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
	<i>Общественный сектор (G)</i>											
$G_1, \%$	0,98	-0,51	-0,30	0,89	0,11	1,17	1,71	0,12	1,23	-0,52	-0,33	-0,55
$G_2, \text{т.р.}^{**}$	8,99	5,24	5,22	6,62	5,60	6,32	8,16	8,23	9,22	7,69	7,52	7,99
$G_3, \%$	13,48	28,70	23,15	19,31	19,58	19,31	18,32	16,25	16,08	22,37	20,67	20,80
$G_4, \%$	41,94	42,37	33,83	37,43	30,69	29,93	23,49	16,59	10,8	11,42	8,62	5,87
$G_5, \%$	-	-	-	-	-	-	0,65	0,69	0,51	1,07	1,34	1,21
$G_6, \%$	21,08	23,12	34,01	36,71	36,82	36,62	37,32	40,22	34,86	46,67	52,66	47,09
$G_7, \%$	121,6	117,4	114,7	111,1	114,3	110,9	108,9	112,6	112,4	108,3	109,6	106,4
<i>Сектор бизнеса (B)</i>												
$B_1, \%$	24,46	28,17	25,04	22,55	21,69	22,13	21,33	27,17	27,41	22,86	20,22	19,81
$B_2, \%$	47,72	42,80	41,88	40,00	31,89	30,93	23,26	26,20	21,97	29,41	29,94	31,09
$B_3, \%$	57,7	53	44,1	36,2	29,7	23,1	17,1	9,5	7,8	7,2	5,8	3,7
$B_4, \%$	29,88	23,80	13,10	17,37	12,68	27,75	18,93	15,35	11,11	9,63	17,64	11,54
<i>Сектор домохозяйств (H)</i>												
$H_1, \%$	2,7	3,5	3,9	5,2	4,8	3,9	4,1	4,1	0,3	3,0	4,5	3,1
$H_2, \%$	1,2	2,0	1,0	1,6	1,7	1,4	1,4	1,2	1,4	0,7	0,7	0,9

* Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 990 с.; Объем и структура государственного долга Республики Башкортостан [Электронный ресурс] / Министерство финансов Республики Башкортостан. – Режим доступа: http://minfinrb.bashkortostan.ru/11/dolg2006_2012.htm

** С учетом инфляции.

Таблица 4. Значения стандартного отклонения, коэффициента вариации и VaR по индикаторам
и секторам в целом за 2000–2011 гг.*

Индикатор	Стандартное отклонение (σ)	Математическое ожидание (\bar{x})	Коэффициент вариации ($K_{\text{вар}}$)	Величина VaR на 2012 г.
$G_1, \%$	0,497	0,702	0,708	2,4
$G_2, \text{т.р.}$	1,403	7,234	0,194	4,263
$G_3, \%$	3,907	19,386	0,197	12,574
$G_4, \%$	13,374	24,415	0,548	3,578
$G_5, \%$	0,310	0,912	0,340	0,965
$G_6, \%$	9,097	37,264	0,244	13,650
$G_7, \%$	4,215	112,350	0,038	4,551
Итого по G	-	-	0,241	-
$B_1, \%$	2,851	23,569	0,121	6,045
$B_2, \%$	8,174	33,092	0,247	12,953
$B_3, \%$	19,317	24,575	0,786	2,219
$B_4, \%$	6,642	17,397	0,382	12,940
Итого по B	-	-	0,308	-
H_1	1,272	3,592	0,354	8,073
H_2	0,398	1,267	0,315	0,858
Итого по H	-	-	0,334	-
$H_{1(M)}$	0,738	3,891	0,190	1,839
Итого по H_M^{**}	-	-	0,244	-

* Рассчитано по данным из таблицы 3.

** H_M – значение $K_{\text{вар}}$ по сектору H без учета сберегательной активности (H_1) за 2008 г.

(т.е. менее рассеяна относительно своего среднего значения), тем более надежны и адекватны результаты статистического анализа, построенного по данной совокупности. Значение сводного коэффициента вариации по Республике Башкортостан за 2000–2011 гг. характеризовалось однородной совокупностью и составило 29,1% с учетом сберегательной активности (Н1) за 2008 г. и 26,3% без учета 2008 г., что говорит о надежности статистического анализа расчетных данных.

Наименьшее значение $K_{\text{вар}}$ в среднем по секторам имеет общественный сектор (24,1%), немного выше волатильность сектора бизнеса (30,8%), но в пределах однородности. Сектор домохозяйств без учета 2008 г. по волатильности также однороден (24,4%). Однако с учетом 2008 г. колеблемость характеризуется слабой неоднородностью (33,4%), хотя и находится в пограничном состоянии.

Наибольший вклад в общую волатильность вносят индикаторы общественного сектора (отношение дефицита бюджета региона к ВРП, отношение задолженности по налогам к общей сумме налоговых сборов региона, объем государственного долга к ВРП) и секторов бизнеса (доля просроченной задолженности по кредитам предприятий и организаций региона, отношение сальдированного финансового результата предприятий и организаций региона к ВРП) и домохозяйств (сберегательная активность).

При этом следует отметить, что индикаторы «отношение задолженности по налогам к общей сумме налоговых сборов региона» и «доля просроченной задолженности по кредитам предприятий и организаций региона» имеют устойчивый тренд к снижению на всем протяжении периода и их высокое значение волатильности ($K_{\text{вар}}$) вызвано большим разрывом между текущей положительной

динамикой в настоящем и негативной динамикой в прошлом.

Этап 6. Заключительный шестой этап методики оценки рисков финансовой нестабильности сводится к расчету значения VaR по формуле (2) для индикаторов, изменяющихся по закону нормального распределения.

Сначала необходимо определить, соответствует ли рассматриваемая эмпирическая выборка закону нормального распределения. Для этого нужно применить статистическую функцию ХИ2РАСП из программного пакета *MS Excel*, которая позволяет определить вероятность $P(\chi^2)$ с помощью хи-квадрата (χ^2) Пирсона.

На основе $P(\chi^2)$ определяется степень отклонения фактического (эмпирического) распределения от теоретического.

При $P > 0,5$ считается, что эмпирическое и теоретическое распределения близки, при $P \in [0,2; 0,5]$ совпадение между ними удовлетворительное, в остальных случаях – недостаточное [18, с. 25].

Расчеты в Excel, проведенные по выбранным индикаторам за 2000–2011 гг., показали, что вероятность $P(\chi^2)$ по всем индикаторам колеблется от 0,78 до 0,99 при 11 степенях свободы, что позволяет говорить о соответствии закону нормального распределения.

Следующим шагом является расчет значения VaR по формуле (2). Результаты расчетов приведены в таблице 4. В качестве примера приведем расчеты VaR для индикатора «инвестиции в основной капитал в % к ВРП» (B_t). Сначала по формуле (8) определяется логарифм роста индикатора по годам:

$$D_{2001} = \ln\left(\frac{x_{2001}}{x_{2000}}\right) = \ln\left(\frac{28,17}{24,46}\right) = 0,141 \quad (8)$$

Для остального периода D составит: -0,118; -0,105; -0,039; 0,020; -0,037; 0,242;

0,008; -0,181; -0,123; -0,020. Математическое ожидание составит:

$$\bar{D} = (0,141 - 0,118 - 0,105 - 0,039 + 0,020 - 0,037 + 0,242 + 0,008 - 0,181 - 0,123 - 0,020) / 11 = -0,019$$

Далее определяется волатильность логарифма роста по формуле стандартного отклонения (9):

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2}{n - 1}} = \sqrt{\frac{0,1512}{11 - 1}} = 0,123. \quad (9)$$

Затем находится значение VaR на t периодов вперед (в нашем случае на 1 год) по формуле (10):

$$VaR_i(\alpha, t) = x_i \times (\bar{D} - k_{\alpha} \sigma) \times \sqrt{t} = 0,1981 \times (-0,019 - 2,326 \times 0,123) \times \sqrt{1} = -0,06 \quad (10)$$

Значение k_{α} – квантиля нормального распределения, соответствующего веро-

ятности α , берется из таблицы значений функции Лапласа. Для $\alpha = 99\%$ он составляет 2,326. Таким образом, значение VaR для 2012 г. составляет 6,0%, что означает, что в 2012 г. с вероятностью 99% значение индикатора инвестиций в основной капитал в % к ВРП не отклонится более чем на 6% по сравнению с уровнем 2011 г. (рисунок).

Для проверки правильности расчетов можно воспользоваться другим способом. С помощью статистической функции в Excel НОРМОБР (вероятность; среднее; стандартное отклонение), которая возвращает нормальное распределение, рассчитывается соответствующий ей квантиль.

Введя данные «=НОРМОБР(1%;-0,019; 0,123)», получим $k_{99} = -0,305$. Затем по формуле (11) определяется значение VaR:

$$VaR = x_i - (x_i \times (1 + k_{\alpha}))$$

$$VaR = 0,1981 - (0,1981 \times (1 - 0,305)) = 0,06. \quad (11)$$



Значение VaR в обоих случаях совпадает, что говорит о корректности проведенных расчетов.

В качестве еще одной оценки меры риска можно использовать правило трех сигм, по которому с вероятностью 99,73% случайная величина будет лежать в интервале $\pm 3\sigma$ от математического ожидания, что позволяет определить по каждому индикатору значения самого оптимистичного и пессимистичного сценариев развития. Например, для индикатора инвестиций в основной капитал в % к ВРП (B_1) мера риска по самому пессимистичному сценарию по данным таблицы 4 составит: $R_{B_1} = x - 3 \times \sigma = 23,569 - 3 \times 2,851 = 15,0$; по самому оптимистичному – $R_B = x + 3 \times \sigma = 23,569 + 3 \times 2,851 = 32,1$.

Помимо этого применение правила трех сигм позволяет сузить диапазон прогнозных значений VaR (к примеру, на рис. 1 нижний порог значения VaR 13,8% находится ниже значения 3σ , определенного в 15%, что позволяет поднять нижний порог VaR).

По данным Министерства экономического развития РБ [5], в 2012 г. доля инвестиций в основной капитал в ВРП РБ составила 21,9%, что укладывается в прогнозируемый методом VaR диапазон (19,8±6,0).

Вышеприведенные расчеты показывают, что данная методика позволяет провести оценку рисков финансовой нестабильности региона в секторальном разрезе, определить, какие индикаторы оказывают наибольший вклад в изменение общей волатильности, а значит, и нестабильности финансов региона, спрогнозировать возможные максимальные изменения индикаторов с нормальным распределением в зависимости от уровня доверительного интервала.

Межбюджетные трансферты как инструмент снижения финансовой нестабильности регионов

Анализ индикаторов состояния и развития региональных финансов РБ показал,

что наиболее волатильным показателем является отношение дефицита бюджета региона к ВРП (G_1). Одним из инструментов снижения финансовой нестабильности в виде бюджетного риска на государственном уровне являются межбюджетные трансферты, призванные оказать финансовую помощь регионам и обеспечить выравнивание уровня их социально-экономического развития.

Однако при высокой доле финансовой помощи из вышестоящих бюджетов в доходах территориальных бюджетов снижается степень финансовой самостоятельности регионов. В то же время состояние региона зависит не только от дополнительных поступлений денежных средств, но и от структуры и качества использования этих финансовых вложений. Решение текущих финансовых вызовов предполагает изменение подходов к использованию традиционного инструментария, каким являются межуровневые трансферты.

До настоящего времени основной целью их распределения являлось преодоление пространственной поляризации региональной экономики, устранение вертикального и горизонтального финансового дисбаланса. Однако в последние годы акцент в финансовой поддержке все в большей степени переносится на усиление ее стимулирующей функции.

В этой связи межбюджетные трансферты на региональном уровне должны быть переведены из категории инструментария по реализации политики «затыкания дыр» региональных и местных бюджетов в действенный инструмент создания условий по формированию точек роста региональной экономики. Высокая централизация доходов в федеральном центре и в то же время перегруженность региональных и муниципальных образований расходными обязательствами требуют обновления системы выделения межбюджетных трансфертов из

Таблица 5. Встречные потоки по уровням бюджетной системы в 2011 г., %*

Регион	Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей, в % к общему объему поступлений		Доля безвозмездных поступлений из перечисленных регионами налогов в ФБ, %	Бюджетная обеспеченность, тыс. руб.	Справка: доля безвозмездных поступлений в консолидированном бюджете субъекта РФ, %
	в федеральный бюджет	в консолидированный бюджет субъектов			
Приволжский федеральный округ	47,8	52,2	39,9		
Республика Башкортостан	45,1	54,9	31,7	33,3	20,8
Республика Марий Эл	18,7	81,3	447,9	31,2	45,9
Республика Мордовия	28,3	71,7	340,3	41,0	53,6
Республика Татарстан	56,7	43,3	37,2	50,4	31,2
Удмуртская Республика	64,6	35,4	25,9	34,9	29,6
Чувашская Республика	32,5	67,5	162,1	29,9	39,1
Пермский край	49,1	50,9	15,5	41,2	12,8
Кировская область	22,5	77,5	263,9	36,1	37,7
Нижегородская область	29,0	71,0	59,9	37,9	19,6
Оренбургская область	66,1	33,9	15,1	38,4	20,1
Пензенская область	24,1	75,9	289,0	34,6	39,6
Самарская область	49,1	50,9	15,5	40,9	13,8
Саратовская область	34,0	66,0	80,4	30,2	27,3
Ульяновская область	25,3	74,7	166,4	31,1	31,8

* Составлено по: Социально-экономическое положение федеральных округов. 2011: стат. бюллетень [Электронный ресурс] / Росстат. – М., 2011. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_20/issWWW.exe/Stg/4-kw/p/06-02.htm; Финансы России. 2012: стат. сб./ Росстат. – М., 2012. – С. 54; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – С. 829.

федерального центра, перехода к принципу системного выделения финансовой помощи на основе внедрения более совершенных методик бюджетного регулирования.

Тесная взаимосвязь между налоговым потенциалом региона и межбюджетным трансфертным регулированием требует совершенствования межбюджетных отношений в целях создания подлинной самостоятельности бюджетов региона. В результате анализа (табл. 5), проведенного по регионам ПФО, выявлено, что в пяти из 14 регионов более половины налогов, сборов и обязательных платежей (диапазон 49,1–66,1%) перечисляют в федеральный бюджет.

В то же время возврат финансовых ресурсов из федерального бюджета в шести регионах превышает объем централизованных средств (в 1999 г. – только 3 региона) и колеблется в диапазоне 162,1–447,9%, что свидетельствует о существенной зависимости регионов от поступлений финансовых средств из федерального центра.

Предложения по повышению эффективности использования межуровневых трансфертов

1. *Субвенции* выделяются субъектам Российской Федерации для финансового обеспечения расходных обязательств субъектов с целью осуществления переданных полномочий федеральных органов

государственной власти, в установленном порядке оговоренных нормативными правовыми актами. Частые изменения в потребностях финансирования снижают качество выполнения бюджетных полномочий, делегированных на региональный и муниципальный уровень, а также заинтересованность регионов и муниципальных образований в максимально эффективном выполнении, по сути, чужих полномочий.

Поэтому является целесообразным постановка вопроса о пересмотре сложившейся системы разграничений полномочий посредством передачи их части на региональный уровень, с одновременным увеличением собственных финансовых ресурсов территорий путем закрепления за региональными бюджетами дополнительных отчислений от регулирующих налогов, что приведет к большей финансовой самостоятельности регионов. Для сокращения количества разнообразных субвенций целесообразно перейти к предоставлению консолидированных блочных субвенций. Все эти меры приведут к сокращению количества субвенций в межбюджетных трансфертах.

2. *Блочный трансферт* — это консолидированная субсидия (субвенция) на финансирование конкретной отрасли, используемая по нескольким направлениям, но эта субвенция может применяться и для модернизации отрасли в целом. Так, Минфин в 2014 г. предложил сократить количество субсидий с 90 до 42 и уравнять их с количеством госпрограмм. В своем выступлении министр финансов РФ А.Г. Силуанов озвучил следующие цифры: «...На конец 2012 года было использовано 242 млрд. рублей субсидий и субвенций, из них 165 млрд. рублей — на инвестиционные цели» [2]. В то же время Минфином предложено увеличить стимулирующие трансферты до 11 млрд.

рублей субъектам федерации для развития налогового потенциала.

3. В целях усиления стимулирующей функции трансфертов была предложена смена практики субсидирования бюджетов на систему *грантовой поддержки*. В расчетах выравнивающих грантов при выделении компенсационных сумм в доходную часть регионального бюджета применяются формулы, в которых учитываются особенности экономических и социально-демографических показателей региона (в основе расчетов лежат средневзвешенные и удельные на душу населения показатели). Формализованный подход расчетов позволяет исключить влияние заинтересованных сторон и длинный путь согласований. Альтернативным вариантом является внедрение стимулирующих грантов как дополнительного источника софинансирования недостающих средств региона.

4. Наряду с грантовой формой финансирования в практику внедряется программно-целевое планирование, которое позволяет сосредоточить финансовые средства на решении приоритетных социально-экономических задач и обеспечить рост эффективности бюджетных расходов. Таким образом, расходы бюджета должны быть покрыты за счет средств, сосредоточенных в рамках реализации государственных и долгосрочных целевых программ. Расходные полномочия Федерального бюджета в 2014 году на 90% были сформированы на программной основе.

В планах выполнения основных мероприятий на 2013 год по реализации «Стратегической карты Казначейства России на 2013–2017 годы» [13] в пункте 3.4 предусмотрена «...реализация нового механизма предоставления межбюджетных субсидий, субвенций и иных межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации (местным бюджетам)

там)». Для реализации программ привлекаются трансферты, которые распределяются преимущественно в регионы, имеющие лидирующее положение по таким признакам, как инвестиционно-инновационное преимущество и потенциальные точки роста.

5. Порядок распределения инвестиционных субсидий должен быть идентичен механизму выделения целевых трансфертов. Привлечение внешних инвесторов в софинансирование инвестиционного проекта в регионе позволит сэкономить средства местного бюджета. Перспективным является также субсидирование объектов капитального строительства в рамках среднесрочного бюджетного планирования сроком не менее 3 лет с обязательным покрытием текущих расходов нового объекта за счет собственных средств. Распределение субсидий должно осуществляться с учетом социально-экономического положения кластеров и качества инвестиционных программ развития инфраструктур-

ных объектов, принадлежащих регионам, имеющим потенциальные точки роста. Распределение субсидий внутри кластера осуществляется согласно индивидуальной интегральной оценке и численности населения. Необходимый перечень документов и условия предоставления субсидий оговорены в [7].

Таким образом, трансферты не просто поддерживают бюджетную сбалансированность или выполняют возложенные на регион федеральные полномочия центра через механизм субвенций. Они стимулируют дальнейшее развитие через механизм субсидирования общероссийских и межрегиональных инновационных проектов, что особенно важно в период посткризисного роста, выступая действенным механизмом снижения финансовой нестабильности и комплексной модернизации системы управления финансами на принципах сбалансированности, результативности, эффективности и прозрачности.

Литература

1. Алтуфьева, Т.Ю. Особенности управления региональными финансами в условиях посткризисной модернизации / Т.Ю. Алтуфьева // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – В 3-х частях. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2013. – Ч. II. – С. 108-113.
2. Выступление Министра финансов РФ Антона Силуанова // Сайт Минфина РФ. – Режим доступа: <http://minfin.ru/ru/press/speech/index.php?id4=18936>
3. Доценко, Д.В. Инновационное развитие региона: экономическая безопасность и иностранные инвестиции / Д.В. Доценко, Ю.В. Зайцев, В.К. Крутиков. – М.: Ноосфера, 2011. – 248 с.
4. Климова, Н.И. Теоретико-методические подходы к формированию информационно-модельного комплекса управления региональными финансами / Н.И. Климова // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – В 3-х частях. – Ч. II. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2013. – С. 129-134.
5. Краткие итоги социально-экономического развития Республики Башкортостан за 2012 г. [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития РБ. – Режим доступа: http://minecon.bashkortostan.ru/activity/development/results/2013/06/14/results_359.html
6. 6. Объем и структура государственного долга Республики Башкортостан [Электронный ресурс] / Министерство финансов Республики Башкортостан. – Режим доступа: http://minfinrb.bashkortostan.ru/11/dolg2006_2012.htm
7. О внесении изменений в Правила распределения и предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию мероприятий, предусмотренных программами развития пилотных инновационных территориальных кластеров: постановление Правительства РФ от 15.07.2013 г. № 596.

8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: стат. сб. / Росстат. – М., 2007. – 929 с.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 990 с.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 929 с.
11. Опыт разработки системы раннего оповещения о финансовых кризисах и прогноз развития банковского сектора России на 2012 г. / О.Г. Солнцев, А.А. Пестова, М.Е. Мамонов, З.М. Магомедова // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 12. – С. 41-76.
12. Социально-экономическое положение федеральных округов. 2011: стат. Бюллетень [Электронный ресурс] // Росстат. – М., 2011. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_20/IssWWW.exe/Stg/4-kw/p/06-02.htm
13. Стратегическая карта Казначейства России на 2013–2017 годы // Сайт Федерального казначейства. – Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/strategicheskaya-karta/?accesseble=true>
14. Моделирование устойчивого развития как условие повышения экономической безопасности территории / А.И. Татаркин, Д.С. Львов, А.А. Ку克林, А.Л. Мызин, Л.Л. Богатырев, Б.А. Коробицын, В.И. Яковлев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 276 с.
15. Тютюнникова, Т.И. Время как экономический ресурс и анализ его использования в секторе домохозяйств / Т.И. Тютюнникова // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – В 3-х частях. – Ч. II. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2013. – С. 151-155.
16. Улюкаев, А.В. Применение сигнального подхода к разработке индикаторов-предвестников финансовой нестабильности в РФ / А.В. Улюкаев, П.В. Трунин // Проблемы прогнозирования. – 2008. – № 5. – С. 100-109.
17. Финансы России. 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 462 с.
18. Фролов, А.В. Законы распределения случайных величин в Excel: методические рекомендации / А.В. Фролов. – Бийск: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2010. – 32 с.
19. Яшин, С.Н. Показатели комплексной сравнительной оценки потенциала региона в рамках мониторинга экономической безопасности / С.Н. Яшин, Е.Н. Пузов // Финансы и кредит. – 2006. – № 5. – С. 39-43.

Ivanov P.A., Sakhapova G.R.

Financial instability in the region: assessment methods and elimination tools

Pavel Andreevich Ivanov – Ph.D. in Economics, Research Associate at the Sector of Regional Finance and Fiscal Policy, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Social and Economic Research of Ufa Science Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450054, Russian Federation, cjufa84@rambler.ru)

Gul'nara Raufovna Sakhapova – Junior Research Associate, at the Sector of Regional Finance and Fiscal Policy, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Social and Economic Research of Ufa Science Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450054, Russian Federation, Sahapovag@mail.ru)

Abstract. Financial instability is one of the most important factors in the level and sustainability of socio-economic development of territories. However, at present, from the viewpoint of methodology, this concept is developed insufficiently in relation to the elimination and forecasting of economic and financial crisis threats. This problem is especially acute at the regional level. For its solution the article proposes a methodology for assessing the risks of financial instability; it helps to determine the indicators of the current state and development of regional finances that are most liable to volatility in the context of the main institutional sectors (government, business, households); the methodology also helps to forecast the probable maximum change in the indicators in the future with the use of the VaR methodology.

The calculations carried out according to the proposed methodology on the example of the Republic of Bashkortostan show that regional finances are most vulnerable to fiscal risk. As a tool to eliminate budget risk the authors give several suggestions on improving the efficiency of interbudgetary transfers that make it possible to increase the degree of financial autonomy of the regions and to act as an effective incentive to their innovation development.

Key words: financial instability; region; indicators; interbudgetary transfers; regional finance.

References

1. Altuf'eva T.Yu. Osobennosti upravleniya regional'nymi finansami v usloviyakh postkrizisnoi modernizatsii [Specifics of Management of Regional Finance in the Post-Crisis Modernization]. *Innovatsionnye tekhnologii upravleniya sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem regionov Rossii: Materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Innovation Management Technology for Socio-Economic Development of Russia's Regions: Materials of the Fifth All-Russian Research-to-Practice Conference with International Participation]. In 3 parts. Ufa: ISEI UNTs RAN, 2013. Part 2. Pp. 108-113.
2. Vystuplenie Ministra finansov RF Antona Siluanova [Speech of Anton Siluanov, the Minister of Finance of the Russian Federation]. *Sait Minfina RF* [Website of the Ministry of Finance of the Russian Federation]. Available at: <http://minfin.ru/ru/press/speech/index.php?id4=18936>
3. Dotsenko D.V., Zaitsev Yu.V., Krutikov V.K. *Innovatsionnoe razvitiye regiona: ekonomicheskaya bezopasnost' i inostrannye investitsii* [Innovation Development of the Region: Economic Security and Foreign Investments]. Moscow: Noosfera, 2011. 248 p.
4. Klimova N.I. Teoretiko-metodicheskie podkhody k formirovaniyu informatsionno – model'nogo kompleksa upravleniya regional'nymi finansami [Theoretical and Methodological Approaches to the Formation of the Informational and Model Complex for Regional Finance Management]. *Innovatsionnye tekhnologii upravleniya sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem regionov Rossii: Materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Innovation Management Technology for Socio-Economic Development of Russia's Regions: Materials of the Fifth All-Russian Research-to-Practice Conference with International Participation]. In 3 parts. Ufa: ISEI UNTs RAN, 2013. Part 2. Pp. 129-134.
5. Kratkie itogi sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Bashkortostan za 2012 g. [Brief Results of Socio-Economic Development of the Republic of Bashkortostan in 2012]. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya RB* [Ministry of Economic Development of the Republic of Bashkortostan]. Available at: http://minecon.bashkortostan.ru/activity/development/results/2013/06/14/results_359.html
6. Ob'єм i struktura gosudarstvennogo dolga Respubliki Bashkortostan [Volume and Structure of the Public Debt of the Republic of Bashkortostan]. *Ministerstvo finansov Respubliki Bashkortostan* [Ministry of Finance of the Republic of Bashkortostan]. Available at: http://minfinrb.bashkortostan.ru/11/dolg2006_2012.htm
7. O vnesenii izmenenii v Pravila raspredeleniya i predostavleniya subsidii iz federal'nogo byudzheta byudzheta sub'ektov Rossiiskoi Federatsii na realizatsiyu meropriyatii, predusmotrennykh programmami razvitiya pilotnykh innovatsionnykh territorial'nykh klasterov: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.07.2013 g. № 596 [On Amendments to the Rules of Distribution and Provision of Subsidies from the Federal Budget to the Budgets of the Subjects of the Russian Federation on the Implementation of Measures Set Out in the Programs for Development of Pilot Regional Innovation Clusters: the Resolution of the RF Government of July 15, 2013 No. 596].
8. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2007: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2007: Statistics Collection]. Rosstat. Moscow, 2007. 929 p.
9. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2012: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2012: Statistics Collection]. Rosstat. Moscow, 2012. 990 p.
10. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2013: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2013: Statistics Collection]. Rosstat. Moscow, 2013. 929 p.
11. Solntsev O.G., Pestova A.A., Mamonov M.E., Magomedova Z.M. Opyt razrabotki sistemy rannego opoveshcheniya o finansovykh krizisakh i prognoz razvitiya bankovskogo sektora Rossii na 2012 g. [Experience in Developing Early Warning System for Financial Crises and the Forecast of Russian Banking Sector Dynamic in 2012]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], 2011, no. 12, pp. 41-76.
12. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie federal'nykh okrugov. 2011: stat. Byulleten'* [Socio-Economic Situation in

- the Federal Districts. 2011: Statistics Bulletin]. Rosstat. Moscow, 2011. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_20/IssWWW.exe/Stg/4-kw/p/06-02.htm
13. Strategicheskaya karta Kaznacheistva Rossii na 2013–2017 gody [Strategic Map of the Treasury of Russia for 2013–2017]. *Sait Federal'nogo kaznacheistva* [The Federal Treasury Website]. Available at: <http://www.roskazna.ru/strategicheskaya-karta/?accesseble=true>
 14. Tatarkin A.I., L'vov D.S., Kuklin A.A., Myzin A.L., Bogatyrev L.L., Korobitsyn B.A., Yakovlev V.I. Modelirovanie ustoichivogo razvitiya kak uslovie povysheniya ekonomicheskoi bezopasnosti territorii [Modeling of Sustainable Development as a Condition of Increasing Economic Security of the Territory]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1999. 276 p.
 15. Tyutyunnikova T.I. Vremya kak ekonomicheskii resurs i analiz ego ispol'zovaniya v sektore domokhozyaistv [Time as an Economic Resource and the Analysis of Its Use in the Household Sector]. *Innovatsionnye tekhnologii upravleniya sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem regionov Rossii: Materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Innovation Management Technology for Socio-Economic Development of Russia's Regions: Materials of the Fifth All-Russian Research-to-Practice Conference with International Participation]. In 3 parts. Part 2. Ufa: ISEI UNTs RAN, 2013. Pp. 151-155.
 16. Ulyukaev A.V., Trunin P.V. Primenenie signal'nogo podkhoda k razrabotke indikatorov-predvestnikov finansovoi nestabil'nosti v RF [Application of the Signal Approach to the Development of Indicators-Precursors of Financial Instability in Russia]. *Problemy prognozirovaniya* [Issues of Forecasting], 2008, no. 5, pp. 100-109.
 17. *Finansy Rossii. 2012: stat. sb.* [The Finances of Russia. 2012: Statistics Collection]. Rosstat. Moscow, 2012. 462 p.
 18. Frolov A.V. *Zakony raspredeleniya sluchainykh velichin v Excel: metodicheskie rekomendatsii* [The Laws of Distribution of Random Variables in Excel: a Practical Guide]. Biysk: Izd-vo Alt. gos. tekhn. un-ta, 2010. 32 p.
 19. Yashin S.N., Puzov E.N. Pokazateli kompleksnoi sravnitel'noi otsenki potentsiala regiona v ramkakh monitoringa ekonomicheskoi bezopasnosti [The Indicators of a Comprehensive Comparative Assessment of the Region's Potential in the Framework of Economic Security Monitoring]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2006, no. 5, pp. 39-43.

Инновационная инфраструктура в регионе: проблемы и направления развития



**Светлана Викторовна
ТЕРЕБОВА**

кандидат экономических наук, зав. Центром трансфера и коммерциализации технологий, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, svetlana-ter@mail.ru)

Аннотация. Современные модели инновационного процесса доказывают важность формирования комплексной инфраструктуры как необходимого условия обеспечения инновационного развития территории. В статье раскрыто понятие инновационной инфраструктуры, выделены ее основные подсистемы и составляющие их элементы, рассмотрено их функциональное назначение. Обосновано, что для эффективного функционирования инновационной инфраструктуры требуется сбалансированное формирование и развитие всех составляющих ее подсистем: материально-технической, финансовой, кадровой, информационно-маркетинговой. Показано, что в России ведется активная работа в этом направлении. В то же время эффективность использования инфраструктуры остается пока низкой. Прежде всего, она ограничена стагнацией спроса на инновации со стороны российских компаний. Как выявлено, инфраструктура развивается в первую очередь на территориях субъектов РФ и их муниципальных образований со значительной концентрацией инновационного потенциала, высоким уровнем инновационной активности (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Томская область, Республика Татарстан и др.). Вместе с тем для перехода к инновационной модели развития требуется создание и эффективное использование инновационной инфраструктуры во всех регионах РФ, и в первую очередь в тех, где инновационная деятельность по тем или иным причинам не получает должного развития. В их числе Вологодская область, на примере которой проведен подробный анализ подсистем инфраструктуры, выявлены проблемы и резервы ее развития. В целом расчеты свидетельствуют о недостаточном и несбалансированном развитии в регионе инновационной инфраструктуры, необходимости изменения отдельных ее подсистем. Обоснована растущая потребность в формировании в регионе производственной и финансовой инфраструктуры. Предложены мероприятия по развитию инновационной инфраструктуры, объединенные в два направления: 1) создание недостающих,

востребованных предприятиями элементов инфраструктуры; 2) повышение эффективности деятельности уже существующих организаций; 3) решение проблем, препятствующих их функционированию.

Ключевые слова: инновации, инновационный процесс, инновационная инфраструктура, регион.

Ограничительные политические и экономические меры в отношении России, введенные по инициативе США с марта 2014 года и поддержанные странами Большой семёрки, коснулись и сферы высоких технологий, наукоемких производств. Так, концерн Rheinmetall, один из крупнейших производителей военной техники и вооружения в Германии и Европе, прекратил поставки оборудования в Россию [3]; транснациональный концерн Siemens объявил, что будет строго придерживаться всех введенных санкций против России; американская корпорация Applied Materials отказалась поставлять оборудование для завода по производству микросхем MRAM-памяти в Москве и т.д.

По оценкам экспертов, именно ограничения экспорта в Россию высоких технологий и доступа российских банков к дешевым кредитным ресурсам будут иметь наиболее негативные последствия [21] для экономики России. Это обостряет необходимость её перехода к инновационной экономике, способной сократить зависимость от импорта стратегически важных товаров и технологий. Таким образом, крайне острым становится вопрос формирования в стране полноценной инновационной системы, обеспечивающей выпуск высокотехнологичного оборудования, машин, станков. Текущий уровень инновационной активности российских предприятий крайне низкий — порядка 10%, в то время как в конце 1980-х годов он составлял 60–70%. В 1991 году было подано 190 тысяч заявок на изобретения [12], в 2013 г. эта цифра сократилась до 44 тысяч [17].

Концепция инновационного развития, и в частности создания национальной инновационной системы [9], является предметом большого числа полемики в научной литературе. Дискуссионными остаются вопросы о том, кто является субъектом инновационного развития, какова роль государства в инновационном развитии, какие механизмы позволят сформировать целостную инновационную систему и др.

Согласно Стратегии инновационного развития Российской Федерации сбалансированное развитие инновационной системы будет обусловлено повышением эффективности использования действующих институтов (технико-внедренческих особых экономических зон, наукоградов, технопарков), а также расширением поддержки инновационных кластеров. Непрерывность инновационного цикла предполагается обеспечить с помощью инновационной инфраструктуры (ИНИ) [22], способной оперативно и гибко реализовывать необходимые в данное время инновации, основанные на высоких производственных технологиях. Ее развитие представляется как условие вывода на рынок конкурентной продукции, появляющейся вследствие инновационного процесса.

Данный тезис подтверждается современными моделями инновационного процесса (японская интерактивная, стратегических сетей), в которых доказывается, что все его стадии, от фундаментальных и прикладных исследований до промышленного производства и сбыта продукта должны быть обеспечены струк-

турой поддержки и специализированным финансовым источником.

Исследование теоретико-методологических основ инновационного развития позволяет сделать вывод о том, что инновационная сфера, являющаяся составной частью экономической сферы и имеющая собственную внутреннюю специфику, также должна обладать своей инфраструктурой, которой присущи и типичные, и специфические черты.

Сам термин «инфраструктура» перенесен в экономику в конце 1940-х гг. из военного лексикона, где он обозначал совокупность постоянных сооружений вспомогательного назначения, обслуживающих вооруженные силы. В широком смысле под инфраструктурой понимается самостоятельная сфера экономики, особенность отраслей которой заключается в том, что они производят не материальную продукцию, а услуги. Основная ее функция – создание внешних условий хозяйствования для экономических субъектов и национальной экономики в целом.

Инновационная инфраструктура в трудах большинства отечественных ученых-экономистов (А.А. Румянцев, В.А. Гневко, А.Б. Серебряков, Д.И. Кокурин, К.И. Плетнев,

И.Г. Дежнина, Б.Г. Салтыков) определяется как комплекс, совокупность организаций, обеспечивающих условия хозяйствования субъектов инновационного процесса (табл. 1). Аналогичная по смысловому содержанию трактовка этого понятия дается в законодательных документах РФ, регламентирующих сферу инновационного развития¹.

Инновационная инфраструктура должна способствовать свободному обмену ресурсами между участниками инновационных процессов и реализации функции саморегулирования и самонастройки национальной экономики в связи с конъюнктурными изменениями рынка.

Исследователями [1, 4, 5, 14, 20, 23] доказывается, что инновационная инфраструктура представляет собой систему, состоящую из отдельных подсистем, обладающих функциональной спецификой и различающихся входящими в них элементами – организациями инновационной инфраструктуры. В свою очередь, организации, относящиеся к ИНИ, находятся в определенной технологической и экономической связи, выражающей единство этапов инновационной деятельности, и различаются по секторам деятельности,

Таблица 1. Понятие инновационной инфраструктуры

Автор	Трактовка: «Инновационная инфраструктура – это...»
Д.И. Кокурин	Комплекс организационно-экономических институтов, непосредственно обеспечивающих условия реализации инновационных процессов хозяйствующими субъектами (в т.ч. специализированными инновационными организациями) на основе принципов экономической эффективности как национальной экономики в целом, так и ее экономических субъектов в условиях конъюнктурных колебаний рынка [8].
И.Г. Дежнина, Б.Г. Салтыков	Совокупность всех подсистем, обеспечивающих доступ к различным ресурсам (активам) и (или) оказывающих те или иные услуги участникам инновационной деятельности [5].
В.А. Гневко	Единая система взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга подсистем и соответствующих им организационных элементов, необходимых и достаточных для эффективного осуществления деятельности, предполагающей полное обеспечение и сопровождение инновационного цикла [4].
К.И. Плетнев	Вся совокупность деятельности, направленная на решение задач социально-экономического развития и объединяющая в себе проведение поисковых НИР, выполнение прикладных НИОКР и практическую реализацию полученных результатов в производстве и социальной сфере, в т.ч. на коммерческой основе [14].

¹ ФЗ «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике» от 01.12.1999 г. Основные направления политики РФ в области развития инновационной системы на период до 2010 г.

Таблица 2. Подсистемы инновационной инфраструктуры

Автор	Подсистема инновационной инфраструктуры
И.Г. Дежнина, Б.Г. Салтыков	Финансовая, производственно-технологическая (или материальная), информационная, кадровая, экспертно-консалтинговая [5]
Г.В. Шепелев	Производственно-технологическая, консалтинговая, финансовая, информационная, кадровая, сбытовая [23]
В.А. Гневко	Производственная, финансовая, подготовки кадров, информационная, координации, продвижения [4]
Д.И. Кокурин, И.П. Николаева, В.М. Шепелев, Г.Д. Ковалев	Транспорт и связь, информатика и телекоммуникации, кредитно-финансовая сфера, фондовый рынок, институт посредников, компании и фирмы, оказывающие услуги специального характера [20]
В.А. Балукова, И.А. Садчиков, В.Е. Сомов	Финансовая, информационная, организационная [1]
К.И. Плетнев	Информационного обеспечения, экспертизы научно-технических и инновационных программ, проектов, предложений, финансово-экономического обеспечения, производственно-технологической поддержки, сертификации наукоемкой продукции, продвижения, подготовки и переподготовки кадров, координации и регулирования развития [14]

по типу, по наличию или отсутствию зарубежных филиалов и предприятий [7]. Выделяют следующие основные подсистемы ИНИ (табл. 2).

Таким образом, на основе рассмотренных точек зрения различных авторов и изучения практического отечественного и зарубежного опыта можно выделить материально-техническую, финансовую, кадровую, информационно-маркетинговую подсистемы ИНИ, а также их функции и элементы (табл. 3).

Координация и регулирование подсистем инновационной инфраструктуры осуществляется подразделениями органов власти и управления, ответственными за развитие инновационной деятельности в регионе. При этом их ключевая задача — разработка стратегии инновационного развития (она должна включать раздел о развитии инновационной инфраструктуры), обеспечение и контроль ее реализации [2].

Исследования теоретико-методологических основ формирования инновационной инфраструктуры позволяют заключить, что для эффективного функционирования инфраструктуры требуется

сбалансированное формирование и развитие всех составляющих ее подсистем. В России ведется активная работа в этом направлении. Так, согласно данным Единого информационно-аналитического портала государственной поддержки инновационного развития бизнеса [6], в стране функционируют более 3,4 тыс. организаций инновационной инфраструктуры.

Только за 2005–2010 гг. создано свыше 100 центров трансфера технологий. В рамках программы поддержки малого и среднего предпринимательства сформировано 34 инновационных бизнес-инкубатора, при этом общие расходы федерального бюджета составили 863 млн. рублей. Количество федеральных центров коллективного пользования научным оборудованием к концу 2010 года достигло 63 единиц, в них сконцентрировано около 2100 единиц оборудования, стоимость которого достигает более 15 млрд. рублей.

Кроме того, действует более 140 инновационно-технологических центров и технопарков. Осуществляются меры государственной поддержки развития российских территорий с высоким науч-

Таблица 3. Основные подсистемы инновационной инфраструктуры: функции и элементы

Подсистема	Функции	Элементы
Материально-технического обеспечения	Производственно-технологическая помощь в создании новой конкурентоспособной наукоемкой продукции и высоких технологий, их практического освоения	Технопарки, инновационно-технологические центры, бизнес-парки, инновационно-промышленные комплексы, технологические кластеры, промышленные парки, центры коллективного доступа
Кадровая	Подготовка инновационных менеджеров для управления реализацией инновационных проектов, стимулирование раскрытия и активизации творческого потенциала исследователей и разработчиков, повышение инновационной культуры населения	Коучинг-центры, вузы, научно-образовательные центры, институты, академии и т. п.
Финансовая	Обеспечение финансово-экономической поддержки инновационной деятельности, аккумуляция инвестиционных ресурсов для реализации инновационных проектов и программ, организация процесса финансирования научно-технической деятельности на условиях программно-целевого приоритетного подхода	Различные типы фондов (бюджетные, венчурные, страховые, инвестиционные) и другие финансовые институты
Информационно-маркетинговая	Создание возможности для передачи и распространения данных о направлениях развития инновационной сферы, состоянии рыночной среды, наличии новых объектов интеллектуальной собственности; организации маркетинговой, рекламной и выставочной деятельности, патентно-лицензионной работы и защиты интеллектуальной собственности; сертификации наукоемкой продукции	Библиотеки, информационные центры; центры трансфера технологий, центры кластерного развития, торгово-промышленные палаты, биржи наукоемких и информационных технологий, различные телекоммуникационные системы, мобильная цифровая радиотелефонная связь и др.
Регулирования	Обеспечение возможности посредством экономических методов и рычагов координировать и регулировать развитие научно-технической и инновационной деятельности. Разработка стратегии инновационного развития, обеспечение и контроль ее реализации.	Подразделения органов власти и управления, ответственные за развитие инновационной деятельности

но-техническим потенциалом, включая наукограды [18].

Развитие инфраструктуры предусмотрено в Стратегии инновационного развития Российской Федерации. На втором этапе ее реализации (2014–2020 годы) планируется увеличение доли расходов на инновации в бюджете страны, а также доли частного финансирования в общем объеме внутренних затрат на исследования и разработки. При этом особый акцент делается на вложении средств в модернизацию и достройку необходимых элементов ИНИ.

В то же время эффективность использования инфраструктуры остается пока низкой. Прежде всего она ограничена стагнацией спроса на инновации со стороны российских компаний, обусловленной

недостаточной поддержкой созданных объектов в период их выхода на окупаемость.

В результате соответствующая инфраструктура либо переставала функционировать, либо использовалась для другого вида деятельности [18].

Развивается инфраструктура в основном на территориях субъектов и муниципальных образований РФ с высокой концентрацией инновационного потенциала, высоким уровнем инновационной активности (в г. Москве функционируют 730 организаций инфраструктуры, в г. Санкт-Петербурге – 197, в Томской области – 152, Республике Татарстан – 139). Вместе с тем для перехода к инновационной модели развития необходимо создание и эффективное использование инновационной

инфраструктуры во всех регионах, и в первую очередь в тех, где инновационная деятельность по тем или иным причинам не получает развития [19]. Согласно исследованиям ИСЭРТ РАН, в 2012 г. к регионам с низким уровнем инновационного развития относились 61 из 80 анализируемых. В их числе Вологодская область, расположенная в Северо-Западном федеральном округе.

В 2012 году СЗФО по показателю инновационной активности округ находился на третьем месте, уступив Приволжскому и Уральскому федеральным округам, в которых ИНИ по своему функциональному составу представлена наиболее полно [15] (табл. 4).

Как показал анализ развития инновационной инфраструктуры в разрезе субъектов Северо-Западного федерального округа [13], в её составе на территории округа преобладают бизнес-инкубаторы. Лидером по числу организаций инфраструктуры в целом в СЗФО является г. Санкт-Петербург, далее следуют Мурманская и Ленинградская области.

С целью определения наиболее действенных инструментов и механизмов формирования в субъектах округа инновационной инфраструктуры целесообразно выделить регионы, где она развита, для

дальнейшей трансляции их опыта в тех субъектах, где она развита недостаточно [24]. Для этого по результатам количественного анализа ИНИ, выполненного сотрудниками отдела инновационной экономики ИСЭРТ РАН, проведена группировка регионов СЗФО по функциональному составу ИНИ. Выделено четыре группы субъектов округа: I – «регионы с полным функциональным составом инновационной инфраструктуры»; II – «регионы с недостаточным функциональным составом инновационной инфраструктуры»; III – «регионы с узким функциональным составом инновационной инфраструктуры»; IV – «регионы с ограниченным функциональным составом инновационной инфраструктуры».

Анализ наличия и состава ИНИ позволяет сделать вывод, что в первую группу входят г. Санкт-Петербург, Мурманская и Ленинградская области, которые являются также лидерами по общему числу организаций ИНИ, причем большую долю в их составе занимают бизнес-инкубаторы и инновационно-технологические центры. Ко второй группе относятся Архангельская, Калининградская и Новгородская области (с преобладанием бизнес-инкубаторов и центров трансфера технологий), к третьей – Республика Карелия и Воло-

Таблица 4. Инновационная активность организаций по округам РФ, %

Федеральный округ	Год								Откл. 2013 г. к 2000 г., %
	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
РФ	8,8	9,7	9,4	9,3	9,5	10,4	10,3	10,1	1,3
Приволжский	10,1	10,8	12,5	12,8	12,3	12,7	11,9	11,7	1,6
Северо-Западный	7,7	9,4	8,9	9,5	9,4	11,2	11,0	10,7	3
Центральный	10,0	10,3	9,4	8,8	8,6	10,2	10,9	10,7	0,7
Уральский	10,6	12,4	10,1	10,2	11,5	11,5	10,6	9,6	-1
Дальневосточный	6,3	6,2	7,2	8,3	8,6	11,2	10,8	9,5	3,2
Сибирский	6,1	7,7	7,7	7,3	8,2	8,8	8,5	9,1	3
Южный	8,1	8,6	8,0	7,2	7,5	6,5	7,4	7,2	-0,9
Северо-Кавказский	6,2	8,2	5,2	5,8	6,2	5,2	6,4	5,9	-0,3
Источник: www.gks.ru.									

Таблица 5. Подсистемы инновационной инфраструктуры Вологодской области

Индекс развития подсистемы*	Элементы подсистемы	Краткая характеристика подсистемы
0,47 (очень низкий)	БУ ВО «Бизнес-инкубатор», Инновационно-технологический центр на базе ФГБОУ ВПО ВГУ, ООО «Старт-Парк» и др.	Низкое значение индекса развития подсистемы обусловлено следующим. Во-первых, функциональный состав подсистемы в регионе неполный. Отсутствуют такие важные элементы производственной инфраструктуры, как ЦКП, обеспечивающие доступ к высокотехнологичному оборудованию, инжиниринговые центры и т.п. Во-вторых, как показывает исследование [13], площадь организаций ИНИ, предназначенная для размещения малых инновационных предприятий, использовалась не в полной мере – в среднем на 25%. Это связано как с недостаточной привлекательностью условий аренды данных площадей, так и с низкой инновационной активностью предприятий в регионе.
Подсистема материально-технического обеспечения		
0,68 (низкий)	Северо-Западный центр венчурных инвестиций (филиал в г. Череповец), НО ВО «Фонд поддержки МСП» и др.	Финансовая подсистема Финансовая поддержка МИП региона со стороны организаций ИНИ осуществляется в основном за счет выделения грантов, помощи в поиске инвесторов. Низкое значение индекса развития подсистемы обусловлено незначительной долей инвестиций, привлеченных к финансированию малых инновационных предприятий, а также числа проектов, профинансированных через систему региональной грантовой поддержки. Это объясняется незаинтересованностью инвесторов вкладывать финансовые средства в инновационное развитие предприятий, так как это область деятельности, связанная с высокими рисками. В то же время бюджетное финансирование инновационных проектов в виде грантов не покрывает потребности малых инновационных предприятий в инвестициях.
Кадровая подсистема		
0,69 (низкий)	Вузы региона (подготовка инновационных менеджеров по специальности «Инноватика» ведется только на базе ФГБОУ ВПО ВГУ с 2009 г.).	Важным показателем развития ИНИ является подготовка кадров в вузах для последующей их работы на инновационных предприятиях и в организациях ИНИ. В целом инновационная инфраструктура региона характеризуется малой долей сотрудников, имеющих специальное образование для реализации инновационных проектов, низкой квалификацией персонала организаций ИНИ, возрастом и необходимостью приобретения сотрудниками ИНИ практического опыта реализации инновационных проектов и управления ими. Причины сложившейся ситуации заключаются, в первую очередь, в нарушении очереди, в нарушении процесса воспроизводства научных кадров; медленной передаче и распространении управленческих знаний, отсутствии на территории региона сложившегося института подготовки инновационных менеджеров.
Информационно-маркетинговая подсистема		
1,18 (высокий)	ЦТТ на базе ИСЭРТ РАН, ЕИКЦ на базе ГУ ВО «Бизнес-инкубатор», Агентство городского развития г. Череповца, ВТПП, Вологодское Бюро интеллектуальной собственности и др.	Высокий уровень развития подсистемы обусловлен повышением активности организаций ИНИ по продвижению разработок инновационных предприятий (рост доли предприятий, организуемых участие в региональных и федеральных семинарах, конкурсах и программах, направленных на стимулирование инновационной деятельности, активизация издательской деятельности, направленной на PR и рекламу малых инновационных компаний, а также услуг самих организаций ИНИ), оказанием услуг по оформлению прав на интеллектуальную собственность. Однако организациями ИНИ используется не весь набор инструментов рекламы и PR для продвижения инновационных проектов региона, недостаточно активно осуществляется деятельность по стимулированию изобретательских и рационализаторских процессов, сотрудничества с образованием и наукой. Вместе с тем требуется активизация и расширение работы организаций ИНИ с целью трансфера и коммерциализации результатов НИОКР предприятий.
Индекс развития региональной инновационной инфраструктуры		
3,02 (недостаточный)		
* Для расчета индексов развития инновационной инфраструктуры использовалась методика, разработанная сотрудниками ИСЭРТ РАН в 2012 г. [13]. Шкала оценки для интегрального индекса: 1 – инфраструктура полностью не развита; 1 – 1,99 – очень низкое развитие; 2 – 2,99 – низкое развитие; 3 – 3,99 – недостаточно развита, отдельные подсистемы инфраструктуры требуют изменений; 4 – 4,99 – развита инфраструктура, имеются ресурсы для дальнейшего развития; 5 – абсолютно развита. Шкала оценки для подсистем выглядит следующим образом: менее 0,25 – подсистема полностью не развита; 0,26 – 0,50 – очень низкий уровень развития; 0,6 – 0,75 – низкий уровень развития; 0,76 – 1,00 – подсистема недостаточно развита; 1,01 – 1,24 – высокий уровень развития подсистемы; 1,25 – подсистема полностью развита.		

годская область, к четвертой — Республика Коми и Псковская область.

В субъектах с полным функциональным составом инновационной инфраструктуры проводится активная региональная политика по созданию и обеспечению деятельности ИНИ. В настоящее время в г. Санкт-Петербурге, Мурманской и Ленинградской областях разрабатываются или действуют специальные программы поддержки инновационной инфраструктуры, ведется работа по созданию новых инновационно-технологических центров, центров трансфера технологий, технопарков; на основе механизмов частно-государственного партнерства создаются финансовые фонды. Опыт данных регионов целесообразно использовать на территориях с узким и ограниченным функциональным составом инновационной инфраструктуры, к которым относится и Вологодская область. Рассмотрим на ее примере проблемы развития инфраструктуры.

В Вологодской области действует ряд организаций ИНИ, призванных содействовать предприятиям региона в создании и освоении инновационных продуктов путем оказания широкого спектра услуг. Наиболее распространенные из них: маркетинговые, юридические услуги, оформление прав на интеллектуальную собственность, поиск и привлечение инвестиций под конкретный проект. Однако такие востребованные малыми предприятиями региона услуги, как предоставление на льготных условиях в аренду производственных площадей, лабораторного оборудования, организации инфраструктуры практически не оказывают.

В целом проведенные специалистами ИСЭРТ РАН расчеты свидетельствуют о недостаточном и несбалансированном развитии инновационной инфраструктуры в Вологодской области, о необходимости изменения отдельных ее подсистем (табл. 5). Сложившаяся ситуация обусловлена

низким уровнем развития материально-технической (значение индекса развития подсистемы — 0,47), финансовой (0,68), кадровой (0,69) подсистем. Наибольшее значение имеет индекс развития информационно-маркетинговой подсистемы — 1,18, что говорит о достаточно высоком уровне ее развития. В числе проблем, препятствующих эффективному функционированию инновационной инфраструктуры Вологодской области, можно отметить следующие: а) нехватка финансирования организаций ИНИ для предоставления финансовой поддержки малым инновационным предприятиям (МИП); б) недостаток квалифицированных специалистов в области реализации инновационных проектов и управления ими; в) ограниченный перечень каналов информирования МИП; г) низкая материально-техническая оснащенность организаций инновационной инфраструктуры, а также непривлекательные для МИП условия аренды площадей и оборудования².

Кроме того, согласно результатам проводимых ИСЭРТ РАН опросов руководителей предприятий, уровень их взаимодействия с объектами инновационной инфраструктуры оценивается как невысокий (табл. 6).

Таким образом, ключевые причины недостаточного развития частных организаций инновационной инфраструктуры заключаются в невысоком спросе на их услуги вследствие низкого уровня инновационной активности предприятий региона. Что касается государственных объектов инфраструктуры, то можно отметить точечность мер по их созданию, отсутствие системного подхода. Это обусловлено фрагментарностью региональной инновационной политики, о чем свидетельствует

² По данным опроса руководителей организаций инновационной инфраструктуры, проведенного ИСЭРТ РАН.

Таблица 6. Оценка коммуникационных связей в научно-инновационной сфере региона, %

Вариант ответа	Год опроса					2013 г. к 2009 г., п. п.
	2009	2010	2011	2012	2013	
Вологодская торгово-промышленная палата	44,3	42,9	40,5	30,8	35,7	-8,6
ЦТТ на базе ИСЭРТ РАН	23,9	24,7	23,8	13,8	23,2	-0,7
ГУ ВО «Бизнес-инкубатор»	9,1	14,3	9,5	13,8	16,1	7,0
Вологодский центр научно-технической информации	12,5	11,7	11,9	12,3	12,5	0,0
RTTN (Российская сеть трансфера технологий)	6,8	8,9	2,4	1,5	10,7	3,9
НП «Агентство городского развития»	6,8	6,5	7,1	3,1	5,4	-1,4

отсутствие принятых в регионе стратегии и программы инновационного развития. Стратегия должна включать в качестве одного из приоритетных направлений формирование и развитие инновационной инфраструктуры. Мероприятия по развитию инновационной инфраструктуры, на наш взгляд, целесообразно дополнить такими, как:

- 1) создание недостающих у предприятий и востребованных ими элементов инновационной инфраструктуры;
- 2) повышение эффективности деятельности уже существующих организаций; решение проблем, препятствующих их функционированию.

По первому направлению, как показывают результаты исследования (см. табл. 5) и опроса руководителей предприятий, необходимо формирование *производственной инфраструктуры*: промышленных парков, центров коллективного доступа к высокотехнологичному оборудованию по приоритетным для области направлениям деятельности, центров инжиниринга, а также развитие инфраструктуры, обеспечивающей формирование точек с высокой концентрацией научно-технического потенциала – кластеров – центров кластерного развития [10, 11].

Следует прежде всего задействовать потенциал молодежи. Для этого важно создание инфраструктуры, развивающей творческий потенциал в молодежной среде.

Таким инструментом может выступить Центр молодежного инновационного творчества³. Практика создания таких центров успешно апробирована в Москве, Санкт-Петербурге, Томской, Калужской, Пензенской и других областях.

Финансирование создания указанных инфраструктурных объектов могут осуществлять субъекты Российской Федерации через выделение им субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства [16].

Во-вторых, требуется развитие *финансовой подсистемы инновационной инфраструктуры*. Для этого в настоящее время довольно много финансовых инструментов. Однако опросы руководителей предприятий показывают, что основным источником финансирования развития инновационных промышленных предприятий являются их

³ Центр молодежного инновационного творчества – это имущественный комплекс, созданный для осуществления деятельности в сфере высоких технологий, включающий в себя оборудование, ориентированное на технологии прямого цифрового производства, и позволяющий выполнять на основе современных технологий быстрое прототипирование, изготовление опытных образцов, единичной и мелкосерийной продукции, а также необходимые для этого помещения и инфраструктуру (Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики «Об утверждении Порядка предоставления субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства на создание и (или) обеспечение деятельности центров молодежного инновационного творчества» от 26 сентября 2013 г. № 394 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW09;n=65482>).

собственные средства. Банковский кредит пока остается слишком дорогим для развития инновационной деятельности.

Ресурсы госбюджета доступны преимущественно для крупных предприятий. Но даже для них масштаб обеспечения бюджетными финансовыми средствами составляет не более 5–10% необходимых объемов [23]. Более остро проблема финансирования стоит для малых инновационных предприятий. Программа стартового финансирования, реализуемая Фондом содействия развитию малых форм предприятий научно-технической сферы, и местные программы поддержки малого бизнеса распространяются в основном на инновационные предприятия, находящиеся в столицах и некоторых крупных городах.

В Вологодской области Фонд ежегодно поддерживает лишь 2–3 проекта, что явно недостаточно. А должно реализовываться для целей перехода к инновационной экономике ежегодно не менее 20–25 таких проектов. В целом ситуация с финансированием инноваций на территории региона отражает общероссийскую.

Развивать финансовую подсистему инновационной инфраструктуры в регионе, на наш взгляд, невозможно без решения данной проблемы на федеральном уровне. Как мы полагаем, требуется следующее:

- развитие системы венчурного финансирования на основе механизма государственно-частного партнерства;
- активизация банковского сектора путем льготного налогообложения коммерческих банков, предоставляющих кредиты на реализацию инновационных проектов, обеспечения государственных гарантий возврата кредитов, предоставления коммерческим банкам кредитов на льготных условиях для финансирования инновационных предприятий.

На региональном уровне для решения проблемы недостаточного *финансового*

обеспечения организаций инновационной инфраструктуры представляется целесообразным организовать грантовую поддержку, выделение субсидий на развитие инфраструктуры региона на конкурсной основе. Привлечение инвестиций в инновационную инфраструктуру и их сопровождение возможно через программы Министерства экономического развития РФ, конкурсы **Фонда содействия развитию** малых форм предприятий в научно-технической сфере, а также в результате участия в международных конкурсах, грантах, программах и др.

Развитие *кадровых ресурсов организаций инновационной инфраструктуры* следует начать с мониторинга их потребностей в профессиональных кадрах.

Основой системы кадрового обеспечения должны стать подготовка, переподготовка и повышение квалификации специалистов, обладающих инновационным мышлением и способных осуществлять трансфер и коммерциализацию технологий. При этом необходимо повышать престижность специальности «инновационный менеджер».

Реализация *организационно-маркетинговых механизмов* поддержки инновационной инфраструктуры включает в себя:

- повышение информированности предприятий об оказываемых организациями инфраструктуры услугах;
- информационные и новостные рассылки о деятельности организаций ИНИ региона;
- пропаганду ведения инновационной деятельности;
- организацию системы мониторинга состояния сферы науки, техники и инноваций (на основе данных научно-образовательных организаций, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области и различных департаментов в ходе их текущей деятельности);

— организацию и сопровождение базы данных изобретений, технологий, инновационных проектов, разработчиков и экспертов;

— проведение мероприятий по установлению и развитию межрегионального и международного научно-технического сотрудничества (в ходе участия в международных конкурсах, грантах, программах и др.).

На наш взгляд, комплексная реализация в рамках стратегии инновационного раз-

вития региона выделенных основных направлений создания инновационной инфраструктуры позволит обеспечить сбалансированное формирование и функционирование составляющих ее подсистем. Это будет способствовать формированию необходимых инфраструктурных условий для вывода на рынок инновационной продукции региона и, как следствие, ускорению его перехода к инновационной модели развития.

Литература

1. Балукова, В.А. Управление инновационными процессами на предприятиях химической и нефтехимической промышленности: учеб. пособие / В.А. Балукова, И.А. Садчиков, В.Е. Сомов. — СПб.: СПбГИЭУ, 2003. — 147 с.
2. Гебель, Л.В. Центр трансфера технологий как элемент инфраструктуры национальной инновационной системы [Текст] / Л.В. Гебель // Современные проблемы экономики : труды II Междунар. науч. конф., Ереван, 2014 г. — Ереван: ОМУ ЕГУ, 2014. — С. 156-159.
3. Германия прекратила оборонный экспорт в Россию [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://newsru.co.il/world/21mar2014/germany8010.html>.
4. Гневко, В.А. Региональные проблемы инновационного развития экономики / В.А. Гневко. — СПб.: ИУЭ, 2004. — 480 с.
5. Дежина, И. Механизмы стимулирования коммерциализации исследований и разработок / И. Дежина, Б. Салтыков // Общество и экономика. — 2004. — № 7. — С. 189-248.
6. Единый информационно-аналитический портал государственной поддержки инновационного развития бизнеса. — Режим доступа: <http://innovation.gov.ru>.
7. Инновационный менеджмент / под ред. Л.П. Гончаренко, Е.А. Олейникова, В.В. Березина. — М.: КНОРУС, 2005. — 544 с.
8. Кокурин, Д.И. Инновационная деятельность / Д.И. Кокурин. — М.: Экзамен, 2001. — 576 с.
9. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=law;n=90601>.
10. Мазилев, Е.А. Основные индикаторы и факторы инновационного развития промышленности региона / Е.А. Мазилев // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2013. — №1. — С. 166-178.
11. Маковеев, В.Н. Инструмент активизации инновационных процессов в машиностроении региона [Электронный ресурс] / В.Н. Маковеев // Вопросы территориального развития. — 2014. — № 4 (14). — Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=3745>.
12. Методологические аспекты инновационного развития России: проектно-аналитическая записка [Электронный ресурс] / отв. ред. В.Е. Лепский. — Режим доступа: <http://www.reflexion.ru/club/KIR-PZ.pdf>.
13. Направления развития региональной инновационной инфраструктуры: отчет о НИР / исполн. С.В. Терехова, О.Н. Агаметова. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. — 161 с.
14. Научно-технический потенциал России и его использование / под общ. ред. д.э.н., проф. В.И. Кушлина, д.э.н., проф. А.Н. Фоломьева. — М.: СКАНРУС, 2001. — 240 с.
15. Национальный центр по мониторингу инновационной инфраструктуры научно-технической деятельности и региональных инновационных систем [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.miiiris.ru>.
16. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. — Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru>.

17. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
18. Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики «Об утверждении Порядка предоставления субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства на создание и (или) обеспечение деятельности центров молодежного инновационного творчества» от 26 сентября 2013 г. № 394 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW098;n=65482>.
19. Путин предложил «крайне аккуратно» ответить на санкции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2014/08/140805_putin_sanctions_response.shtml.
20. Ресурсы инноваций: организационный, финансовый, административный: учеб. пособие для вузов / под ред. проф. И.П. Николаевой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 318 с.
21. Сименс пообещала соблюдать санкционный режим против России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/news/255949-glava-siemens-poobeshchal-soblyudat-sanktsionnyi-rezhim-protiv-rossii>.
22. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minsv yaz.ru/gu/doc/?id_4=685.
23. Шепелев, Г.В. Проблемы развития инновационной инфраструктуры [Электронный ресурс] / Г.В. Шепелев // Инновационный портал Уральского федерального округа. – Режим доступа: <http://www.extech.ru/library/article/shepelev.php>.
24. Global Innovation Index 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globalinnovationindex.org/content.aspx?page=GI-Home>.

Terebova S.V.

Innovation infrastructure in the region: problems and directions of development

Svetlana Viktorovna Terebova – Ph.D. in Economics, Department Head. Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, svetlana-ter@mail.ru).

Abstract. Current models of innovation process prove that it is important to create a comprehensive infrastructure, since it is a necessary condition for promoting innovation development in the area. The article considers the concept of innovation infrastructure, defines its major subsystems and their constituent elements, and considers their functional purpose. The author argues that the effective functioning of innovation infrastructure requires the balanced formation and development of all its constituent subsystems: logistics, finance, personnel, information and marketing. The article shows that Russia is working actively in this direction. At the same time, the efficiency of using the infrastructure remains low. First of all, it is limited by the stagnation of demand for innovation on the part of Russian companies. It has been revealed that the infrastructure is developing primarily in those RF subjects and municipalities, which have the significant concentration of innovation potential and the high level of innovation activity (Moscow, Saint Petersburg, Tomsk Oblast, Republic of Tatarstan, etc.). At the same time, the transition to the innovation model of development requires the creation and effective use of innovation infrastructure in all the regions of the Russian Federation, and, first of all, in the regions where innovation, for whatever reasons, is not being developed properly. Such regions include the Vologda Oblast, which has been subject to the detailed analysis of the infrastructure subsystems; and its problems and development reserves have been identified. In general, the calculations indicate insufficient and unbalanced growth of the region's innovation infrastructure and the necessity to change its individual subsystems. The author justifies the growing need

for the development of regional production and financial infrastructure and proposes activities to develop innovation infrastructure: 1) to create the missing infrastructure elements that enterprises need; 2) to increase the performance efficiency of existing organizations; 3) to solve the problems that impede their functioning.

Key words: innovation, innovation process, innovation infrastructure, region.

References

1. Balukova V.A., Sadchikov I.A., Somov V.E. *Upravlenie innovatsionnymi protsessami na predpriyatiyakh khimicheskoi i neftekhimicheskoi promyshlennosti: ucheb. posobie* [Management of Innovation Processes in the Chemical and Petrochemical Enterprises: Textbook]. Saint Petersburg: SPbGIEU, 2003. 147 p.
2. Gebel' L.V. Tsentra transfera tekhnologii kak element infrastruktury natsional'noi innovatsionnoi sistemy [Technology Transfer Center as Part of the Infrastructure of the National Innovation System]. *Sovremennye problemy ekonomiki: trudy II Mezhdunar. nauch. konf., Yerevan, 2014 g.* [Modern Issues of Economics: Proceedings of the 2nd International Scientific Conference, Yerevan, 2014]. Yerevan: OMU EGU, 2014. Pp. 156-159.
3. *Germaniya prekratila oboronnyi eksport v Rossiyu* [Germany Terminated Defence Exports to Russia]. Available at: <http://newsru.co.il/world/21mar2014/germany8010.html>.
4. Gnevko V.A. *Regional'nye problemy innovatsionnogo razvitiya ekonomiki* [Regional Problems of Innovation Development of Economy]. Saint Petersburg: IUE, 2004. 480 p.
5. Dezhina I., Saltykov B. Mekhanizmy stimulirovaniya kommersializatsii issledovaniy i razrabotok [Mechanisms to Promote the Commercialization of Research and Development]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy], 2004, no. 7, pp. 189-248.
6. *Edinyi informatsionno-analiticheskii portal gosudarstvennoi podderzhki innovatsionnogo razvitiya biznesa* [Unified Information-Analytical Portal of State Support of Innovation Business Development]. Available at: <http://innovation.gov.ru>.
7. *Innovatsionnyi menedzhment* [Innovation Management]. Ed. by L.P. Goncharenko, E.A. Oleinikov, V.V. Berezin. Moscow: KNORUS, 2005. 544 p.
8. Kokurin D.I. *Innovatsionnaya deyatel'nost'* [Innovation Activity]. Moscow: Ekzamen, 2001. 576 p.
9. *Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda: utv. rasp. Pravitel'stva RF ot 17 noyabrya 2008 g. № 1662-r.* [The Concept for Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period till 2020: Approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-r.]. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=law;n=90601>.
10. Mazilov E.A. *Osnovnye indikatory i faktory innovatsionnogo razvitiya promyshlennosti regiona* [Main Indicators and Driving Forces of Innovation Development of Industry in the Region]. *Menedzhment i biznes-administririrovanie* [Management and Business Administration], 2013, no. 1, pp. 166-178.
11. Makoveev V.N. *Instrument aktivizatsii innovatsionnykh protsessov v mashinostroenii regiona* [Tools to Promote Innovation Processes in Mechanical Engineering of the Region]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial Development Issues], 2014, no. 4 (14). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&id=3745>.
12. *Metodologicheskie aspekty innovatsionnogo razvitiya Rossii: proektno-analiticheskaya zapiska* [Methodological Aspects of Russia's Innovation Development: Design and Analytical Note]. Executive editor V.E. Lepskii. Available at: <http://www.reflexion.ru/club/KIR-PZ.pdf>.
13. *Napravleniya razvitiya regional'noi innovatsionnoi infrastruktury: otchet o NIR* [Directions of Development of the Regional Innovation Infrastructure: R&D Report]. Executed by S.V. Terebova, O.N. Agametova. Vologda: ISERT RAN, 2012. 161 p.
14. *Nauchno-tekhnicheskii potentsial Rossii i ego ispol'zovanie* [Scientific and Technological Potential of Russia and Its Use]. Under general editorship of Doctor of Economics, Professor V.I. Kushlin, Doctor of Economics, Professor A.N. Folom'ev. Moscow: SKANRUS, 2001. 240 p.
15. *Natsional'nyi tsentr po monitoringu innovatsionnoi infrastruktury nauchno-tekhnicheskoi deyatel'nosti i regional'nykh innovatsionnykh sistem* [National Center for the Monitoring of Innovation Infrastructure of Scientific-Technological Activity and Regional Innovation Systems]. Available at: <http://www.miiis.ru>.

16. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii* [Official Website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: <http://www.economy.gov.ru>.
17. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Official Website of the Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru>.
18. *Postanovlenie Kabineta Ministrov Chuvashskoi Respubliki "Ob utverzhdenii Poryadka predostavleniya subtsidii sub"ektam malogo i srednego predprinimatel'stva na sozdanie i (ili) obespechenie deyatel'nosti tsentrov molodezhnogo innovatsionnogo tvorchestva" ot 26 sentyabrya 2013 g. № 394* [Resolution of the Cabinet of Ministers of the Chuvash Republic "On the Approval of the Procedure for Granting Subsidies to Small and Medium-Sized Businesses to Create and (or) Promote the Activities of the Youth Innovation Creativity Centers of September 26, 2013 No. 394]. Available at: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW098;n=65482>.
19. *Putin predlozhlil "krainie akkuratno" otvetit' na sanktsii* [Putin Suggested that Reciprocal Sanctions should be "very careful"]. Available at: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2014/08/140805_putin_sanctions_response.shtml.
20. *Resursy innovatsii: organizatsionnyi, finansovyi, administrativnyi: ucheb. posobie dlya vuzov* [Organizational, Financial, Administrative Resources of Innovation: Textbook for Universities]. Ed. by Professor I.P. Nikolaeva. Moscow: YuNITI-DANA, 2003. 318 p.
21. *Siemens poobeshchala soblyudat' sanktsionnyi rezhim protiv Rossii* [Siemens Promised to Support Sanctions against Russia]. Available at: <http://www.forbes.ru/news/255949-glava-siemens-poobeshchal-soblyudat-sanktsionnyi-rezhim-protiv-rossii>.
22. *Strategiya innovatsionnogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda: utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 8 dekabrya 2011 g. № 2227-r.* [The Strategy for Innovation Development of the Russian Federation for the Period until 2020, Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of December 8, 2011 No. 2227-r]. Available at: http://minsvyaz.ru/ru/doc/?id_4=685.
23. Shepelev G.V. Problemy razvitiya innovatsionnoi infrastruktury [Problems of Development of Innovation Infrastructure]. *Innovatsionnyi portal Ural'skogo federal'nogo okruga* [Innovation Portal of the Ural Federal District]. Available at: <http://www.extech.ru/library/article/shepelev.php>.
24. *Global Innovation Index 2014*. Available at: <http://www.globalinnovationindex.org/content.aspx?page=GII-Home>.

Потребитель в инновационной экономике: социокультурные аспекты формирования и функционирования



**Наталья Николаевна
МАЛАХОВА**

кандидат философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Ростовский государственный университет путей сообщения (344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2, vmalakh@yandex.ru)

Аннотация. Функционирование инновационной экономики ставит перед обществом ряд вопросов социокультурного характера. Одним из них является проблема формирования инновационной личности, под которой большинством исследователей понимается личность, открытая к экспериментам, инновациям и изменениям, обладающая творческими способностями, умеющая не только создавать, но и коммерциализировать новые научно-технологические разработки, то есть личность, способная в первую очередь к производству инноваций. Между тем не меньшее значение для функционирования инновационной экономики имеет личность, готовая к потреблению инновационных товаров и услуг, в связи с чем за рубежом активно проводятся исследования инновационности не только производителя, но и потребителя.

Результаты исследований позволяют выделить в качестве ключевой для производителей группу потребителей-новаторов. Анализ поведения потребителей-новаторов на рынке дает возможность зафиксировать присущие им определенные личностные качества и сформулировать их стандарт потребления, основными характеристиками которого являются абсолютизация ценности нового, позитивное отношение к риску, доминирование эмоционального компонента в потреблении в ущерб рациональному.

Поскольку современные производители в целях обеспечения стабильного и прогнозируемого спроса на свою продукцию идут по пути моделирования и дальнейшего целенаправленного продвижения стандартов потребления, логично предположить, что именно стандарт потребления новаторов, как нельзя лучше отвечающий интересам производителей инновационной продукции, будет активно продвигаться в обществе через целенаправленное изменение индивидуальной и коллективной психологии. В статье прогнозируются направления подобных изменений, а также

анализируются возможные негативные последствия как для всего общества в целом, так и для инновационной экономики в частности.

Ключевые слова: инновационная экономика, инновационная личность, инновационное потребление, потребительская инновационность, стандарты потребления.

В последнее время в работах исследователей активно обсуждаются вопросы формирования инновационной личности. Психологи пытаются выделить ее основные черты, педагоги разрабатывают методы её формирования, социологи анализируют роль инновационной личности в общественных процессах и социальную обусловленность формирования личностных качеств, способствующих эффективной инновационной деятельности; политики всячески подчеркивают необходимость формирования вышеуказанного типа личности. Можно сказать, что формирование инновационной личности становится социальным заказом современного общества. Столь пристальное внимание к проблематике формирования инновационной личности обусловлено особенностями развития современной экономики, в основе функционирования которой лежит производство инновационных товаров и услуг, а также внедрение и использование инновационных технологических процессов.

Широкомасштабные инновационные процессы, отличающие современный этап развития капиталистической экономики, объективно обусловлены исчерпанием возможностей экстенсивного развития традиционных производств и отраслей и их функционированием в условиях товарного перепроизводства и перепотребления. В этих обстоятельствах создание инновационной продукции становится не просто основным конкурентным преимуществом производителя, но условием его выживания на рынке. На макроэкономическом уровне производство инновационной продукции рассматривается в качестве ос-

новного двигателя экономического роста, а в масштабах глобального рынка вопрос успешности инновационной деятельности становится одним из важнейших факторов обеспечения конкурентоспособности государства.

Необходимость постоянного осуществления инновационной деятельности в процессах производства предъявляет особые требования к личностным характеристикам участников трудового процесса. К. Маркс писал: «Характер труда при капиталистическом способе производства обуславливает потребность в специализированной образовательной и воспитательной подготовке рабочей силы. Основная цель такой подготовки — это развитие определенных личностных качеств...» [12, с. 391]. Таким образом, с одной стороны, общество заинтересовано в формировании инновационной личности в качестве производителя инновационной продукции, в связи с чем акцент в исследованиях, посвященных инновационной личности как основному субъекту инновационной экономики, как правило, делается на проблеме новатора, его личностных качествах, мотивации инновационной деятельности. С другой стороны, К. Маркс отметил и то, что капитал может расширять себя только посредством увеличения прибавочной стоимости, а «производство относительной прибавочной стоимости... требует производства нового потребления... создания новых потребностей... <предполагает> производство новых потребностей» [9, с. 52]. Следовательно, для эффективного функционирования инновационной экономики необходимо создание не только

новых продуктов, но и новых потребностей, поскольку произведенные инновационные продукты должны потребляться. Это заставляет взглянуть на качественные характеристики инновационной личности в несколько ином аспекте, а именно: инновационная личность должна обладать сформированной потребностью в инновационных продуктах и выступать в качестве потребителя инновационной продукции.

По справедливому замечанию В.М. Нуркова, в современном российском инновационном дискурсе сложилась некоторая асимметрия – более актуальной считается проблема инноватора, особенное внимание уделяется генезису мотивации в инновационных практиках, а не менее актуальные проблемы адаптации к инновациям и «потребления» (использования) инноваций рассматриваются в значительно меньшей степени [15, с. 69]. Однако зарубежные исследования показывают, что роль потребителя в инновационной экономике становится все более определяющей и даже более влиятельной, чем роль производителя.

Так, З. Бауман указывает, что конкурентоспособность, эффективность и доходность капитала зависят от потребителей и его маршруты определяются присутствием или отсутствием потребителей или возможностью продуцировать потребителей, создавать и затем расширять почву для предлагаемых идей [3, с. 164-165]. По мнению К. Нордстрема и Й. Риддерстрале, «в обществе перепроизводства потребитель больше чем король, потребитель – это мать всех диктаторов» [14, с. 98]. Т. Карлтон констатирует тот факт, что «в последнее время в научных кругах говорят уже не о “тройной”, а о “четверной” или “комплексной спирали”: потребитель, он же гражданин страны, играет важную роль, обеспечивая обратную связь, взаимодействуя и оказывая влияние на направления развития новых технологий» [8, с. 24].

Кроме того, потребитель сегодня выступает для производителя в качестве источника идей как для совершенствования уже выпускаемых товаров (то есть модифицирующих инноваций), так и для разработки новых товаров. В связи с осознанием возрастающей роли потребителя в функционировании инновационной экономики, за рубежом проводятся интенсивные исследования потребительской инновационности. В частности, выделяются такие ее виды, как «врождённая инновационность» или «инновационная предрасположенность», проявляющаяся в генерализованной установке субъекта на восприятие и принятие новых брендов и товаров, а также «специфическая инновационность» по отношению к одному товару или по отношению к категории товаров, определяемая как ориентация субъекта на принятие новых товаров и услуг.

Исследования потребительской инновационности касаются анализа не только индивидуальных, но и групповых характеристик. Так, проводятся исследования особенностей семейной покупательской инновационности и для каждого члена семьи в отдельности, и в рамках семейной системы семьи как малой группы, особенно в паре «муж–жена», для чего был введен специальный термин: «husband-wife innovativeness» (инновационность в системе «муж–жена») [19, с. 149].

Что касается других вариантов анализа инновационности группы, то здесь можно отметить выделение в зависимости от степени готовности к потреблению инновационных продуктов следующих категорий потребителей: новаторы, ранние последователи, раннее большинство, позднее большинство и «инертные» или консерваторы. Потребители-новаторы при этом рассматриваются в качестве ключевой потребительской группы, на которую должно быть направлено основное внимание компа-

ний-производителей, поскольку, опробуя на себе достоинства и недостатки инновационных товаров, потребители-новаторы становятся источником информации для остальных категорий потребителей, и таким образом, оказывают влияние на их потребительские предпочтения, а значит, от восприятия ими нового товара зависит его принятие остальными категориями потребителей.

Заинтересованность производителей в положительной реакции потребителей-новаторов на инновационную продукцию обуславливает изучение личностных особенностей новаторов, их мотивации, а также анализ стандарта потребления, под которым понимаются относительно устойчивые предпочтения в отношении товаров и услуг, способов и методов извлечения полезности, отражающие социокультурные и экономические характеристики потребителей-новаторов как определенной социальной группы. Э. Роджерс, в частности, выделяет следующие характеристики потребителей-новаторов. С позиции социально-демографических характеристик потребители-новаторы и близкие к ним ранние последователи – это относительно молодые люди, имеющие высокий социальный статус и благоприятное финансовое положение [10, с. 414-415].

С точки зрения психологических характеристик их отличает склонность к риску, большим и не всегда разумным тратам, им свойственны простота коммуникаций, потребительская уверенность и высокая скорость принятия решений. Для новаторов на первый план в потреблении выходит эмоциональная, а не рациональная составляющая, поскольку мотивацией потребления для них является получение нового опыта (не важно – положительного или отрицательного, рискованного или безопасного), удовольствие от познания неизвестного. При этом они с удоволь-

ствием принимают не только все новое, но и все риски, связанные с покупкой и использованием неизвестного товара, однако обратной стороной их постоянного стремления к новизне является непостоянство, что затрудняет формирование лояльности к определенному бренду или материальным стимулам. Подытожив вышесказанное, можно выделить следующие базовые моменты в потребительском поведении новаторов. Это восприятие нового (товара) как безусловно ценного и имеющего абсолютные преимущества перед старым, доминирование эмоционального компонента в мотивации потребления, а также стремление к риску.

Можно заметить, что поведение потребителей-новаторов как нельзя лучше отвечает интересам производителей инновационной продукции не только потому, что потребители-новаторы являются проводниками информации и впечатлений о новом товаре для других категорий потребителей. Вынужденные действовать в условиях неопределенности в отношении перспектив развития рынков и предпочтений потребителей, вызванных, в свою очередь, нестабильностью экономической конъюнктуры, сталкиваясь с многочисленными рисками, связанными с принятием и внедрением новых идей, решений и технологий при выпуске новой продукции, предприятия заинтересованы в снижении неопределенности результатов своей инновационной деятельности и, по возможности, минимизации риска.

Поведение потребителей, готовых покупать товар просто за то, что он удовлетворяет их потребность в новых впечатлениях, подходящих к процессу покупки не на рациональных основаниях, а движимых эмоциями (воздействие на которые облегчает процесс продвижения товара), потребителей, для которых слово «инновация» или определение «инновационный»,

добавленные к наименованию товара, становятся своеобразным маркером, стимулирующим потребление, безотносительно к реальной новизне товара обеспечивает быстрый и практически гарантированный сбыт новых товаров. Однако, согласно ставшей уже хрестоматийной работе Эверетта Роджерса «Диффузия инноваций», новаторы составляют примерно 2,5% от общего числа потребителей; ранние последователи – 13,5%; раннее большинство – 34%; позднее большинство – 34%; «инертные» – 16% [11, с. 532]. Таким образом, в совокупности новаторы и ранние последователи, то есть те, кто раньше всех реагирует на появление нового товара или услуги, составляют всего 16% или 1/6 от числа всех потребителей. Даже исследователи, критически относящиеся к подобным выкладкам за излишнюю четкость пропорций, признают факт немногочисленности данных категорий. Незначительность же новаторов и ранних последователей в количественном плане относительно общего числа потребителей приводит к тому, что их совокупный бюджет оказывается ничтожным для большинства отраслей. Кроме того, дальнейшее продвижение товара к остальным категориям потребителей требует значительных усилий, поскольку эти категории руководствуются другими соображениями при приобретении товара и их мотивация принципиально отличается от мотивации новаторов и первых последователей.

Между тем одним из способов обеспечения эффективной коммерциализации инновационных технологий и инновационной продукции, по признанию маркетологов, является моделирование потребительского поведения при помощи формирования стандарта потребительского поведения [13]. По мнению О.У. Юлдашевой, предпринимательство уже идет по пути целенаправленного создания и продвиже-

ния стандартов потребления в обществе, поскольку это гарантирует долгосрочную стабильность спроса, а послушный и понятный потребитель обеспечивает компании стабильный и развивающийся рынок потребления в долгосрочной перспективе [18]. Превращение инновационного процесса в критический элемент успеха, связанное с этим постоянное производство инновационной продукции и сокращение жизненного цикла инновационного продукта делает компании, на наш взгляд, заинтересованными в продвижении и распространении в обществе стандартов потребления потребителей-новаторов.

Однако формирование стандарта потребления осуществляется через влияние на человеческое сознание и трансформацию его в нужном направлении, через формирование определенного стиля жизни. В свою очередь, изменение индивидуальной и коллективной психологии в результате целенаправленного продвижения стандартов потребления инновационной продукции, а также формирование потребителя-новатора в массовом количестве может повлечь за собой достаточно неоднозначные последствия не только для общества в целом. Рассмотрим их более подробно.

Формирование в общественном сознании установки на безусловную ценность новизны и нового как такового получило начало в культуре модернизма, который впервые в истории сделал новизну самоцелью и призвал оценивать ее по мере оригинальности, невиданности создаваемого, независимо ни от чего другого [6, с. 227]. Реализовавшись прежде всего в сфере искусства, эта ценностная установка сегодня проникла в область экономических отношений и применяется по отношению к инновационной продукции. Современное общество просто пронизано «гонкой за новизной», а в работах отечественных

исследователей уже можно встретить высказывания такого рода, как «население должно воспринимать инновации не как стихийное бедствие, а как абсолютную ценность» [4].

С одной стороны, стремление человека к новизне и новым впечатлениям оценивается психологами в качестве одной из биологических потребностей, обусловленной нейропсихологическими особенностями. Л.И. Божович отмечает, что «потребность в новых впечатлениях порождается включением в жизнедеятельность ребёнка коры головного мозга, который нуждается в раздражителях, вызывающих его деятельность и тем самым обеспечивающих его морфологическое и функциональное развитие. Удовлетворение этой, как и других биологических потребностей, постепенно начинает сопровождаться ярко выраженными положительными эмоциями, а сама потребность в новизне начинает приобретать некоторые специфические особенности, характерные для духовных потребностей человека» [17].

Действительно, в странах с высоким уровнем жизни, где базовые потребности в достаточной степени уже удовлетворены, потребление новых товаров является уже средством удовлетворения не биологических потребностей, а представляет собой борьбу со скукой посредством таких раздражителей, как новизна, изменение, несоответствие, неопределенность, риск и т.д. [11, с. 130]. Кроме того, потребление новых товаров становится частью самоутверждения и самоактуализации [16, с. 72, 188]. На наш взгляд, это стремление к потреблению новых товаров со стороны самих потребителей только способствует распространению и укоренению в общественном сознании потребительских стандартов новаторов.

С другой стороны, повсеместно стимулируемое стремление к новизне, закрепле-

ние в общественном сознании новизны в качестве абсолютной ценности выделяет несколько проблемных аспектов. Во-первых, по утверждению психологов, потребность в новизне является ненасыщаемой, что превращает ее в род дурной бесконечности. Во-вторых, по мнению М.С. Кагана, высокая насыщенность новшествами формирует у людей, и особенно у детей, чувство естественности непрерывного изменения, обновления среды, условий существования, усваиваемых ими знаний, норм поведения, речи. Тем самым окончательно и полностью исчезают из общественного сознания основополагающие для традиционной культуры представления о существовании неких констант мышления и поведения, обусловленных определенной стабильностью бытия человека в мире, — теперь все кажется неустойчивым, относительным, исчезающим, не успев возникнуть, и потому лишенным подлинной ценности [6, с. 272].

Еще одним проблемным моментом нам видится следующее. По мнению А.И. Сосланда, стремление к новизне может проявляться в трех направлениях: в восприятии нового, то есть стремление к пассивным новым впечатлениям; в стремлении к изменениям в собственной жизненной ситуации и в стремлении к созданию нового, то есть к производству новых ценностей и смыслов [17]. Не окажется ли, что, полностью удовлетворяя стремление к пассивным новым впечатлениям за счет постоянного потребления новых продуктов, человек не будет испытывать потребности в саморазвитии и собственном производстве нового. В таком случае общество, обладая многочисленными потребителями инновационных продуктов, рискует лишиться их создателей.

Следующей выделенной нами особенностью поведения потребителей-новаторов является стремление к риску. Понятие

риска при всей частой употребительности этого термина является достаточно трудно определяемым. Однако во многих определениях риск связывается с опасностью неблагоприятного исхода действия, поступка, жизнедеятельности. Так, в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова риск понимается как возможная опасность (угроза) [5, с. 13].

Для характеристики форм поведения потребителей-новаторов нам кажется уместным определение риска, приведенное в «Психологическом словаре», в котором риск определяется как действие, направленное на привлекательную цель, достижение которой сопряжено с элементом опасности, угрозой потери, неуспеха [5, с. 13]. Современное общество в принципе отличается широким распространением рискованных форм поведения (понимаемых, с одной стороны, как опасных, в том числе и для жизни, а с другой стороны, привлекательных для тех, кто эти формы реализует), многообразием рисков и их интенсивностью, нарастающими быстрыми темпами, что в совокупности позволяет определить его как общество риска. Увеличение числа рискованных форм поведения является ответом на объективные изменения в общественной жизни, такие как обострение кризисных явлений, нарастание хаоса, неопределенности, массовое внедрение недостаточно апробированных и высокорисковых инноваций.

В то же время общество с инновационной экономикой оказывается заинтересованным в стимулировании рискованных форм поведения и закреплении этих форм в качестве социокультурной нормы. Так, готовность к риску оценивается в психологии предпринимательства и менеджмента как важное личностное свойство, определяющее успешность хозяйственной и управленческой деятельности при создании инновационной продукции. Потребление

инновационной продукции также сопряжено с высокой степенью риска, особенно в случае с радикальной инновацией, так как по определению такой товар не имеет аналогов, не знаком потребителю, а, значит, он рискует потерять деньги, не имея гарантии удовлетворения потребности. Совмещение объективно обусловленных тенденций развития общества и требований инновационной экономики приводит к тому, что рисковое поведение оформляется в качестве норматива поведения. Так, постоянный риск становится важной составляющей в образе героя в продуктах массовой культуры, экстремальное поведение культивируется в общественном сознании как образ жизни. Риски становятся объектом социальной мифологии, определяют социальные цели и задачи индивида, воспринимаются (потребляются) не критически [1]. Риск, институционализируясь, становится действующим фактором самореализации и социализации личности.

Негативными последствиями этого, на наш взгляд, выступает то, что реализация закрепившихся в качестве социокультурной нормы рискованных форм поведения, по видимому, не может быть ограничена только областью производства и потребления инновационной продукции. Психологами установлено, что человек, стремящийся рисковать в одной ситуации, будет стремиться рисковать и в других ситуациях, что приведет и уже приводит к дальнейшему увеличению форм рискованного поведения в обществе.

Примером может служить то, что за последние 20 лет появилось более 30 экстремальных видов спорта, где экстремальность заключается в высокой вероятности нанесения вреда своему здоровью в случае неуспеха, что делает эти виды спорта в высшей степени рискованными. Появление в обществе все новых видов рисков не просто превращает его в общество высокого риска,

но и делает его нестабильным и склонным к саморазрушению. Кроме того, следствием распространения этих рискованных форм поведения на другие сферы жизнедеятельности может стать распространение авантюризма, волонтаризма, субъективизма, что, в свою очередь, может привести к торможению социального прогресса, к различным социально-экономическим и моральным издержкам. Вместе с тем личности, склонной к рискованному поведению, свойственно обесценивание базовых экзистенциальных ценностей и доминирование биологических потребностей, в частности потребности в стимуляции психоактивными веществами. Увеличение числа личностей, обладающих такими характеристиками, не может не сказаться негативно на обществе в целом.

Что касается третьего из рассмотренных нами аспектов стандартов потребления потребителей-новаторов, то стимулирование эмоционального компонента в потреблении также является характерной чертой современных экономических отношений. То, что потребление становится все менее рациональным и все более эмоциональным, с одной стороны, объективно обусловлено следующими факторами. Во-первых, предпосылки к снижению рациональности в поведении потребителя формируются в связи с высокой степенью неопределенности, являющейся результатом активной инновационной деятельности.

Исследования психологов Д. Каннемана и А. Тверски, касающиеся принятия решений индивидом на рынке, выявили, что в условиях неопределенности люди применяют упрощенные стратегии решения сложных задач, а именно: основываются на доступности решения (на решении, которое всплывает первым), прецеденте (на своем или чужом опыте), закреплении и приспособлении (то есть применении последовательного подхода к реализации за-

думанного, даже если среда демонстрирует изменение прошлых тенденций) [18]. Следовательно, в условиях неопределенности люди склонны вести себя иррационально, пользоваться интуицией, проявлять непоследовательность. Во-вторых, в условиях инновационной экономики при покупке принципиально нового товара потребитель просто не может рационально подойти к процессу покупки, поскольку аналогичный товар отсутствует, а, значит, осуществить процедуру сравнения качества, стоимости и конкурентных преимуществ — невозможно.

В случае же вывода на рынок модификации знакомого потребителю товара, постоянное усложнение состава товара, его технических характеристик и создание товаров с завышенными потребительскими свойствами приводят к тому, что покупатель, из-за недостатка специальных знаний, также не в состоянии сопоставить изменения в качестве и цене.

Таким образом, покупатель-неспециалист может рационально оценить до использования лишь очень ограниченный круг простейших товаров, и то основным параметром сравнения для него будут выступать внешние признаки товара. Кроме того, постоянное обновление моделей не дает возможности опереться на личный опыт, в результате чего возможность принятия целерационального решения также снижается.

В свою очередь, при дефиците информации для сознательного построения действий, при недостаточности фонда сознательных способов поведения, в поведении начинают доминировать эмоции, и чем ниже уровень сознательной регуляции, тем большую свободу получают эмоционально-импульсивные действия. Таким образом, недостаток рациональности в процессе принятия решения о приобретении инновационной продукции компенсируется увели-

чением роли эмоционального компонента. Для потребителя это происходит еще и потому, что по мере перемещения основной части покупок на высший уровень иерархии потребностей все более значимым становится переживание, получаемое от покупки [16, с. 188]. З. Бауман такой тип консьюмеризма охарактеризовал следующим образом: «Сегодня имя потребительской игре — не столько жадность к приобретательству и владению, не накопление богатства в его материальном, осязаемом смысле, сколько страсть к новым, доселе не испытанным ощущениям. Потребители — это в первую очередь коллекционеры ощущений; они собирают вещи лишь во вторую очередь, как следствие...» [2, с. 120].

Производитель заинтересован в увеличении эмоциональной составляющей в процессах потребления, поскольку, влияя на эмоции человека, фирмы получают возможность, минуя сознание потребителя, завоевать место в его восприятии и запрограммировать его на покупку, обеспечив потенциальный спрос. По мнению исследователей инновационного бизнеса К. Нордстрема и Й. Риддерстрале, «настоящая конкуренция должна быть построена на том, что редко обсуждается в деловом мире: эмоциях и воображении. Чтобы справиться с изобилием, не нужно производить еще больше одного и того же, нужно привнести в производство элементы сенсационности и сентиментальности. Эпоха изобилия постепенно превращается в эпоху эмоциональных привязанностей» [14, с. 16].

Между тем эмоции представляют собой эволюционно более ранний механизм регуляции поведения, чем разум, в связи с чем эмоциональная реакция опережает процесс осознания человеком ситуации. Эмоциональный уровень отражения действительности характеризуется более быстрыми, непосредственными и им-

пульсивными реакциями на воздействия со стороны внешнего мира. Кроме того, под воздействием эмоций люди склонны выбирать более простые пути решения жизненных ситуаций.

Необходимо отметить и то, что под воздействием эмоций люди становятся более подвержены чужому влиянию. Дизраэлли сказал: «Если надо в чем-то убедить массу, то этот процесс может быть начат только с воздействия на эмоции — на освоение логической аргументации масса не пожелает тратить ни усилий, ни времени». Схожим образом высказался и политтехнолог У. Гэвин: «Разум требует высшей степени дисциплины, концентрации внимания. Много легче обыкновенное впечатление. Разум отталкивает зрителя, логика досаждаёт ему. Эмоции возбуждают, они ближе к поверхности, мягче куются» [7, с. 204]. Эти особенности позволяют некоторым исследователям рассматривать эмоциональное воздействие в качестве предпосылки манипуляции сознанием. Необходимо также отметить, что современные психологи склонны отождествлять эмоциональность с неуравновешенностью, неустойчивостью, высокой возбудимостью, в связи с чем формирование эмоционального потребителя полностью отвечает интересам производителей инновационной продукции.

Современная инновационная экономика характеризуется постоянным сокращением жизненного цикла инновационного продукта, а значит, для максимизации прибыли он должен быть потреблен максимальным числом людей за относительно короткое время. З. Бауман проницательно заметил, что «необходимое сокращение времени лучше всего достигается, если потребители не могут надолго сосредоточить внимание на каком-то одном предмете, они нетерпеливы, порывисты и непоседливы, а главное — легко возбуждаются и столь же легко теряют интерес» [2, с. 118].

Можно предположить, что привычка следовать эмоциональному импульсу при принятии решения (сначала относительно приобретения товара, а затем и в других сферах жизнедеятельности), являющаяся следствием постоянной эксплуатации эмоционального отношения к действительности и сознательно вырабатываемая производителями инновационной продукции, может породить нежелание потребителей в принципе использовать рациональные механизмы. Это, в свою очередь, открывает возможности манипулировать сознанием таких людей не только для производителей инновационной продукции, но и для всех заинтересованных лиц.

Таким образом, возрастание роли потребителя в инновационной экономике и особенности ее функционирования на со-

временном этапе порождают заинтересованность производителей инновационной продукции в моделировании потребительского поведения путем распространения определенных потребительских стандартов, в частности стандартов для потребителей-новаторов. Эти процессы сопряжены с изменением индивидуальной и коллективной психологии в направлении формирования установки, касающейся абсолютизации ценности нового, стимулирования рискованных форм поведения и закрепления их в качестве социокультурной нормы, а также доминирования эмоционального компонента в потреблении в ущерб рациональному. Последствия подобных процессов неоднозначны и могут иметь негативные последствия как для самой инновационной экономики, так и для всего общества в целом.

Литература

1. Афанасьев, И.А. Потребление рисков: социально-философский аспект / И.А. Афанасьев // Потребление как коммуникация – 2009: материалы V Международной конференции (26–27 июня 2009 г.) / Факультет социологии СПбГУ. Фонд «Интерсоцис». – 2009. – С. 23-25.
2. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. – М: Весь мир, 2004. – 188 с.
3. Бауман, З. Текучая современность / З. Бауман. – СПб: Питер, 2008. – 240 с.
4. Борейшко, А.А. Роль особых экономических зон в формировании инновационного менталитета населения / А.А. Борейшко, А.Н. Цветков // Социология науки и технологий. – 2011. – Т. 2. – № 1. – С. 75-82.
5. Ильин, Е.П. Психология риска / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2012. – 267 с.
6. Каган, М.С. Введение в историю мировой культуры / М.С. Каган. – СПб: ООО Изд-во «Петрополис», 2003. – 368 с.
7. Кара-Мурза, С.Г. Власть манипуляций / С.Г. Кара-Мурза. – М: Академический Проект, 2007. – 380 с.
8. Карлтон, Т. Поколение X – секретное оружие США / Т. Карлтон // Инновационные тренды. – 2011. – № 8. – С. 23-28.
9. Кондрашов, П.Н. Глобализация и развитие индивида / П.Н. Кондрашов, К.Н. Любутин // Философия и общество. – 2011. – № 4. – С. 50-57.
10. Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент / Ф. Котлер: пер. с англ. под ред. О.А. Третьяк, Л.А. Волковой, Ю.Н. Каптуревского. – СПб: Издательство «Питер», 1999. – 896 с.
11. Ламбен, Жан-Жак. Менеджмент, ориентированный на рынок / Жан-Жак Ламбен; пер. с англ. под ред. В.Б. Колчанова. – СПб: Питер, 2007. – 800 с.
12. Маркс, К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные сочинения. – М., 1987. – Т. 7.
13. Матковская, Я.С. Потребительское поведение на рынке инновационных технологий: моделирование стандартов / Я.С. Матковская // Маркетинг в России и за рубежом. – 2010. – № 2. – С. 12-22.
14. Нордстрем, К. Бизнес в стиле фанк: капитал пляшет под дудку таланта / К. Нордстрем, Й. Риддерстрале. СПб: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2003. – 296 с.

15. Нурков, В.М. Социология инновационных фобий / В.М. Нурков // Инновации. – 2008. – № 10. – С. 69-71.
16. Пулер, Д. Почему мы покупаем. Мотивация и стратегия продаж / Д. Пулер. – М: Олимп-Бизнес, 2006. – 272 с.
17. Сосланд, А.И. Влечение к новизне: теория и практика / А.И. Сосланд // Знание – сила. – 2006. – № 8. – С. 40-46.
18. Юлдашева, О.У. Когнитивный маркетинг: от продвижения продуктов к продвижению технологий потребления. Часть 1, 2 / О.У. Юлдашева // Маркетинговые коммуникации. – 2004. – № 5 (23). – С. 36-40; – № 6 (24). – С. 11-18.
19. Яголковский, С.Р. Психология инноваций. Подходы, модели, процессы / С.Р. Яголковский. – М: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 272 с.

Malakhova N.N.

Consumer in the innovation economy: sociocultural aspects of formation and functioning

Nataliya Nikolaevna Malakhova – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Rostov State Transport University” (2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya (Rostov Rifle Regiment of People’s Militia) Square, Rostov-on-Don, 344038, Russian Federation, vmalakh@yandex.ru)

Abstract. The functioning of the innovation economy presents the society with a number of social and cultural issues. One of them concerns the formation of an innovative personality, which is regarded by the majority of researchers as a personality open to experiments, innovation and change, a personality that has creative skills and is able not only to create but also to commercialize new scientific and technological developments, that is, a personality capable of producing innovation in the first place. Meanwhile, of equal importance for the functioning of the innovation economy is a personality that is ready to use innovative goods and services; that is why many countries carry out the research into the innovativeness of producers and consumers. The research findings help identify a group of innovator consumers, which is a key group for producers. Analyzing the innovator consumers’ behavior in the market provides an opportunity to define their inherent personal qualities and to formulate their standard of consumption, the main characteristics of which are the absolutization of the value of the new, positive attitude to risk, dominance of the emotional component in consumption to the detriment of the rational component. Modern manufacturers follow the path of modeling and further targeted promotion of consumption standards to ensure stable and predictable demand for their products; therefore, it is logical to assume that the innovators’ consumption standard that meets the interests of innovative products’ manufacturers will be actively promoted in society through the purposeful change of individual and collective psychology. The article forecasts the directions of such change and analyses its possible negative consequences both for society in general and for innovation economy in particular.

Key words: innovation economy, innovative personality, innovative consumption, consumer innovativeness, consumption standards.

References

1. Afanas’ev I.A. Potreblenie riskov: sotsial’no-filosofskii aspekt [Consumption of Risks: Socio-Philosophical Aspect]. *Potreblenie kak kommunikatsiya – 2009: materialy V Mezhdunarodnoi konferentsii (26–27 iyunya 2009 g.)* [Consumption as Communication – 2009: Proceedings of the Fifth International Conference (June 26–27, 2009)]. Fakul’tet sotsiologii SPbGU. Fond “Intersotsis”. 2009. Pp. 23-25.

2. Bauman Z. *Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva* [Globalization: The Human Consequences]. Moscow: Ves' mir, 2004. 188 p.
3. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Saint Petersburg: Piter, 2008. 240 p.
4. Boreishko A.A., Tsvetkov A.N. Rol' osobykh ekonomicheskikh zon v formirovaniy innovatsionnogo mentaliteta naseleniya [The Role of Special Economic Zones in the Process of Forming a Population's Innovative Mentality]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology], 2011, vol. 2, no. 1, pp. 75-82.
5. Il'in E.P. *Psikhologiya riska* [The Psychology of Risk]. Saint Petersburg: Piter, 2012. 267 p.
6. Kagan M.S. *Vvedenie v istoriyu mirovoi kul'tury* [Introduction to the History of World Culture]. Saint Petersburg: OOO Izd-vo "Petropolis", 2003. 368 p.
7. Kara-Murza S.G. *Vlast' manipulyatsii* [The Power of Manipulation]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2007. 380 p.
8. Carleton T. Pokolenie Kh — sekretnoe oruzhie SShA [Generation X — the US Secret Weapon]. *Innovatsionnye trendy* [Innovation Trends], 2011, no. 8, pp. 23-28.
9. Kondrashov P.N., Lyubutin K.N. Globalizatsiya i razvitie individa [Globalization and the Development of the Individual]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2011, no. 4, pp. 50-57.
10. Kotler P. *Marketing menedzhment* [Marketing Management]. Translated from English under editorship of O.A. Tret'yak, L.A. Volkova, Yu.N. Kapturevskii. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Piter", 1999. 896 p.
11. Lambin J.-J. *Menedzhment, orientirovannyi na rynek* [Market-Driven Management]. Translated from English under editorship of V.B. Kolchanov. Saint Petersburg: Piter, 2007. 800 p.
12. Marx K., Engels F. Kapital [Capital]. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works], Moscow, 1987. Vol. 7.
13. Matkovskaya Ya.S. Potrebitel'skoe povedenie na rynke innovatsionnykh tekhnologii: modelirovanie standartov [The Consumer Behavior at the Market of Innovative Technologies: Modeling Standards]. *Marketing v Rossii i za rubezhom* [Journal of Marketing in Russia and Abroad], 2010, no. 2, pp. 12-22.
14. Nordström K.A., Ridderstråle J. *Biznes v stile fank: kapital plyashet pod dudku talanta* [Funky Business: Talent Makes Capital Dance]. Saint Peterburg: Stokgol'mskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge, 2003. 296 p.
15. Nurkov V.M. Sotsiologiya innovatsionnykh fobii [The Sociology of Innovation Phobias]. *Innovatsii* [Innovations], 2008, no. 10, pp. 69-71.
16. Pooler J. *Pochemu my pokupaem. Motivatsiya i strategiya prodazh* [Why We Shop: Emotional Rewards and Retail Strategies]. Moscow: Olimp-Biznes, 2006. 272 p.
17. Sosland A.I. Vlechenie k novizne: teoriya i praktika [Attraction to Novelty: Theory and Practice]. *Znanie — sila* [Knowledge Is Power], 2006, no. 8, pp. 40-46.
18. Yuldasheva O.U. Kognitivnyi marketing: ot prodvizheniya produktov k prodvizheniyu tekhnologii potrebleniya. Chast' 1, 2 [Cognitive Marketing: from the Promotion of Products to the Promotion of Consumption Technology. Part 1, 2]. *Marketingovye kommunikatsii* [Market Communications], 2004, no. 5 (23), pp. 36-40; no. 6 (24), pp. 11-18.
19. Yagolkovskii S.R. *Psikhologiya innovatsii. Podkhody, modeli, protsessy* [The Psychology of Innovation. Approaches, Models, Processes]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2011. 272 p.

Совершенствование инструментального обеспечения пространственного подхода к региональному планированию: проблемы, особенности, тенденции



**Наталья Геннадьевна
ЮШКОВА**

кандидат архитектуры, доцент, научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет (400087, г. Волгоград, ул. Академическая, д. 1, ymanul@gmail.com)

Аннотация. Формирующиеся в России императивы инновационного развития экономики определяют содержание концептуальных и институциональных ограничений развития региональных хозяйственных систем (РХС). Они выделяют в качестве ведущего приоритета систему регионального планирования в ее неразрывном единстве с современными задачами государственного управления. Однако практика разработки долгосрочных планов в субъектах РФ свидетельствует о том, что инновационные вызовы экономической политики отражаются в них незначительно либо существенно искажаются. При выявлении причин, снижающих эффективность модернизационных процессов в субъектах РФ и препятствующих адекватности реакций РХС на их воздействие, выделяются: рассогласованность социально-экономических и территориально-пространственных региональных планов, несбалансированность взаимодействия органов государственного управления, уполномоченных в вопросах долгосрочного планирования, отсутствие в регионах реальных предпосылок для реализации инновационных начинаний. Систематизация и анализ долгосрочных планов позволяют обосновать состоятельность пространственного подхода к региональному планированию, выражающегося в доминанте трансформационной функции, синхронизирующей конфигурации и параметры РХС, и установить способы интеграции пространственных компонентов в систему регионального планирования посредством оптимизации его инструментального обеспечения. Изменение содержания инструментального обеспечения основано на синтезе преимущественных базовых характеристик существующего инструментария, используемого в изолированных подсистемах регионального планирования социально-эко-

номического и территориального развития. В результате исследования сформирована система инструментального обеспечения регионального планирования, адаптирующаяся к изменениям и внешним, и внутренним факторам развития РХС. Выделены три основные группы инструментов: организующие, регулирующие, координирующие – путем их типизации в соответствии с группами функций управления. Предложено моделирование сочетания инструментов, подчиненных выбору пространственно-стратегических инициатив развития конкретного региона.

Ключевые слова: государственное управление, региональная система, трансформационная функция, социально-экономическое развитие, региональное планирование, инструментальное обеспечение, пространственный подход.

Основные положения национальной политики инновационного развития сформулированы и зафиксированы в концепциях, законодательных и нормативно-правовых актах преимущественно федерального уровня власти [5, 6, 7]. Инновационная направленность задач государственной политики воспринимается системой государственного управления регионального уровня с различной степенью адекватности [8, 10, 14, 12]. Ситуация в субъектах федерации свидетельствует о том, что поступательная их реализация происходит в исключительных случаях, в то время как в целом этот процесс является неповсеместным и неравномерным. Для установления причин, препятствующих нормальному его течению, автором было проведено исследование, раскрывающее современные особенности регионального планирования в субъектах Российской Федерации. При выявлении таких причин, снижающих эффективность модернизационных процессов в субъектах РФ, обращает на себя внимание, в первую очередь, рассогласованность социально-экономических и территориально-пространственных компонентов регионального планирования, несбалансированность участия органов государственного управления, уполномоченных в вопросах долгосрочного планирования, необъективность оценок реальных предпосылок, существующих в регионах для реализации инновационных начинаний.

Именно в обосновании способов ликвидации указанных противоречий функционирования региональных хозяйственных систем (РХС) автор определяет для себя актуальную научную проблему, являющуюся целью данного исследования. Его гипотеза построена на том, что, при условии разрешения противоречия в действующих методах регионального планирования, качество региональных планов повысится за счет их большей адаптивности в отношении институциональных требований и ограничений инновационного развития РХС. Таким образом, объектом исследования является меандрирующая система долгосрочного регионального планирования, подверженная влиянию комплекса внешних и внутренних факторов, определяющих особенности трансформационных изменений в РХС. Предметом исследования становится соответствующее объекту инструментальное обеспечение, отражающее интенсивность трансформационных изменений в РХС, происходящих вследствие использования пространственного подхода к региональному планированию.

Одним из наименее изученных аспектов данной проблемы, по мнению автора, является выявление противоречий в РХС, вызываемых рассогласованностью социально-экономических и территориально-пространственных компонентов регионального планирования [19]. Для обоснования направлений устранения

указанных проблем и совершенствования существующих методов планирования потребовалось изучение содержания планов регионального развития в субъектах РФ с последующим проведением их компаративного анализа. Наряду с данным видом анализа, методы исследования включают также анализ причин и последствий, сравнительный анализ, эмпирический метод, методы пространственного анализа.

Как показало исследование, основные направления политики инновационного развития экономики в нашей стране выражены в комплексе концептуальных и институциональных ограничений [2], являющихся отправными при разработке любых управленческих решений, включая и долгосрочные планы регионального развития. Трансляция этих посылов происходит в различных, в основном не регламентированных формах [14, 15]. Этим во многом определяется специфика региональных планов. Так, в частности, региональные хозяйственные системы, испытывающие воздействия требований инновационного развития, реагируют посредством появления новых социально-экономических процессов, с последующим отображением раскрывающих их содержание элементов.

Но в подавляющем большинстве случаев соответствия социально-экономическим положениям планов в пространственном аспекте не происходит или оно отражено в незначительной степени (*рис. 1*). Трансформационные процессы в РХС, выражающие действие инновационных факторов, характеризуются на современном этапе преимущественно инфраструктурными социально-экономическими изменениями, с их привязкой к иерархическим уровням административно-территориального деления региона. Эта тенденция выявления в структуре социально-экономических процессов инфраструктурных связей находит отражение в региональных планах еще в

меньшей степени. Исключение составляют долгосрочные планы отдельных субъектов РФ, в которых инфраструктурные модели просчитываются как в планах социально-экономического развития регионов, так и в территориальных планах (*рис. 2*).

Совершенствование пространственного подхода с учетом новых условий позволяет представить развитие РХС как процесс их управляемой трансформации, синхронизированной с модернизационными трендами, в рамках которых цели развития РХС адаптируются к реальным возможностям их реализации через взаимодействие социально-экономических и пространственных форм. Именно эта обусловленность сути экономических процессов их территориальной принадлежностью ориентирует органы государственной власти и ведущих представителей современного научного сообщества на комплексную оценку факторов развития РХС посредством актуализации пространственных факторов [4, 6, 10, 11, 15].

Вследствие этого изменяется система регионального планирования за счет выявления в ней трансформационной функции, реализуемой посредством выработки комплексных пространственно-стратегических решений, синхронизирующих конфигурации и параметры развития РХС. Практическая осуществимость данной функции, раскрывающейся в системе пространственно-стратегического планирования, в свою очередь, неотъемлема от модернизированной системы инструментального обеспечения, отражающей изменение целеполагания развития РХС [3, 13, 17].

В контексте пространственного подхода трансформационная функция проявляет себя с разной степенью активности таким образом, что приводит к совершенствованию планирования: первоначально — посредством связанности социально-эконо-

Рисунок 1. Выявление социально-экономических процессов в развитии региональных хозяйственных систем на основе компаративного анализа долгосрочных планов в пространственном аспекте на примере субъекта РФ, характеризующегося низким порогом восприятия институциональных ограничений

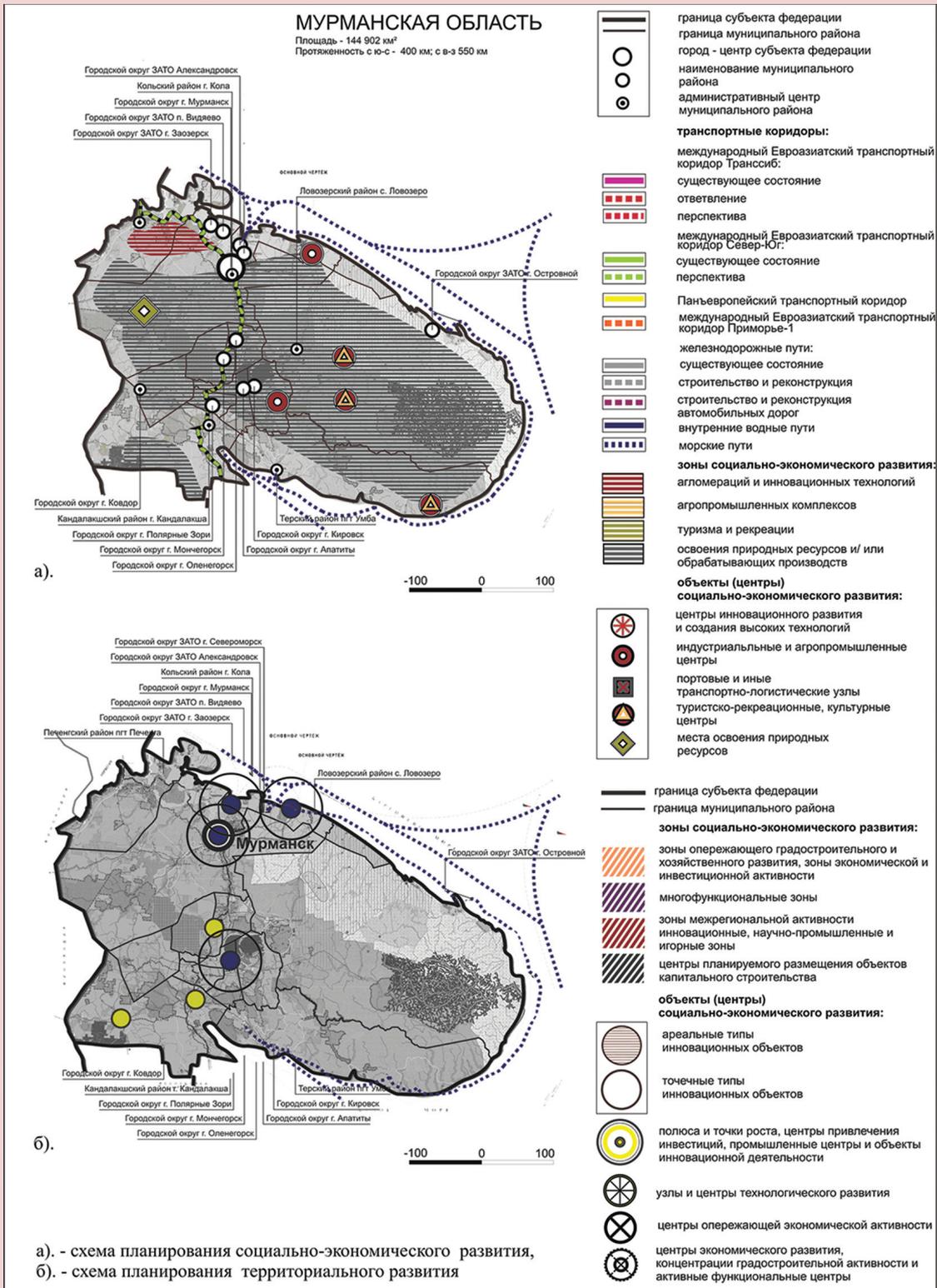
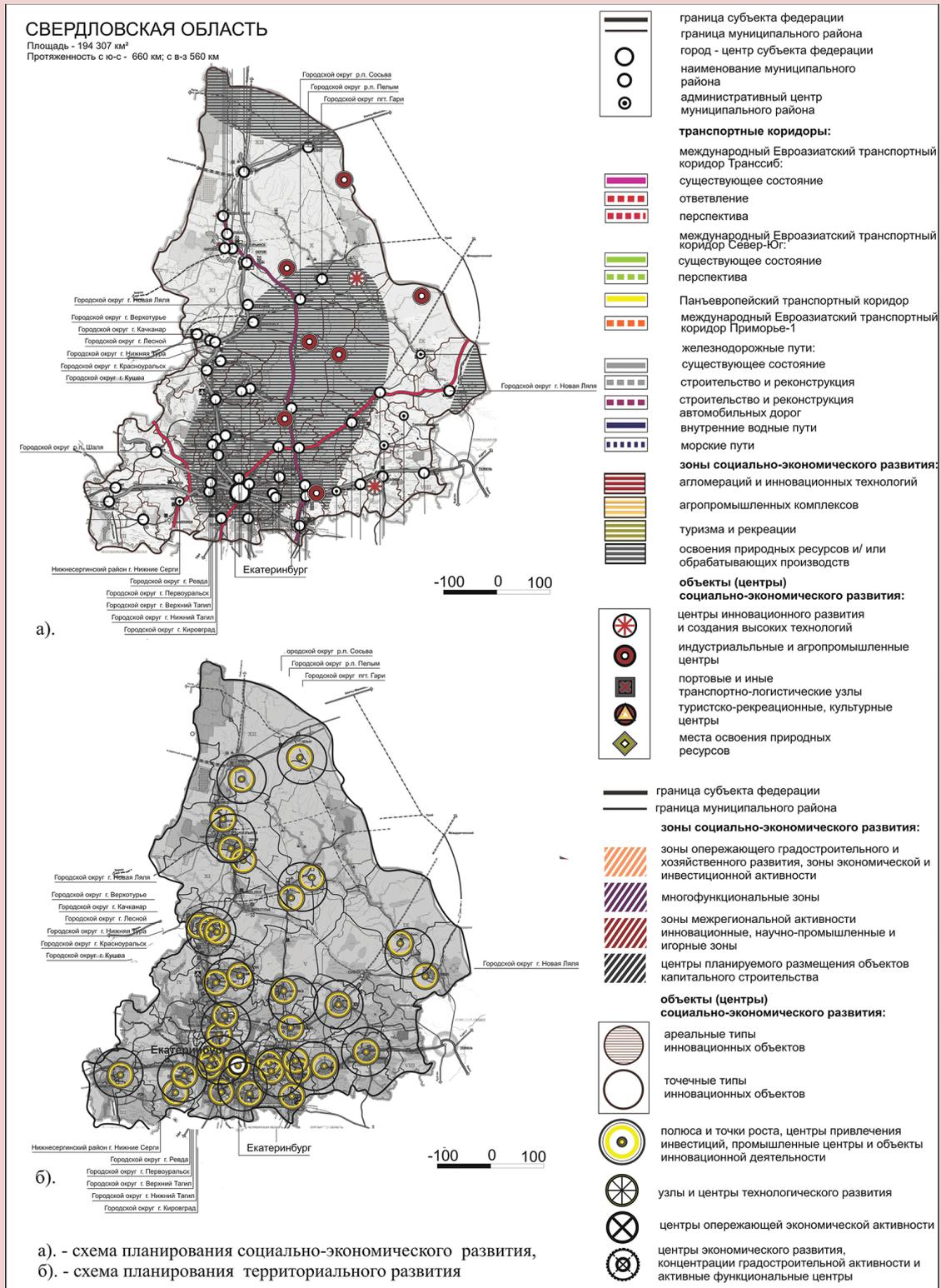


Рисунок 2. Выявление инфраструктурных особенностей социально-экономического развития региональных хозяйственных систем в пространственном аспекте на примере субъекта РФ, характеризующегося высоким порогом восприятия институциональных ограничений РХС



мических пространственных компонентов, а затем и их интеграции. Особенности взаимодействия компонентов, уже в системе пространственно-стратегического планирования (ПСП), обосновывают феноменологические эффекты мультипликации, распространяющие свое влияние на сферы хозяйственной активности региона. Они обеспечиваются действием инструментального обеспечения ПСП.

Согласно результатам исследования, в системе инструментального обеспечения ПСП выделяются три основные группы инструментов: организующие, регулирующие, координирующие.

Группа организующих инструментов формируется двумя подгруппами: организационно-правового и ресурсного обеспечения ПСП.

Анализ действующей практики применения инструментов организационно-правового обеспечения процессов регионального планирования подтверждает результативность использования государственно-частного партнерства (ГЧП). Интенсивное развитие ГЧП в регионах часто сдерживается несопоставимостью социально-экономических и пространственных оценок потенциала решения стратегических задач по таким критериям, как: потребность в ресурсах, сроки окупаемости, способности улучшить социально-экономическое состояние региона в заданном направлении, пополнять региональные бюджеты, создавать дополнительные рабочие места [4, 14]. Перспективы развития современных форм ГЧП и концепций их формирования связаны с определением и учетом сложившихся особенностей регионов, а также степени их соответствия общей стратегии развития федеральных округов. В условиях выраженной неравномерности трансформационных изменений РХС проекты их инфраструктурного развития на основе ГЧП, в общем смысле и в

терминологии настоящего исследования, представляют собой способ выравнивания таких диспропорций для опережающего экономического роста, привлечения инвестиций и планируемых пространственных преобразований.

Вследствие этого повышаются уровень и статус мероприятий в рамках ГЧП, определяемый, с одной стороны, их социально-экономической значимостью для региона, увеличением интенсивности взаимодействия субъектов региональной экономики в процессе их реализации, подчинением их содержания приоритетам национальной политики инновационного развития, а с другой стороны, – выработкой пространственных форм, адекватных изменению потребностей населения.

Региональные особенности оказывают влияние на структуру ГЧП посредством поэтапного и покомпонентного прохождения установленных в их рамках мероприятий таким образом, чтобы встроиться в формат разрабатываемых стратегий и долгосрочных планов развития региона с максимальным учетом возможных изменений условий их реализации, например, через формулировку положений региональных целевых программ.

Закрепление проектов ГЧП в положениях долгосрочных планов развития региона позволяет гарантировать преемственность сформулированных на федеральном уровне государственных задач инновационного развития экономики и одновременно с этим требовать обязательности единства партнерских форм их реализации, адаптированных к поставленным задачам с уровня планов до уровня проектов. Новая модель ГЧП, построенная на структурной самостоятельности непротиворечиво взаимодействующих социально-экономических и пространственных компонентов регионального планирования и в то же время на их целевом объединении, призвана обеспечить

процесс реализации планов развития регионов согласованно с общей стратегической направленностью задач государственной политики регионального развития.

В обоснование инструментов ресурсного обеспечения ПСП положены две схемы оценки факторов развития региона – социальных и рыночных, которые отражаются в комплексе и в соответствии с которыми образуется два аналитических блока: социального анализа и рыночного анализа. В рамках этих блоков одновременно (параллельно) выполняются поэтапно и последовательно специфические исследовательские операции, раскрывающие различные особенности функционирования региональной системы. В результате выполнения данных видов анализа выявляются комплексные характеристики, диагностирующие состояние РХС с позиций их потенциальных изменений в наиболее оптимальных формах.

На основе систематизации данных о структуре общественного обслуживания, характеристиках жилого фонда и классификации потребителей, а также комплексной оценки этой информации определяются перспективы изменения состояния РХС, описываемые количественными и качественными показателями. Для этого: проявляются «проблемные» элементы РХС с неполноценным и нерациональным обслуживанием; выявляются последствия размещения секторов обслуживания в пространстве, приводящие к социально-экономическому дисбалансу; выделяются рыночные ниши (не занятые или слабо освоенные, но имеющие перспективы дальнейшего развития); устанавливаются процентные соотношения элементов социального и коммерческого обслуживания. В зависимости от совокупности выявленных признаков изменения состояния РХС определяется мотивированная степень вмешательства уполномоченных

в этих вопросах органов управления и в социально-экономическом, и в пространственном аспектах.

В составе *группы регулирующих* инструментов предложено выделять подгруппы инструментов регулятивного зонирования и инвестиционного регулирования ПСП [1, 18].

Содержание регулятивного зонирования (РЗ) раскрывается в рамках процедур наделения зон дифференцированным статусом развития с установлением соответствующих им границ. Его практическим результатом является разработка регулятивных мероприятий, отражающих планируемые изменения в показателях развития с различной амплитудой и частотой повторяемости процессов посредством их графической фиксации в специальных схемах зонирования территории региона. Тем самым обеспечивается регулируемый порядок социально-экономического и пространственного вмешательства посредством как повышения, так и намеренного понижения привлекательности использования отдельных фрагментов РХС и выявления объектов планирования регионального развития, необходимых для реализации публичных интересов.

Для этого в работе предложено учитывать комплекс требований к регулированию развития РХС через синхронизацию его социально-экономических и пространственных компонентов, влияющую на процесс выявления и закрепления регулятивных зон (до сегодняшнего дня аналогичные разработки на практике осуществляются в инициативном порядке, что относит их к разряду дискуссионных, а не законодательно закрепленных).

Среди возможных требований следует выделить наиболее ожидаемые, такие как:

– преемственность способов реализации государственной политики пространственного развития с уровня стратегиче-

ского планирования посредством их встраивания в регулятивное зонирование путем конкретизации направлений трансформации РХС с соответствующими фиксациями в положениях РЗ;

– координация управленческих решений по урегулированию государственных, общественных и частных интересов, направленному на ликвидацию и предотвращение конфликтных ситуаций, выражающаяся в дифференцированных схемах управленческих решений, различающихся перечнем регулирующих установок;

– прогнозирование показателей использования РХС с максимальным учетом комплекса факторов, определяющих ее функционирование, не допускающее разрушения пространственной целостности РХС, противоречия избранной стратегии регионального развития принципам рационального использования ресурсов.

Эти требования создают предпосылки для перехода от прямого административного управления к более эффективным косвенным формам экономического управления процессами развития РХС. Для этого перехода наиболее целесообразным представляется использование регулятивных характеристик РЗ, с помощью которых происходит дифференциация нерасчлененной территориальной массы РХС. На основе укрупненной дифференциации выявляются наиболее перспективные с точки зрения социально-экономического и пространственного развития зональные объекты, что и формирует экономическую основу зонирования.

В контексте вопросов совершенствования регулятивных принципов регионального планирования установление и закрепление в РЗ прогнозных экономических показателей развития РХС играет ведущую роль: выделение зон определенного вида использования означает назначение

и гарантирование перспективных социально-экономических и пространственных приоритетов, в совокупности определяющих способ раскрытия стратегического вектора развития РХС.

Перспективы регулятивного зонирования определяются предлагаемыми методологическими положениями, сформированными на основе сочетания следующих принципов:

– непротиворечивость предлагаемых типологических приемов пространственной организации элементов РХС, включая и определение вариативности их функционального назначения, устанавливаемых на основе результатов комплексного анализа существующих условий и особенностей развития конкретного региона таким образом, чтобы они были максимально приближены к реально сложившейся пространственной структуре социально-экономических процессов с соответствующими типами зон;

– взаимосвязь форм пространственной организации элементов РХС с их социально-экономическим содержанием, определяемых особенностями местоположения регулятивных зон, назначением видов их хозяйственного использования, реализуемая посредством постепенной и последовательной логики процесса преобразования зон и объектов, не нарушающей и максимально сохраняющей сложившийся структурный порядок на основе комплекса объективных факторов и предпосылок;

– ранжирование видов хозяйственной деятельности, осуществляемое посредством учета комплекса политических, историко-культурных, социальных, демографических, природно-ландшафтных, территориальных факторов, включая особенности местоположения, существующие виды использования, исторически сложившегося сочетания функциональных процессов, потенциал возможных про-

странственных трансформаций в пределах установленных регулятивных зон;

– структуризация в составе регулятивных зон элементов РХС в социально-экономическом и пространственном аспектах единовременно с помощью иерархически последовательного перехода от элементов вышележащих уровней к нижележащим уровням на основе сложившейся организации РХС и перспективных тенденций полифункционального или монофункционального развития.

Как результат совокупного действия выявленных принципов подготавливаются схемы регулятивного зонирования с выделением в них зон, сформированных в соответствии с классификатором доминантных и вспомогательных видов хозяйственного использования РХС с указанием их количественных и качественных характеристик.

Формирование инвестиционных инструментов регулирования отношений субъектов региональной экономики предусматривает активное вовлечение в процессы регионального развития преимущественно частных инвестиций, которые реализуют потенциал немногочисленных конкурентоспособных, экономически выгодных урбанизированных пространственных элементов РХС [1].

Проведенное автором исследование современного опыта реализации проектно-управленческих решений показало, что наибольшее распространение среди инвестиционных инструментов регулирования получают декларативные и инициативные инструменты инвестирования. Логика использования регулятивных инвестиционных инструментов определена зависимостью между формами участия органов государственного управления и процессами развития РХС. Регулирование процесса реализации территориальных проектов органами государственного управления происходит преимущественно через их не-

посредственное участие, но не исключает и создания специальных организационно-управленческих структур [16]. Благодаря целенаправленным воздействиям на развитие РХС (стимулируя или ограничивая) осуществляется возможность реализации государственного контроля и управления регионами. Она выражается как в форме повышения эффективности практической реализации проектов в целом, так и в постоянном появлении объектов планирования регионального развития, становящихся катализатором трансформации региональных систем. В процессе реализации территориальных проектов, по мере снижения степени участия в них органов управления, отмечается переход инициативы к частным инвесторам, что также расширяет инвестиционные возможности субъектов региональной экономики.

Результаты изучения мировой практики регионального управления подтверждают, что в определенных условиях (таких, например, как экономический кризис, вызывающий ограниченность ресурсов всех видов) для органов государственного управления становится целесообразным использование гибких (компромиссных) схем реализации проектов регионального развития.

Такие схемы, основанные на принципах комбинированного регулирования использования государственных (муниципальных) и частных инвестиций, позволяют, в зависимости от изменения социально-экономической ситуации, задействовать их (схемы) вариативно, адаптируясь к изменениям и тем самым достигая результативности деятельности. Поскольку сам факт закрепления компромиссных схем регулирования процессов развития РХС в соответствующих плановых решениях не гарантирует однозначности их реализации, а также того, что обозначенная схема не будет изменяться, необходимо планомерное и

всестороннее обеспечение контроля этого процесса, в том числе и в форме уравнивания интересов всех заинтересованных участников.

Группа координирующих инструментов сосредоточена в системе регионального мониторинга ПСП. Направления совершенствования регионального мониторинга в рамках пространственного подхода определяются прежде всего тем, что при выделении таких его характерных стадий (операций), как анализ, оценка, контроль и последующее установление их внутреннего содержания, учитываются особенности взаимодействия социально-экономических и пространственных компонентов регионального планирования.

В зависимости от того, каким образом осуществляется данное взаимодействие, определяются конкретика поставленных задач ПСП и особенности функционирования технологической цепочки обращения информации. Основной акцент в этой модернизируемой системе мониторинга делается на интегрировании специальных средств, используемых как в планировании социально-экономического развития региона, так и в территориальном планировании. За счет внедрения системы информационного описания изменений состояния РХС, вызываемых последствиями реализации инфраструктурной модели ее развития, открываются новые возможности комплексного решения задач управления РХС.

Анализ теоретических работ, а также непосредственное ознакомление автора с практическими способами решения этой проблемы в отдельных регионах России (Москве, Санкт-Петербурге, республиках Татарстан, Чувашия, Самарской, Саратовской, Ростовской, Ленинградской областях) на примерах действующих служб мониторинга в системе регионального управления позволили установить следующее.

Имеющиеся разработки, направленные на оптимизацию осуществления мониторинга и раскрывающие особенности динамично меняющихся задач в системе регионального управления, касаются в основном усовершенствования информационного обеспечения в целом.

Применительно к объекту и предмету исследования это связано, в первую очередь, с уточнением содержания базового для него понятия информации [1, 9, 19]. Несмотря на то что этот актуальный вопрос достаточно хорошо изучен, к единству мнений специалисты пока не пришли. Это подтверждается проведенной систематизацией и анализом трудов, касающихся перспектив информационного обеспечения процессов регионального управления, с учетом специфики конкретных субъектов федерации и особенностей сфер использования информации. В то же время в оценке действующих в настоящее время стандартов формирования схем регионального мониторинга и установления возможностей их совершенствования многие исследователи, в частности волгоградского региона (Калинина А., 2005; Донцов Д., 2006; Олейник, 2007; Петрова Г., 2008; Соколов А., 2013), проявляют практическое единодушие. Они указывают на необходимость дополнения действующих методик регионального планирования блочными схемами организации информации [1, 12, 18].

Это означает, что при решении органами государственной и муниципальной власти определенных управленческих задач возникает необходимость периодического использования специальной информации, наряду с общей информацией, вовлекаемой в этот процесс постоянно. Если эти информационные процессы взаимодействия не структурированы, а способы обращения к ней органов власти, уполномоченных в разных сферах государственного управления, не оформлены должным образом,

приходится констатировать случаи нерационального использования ресурсов. Именно на решение такой важной народнохозяйственной задачи ресурсосбережения направлены вносимые в систему регионального мониторинга предложения по ее усовершенствованию. Блочная схема организации информации, в этой связи, позволит сформировать рациональную систему накопления, обработки и анализа информации, предотвратить пересечение ее потоков и возможный дисбаланс от многократных обращений к ней пользователей [12, 19].

Принятие блочной схемы организации информации влечет за собой переосмысление существующего отношения к одному из составляющих ее блоков — территориальной информации. До настоящего времени распространено мнение, что использовать информацию этого блока необходимо в качестве вспомогательной при решении различных ситуативных задач в системе регионального управления. Это означает обращение к блоку для любых видов визуализации социально-экономических процессов в регионе, в качестве некой сервисной услуги. Соответственно, о полноценности реализации потенциала информационного блока речь идти не может.

Аналогичное распространение этого в определенном смысле негативного отношения к данному блоку информации при решении задач регионального мониторинга приводит в большинстве случаев к тому, что его значимость принижается и, следовательно, он недостаточно активно задействуется и в решении вопросов управления регионом. Его функционирование и в настоящее время рассматривается в достаточно узких, сугубо специальных рамках, ограниченных решением вопросов освоения и использования отдельных элементов РХС, ее территорий при осуществлении процедур, связанных с

реализацией инвестиционных намерений застройщиков. Дискуссии относительно того, какой из вариантов существования блока пространственной информации наилучшим образом отражает всю полноту его возможностей в системе регионального планирования и является наиболее предпочтительным для ее совершенствования, не прекращаются. При том, что дополнение им информационных ресурсов мониторинга — относительно новое требование к его структурной организации, можно предположить последующее развитие этой концептуальной конструкции.

В комплексе современных требований, предъявляемых к информационным потокам в информационных системах, выделяются преимущества рыночного характера правоотношений субъектов региональной экономики, активно использующих информацию разного рода [9]. С учётом данного требования, а также обоснованности построения блочной схемы информации предложено интегрировать территориально-пространственную составляющую в социально-экономическую информацию. Такой подход расширит возможности классификации информации: в дополнение к существующим способам унификации, позволит применять способы ее ранжирования в зависимости от задач мониторинга: анализа, оценки, контроля получения, от источника информационного запроса — субъекта региональной экономики, определяющего объем, содержание, форму и сроки предоставления информации. Предложения касаются прежде всего внедрения диверсифицированных видов информации, позволяющих использовать ее многофункционально и неоднократно, в зависимости от сфер ее назначения, конкретных функциональных соответствий, потребителей.

В целом предложения по совершенствованию системы регионального мониторинга

га, рассматриваемые в данной работе, сводятся к обоснованию концептуальной схемы информационной системы мониторинга (ИСМ). Главной особенностью построения принципиальной схемы функционирования ИСМ является синхронизация информационных потоков – социально-экономической и территориально-пространственной информации и их пересечение в «зонах» принятия управленческих решений, требующих концентрации и синтеза исходных данных. Соответственно, ИСМ свойственны и другие особенности. В частности, оптимизируется процесс движения от начальной (входящей) до конечной (исходящей) информации таким образом, чтобы он был не только ограничен во времени, но и не связан с большим и необоснованным количеством трудоемких и непродуктивных технологических вспомогательных операций. Вследствие модернизации структуры ИСМ, с выделением в схеме мониторинга подсистем, соответствующих стадиям анализа, оценки, контроля, строго, в зависимости от характеристик информационных процессов, устанавливается содержание операций сбора, документирования, актуализации, обработки, систематизации, учета и хранения сведений.

Функционирование ИСМ осуществляется по двум основным направлениям, соответствующим установленной стадии выполнения характерных последовательных операций, посредством их предлагаемой группировки. В первом направлении группируются операции накопления, обработки, регистрации, хранения и обновления информации; а во втором – предоставление информации. Обособление информации в рамках второго направления представляется крайне важным, поскольку категория информационного запроса способна кардинально изменять форму и содержание выходных материалов. Имеется в

виду, что их адресность и принадлежность различным потребителям порождает схемы организации информации, которые различаются количеством внутренних операций, их наполнением, порядком чередования, способами взаимодействия и т.д.

Среди таких схем организации информации выделяются те, которые используются для подготовки нормативно-правовых документов, долгосрочных планов и программ развития регионов. Особенность этих случаев определяется тем, что информационные схемы должны учитывать двойственность требований, исходящих как от социально-экономических, так и от пространственных компонентов, диктующих информационный состав разрабатываемых материалов. Таким образом, в этом процессе разработки информационных схем органы государственного и муниципального управления, задействованные в нем, не могут оставаться абсолютно изолированными и не зависящими друг от друга, как это практикуется в настоящее время.

Способ организации ИСМ подчинен требованию ее бесперебойного функционирования в условиях диверсификации процессов регионального развития, в которые вовлечены разные группы потребителей, профессиональные субъекты региональной экономики и органы управления. Результаты функционирования ИСМ могут проявляться двояко: через итоговые документы, характер использования которых разными группами потребителей (органами управления, профессиональными участниками регионального рынка и рядовыми потребителями) определяет их содержание; посредством обеспечения санкционированного прямого доступа к информационным ресурсам, ограниченного списком пользователей, утверждаемым распорядителем информационной системы.

Выполнение органами власти двойственности требований теоретически приводит к тому, что из всего множества потенциально существующих (или возможных) операций в рамках разрабатываемых информационных схем, в зависимости от конкретики поставленных задач, могут и должны быть обоснованно определены элементы схем, являющиеся действительно релевантными, и одновременно исключены неактуальные, но усложняющие их функционирование элементы. Как основной ожидаемый результат реализации такого подхода к организации регионального мониторинга предполагаются, в частности, ликвидация дублирующих функциональных процессов в системе регионального управления и адаптированные к определенным типовым изменениям РХС наборы информационных блоков.

Использование ИСМ в перспективе позволит формировать инструменты мониторинга на основе адаптивных принципов, позволяющих обеспечивать адекватность закладываемых в планы регионального развития мероприятий, максимально соответствующих задачам государственного управления, реализации взаимных интересов государства и населения. Как один из способов решения подобных задач могут быть рекомендованы разработка и принятие закона Российской Федерации либо закона субъекта РФ, затрагивающих вопросы совершенствования порядка формирования и предоставления информации о планировании развития региона.

Совокупность предлагаемых *организующих, регулирующих, координирующих инструментов* формирует систему инструментального обеспечения в контексте пространственного подхода к региональному планированию, реализующую стратегическую направленность государственной политики устойчивого инновационного развития регионов. Одновременно с этим

системный подход к разработке инструментального обеспечения ПСП составляет суть нововведений интегрированного и комплексного формирования социально-экономических и пространственных решений, определяющих содержание долгосрочных планов развития регионов, и нормативно-правовых актов, обеспечивающих их разработку. Таким образом, *система инструментального обеспечения* ПСП зависит от результатов оценки необходимых трансформации РХС ресурсов: намерения реализовать определенные виды трансформаций, инициируемые органами государственного управления, обоснования комплекса социально-экономических и пространственных условий, соответствующих форм раскрытия и закрепления в сценариях развития регионов.

Практика современного регионального управления, построенная на основе обновляющейся методологии планирования, свидетельствует, что отдельные элементы представленной системы инструментального обеспечения используются при разработке и практической реализации долгосрочных планов регионального развития в субъектах РФ. Однако отсутствие общепринятой классификации имеющегося видового разнообразия инструментов, единства правил их применения, а также значительные расхождения регионов по показателям социально-экономического развития приводят к тому, что при определении набора инструментов универсальные схемы показывают низкую эффективность. И, как результат этого, в каждом конкретном случае фактически нарушаются процедуры собственно планирования, поскольку субъекты региональной экономики, по сути, «проектируют» необходимые для решения актуальных проблем регионального развития инструменты управления, определяясь со своим конечным выбором не на основе критериальных оценок, а по-

средством случайной выборки наиболее приемлемого, по мнению разработчиков, варианта.

Кардинально изменить подобную практику не представляется возможным до того момента, пока не будет накоплен значительный отечественный опыт применения различных вариантов формирования управленческих решений на основе вариантов инструментального обеспечения планирования. Причем недостаточно простого количественного приращения таких примеров, поскольку не меньшее значение имеют качественные оценки применения инструментов в различных федеральных округах, в рамках которых ожидается определенная тенденционность выбора некоего стандартизированного их перечня, объясняемая сопоставимостью условий и факторов развития РХС.

Результаты исследования, изложенные в данной статье, приходится преимущественно на 2008–2012 годы, когда описанные перспективы только начали просматриваться и речь могла идти лишь о «пионерных» формах выбора таких инструментов. Решая задачи комбинаторики инструментов из потенциально возможных вариантов их сочетания, автор исходила из реально существующих условий, ограниченных ее практическим участием в процессе разработки соответствующих социально-экономических и территориальных планов развития Волгоградской области, пришедшемся именно на эти годы. Не меньшее значение имел и тот факт, что разработка содержания планов развития субъекта РФ не может ограничиваться процедурами собственно регионального уровня, поскольку этот процесс непосредственно связан с планированием развития как федеральных округов, так и муниципальных районов. Участие автора в реализации муниципальных контрактов по разработке планов развития муници-

пальных районов Волгоградской области явилось дополнительным подтверждением жизнеспособности предложенной модели инструментального обеспечения регионального планирования.

Поскольку планы долгосрочного развития разрабатывались для муниципальных районов, входящих в единый субъект федерации, то было принято решение, что содержание используемых инструментов будет относительно единообразным, но допускающим вариативность. Подготовленные и утвержденные планы в настоящее время активно используются в практике регионального управления Волгоградской области. И несмотря на то, что в целом их положения относительно стабильны, они не лишены динамичности, вызываемой изменением социально-экономических условий и требований к развитию регионов. Это приводит к тому, что планы развития корректируются и дополняются. В соответствии с отражаемыми в планах поправками будет видоизменяться состав инструментов управления. Сегодня нельзя однозначно утверждать, что предложенный в данной работе экспериментальный вариант инструментального обеспечения статичен и закончен в своем первоначальном развитии. Напротив, автор связывает перспективы его использования с активизацией практики разработки и компоновки инструментов различных составов, и затем уже, посредством критического анализа, можно будет выделить стандартные формы.

Дифференциация элементов системы инструментального обеспечения, а также их комбинаторика определяются в зависимости от выбора типа пространственно-стратегических инициатив (ПСИ) – базового элемента пространственно-стратегического планирования, отвечающего за степень соответствия плановых разработок институциональным ограничениям. Инструментальное обеспечение

сформировано таким образом, что позволяет системе регионального планирования адаптироваться к специфике ПСИ. Именно для этих целей предложена его типизация в соответствии с группами функций управления: организации — для оптимизации организационно-правовых взаимодействий субъектов региональной экономики в форматах государственно-частного партнерства, подкрепленных реально существующим ресурсным потенциалом; регулирования — для адекватного и быстрого реагирования РХС

на воздействия внутренних и внешних факторов посредством инвестиционных регуляторов и регламентного зонирования в вариативных формах; мониторинга — для точного и оперативного воспроизведения информации о процессах регионального развития, ориентирующего его показатели в большей степени на формирование прогнозов и потенциально возможных вариантов, чем на констатацию свершившихся фактов, активно вовлекая в этот процесс ее пользователей, добиваясь эффекта обратной связи.

Литература

1. Донцов, Д.Г. Регулирование функционально-пространственных преобразований территории на основе информационно-управляющих систем / Д.Г. Донцов, Н.Г. Юшкова // Недвижимость: экономика, управление. — М.: Изд-во «АСВ», 2005. — № 11–12. — С. 37–44.
2. Дуглас, Н. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Н. Дуглас; пер. с англ. А.Н. Несстеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
3. Европейская хартия регионального/пространственного планирования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: \www/URL: <http://docs.cntd.ru/document/902018818>. — 17.07.2014.
4. Ильин, В.А. Проблемы социально-экономического развития территорий России в посткризисный период / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2011. — № 5. — С. 9–23.
5. Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации (проект Министерства регионального развития Российской Федерации от 2005 года) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gosbook.ru/node/48488> — Загл. с экрана.
6. Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации (проект Министерства регионального развития Российской Федерации от 2010 года) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.komfed.ru/section_42/475.htm — Загл. с экрана.
7. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 17 нояб. 2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/194365/>. — Загл. с экрана.
8. Лаврикова, Ю.Г. Стратегические приоритеты пространственного развития региона в сетевой экономике / Ю.Г. Лаврикова // Вестник УрПГУ-УПИ. — Екатеринбург, 2008. — № 5. — С. 37–49.
9. Об информации, информатизации и защите информации: Федеральный закон от 20 февр. 1995 г. № 24 // Российская газета. — 1995. — № 39. — 22 февр.
10. Пространственные аспекты развития региона / под общей ред. д.э.н., проф. В.А. Ильина. — Вологда: Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, 2008. — 298 с.
11. Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике / под ред. А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. — Москва: РАН, 2013. — 93 с.
12. Соколов, А.Ф. Информационно-аналитические методы мониторинга эффективности систем управления региональной экономикой / А.Ф. Соколов, А.Э. Калинина, И.А. Елхина // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия «Актуальные проблемы реформирования российской экономики (теория, практика, перспектива)». — Вып. 13. — Волгоград: ИУНЛ ВолГТУ, 2012. — № 7 (94). — С. 169–179.
13. Территориально-пространственное планирование: ключевой инструмент развития и эффективного управления с уделением особого внимания странам с переходной экономикой [Электронный ресурс]

- // Европейская экономическая комиссия. – Нью-Йорк и Женева: Организации Объединенных Наций, 2008. – Режим доступа: \www/URL: http://www.unecsc.org/hlm/documents/Publications/spatial_planning.r.pdf. – 17.07.2014.
14. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона / Т.В. Ускова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.
 15. Татаркин, А.И. Программно-проектное развитие регионов как условие устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации / А.И. Татаркин // Вестник УрПГУ-УПИ. – Екатеринбург, 2011. – № 4. – С. 46-55.
 16. Фливиборг, Б. Мегапроекты: история недостроев, перерасходов и прочих рисков строительства / Б. Фливиборг, Н. Брузелиус, В. Ротенгаттер; пер. с англ. – М.: Вершина, 2005. – 224 с.
 17. Шмидт-Каллерт А. Краткое введение в планирование на микрорегиональном уровне / Продовольственная и сельскохозяйственная Организация Объединенных Наций // Субрегиональное отделение для Центральной и Восточной Европы Будапешт, 2005 г. – 83 с.
 18. Юшкова, Н.Г. Потенциал пространственной системы региона в определении инновационной стратегии развития территории [Текст] / Н.Г. Юшкова // Регионы России: Стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития: Тр. Восьмой междунар. научн.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. Отд. научного сотрудничества и междунар. связей; отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2012. – Ч. 1. – С. 400-406.
 19. Юшкова, Н.Г. Проблемы адаптивности планирования развития региональных социально-экономических систем [Электронный ресурс] / Н.Г. Юшкова // XII Всероссийское совещание по проблемам управления (ВСПУ-2014) Россия, Москва, ИПУ РАН, 16–19 июня 2014 г. – С. 5579-5592. – Режим доступа: vsru2014.ipu.ru.
 20. Юшкова, Н.Г. Использование модели информационно-технологического обеспечения процессов инновационного развития в документах территориального планирования [Текст] / Н.Г. Юшкова, Д.Г. Донцов // «Модернизация России: ключевые проблемы и решения» материалы XII международной научной конференции. 5-6 декабря 2012 г. – Москва: РАН РФ. – С. 167-171.

Yushkova N.G.

Improvement of tool support of the spatial approach to regional planning: problems, specifics, trends

Nataliya Gennadiyevna Yushkova – Ph.D. in Architecture, Associate Professor, Research Associate, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering (1, Akademicheskaya Street, Volgograd, 400087, Russian Federation, ymanul@gmail.com)

Abstract. The emerging imperatives of innovation economic development in Russia determine the content of conceptual and institutional constraints to the development of regional economic systems (RES). They consider the regional planning system as a leading priority in its inseparable unity with modern public administration tasks. However, the practice of development of long-term plans in the RF subjects proves that the innovation challenges of economic policy are not reflected properly in them or they are significantly distorted. The following reasons reduce the effectiveness of modernization processes in the RF subjects and hamper the appropriate reaction of RES on their impact: the lack of coordination between socio-economic and spatial regional plans, the imbalance of interaction between state authorities engaged in long-term planning, the lack of real prerequisites for the implementation of innovation initiatives in the regions. Systematization and analysis of long-term plans make it possible to substantiate the consistency of the spatial approach to regional planning expressed in the dominance of the transformational function that synchronizes the configuration and parameters of RES, and to establish ways to integrate spatial components in the system of regional planning through optimization

of its tool support. The change in the content of the instrumentation support is based on the synthesis of the predominant basic characteristics of the existing tools used in isolated subsystems of regional planning of socio-economic and territorial development. The study has established a system of tool support for regional planning that adapts to the changes in both internal and external factors in the development of RES. Three main groups of tools: organizing, regulating, and coordinating are defined by their typing in accordance with the groups of management functions. The article proposes the modeling of combinations of tools that are subordinated to the choice of spatial and strategic initiatives in the development of a particular region.

Key words: public administration, regional system, transformational function, socio-economic development, regional planning, tool support, spatial approach.

References

1. Dontsov D.G., Yushkova N.G. Regulirovanie funktsional'no-prostranstvennykh preobrazovaniy territorii na osnove informatsionno-upravlyayushchikh system [Regulation of Functional-Spatial Transformations of the Territory on the Basis of Information-and-Management Systems]. *Nedvizhimost': ekonomika, upravlenie* [Real Estate: Economics, Management], 2005, no. 11–12, pp. 37-44.
2. Douglas N. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Translated from English by A.N. Nesterenko; foreword and scientific editing by B.Z. Mil'ner. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi "Nachala", 1997. 180 p.
3. *Evropeiskaya khartiya regional'nogo/prostranstvennogo planirovaniya* [The European Regional/Spatial Planning Charter]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/902018818> (accessed July 17, 2014).
4. Ilyin V.A. Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii Rossii v post-krizisnyi period [Problems of Socio-Economic Development of Russian Territories in the Post Crisis Period]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2011, no. 5, pp. 9-23.
5. *Kontseptsiya Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossiiskoi Federatsii (proekt Ministerstva regional'nogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii ot 2005 goda)* [The Concept for Socio-Economic Development of Regions of the Russian Federation (the 2005 Project of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation)]. Available at: <http://www.gosbook.ru/node/48488>.
6. *Kontseptsiya sovershenstvovaniya regional'noi politiki v Rossiiskoi Federatsii (proekt Ministerstva regional'nogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii ot 2010 goda)* [The Concept for Improvement of Regional Policy in the Russian Federation (the 2010 Project of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation)]. Available at: http://www.komfed.ru/section_42/475.htm.
7. *Kontseptsiya dolgosrochnnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda: utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 17 noyab. 2008 g. № 1662-r* [The Concept for Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2020: Approved by the Resolution of the RF Government of November 17, 2008 no. 1662-r]. Available at: <http://base.garant.ru/194365/>.
8. Lavrikova Yu.G. Strategicheskie priority prostranstvennogo razvitiya regiona v setevoi ekonomike [Strategic Priorities of Spatial Development of the Region in the Network Economy]. *Vestnik UrPGU-UPI* [Herald of UrPGU-UPI], 2008, no. 5, pp. 37-49.
9. Ob informatsii, informatizatsii i zashchite informatsii: Federal'nyi zakon ot 20 fevr. 1995 g. № 24 [On Information, Informatization and Protection of Information: Federal Law of February 20, 1995 No. 24]. *Rossiiskaya gazeta* [The Russian Newspaper], 1995, no. 39, February 22.
10. Prostranstvennye aspekty razvitiya regiona [Spatial Aspects of Development of the Region]. Under general editorship of Doctor of Economics, Professor V.A. Ilyin. Vologda: Vologodskii nauchno-koordinatsionnyi tsentr TsEMI RAN, 2008. 298 p.
11. *Rossiya na puti k sovremennoi dinamichnoi i effektivnoi ekonomike* [Russia on the Way to a Modern, Dynamic and Efficient Economy]. Ed. by A.D. Nekipelov, V.V. Ivanter, S.Yu. Glazyev. Moscow: RAN, 2013. 93 p.
12. Sokolov A.F., Kalinina A.E., Elkhina I.A. Informatsionno-analiticheskie metody monitoringa effektivnosti sistem upravleniya regional'noi ekonomikoi [Analytical Methods for Monitoring the Effectiveness of the Systems of Management of the Regional Economy]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*.

- Seriya "Aktual'nye problemy reformirovaniya rossiiskoi ekonomiki (teoriya, praktika, perspektiva)"* [Bulletin of Volgograd State Technical University. Series "Topical Issues of Reforming the Russian Economy (Theory, Practice, Perspective)"], 2012, vol. 13, no. 7 (94), pp. 169-179.
13. *Territorial'no-prostranstvennoe planirovanie: klyuchevoi instrument razvitiya i effektivnogo upravleniya s udeleniem osobogo vnimaniya stranam s perekhodnoi ekonomikoi* [Spatial Planning – Key Instrument for Development and Effective Governance with Special Reference to Countries in Transition]. Economic Commission for Europe. New York and Geneva: United Nations, 2008. Available at: http://www.unece.org/hlm/documents/Publications/spatial_planning.r.pdf (accessed July 17, 2014).
 14. Uskova T.V. *Upravlenie ustoychivym razvitiem regiona* [Management of Sustainable Development of the Region] Volodga: ISERT RAN, 2009. 355 p.
 15. Tatarin A.I. Programmno-proektnoe razvitie regionov kak uslovie ustoychivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii [Program-Design Development of the Regions as a Prerequisite for Sustainable Socio-Economic Development of the Russian Federation]. *Vestnik UrPGU-UPI* [Herald of UrPGU-UPI], 2011, no. 4, pp. 46-55.
 16. Flyvbjerg B, Bruzelius N., Rothengatter W. *Megaproekty: istoriya nedostroev, pereraskhodov i prochikh riskov stroi-tel'stva* [Megaprojects and Risk: An Anatomy of Ambition]. Translated from English. Moscow: Vershina, 2005. 224 p.
 17. Schmidt-Kallert E. *Kratkoe vvedenie v planirovanie na mikroregional'nom urovne* [A Short Introduction to Microregional Planning]. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Sub-regional Office for Central and Eastern Europe. Budapest, 2005. 83 p.
 18. Yushkova N.G. Potentsial prostranstvennoi sistemy regiona v opredelenii innovatsionnoi strategii razvitiya territorii [Potential of The Spatial System of the Region in Defining the Innovation Strategy of Territorial Development]. *Regiony Rossii: Strategii i mekhanizmy modernizatsii, innovatsionnogo i tekhnologicheskogo razvitiya: Tr. Vos'moi mezhdunar. nauchn.-prakt. konf.* [Russia's Regions: the Strategies and Mechanisms of Modernization, Innovation and Technological Development: Proceedings of the Eighth International Research-to-Practice Conference], 2012, part 1, pp. 400-406.
 19. Yushkova N.G. Problemy adaptivnosti planirovaniya razvitiya regional'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem [The Issues of Adaptive Planning of Development of Regional Socio-Economic Systems]. *XII Vserossiiskoe soveshchanie po problemam upravleniya (VSPU-2014) Rossiya, Moskva, IPU RAN, 16–19 iyunya 2014 g.* [Twelfth All-Russian Conference on the Issues of Management (VSPU-2014) Russia, Moscow, ICS RAS, June 16–19, 2014]. Pp. 5579-5592. Available at: vspu2014.ipu.ru.
 20. Yushkova N.G., Dontsov D.G. Ispol'zovanie modeli informatsionno-tekhnologicheskogo obespecheniya protsessov innovatsionnogo razvitiya v dokumentakh territorial'nogo planirovaniya [The Use of the Model of Information and Technological Support of Innovation Development Processes in the Territorial Planning Documents]. *"Modernizatsiya Rossii: klyucheveye problemy i resheniya" materialy XII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 5-6 dekabrya 2012 g.* [Modernization of Russia: Key Problems and Solutions] Proceedings of the 12th International Scientific Conference. December 5–6, 2012]. Moscow: RAN RF. Pp. 167-171.

Майские указы Президента: цель, показатели, динамика реализации (на примере Вологодской области)



**Мария Александровна
ПЕЧЕНСКАЯ**

и.о. научного сотрудника, зав. сектором исследования проблем управления производственными системами и комплексами, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, marileen@bk.ru)

Аннотация. Два с половиной года прошло с момента подписания Президентом Российской Федерации ряда указов, направленных на ускорение социально-экономического развития страны. В них определены ориентиры стратегических преобразований в таких важнейших сферах, как образование и наука, здравоохранение, демографическая и социальная политика, экономика и внешнеполитический курс, военная служба и развитие Вооруженных сил России, жилищно-коммунальные услуги и др. Обозначенные в майских указах целевые показатели должны быть достигнуты к 2020 году. Работа по их реализации находится в центре внимания и федеральных, и региональных исполнительных органов власти. Однако сложившиеся в настоящее время условия острого бюджетного кризиса региональных систем создают трудности для реализации президентских указов.

Данная статья предлагает читателю анализ достигнутых результатов с обозначением проблем финансирования майских предписаний. Выявляются возможные организационно-экономические механизмы достижения целевых показателей, заложенных в президентских указах, в установленный срок.

Ключевые слова: майские указы Президента, бюджетный дефицит, повышение доходности и оптимизация бюджетных расходов, децентрализация бюджетных полномочий.

Указы, принятые Президентом РФ В.В. Путиным в мае 2012 года, сразу же после его инаугурации на третий срок президентства, охватывают стратегические преобразо-

вания таких важных сфер, как образование и наука, здравоохранение, демографическая и социальная политика, экономика и внешнеполитический курс, военная служба и раз-

витие Вооруженных Сил России, жилищно-коммунальные услуги и др.

В указах намечены целевые ориентиры, которые должны быть достигнуты к 2020 году. Среди них многие имеют первостепенную важность: увеличение продолжительности жизни до 74 лет; снижение стоимости квадратного метра жилья на 20% путём ввода в эксплуатацию жилья экономического класса; увеличение производительности труда в 1,5 раза; рост заработной платы бюджетников; повышение позиции России в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса со 120-й до 20-й и другие [11].

С момента подписания майских указов прошло два с половиной года. Что же сделано по их исполнению?

Результаты двухлетней работы

Обратимся к официальной статистике, которую предлагает нам Правительство РФ. За два года из 218 поручений Президента выполнено 121, что выразилось в принятии 69 федеральных законов, 200 нормативных актов Правительства, в утверждении 150 программ, стратегий и иных мер. На 2014 год запланировано исполнение 25 поручений, на 2015 год — 13, а на 2016–2020 годы — 39.

Более 22% от всего числа поручений относится к компетенции Минэкономразвития [1, 3, 8]. Однако основной груз лёг на плечи региональных властей. Именно они почувствовали на себе всю финансовую тяжесть улучшения жизни россиян и повышения работоспособности российской экономики.

Так, Правительство Вологодской области в 2013 году направило на реализацию майских указов Президента 4,4 миллиарда рублей. На эти и федеральные средства в регионе сделано следующее [9]:

— доведён до целевого показателя уровень заработной платы педагогических работников общеобразовательных учреж-

дений, социальных работников и работников культуры;

— создано 2658 мест для детей в детских садах;

— переселена 821 семья из аварийного жилья, площадь которого составляла 31,1 тыс. м²;

— открыто 7 многофункциональных центров и до 34% увеличена доля граждан, имеющих доступ к получению государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна»;

— выплачена ежемесячная денежная выплата малоимущим семьям по 6398 рублей, общим объёмом 57,5 миллиона рублей, на третьего и последующего ребенка.

Выполнение данных целевых показателей осуществляется в соответствии со сроками, обозначенными Президентом России.

Однако не все целевые показатели были достигнуты в срок. В меньшей степени, чем того требует программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда, выросла заработная плата всех категорий работников медицинских учреждений, воспитателей детских садов, преподавателей и мастеров училищ, колледжей и техникумов.

Вверху постановили, внизу — решайте!

Для выполнения указов Президента в 2014–2016 годах бюджету Вологодской области необходимо 35,9 миллиарда рублей [5]. Однако где взять столько — непонятно, потому как рост собственных доходов региона планируется только на 7,3 миллиарда.

Отсюда следует, что за счёт собственных ресурсов область способна профинансировать только 55% потребности на реализацию президентских указов (табл. 1).

Увеличить данный процент будет непросто, поскольку бюджетная ситуация в регионе тяжёлая и осложнена негативной динамикой ключевых бюджетных показателей.

Таблица 1. Объём и структура бюджетных ассигнований на реализацию указов Президента в Вологодской области в 2014–2016 гг., млн. руб.

Указ	2013 г.	2014 г.		2015 г.		2016 г.	
		Потребность	Предусмотрено	Потребность	Предусмотрено	Потребность	Предусмотрено
О долгосрочной государственной экономической политике	4,9	4,1	4,1	4,2	4,2	4,4	4,4
О мероприятиях по реализации государственной социальной политики	2587,6	4910,1	4171,8	6449,3	5473,7	8 760,3	7 347,1
О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения	18,9	17,1	17,1	23,7	23,7	25,3	25,3
О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки	985,8	1423,2	0,0	1 333,2	46,5	1 429,3	44,3
О мерах по обеспечению граждан РФ доступным и комфортным жильём и повышению качества жилищно-коммунальных услуг	1030,7	1 923,4	967,2	3 498,1	403,0	1 605,4	100,0
Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления	182,9	747,7	69,3	428,2	27,1	229,4	27,0
О мерах по реализации демографической политики РФ	34,1	83,7	83,7	119,4	119,4	180,2	180,2
О национальной стратегии действий в интересах детей	1,6	517,3	5,4	673,4	7,7	861,9	10,6
О некоторых мерах по реализации демографической политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей	12,4	177,3	112,1	211,6	177,3	252,7	248,0
Итого	4859,0	9803,9	5430,6	12741,2	6282,8	13348,8	7986,9
Недостаток средств	%		55,4		49,3		59,8
	Млн. руб.		-4373,3		-6458,4		-5361,9
Источник: Приложение к Пояснительной записке к проекту Закона области «Об областном бюджете на 2014 и плановый период 2015 и 2016 годов».							

Во-первых, собственные доходы бюджета продолжают падать из-за недоплат налога на прибыль.

В 2014–2016 гг. прогнозные значения совокупных и собственных доходов в текущих ценах превысят докризисный уровень, хотя собственные доходы окажутся в 2014 г. ниже уровня 2008 г. на 0,9 млрд. рублей. Однако при пересчёте объёмов собственных доходов в реальном выражении, т.е. с корректировкой на индекс потребительских цен, выйти

на траекторию докризисного объёма не удастся: 40,8 млрд. рублей в 2016 г. против 55,9 млрд. рублей в 2008 г. [10, с. 148] (рис. 1).

Ситуация в области катастрофична: поступления по налогу снизились на 46% в 2013 году по сравнению с 2012 годом (по России – на 13%).

Прибыль крупнейшего предприятия области ОАО «Северсталь» в предстоящую трёхлетку планируется как нулевая, а прибыль ещё двух крупных налогоплательщи-

Рисунок 1. Налоговые и неналоговые доходы бюджета Вологодской области в реальном выражении, в ценах 2016 г., млрд. руб. [10]



Рисунок 2. Поступления по налогу на прибыль в консолидированный бюджет Вологодской области, млрд. руб



Источник: составлено по [6].

ков – ОАО «ФосАгро-Череповец» и ЗАО «Агро-Череповец» – к 2016 году снизится до 0,2 миллиарда рублей (рис. 2).

В то же время собственные доходы бюджета без учёта налога на прибыль, напротив, увеличились на 13%. Не зря эконо-

номисты называют налог на прибыль «налогом на грани».

Он зависит от рыночной конъюнктуры, слабость которой в последнее время, а также рост издержек на рынке бюджетобразующей металлургической отрасли и

введение в России системы консолидированных групп налогоплательщиков вызвали падение налоговых доходов бюджета региона.

Во-вторых, долговая нагрузка регионального бюджета в 2013 году превысила собственные доходы на 6,3%.

В предстоящие три года треть собственного бюджетного «кармана» область будет отдавать на возврат кредитов и погашение дефицита региональной бюджетной системы (табл. 2).

Данные тенденции характерны для подавляющего большинства российских регионов. Необходимость финансирования президентских предвыборных программ, несмотря на сокращение доходных поступлений, спровоцировала беспрецедентный рост дефицита региональных бюджетных систем, который по итогам 2013 г. составил 670 млрд. рублей, или 11,6% к собственным доходам бюджетов.

Отметим, что 77 из 83 регионов имели отрицательный результат исполнения бюджетов. В свою очередь, закредитованность субъектов РФ выросла в 4,5 раза, долговая нагрузка – в 3,4 раза (рис. 3).

Государственный долг по регионам составил почти треть собственных доходов их бюджета. А в ряде субъектов РФ объём долга превысил 80 и даже 100% налоговых и неналоговых доходов (рис. 4).

По субъектам РФ в целом в 2013 году наблюдалось превышение темпов роста расходов над темпами роста доходов бюджетов (6% против 1%).

При этом федеральная финансовая помощь уменьшилась на 7%. В заключении на проект федерального бюджета на период 2014–2016 годов Счётная палата РФ¹ отметила среди прочих проблем предстоящего исполнения бюджетов риск недостижения в установленные сроки отдельных целевых показателей [7]. Поэтому критичность финансового положения большинства субъектов Федерации требует лавирования при выполнении майских указов Президента.

Коридор возможностей...

На различных уровнях власти то и дело высказываются возможные варианты исполнения указов Президента в установленный срок. Предлагаются следующие инициативы.

Таблица 2. Влияние государственного долга на бюджет Вологодской области

Показатель	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Расходы на возврат кредитов, млн. руб.	509,4	1336,7	4120,4	5735,8	7043,9
Процентные расходы, млн. руб.	161,1	488,8	789,1	1322,1	1769,0
Итого, млн. руб.	670,5	1825,5	4909,5	7057,9	8812,9
<i>Доля в расходах областного бюджета, %</i>	<i>1,8</i>	<i>4,2</i>	<i>10,6</i>	<i>15,6</i>	<i>19,9</i>
Фактический дефицит областного бюджета, млн. руб.	6487,7	7048,9	7177	2814,8	3952,9
В % к собственным доходам областного бюджета	34,1	27,3	25,0	8,9	13,1
<i>Реальный дефицит* областного бюджета, млн. руб.</i>	<i>6997,1</i>	<i>8385,6</i>	<i>11297,4</i>	<i>8550,6</i>	<i>10996,8</i>
В % к собственным доходам областного бюджета	36,8	32,4	39,3	27,1	36,3

* С учётом расходов на возврат кредитов, которые в соответствии с Бюджетным кодексом не включаются в состав расходов бюджета субъекта РФ.
Источники: рассчитано автором по отчётным данным Казначейства России; Минфина РФ.

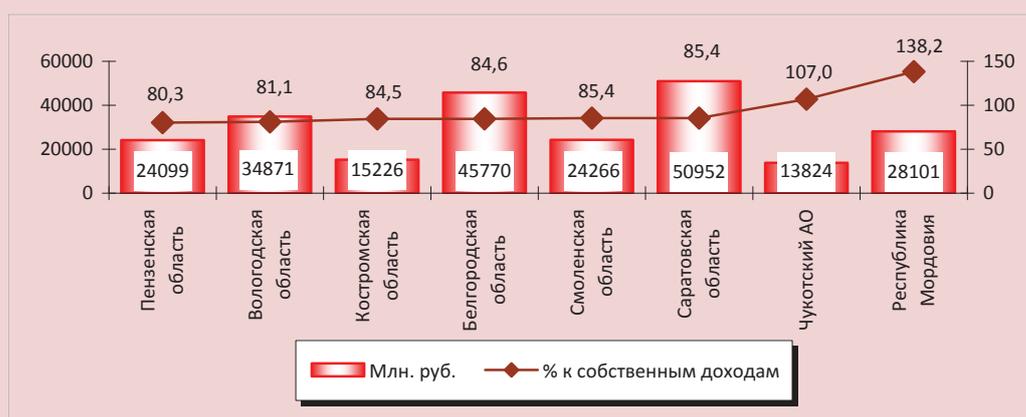
¹ Как известно, Счетная палата Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности по исполнению майских указов Президента РФ. С 2014 года помимо мониторинга исполнения планируется проведение выездных проверок.

Рисунок 3. Динамика дефицита, государственного долга и полученных кредитов консолидированных бюджетов субъектов РФ, млрд. руб.



Источник: рассчитано по данным отчетности Казначейства России, Минфина РФ.

Рисунок 4. Рейтинг субъектов Российской Федерации с максимальной долговой нагрузкой в 2013 году



1. «Не всегда то, что вы хотите, действительно вам нужно» (Далай Лама).

В Минфине слышны разговоры о возможности «корректировки круга бюджетников, которым необходимо повысить зарплату в рамках майских указов. К примеру, уточнить требования к категории «врач» или исключить из списка представителей силовых ведомств» [4].

2. «Пренеприятнейшее известие: к нам едет ревизор» (Н.В. Гоголь).

Член экспертного совета Института социально-экономических и политических исследований Алексей Зудин считает, что

«проблема с исполнением майских указов в регионах порождена неумением правильно выстроить приоритеты» [12]. «Большинство чиновников симулируют работу по исполнению поручений и только делают вид, что исполняют», — добавляет вице-президент Центра стратегических коммуникаций Дмитрий Абзалов [12]. Кстати, в Госдуме РФ разрабатывается законопроект об усилении ответственности за неисполнение указов и распоряжений главы государства.

Проект предполагает внесение в Кодекс об административных правонарушениях и Уголовный кодекс изменений, подразуме-

вающих установление ответственности чиновников за неисполнение, ненадлежащее исполнение и срыв сроков исполнения актов президента. По словам одного из авторов законопроекта — члена комитета Госдумы РФ по безопасности и противодействию коррупции Дмитрия Горовцова, ответственность может предполагать штраф в пределах 100–150 минимальных размеров оплаты труда (МРОТ), лишение классовых чинов, запрет на занятие государственной должности, лишение государственных наград, воинских и специальных званий. Эффективное управление следует рассматривать как резерв денежных средств [4].

3. «Долг — начало рабства» (В. Пого).

По мнению депутата Госдумы РФ Антона Ищенко, необходимо «частичное списание задолженности субъектов перед федеральным центром или перекредитование регионов более дешёвыми займами за счёт Резервного фонда и Фонда национального благосостояния» [13]. В то же время, как отметил заместитель министра финансов Леонид Горнин, «списание бюджетных кредитов применяется в исключительных случаях». Однако Минфин не исключил возможность рефинансирования коммерческих кредитов бюджетными.

4. «Чтобы власть стала сильнее, следует её ограничить» (Л. Бёрне).

Как считает директор региональной программы Независимого института социальной политики Наталья Зубаревич, «сверхконцентрация власти на федеральном уровне достигла предела неэффективности, пора двигаться в противоположную сторону». Курс на децентрализацию бюджетных полномочий был объявлен тогдашним Президентом РФ Дмитрием Медведевым на заседании Госсовета 26.12.2011 года. Основными причинами затяжной работы Правительства стал важнейший аргумент сторонников централизации о том, что обеспечение макростабильности и макроуправ-

ляемости огромной территорией возможно лишь посредством распределительных межбюджетных отношений «сверху вниз».

Однако федеральное устройство РФ представляет собой сложную многоуровневую систему, компоненты которой (регионы и муниципальные образования) в условиях централизации в большей степени подвержены негативным воздействиям внешней среды и риску потери устойчивости. Потому логично возникает вопрос: почему расходные обязательства о повышении зарплаты бюджетников (что является полномочием регионов) спускаются сверху без соответствующего и полного финансового обеспечения?

Все эти предложения в первую очередь направлены на то, чтобы не растерять имеющиеся инвестиционные возможности российских территорий, а продолжать развивать социальную, транспортную и коммунальную инфраструктуру. Проблемы растущего бюджетного дефицита, долга и процентов по займам не способствуют высвобождению дополнительных средств, и, следовательно, без федеральной помощи регионам не обойтись.

Минфин РФ называет бюджетную конструкцию страны неповоротливой из-за нерациональности бюджетных расходов, которые уже давно следует оптимизировать, в частности провести рестрикцию государственных затрат на население².

В то же время Минэкономразвития РФ считает более предпочтительной политику роста бюджетных расходов, которые в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе приведут к развитию экономики

² Минфин РФ по-прежнему считает необходимым сокращать расходы в пенсионной и оборонной сферах: выступление А. Силуанова на Петербургском Международном экономическом форуме, 22.05.2014. [Эл. рес.]. — Реж. дост.: http://minfin.ru/ru/press/speech/index.php?id_4=21760&id4=12297

Таблица 3. Расчёт возможного увеличения поступлений в бюджетную систему региона за счёт совершенствования некоторых инструментов бюджетного регулирования (на материалах Вологодской области)*

Мероприятие	Фактическое значение	Предлагаемый вариант	Дополнительные доходы, млн. рублей в год
Финансирование делегированных полномочий (необходимо полностью покрывать реализацию нормативно-правовых актов вышестоящих органов власти субвенциями)	95–99%	100%	5–69
Доходность остатков бюджетных средств (необходимо расширять законодательные нормы, позволяющие муниципальным образованиям получать неналоговые доходы от размещения остатков бюджетных средств на депозитах)	0	% по депозитам	12–55
Повышение ставки налога на дивиденды	9%	15%	191–194
Использование целевых трансфертов (необходимо обеспечить своевременность перечисления субсидий)	2–5% суммы трансфертов	0	212–457
Объём нефинансируемых федеральных льгот (требуется оптимизация политики налогового стимулирования)	55–69% исчисленной суммы в бюджет	0	3650–6507
Дебиторская задолженность в бюджет (необходимо сокращать имеющуюся недоимку по платежам в бюджет)	13,5–18%	0	5400–6300
Итого			9471–13 582

* Расчёты проведены автором в рамках периода 2010–2012 гг.

и расширению доходного потенциала территорий³.

По расчётам ИСЭРТ РАН, действительно, имеются потенциальные резервы роста территориальных бюджетов. Так, осуществление некоторых мер по совершенствованию бюджетного регулирования в регионе позволит привлечь, например, в бюджетную систему Вологодской области до 13 млрд. рублей, что повысит на 26% доходы консолидированного бюджета региона (табл. 3).

Вышеназванные мероприятия по совершенствованию бюджетного регулирования позволят нейтрализовать существующую фрагментарность управленческих

воздействий, повысить прозрачность и ответственность органов власти в бюджетно-налоговой сфере, закрыть возможности для минимизации доходной базы территориальных бюджетов, привлечь в них дополнительные доходы, повысить эффективность использования бюджетных средств, что максимизирует обеспеченность населения региона собственными бюджетными ресурсами.

В заключение отметим, что поиск путей реализации всех социально-экономических программ и достижения приоритетных показателей улучшения качества жизни населения, обозначенных в президентских указах, нужен сейчас, пока регионы не дошли до *предела* исполнения «нефинансируемых мандатов» в долг. А то получается: цель поставлена, но намерений и средств к её достижению недостаточно.

³ Из выступления заместителя министра экономического развития А. Клепача на заседании президиума РАН [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=5171ad1d-28fd-4297-a4f4-7ca941a0c48b>

Литература

1. Встреча Президента Российской Федерации с членами Совета законодателей [Текст] // Вестник Совета Федерации. – 2014. – № 6.
2. Ильин, В.А. Проблемы эффективности государственного управления [Текст] : монография / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. – 188 с.
3. Кремль, Дума и Счётная палата усиливают контроль за исполнением указов Президента [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.narodsobor.ru/events/politics/17724-kreml-duma-i-schetnaya-palata-usilivayut-kontrol-za-ispolneniem-ukazov-prezidenta>
4. Минфин поможет регионам с выполнением «майских» указов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bujet.ru/article/241754.php>
5. Об областном бюджете на 2014 и плановый период 2015 и 2016 годов [Текст] : приложение к Пояснительной записке к Закону Вологодской области. – Вологда, 2013.
6. Об областном бюджете на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 гг. [Текст] : доклад В.Н. Артамоновой на публичных слушаниях по проекту закона области. – Вологда, 2013.
7. О федеральном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов [Текст] : заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект федерального закона, протокол от 10 октября 2013 г. № 41К (932). – М., 2013. – 393 с.
8. О ходе выполнения указов Президента России от 7 мая 2012 года № 596–606: заседание Комиссии при Президенте Российской Федерации по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития, определённых Президентом Российской Федерации // Сайт Правительства РФ. – Режим доступа : <http://government.ru/orders/12540>
9. О ходе реализации указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596-602, 606 в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Северо-Западного федерального округа [Электронный ресурс] : доклад заместителя Губернатора Вологодской области, начальника Департамента финансов области В.Н. Артамоновой от 11 марта 2014 года. – Режим доступа : http://www.df35.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2469:-----7--2012--596-602-606-----&catid=34:demo-content&Itemid=134
10. Печенская, М.А. Бюджетная перспектива региона 2014–2016: исполнение социальных указов Президента или избежание риска дефолта? [Текст] / М.А. Печенская // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. – № 1. – С. 145-160.
11. Указы Президента РФ от 07.05.2012 № 595-606 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
12. Указы Путина тормозят чиновники [Электронный ресурс] // Центр политического анализа. – Режим доступа : <http://tass-analytics.com/stories/ukazy-putina-tormozyat-chinovniki>
13. Экономический рост и проблемы регионов – мнение чиновников и экспертов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://bujet.ru/article/241591.php?sphrase_id=309633

Pechenskaya M.A.

The “May” Decrees of the President: objective, indicators, implementation dynamics

Mariya Aleksandrovna Pechenskaya – Acting Research Associate, Sector Head, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, marileen@bk.ru)

Abstract. Two and a half years have passed since the RF President’s adoption of a number of decrees aimed at improving social welfare of the citizens. The objectives of the given legal documents concern the issues of education and science, health, demography and social policy, economy and foreign policy, military service and development of the Armed Forces of Russia, inter-ethnic harmony, governance and quality of housing and utility services. V.V. Putin has set targets to be achieved in Russia by 2020.

However, the acute budget crisis of regional systems hinders the implementation of Presidential Decrees. This article provides the reader with the analysis of the achieved results and states the problems of “May” requirements funding. In addition, there are possible options for the implementation of the targets laid down in the presidential decrees in the prescribed period.

Key words: regional budget, “May” Decrees of the President, public debt, budget deficit, decentralization of budget authorities, interest expense.

References

1. Vstrecha Prezidenta Rossiiskoi Federatsii s chlenami Soveta zakonodatelei [Meeting of the President of the Russian Federation with the Members of the Board of Legislators]. *Vestnik Soveta Federatsii* [The Bulletin of the Council of the Federation], 2014, no. 6.
2. Ilyin V.A., Povarova A.I. *Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya: monografiya* [Problems of the Efficiency of State Management: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2014. 188 p.
3. *Kreml', Duma i Schetnaya palata usilivayut kontrol' za ispolneniem ukazov Prezidenta* [The Kremlin, the Duma and the Accounts Chamber Toughen the Control over the Execution of the President's Decrees]. Available at: <http://www.narodsobor.ru/events/politics/17724-kreml-duma-i-schetnaya-palata-usilivayut-kontrol-za-ispolneniem-ukazov-prezidenta>
4. *Minfin pomozhet regionam s vypolneniem "maiskikh" ukazov* [The Ministry of Finance will Assist the Regions to Implement the “May” Decrees]. Available at: <http://bujet.ru/article/241754.php>
5. *Ob oblastnom byudzhetе na 2014 i planovyi period 2015 i 2016 godov: prilozhenie k Poyasnitel'noi zapiske k Zakonu Vologodskoi oblasti* [On the Regional Budget for 2014 and the Planned Period of 2015–2016: the Annex to the Explanatory Memorandum to the Vologda Oblast Law]. Vologda, 2013.
6. *Ob oblastnom byudzhetе na 2014 god i planovyi period 2015 i 2016 gg.: doklad V.N. Artamonovoi na publichnykh slushaniyakh po proektu zakona oblasti* [On the Regional Budget for 2014 and the Planned Period of 2015–2016: Report of V.N. Artamonova at the Public Hearings on the Draft Law]. Vologda, 2013.
7. *O federal'nom byudzhetе na 2014 god i na planovyi period 2015 i 2016 godov: zaklyuchenie Schetnoi palaty Rossiiskoi Federatsii na proekt federal'nogo zakona, protokol ot 10 oktyabrya 2013 g. № 41K (932)* [On the Federal Budget for 2014 and the Planning Period of 2015–2016: Opinion of the Accounts Chamber of the Russian Federation on the Draft Federal Law, Record of October 10, 2013, no. 41K (932)]. Moscow, 2013. 393 p.
8. *O khode vypolneniya ukazov Prezidenta Rossii ot 7 maya 2012 goda № 596–606: zasedanie Komissii pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po monitoringu dostizheniya tselevykh pokazatelei sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya, opredelennykh Prezidentom Rossiiskoi Federatsii* [On the Implementation of the Decrees of the President of Russia of May 7, 2012, no. 596–606: Meeting of the Commission under the President of the Russian Federation for Monitoring the Achievement of the Target Indicators of Socio-Economic Development, Defined by the President of the Russian Federation]. Website of the President of Russia. Available at: <http://government.ru/orders/12540>
9. *O khode realizatsii ukazov Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 7 maya 2012 g. № 596-602, 606 v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii, vkhodyashchikh v sostav Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga: doklad zamestitelya Gubernatora Vologodskoi oblasti, nachal'nika Departamenta finansov oblasti V.N. Artamonovoi ot 11 marta 2014 goda* [On the Implementation of the Decrees of the President of the Russian Federation of May 7, 2012, no. 596-602, 606 in the RF Subjects of the Northwestern Federal District: Report of the Deputy Governor of the Vologda Oblast, Head of the Department of Finance V. N. Artamonova of March 11, 2014]. Available at: http://www.df35.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2469:-----7--2012--596-602-606-----&catid=34:demon-content&Itemid=134
10. Pechenskaya M.A. Byudzhetnaya perspektiva regiona 2014–2016: ispolnenie sotsial'nykh ukazov Prezidenta ili izbezhanie riska defolta? [Budgetary Prospects in the Region in 2014–2016: Implementation of the President's Social Decrees or Avoidance of Default Risks?]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 1, pp. 145-160.
11. *Ukazy Prezidenta RF ot 07.05.2012 № 595-606* [Decrees of the President of the Russian Federation of May 7, 2012, no. 595-606]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus].
12. *Ukazy Putina tormozyat chinovniki* [Putin's Decrees are Hampered by the Officials]. *Tsentr politicheskogo analiza* [Center for Political Analysis]. Available at: <http://tass-analytics.com/stories/ukazy-putina-tormozyat-chinovniki>
13. *Ekonomicheskii rost i problemy regionov – mnenie chinovnikov i ekspertov* [Economic Growth and Problems of the Regions – Opinion of the Officials and Experts]. Available at: http://bujet.ru/article/241591.php?sphrase_id=309633

Экстраролевое поведение учителей: роль идентификации с коллективом, стажа и школы как образовательной организации



Алексей Александрович

КЛИМОВ

аспирант, Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики (109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 46б,
оф. 221, aklimov@hse.ru)

Аннотация. В статье рассматривается экстраролевое поведение учителей и их идентификация со школьным коллективом в условиях модернизации системы образования и оптимизации сети образовательных учреждений в России. В обзоре литературы по теме описывается, какое поведение учителей можно считать экстраролевым, какие факторы его вызывают или усиливают, что значит быть «хорошим учителем». Понимание роли экстраролевого поведения как важного компонента трудовой эффективности поможет руководителям образовательных организаций использовать полученные эффекты в процедурах подбора, отбора, аттестации учителей, развития кадрового резерва.

Среди множества факторов-предикторов экстраролевого поведения были выбраны три: стаж, школа как организация и идентификация со школьным коллективом. Регрессионные модели, построенные на данных школьных учителей г. Вологды ($N = 78$, 6 школ), объясняли экстраролевое поведение, связанное с изменением функционирования организации (Модель 2. Совершенствование выполнения, $R^2=0,21$) и поведением, направленным на коллег (Модель 4. Помощь коллегам, $R^2 = 0,19$). Предсказательная способность (частичный R^2) предикторов оказалась разной: для стажа – 0,10, для принадлежности к той или иной школе – 0,06, для идентификации со школьным коллективом – 0,02.

Экстраролевое поведение вологодских учителей более выражено по сравнению с выборкой стандартизации. Новички проявляют его значительно реже, вероятно, у них еще нет возможностей влиять на школьную организацию и помогать коллегам. Низкая удовлетворённость от группового членства как компонента идентификации со школьным коллективом может быть вызвана высокой нагрузкой.

Мы предполагаем, что при росте нагрузки экстраролевое поведение страдает в первую очередь, а это приводит к снижению эффективности труда и провоцирует различные непродуктивные стратегии компенсации: психологическое выгорание, замедление профессионального развития. Поскольку новички и учителя со стажем в разной мере проявляют такое поведение, то эффект для новичков будет отсроченным. Нужно учитывать влияние контекста, поскольку на экстраролевое поведение влияет то, где и с кем работает тот или иной специалист.

Ключевые слова: экстраролевое поведение, организационная идентификация, стаж, «хороший учитель», трудовая эффективность, образовательная организация, модернизация образования.

За более чем два десятилетия организационная идентичность, наряду с конструктом организационной идентификации, стали двумя наиболее значимыми понятиями в исследованиях организаций и управления ими [15], но при изучении школьного образования эти понятия используются крайне редко. Цель исследования — понять, насколько учителя идентифицируются со своей работой и с коллективом, можно ли на этой основе прогнозировать эффективность их деятельности (экстраролевого поведения) в условиях изменений, которые претерпевает современная школа.

Первой задачей является описание текущей ситуации в образовательных организациях и возможных последствий модернизации образования для идентификации учителей со своими школьными коллективами. Исследования показывают, что организационная идентификация генерирует широкий спектр положительных последствий как для отдельного сотрудника, так и для организации в целом: низкий уровень увольнений, гражданское поведение в организации, удовлетворенность работой и субъективное благополучие, рост производительности и эффективности труда [8; 32]. Поэтому поддержание высокого уровня идентификации с профессией, рабочей группой и организацией в целом становится важной задачей современного менеджмента. Мы хотим проверить, справедливо ли это в случае идентификации учителей со школьным коллективом.

Вторая задача — показать важность изучения экстраролевого поведения как показателя трудовой эффективности учителя и одного из последствий идентификации. Исследований экстраролевого поведения в школе недостаточно не только в России.

Этот дефицит характерен и для США, где на фоне резко возрастающей популярности исследований экстраролевого и гражданского поведения в организации «до 2006 г. было проведено лишь одно исследование в сфере образования» (цит. по [25]). Исследователи считают экстраролевое поведение критически важным для выживания организаций в периоды кризисов, вызванных изменениями [38], именно поэтому его исследование становится более актуальным в периоды изменений.

Экстраролевое поведение в организации

Организационные психологи, обратив внимание на то, что эффективность труда — многокомпонентный феномен, сосредоточились на описании отдельных аспектов организационного поведения, которое выходит за рамки традиционных схем количества или качества выполнения задач [29]. Один из вариантов «расширенного» понимания эффективности сотрудника включает учет того, что в дополнение к своим прямым обязанностям он может добровольно действовать на благо организации. Исследования ведутся в трех направлениях [3]: 1) изучение того, какое поведение можно считать экстраролевым

в тех или иных условиях; 2) изучение факторов, его вызывающих или усиливающих; 3) изучение его последствий для работника и организации.

Экстраролевое поведение или гражданственное поведение в организации – один из видов просоциального поведения, соответствующий трем критериям: 1) произвольно регулируется работником и зависит от его желания; 2) не учитывается формальной системой вознаграждения в организации; 3) приносит выгоду организации [28]. Поскольку возможности контроля и регламентация имеют естественные ограничения, люди во многом сами выбирают, как себя вести, в соответствии со своими личностными особенностями, ожиданиями коллег и более широкого окружения. Помощь и поддержка коллег, участие в общественных мероприятиях как экстраролевые действия являются желательными и выгодными для организаций, в отличие от контрпродуктивного поведения (*рис. 1*): распространения слухов, умышленной

порчи имущества, симуляции болезни и т.п.

Критерием различения экстраролевого и инролевого поведения являются «ролевые ожидания» [6], которые могут определяться как групповыми нормами [6; 36], так и индивидуальной мотивацией [37]. Согласно последней, люди будут осуществлять поведение, если [37]: они чувствуют, что их усилия приведут к достижению цели; достижение цели будет вознаграждено; вознаграждение важно для индивида.

Несмотря на то, что за экстраролевое поведение не предусматривает материального вознаграждения, многие работники проявляют его, ведь кроме пользы для организации это поведение выгодно самому сотруднику. Исследователи отмечают, что экстраролевое поведение:

- Влияет на оценку работника как со стороны менеджера (когда он пытается оценить того или иного сотрудника, то это зависит от объективного показателя производительности на 9,5%, а от экстраролевого

Рисунок 1. Сравнение различных видов трудового поведения



поведения на 42,9% [29, р. 536, 537]); так и со стороны коллег, которые лучше относятся к тем, кто проявляет экстраролевое поведение.

- Связано с вероятностью приема на работу, с принятием решений о распределении материальных ресурсов организации, повышением зарплаты. Те, кто проявляет экстраролевое поведение, чаще рекомендуются непосредственными руководителями к премированию ($r_c=0,77$), получают больше своих коллег ($r_c=0,26$) [28].

Роль экстраролевого поведения возрастает в тех случаях, когда [25]:

- Объективная оценка деятельности затруднена. Обучение – весьма сложная и многоаспектная деятельность, где связи «входа–процесса–результата» точно не определены. Ни один из методов оценки работы учителя (наблюдение за ведением урока, самооценка учителя, интервью, оценка учителя учениками, учебные достижения учащихся) не дает точных результатов как по отдельности [4], так и в совокупности [17; 23], поскольку вмешивается множество побочных переменных, которые трудно учитывать. В таких условиях на первый план выходят ролевые ожидания, которые во многом зависят от статуса учителя в школе, его стажа. Поскольку наказание за невыполнение сверхнормативных действий отсутствует, то учителя совершают их либо «по собственному желанию», либо когда их «обязывают».

- Обучение и преподавание, как деятельность, связано с моральными ценностями. Склонность и стойкая приверженность к учительству в основном имеет эмоциональную природу. Поэтому у таких работников еще до прихода в профессию могут быть сильно выраженные альтруистические ценности, а значит, они будут больше других «болеть душой» за коллег, помогать им, стараться обеспечить выживаемость своей школы как организации.

Результаты исследования, в ходе которого было собрано 50 интервью у израильских учителей и 20 администраторов школ (директоров и завучей), иллюстрируют портрет «хорошего учителя», демонстрирующего экстраролевое поведение (табл. 1).

Даже в тех случаях, когда шкалу разрабатывают специально для изучения учителей школ [34], факторная структура в целом остается той же: поведение, направленное на коллег и на организацию в целом. Добавляется специфический компонент – поведение, направленное на учеников, в организациях ему соответствует поведение, направленное на клиентов.

Контекст реформирования образования

Ранние попытки (до 1997 года) вмешиваться в школьное образование были малоэффективны по всему миру. Проанализировав 15 примеров образовательных реформ [13], американский исследователь образовательных инноваций М. Фуллан заключает, что в США большинство крупных реформ школьного образования провалились, а ожидаемого улучшения показателей школьной успеваемости так и не произошло [12]. «В период с 1980 по 2005 год государственные расходы на одного студента в США увеличились на 73%, с учетом инфляции», в то время как улучшений в целевых показателях так и не произошло [21, р. 8]. Говоря о наличии заметного прогресса в период с 2003 по 2009 год, М. Фуллан предполагает, что в мировом образовательном пространстве произойдут следующие изменения (цит. по [12]):

1. Заработная плата (особенно для новичков, в первые 10 лет в профессии) вырастет. Вместе с этим вырастут требования, предъявляемые к учителям.

2. Произойдет окончательная унификация тестов достижений, будут выработаны общие стратегии для разных регионов внутри стран.

Таблица 1. Примеры экстраролевых действий учителей *

Объекты	Примеры действий
Отдельный ученик	Заниматься с учениками вне формально отведенных часов Помогать ученику бороться со стрессом Оказывать заботу, делая это проактивно
Работа с классом	Инициировать и осуществлять изменения в программе Тщательно проверять домашние задания Участвовать во внеклассных мероприятиях класса
Коллеги	Делиться учебными материалами с коллегами Участвовать в сетях обмена профессиональным опытом Помогать коллегам в административных задачах Быть внимательным и эмоционально отзывчивым
Школьная организация	Участвовать в общешкольных активностях и мероприятиях Участвовать в работе школьных комитетов Брать на себя неоплачиваемые школьные обязанности

* Приводится по: Oplatka I. Going Beyond Role Expectations: Toward an Understanding of the Determinants and Components of Teacher Organizational Citizenship Behavior // Educational Administration Quarterly. – 2006. – № 3. – Vol. 42. – P. 385-423.

3. Спрос на лидерские качества учителей вырастет, поскольку финансирование будет распределяться в большей степени тем, кто соответствует самым высоким стандартам и способен «продвигать» их дальше, добиваясь большего.

Всем этим современным тенденциям соответствует реформа образования в России, благодаря ей наша образовательная система проделала значительный путь и по темпам развития находится на пятом месте среди стран-участниц ОЭСР [24]. Основополагающим фактором, как отмечается, выступает материальное стимулирование учителей для привлечения наиболее качественных молодых кадров в школу [21; 24].

В соответствии с целями разработанной «дорожной карты» нагрузка преподавателей высшей школы может вырасти¹ на 18% [1, с. 49], а школьных учителей – на 9,4% [1, с. 18]. При этом основной причиной ряда негативных последствий: психологического выгорания, стресса, снижения приверженности работе – для профессии учителя – является большая нагрузка, составляющая около 50 часов

¹ Рассчитано исходя из ожидаемого количества учеников на одного преподавателя в период 2013–2018 гг.

в неделю. Даже если из этого времени вычесть время на проведение уроков, проверку домашних заданий и тестов и планирование уроков, то на остальные задачи учителя тратят 44% времени [27]. Рост нагрузки может приводить к различным стратегиям компенсации [27]: учителя начинают уделять меньше времени саморазвитию, их карьерные амбиции снижаются. Вместе с тем у тех учителей, у которых остается время на дополнительное образование, чтение специальной литературы, общешкольные проекты, сохраняется эмоциональное здоровье.

Организационная идентификация

Согласно теории социальной идентичности Джона Тернера, механизм социальной идентификации с группой – это самокатегоризация себя как её члена, которая подчеркивает воспринимаемое или возможное сходство между членами внутри группы и делает явными различия между своей и чужой группами [20, р. 317], позволяет сохранять позитивную «я-концепцию». Это основное определение, которое с долей критики принимается всеми исследователями социальной идентификации. Впервые использовать объяснительный потенциал «идентифи-

кации с группой» применительно к исследованию социальной идентичности в организации предложили Б. Эшфорт и Ф. Маел. Рассматривая организационную идентификацию как специфическую форму социальной идентификации [в переводе 7; 9], эти ученые определяют ее как «восприятие сходства или принадлежности к организации, когда индивид определяет себя в терминах той организации, членом которой он является» (цит. по [5, с. 137]).

Относительно структуры и видов организационной идентификации существует несколько точек зрения.

Первая из них предполагает, что поскольку организационная культура каждой организации является специфичной, то и организационная идентификация будет принципиально своеобразной. Причем не только между организациями, но и внутри самой организации может быть несколько субкультур (рабочие группы и т.п.). Эту точку зрения поддерживает исследование Пратта и Формана, в котором утверждается, что в «организации всегда есть несколько организационных идентификаций, в зависимости от того, что является центральным, периферийным и своеобразным в организации» [15; 30, р. 20].

Вторая — указывает, что во многом структура организационной идентификации — одна и та же в организациях самого разного типа (от школы до колл-центра) [35].

Мы предполагаем, что справедлива вторая точка зрения и структура идентификации принципиально не меняется от вида деятельности. Если это так, то организационная идентификация, являющаяся надежным предиктором различных форм экстраролевого поведения в бизнес-организациях [29; 31], будет предсказывать его и у школьных учителей. Это значит, что

чем выше уровень идентификация учителя со школьным коллективом, тем чаще он будет проявлять экстраролевое поведение. Роль стажа все еще остается неясной [26; 29; 38], возможно, эта зависимость будет справедлива только для новичков, а возможно, только для учителей, которые долго работают в школе.

Стаж

В одних исследованиях стаж рассматривается как причина, в других как следствие организационной идентификации. Значительно реже его рассматривают как медиатор между интересующей переменной-откликом и организационной идентификацией [32]. Продолжительность нахождения в организации и организационная идентификация умеренно коррелируют ($r_c=0,13-0,16$) [32], но в отдельных исследованиях они связаны отрицательно [10, р. 450].

В частности, Дж. Мэйер отметил, что сотрудники, которые уже приобрели профессиональные навыки, могут быть в лучшем положении (с точки зрения вознаграждения, качества работы), чем их младшие, менее опытные коллеги, которые могут оставаться в организации, поскольку боятся увольнения из нее. Еще более запутанной становится эта связь, если учитывать возраст [22]. В этом смысле причиной того, что молодые сотрудники остаются в организации, является не организационная идентификация, а то, что они не уверены, что найдут работу в другом месте. Новички с низкой эмоциональной привязанностью вообще не склонны посещать программы повышения лояльности [16].

При исследовании израильских учителей выяснилось, что в уровне их гражданского поведения не было разницы между: теми, кто проработал в одной и той же школе менее 9 лет и более; теми, кто был младше или старше 44 лет; теми, кто

работал в образовании суммарно до 15 лет и больше; и даже между теми, кто был на временном и постоянном контракте [38].

Существует другая точка зрения, согласно которой то, как учителя распоряжаются своим временем, зависит от их стажа и статуса в школе [27]. Нам кажется, что у новичков меньше времени и возможностей влиять на школьную организацию и помогать коллегам. Следовательно, уровень экстраролевого поведения должен быть скоррелирован со стажем, но эта зависимость может быть нелинейной.

Методика исследования

Выборка² нашего исследования составила 78 человек (4 мужчины, 74 женщины) из 6 школ города Вологды, в возрасте от 20 до 64 лет, средний возраст – 37 лет ($SD=12,2$). Высшее образование получили 62 респондента. Средний стаж работы по профессии составляет 10 лет.

После того как испытуемые были проинформированы о том, что их данные будут использоваться в обобщенном (обезличенном) виде на условиях сохранения конфиденциальности, им предъявлялась «батарея» методик, которые они заполняли в присутствии экспериментатора:

1. Экстраролевое поведение измерялось методикой Б.Г. Ребзуева [6]. Она содержит 12 утверждений, группируемых в три шкалы по четыре пункта: а) совершенствование выполнения (например, «Вносить усовершенствования в процесс работы, чтобы она могла выполняться лучше или быстрее»); б) сверхурочное выполнение

(например, «Приходить на работу в выходные дни или выполнять ее на дому»); в) помощь коллегам (например, «Помогать коллеге, у которого очень много работы»). В соответствии с инструкцией испытуемые оценивали, насколько часто они совершали названные действия, от 1 («ни разу») и до 7 («постоянно»), для каждой из шкал и итогового показателя баллы за ответ на каждый вопрос складывались и делились на количество вопросов.

2. Организационная идентификация со школьным коллективом измерялась с помощью методики «Пятифакторная модель идентичности» [2]. Она состоит из 14 утверждений, образующих 5 шкал: а) самостереотипизация (например, «Я похож на среднестатистического работника школы»); б) ингрупповая гомогенность (например, «Все работники школы очень похожи друг на друга»); в) сплоченность (например, «Я чувствую свою связь с работниками школы»); г) удовлетворенность (например, «Я думаю, что работникам школы есть чем гордиться»); д) выраженность идентичности (например, «Принадлежность к работникам школы – важная часть моего представления о себе»). Респондент мог выразить степень согласия с каждым утверждением по 7-балльной шкале от 1 («абсолютно не согласен») до 7 («абсолютно согласен»), для каждой из шкал и итогового показателя баллы за ответ на каждый вопрос складывались и делились на количество вопросов.

3. Воспринимаемая целостность школы измерялась графической методикой GEM (The Group Entitativity Measure) [14].

Результаты

Экстраролевое поведение учителей. В группе школьных учителей экстраролевое поведение ($x=4,25$, $sd=0,85$, $N=78$) более выражено, чем у сотрудников организаций Санкт-Петербурга ($x=3,88$, $sd=1$, $N=201$) [6, с. 35]. Обнаружен средний раз-

² Расчет минимально необходимого объема выборки осуществлялся с использованием метода «Анализ мощности» (Power Analysis). Рекомендовано [11; 19] в качестве параметров для расчета брать $power=80\%$ ($\beta=0,2$) и $\alpha=0,05$, что дает соотношение $\beta:\alpha=4:1$ для ошибок второго и первого рода соответственно. Третий необходимый параметр – размер эффекта $d_{\text{Коэна}}=0,72$ рассчитан на основе коэффициента корреляции $r_c=0,34$ между экстраролевым поведением и идентификацией из мета-анализа Риккетты [31, с. 501]. Рассчитанный необходимый объем выборки для проверки гипотезы о связи – $N=65$.

мер эффекта ($t=3,11$, $df=164,05$, $p=0,002$, $d\text{Коэна}=0,39$), это значит, что 65% учителей из нашей выборки имеют показатель выше среднего по выборке стандартизации. Значимые различия выявлены только по шкале «Сверхурочное выполнение», следовательно, можно предполагать, что учителя чаще представителей бизнес-организаций станут подменять своих коллег, задерживаться на работе и т.п.

Идентификация учителей со школьным коллективом. Методика «Пятифакторная модель идентичности» не проходила специальной валидации на выборке учителей, поэтому мы решили проверить ее психометрические показатели. Результаты конфирматорного факторного анализа (CFA) методики для измерения идентификации показали удовлетворительные результаты на выборке учителей.

Модель, которая по сравнению с другими моделями лучше всего описывала полученные данные, имела удовлетворительные показатели качества ($df=71$, $RMSEA=0,13$, $CFI=0,87$, $\chi^2=168,02$, $AIC=2919,94$, $BIC=3033,06$). Это согласуется с результатами других исследований, согласно которым, на базе религиозной, этнической и других видов социальной идентичности, лучшей стала модель, обозначенная как «Модель 5» [2] или «Model A» [18]. В ней, как и в нашем случае, шкалы «удовлетворенность», «сплоченность» и «выраженность идентичности» объединены в общий латентный фактор «личный вклад», а шкалы «самостереотипизация» и «ингрупповая гомогенность» – в фактор «самоопределение».

Это позволяет утверждать, что факторная структура идентификации с коллективом у учителей в целом такая же, как и в других социальных группах, и эту методику можно применять для диагностики идентификации в группе учителей.

Адаптированный на русский язык вариант методики был опубликован в 2013 году, поэтому пока не появилось достаточного количества исследований с ее использованием.

При наличии множества зарубежных исследований организационной идентификации, в том числе в сфере высшего образования (идентификация студентов со своими университетами, профессоров с кафедрами и т.д.), специальных отечественных или зарубежных исследований школьных учителей, проведенных с использованием такой же методики для диагностики идентификации, нами не было обнаружено.

Поэтому для сравнения можно использовать данные из других областей, например данные идентификации работников со своей организацией. Л. Смит при исследовании крупной компании в течение 6 месяцев [33] использовала фактор «личный вклад» из «Пятифакторной модели».

В сравнении с полученными ею данными ($N=471$) учителя (здесь и далее $N=78$) значительно менее удовлетворены своим членством в школьном коллективе ($t=-5,7$, $df=104,6$, $p<0,001$, $d\text{Коэна}=-0,69$), при этом сплоченность (solidarity) ($t=-0,45$, $df=112,61$, $p=0,651$, $d\text{Коэна}=-0,05$) и выраженность идентичности (centrality) не отличаются ($t=-0,11$, $df=108,47$, $p=0,91$, $d\text{Коэна}=-0,01$). Значит, несмотря на то что они не удовлетворены своим членством в этой группе, это не мешает их взаимодействию со своими коллегами, и школьный коллектив для учителей не становится менее важной социальной группой (играет такую же важную роль в структуре социальной идентичности). Другими словами, в структуре идентификации учителей не обнаружено других особенностей, кроме низкой удовлетворенности от группового членства.

Связи экстраролевого поведения и идентификации с коллективом школы. В таблице 2 приводятся описательные статистики и

Таблица 2. Описательные статистики и корреляционная матрица, учителя вологодских школ (N=78)

	Mean	SD	α Кронбаха	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Пол	0,05	0,22	—	—								
2. Возраст	37,37	12,20	—	-0,17	—							
3. Стаж работы в данной школе	9,80	9,81	—	-0,06	0,69***	—	—					
4. Воспринимаемая целостность	4,38	1,13	—	0,04	-0,23*	-0,37***	—					
5. Организационная идентификация	5,09	0,83	0,91	-0,15	0,04	-0,08	0,25*	—				
6. Экстраролевое поведение:	3,64	0,73	0,82	0,13	0,16	0,33**	-0,18	0,09	—			
7. Совершенствование выполнения	3,65	1,20	0,82	0,15	0,14	0,33**	-0,28*	-0,12	0,77***	—		
8. Сверхурочное выполнение	4,50	1,06	0,53	0,05	0,20	0,21	-0,01	0,22*	0,74***	0,30**	—	
9. Помощь коллегам	4,60	0,96	0,67	0,13	0,02	0,22	-0,13	0,09	0,83***	0,49***	0,53***	—

Примечание. Mean – средняя оценка, SD – стандартное отклонение. Возраст указывался в годах; пол кодировался: 0 – для женщин, 1 – для мужчин. Для подсчета коэффициентов корреляции использовался r Спирмена: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.

корреляции между исследуемыми переменными. Единственная переменная, которая надежно предсказывала компоненты экстраролевого поведения – стаж работы в данной школе r - Спирмена=0,33; $p=0,003$). Идентификация со школьным коллективом и воспринимаемая целостность предсказывали экстраролевое поведение значительно хуже.

Линейное моделирование. Для проверки гипотезы о связи экстраролевого поведения и идентификации мы решили построить ряд линейных моделей, учитывающих многоуровневый характер собранных нами данных. Нужно отметить, что часть вариации экстраролевого поведения (как и других переменных) может определяться вовсе не предполагаемыми нами предикторами, а тем, в какой школе работает тот или иной учитель. Особенности школьного коллектива, организационной культуры и других параметров приводятся ниже в обсуждении.

Для проведения полноценной процедуры многоуровневого линейного моделирования должен выполняться ряд условий, которые в нашем случае выполняются частично. Из-за этих ограничений школьный уровень включен в модель в категориальном виде (характеристики школ не рассматривались).

Группы построенных моделей, представленные в таблице 3, были получены с помощью МНК-оценки. В примечении таблицы 3 для каждой модели указана выходная переменная (независимая переменная), которая варьировалась от 1 – «абсолютно никогда» до 7 – «всегда». В строчках перечислены значения нестандартизированных бета-коэффициентов предикторов, при этом положительное значение – рост компонентов экстраролевого поведения, отрицательные – уменьшение. Стаж и возраст кодировались в годах.

Таблица 3. Связи компонентов экстраролевого поведения и идентификации, учителя вологодских школ (N=78)

Предиктор	Модель 1. Экстраролевое поведение	Модель 2. Совершенствование выполнения	Модель 3. Сверхурочное выполнение	Модель 4. Помощь коллегам
Свободный член	3,40 (0,79)***	3,26 (1,09)***	2,88 (1,01)***	4,07 (0,88)***
Стаж работы в данной школе	0,03 (0,02)*	0,05 (0,02)*	0,02 (0,02)	0,03 (0,02)*
Возраст	0,00 (0,01)	-0,01 (0,02)	0,01 (0,02)	-0,01 (0,01)
Сплоченность	0,11 (0,15)	0,26 (0,21)	0,03 (0,20)	0,04 (0,17)
Удовлетворенность	0,04 (0,15)	0,18 (0,21)	-0,07 (0,19)	0,01 (0,17)
Выраженность (центрация)	-0,13 (0,13)	-0,42 (0,18)**	0,10 (0,17)	-0,06 (0,15)
Самостереотипизация	-0,03 (0,13)	-0,22 (0,19)	0,13 (0,17)	-0,01 (0,15)
Ингрупповая гомогенность	0,10 (0,12)	0,22 (0,17)	-0,01 (0,16)	0,08 (0,14)
R ²	0,17	0,21	0,12	0,19
Adj. R ²	0,03	0,07	-0,03	0,06
*p < 0,1, **p < 0,05, ***p < 0,01.				

Процент объясненной дисперсии компонентов экстраролевого поведения R² колеблется от 0,12 до 0,21. В последней модели 4 стаж объясняет 9,6%, компоненты идентификации – 1,6%, групповой уровень или вариация по школам составляет 5,8%.

При этом чем больше стаж, тем больше частота экстраролевого поведения, эффект возраста практически не заметен. Связь разных компонентов идентификации со школьным коллективом с различными видами экстраролевого поведения получилась неоднозначной, иногда она усиливает их, а иногда ослабляет. Объем выборки не позволяет сделать однозначных выводов, оставляя возможность для дальнейших исследований.

Для построения финальной модели было целесообразно проверить не только роль компонентов идентификации, стажа, возраста в качестве предикторов, но и их взаимодействие между собой (интеракции). Для этого в качестве зависимой переменной мы включили общий показатель экстраролевого поведения, в качестве предикторов – три

переменные (общий показатель идентификации, стаж, возраст) и интеракции между ними. Затем, по одному исключая из модели переменные и/или интеракции между ними, выбрали лучшую модель на основе информационного критерия Акаике (AIC).

В таблице 4 приведена модель 5, у нее по сравнению с моделью 1 улучшился скорректированный R². При этом используются стандартизированные бета-коэффициенты, которые позволяют сравнивать вклад переменных в разной размерности, опираясь на их стандартное отклонение (см. графу SD в табл. 2).

Поясним на нескольких примерах интеракции, обнаруженные в данных примерах из контрастных групп:

- Если сравнить двух учителей (25 и 46 лет), проработавших в школе 3 года, то чаще экстраролевое поведение будет проявлять молодой учитель (этот эффект незначителен (9,3%) и быстро компенсируется стажем).
- Из двух учителей одинакового возраста (37 лет) со средним уровнем идентификации экстраролевое поведение

будет проявляться реже (примерно на 20%) у учителя, отработавшего в школе 3 года, в сравнении с учителем, который отработал 16 лет.

- У учителя 37 лет, проработавшего 10 лет в школе, в случае высокого уровня идентификации вероятность экстраролевого поведения возрастает на 2,6%, в дальнейшем этот эффект становится еще более заметным (см. рис. 2).

Выводы

Особенностью идентификации учителей со школьным коллективом можно

считать низкую удовлетворенность групповым членством. В совокупности с тем, что границы рабочего и нерабочего времени стираются, это может приводить к низкой удовлетворенности трудом и психологическому выгоранию.

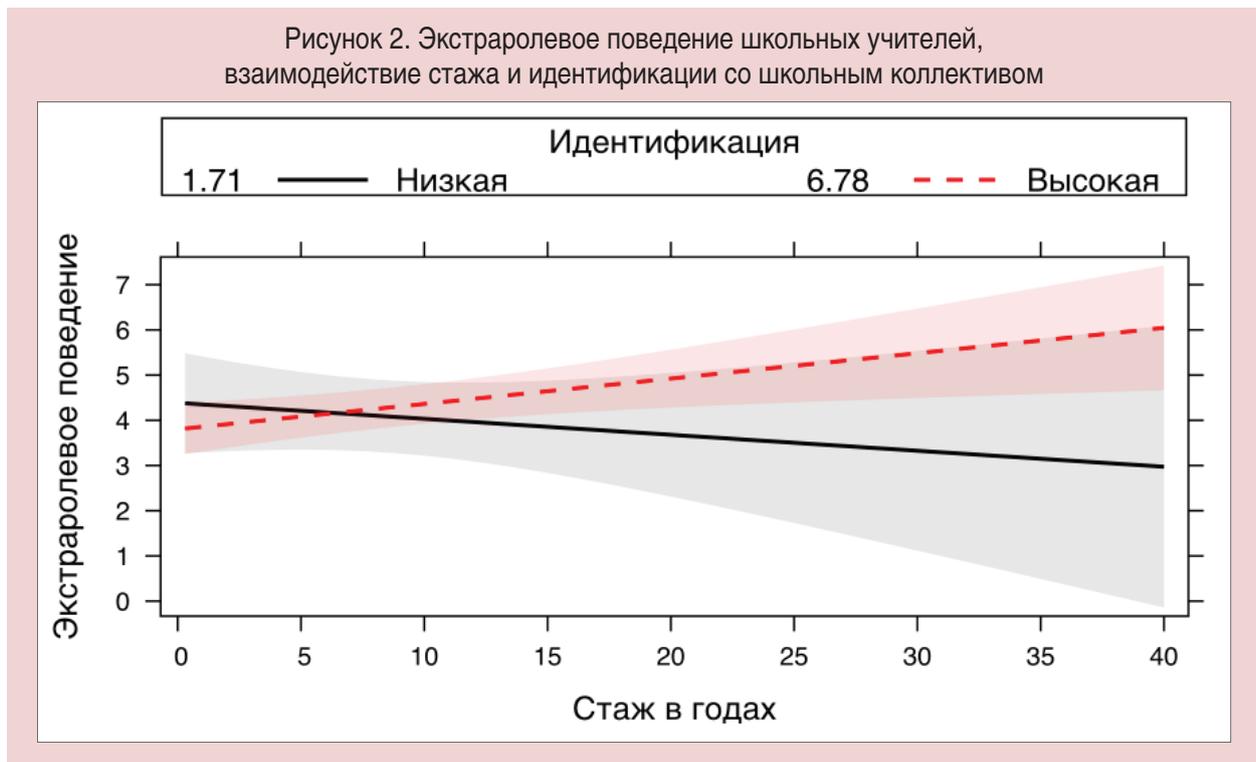
При этом структура идентификации со школьным коллективом похожа на идентификацию с другими социальными группами.

Рабочий день учителя не нормирован. Много времени он расходует не только на проведение занятий, подготовку к ним и

Таблица 4. Связь экстраролевого поведения, идентификации и стажа для учителей вологодских школ (N=78)

Предиктор	Модель 5. Экстраролевое поведение
Стаж работы в данной школе	0,55 (0,21)**
Возраст	-0,21 (0,18)
Идентификация	0,08 (0,11)
Возраст: Стаж	-0,18 (0,10)*
Идентификация: Стаж	0,26 (0,13)**
R ²	0,16
Adj. R ²	0,10

Рисунок 2. Экстраролевое поведение школьных учителей, взаимодействие стажа и идентификации со школьным коллективом



проверку домашних заданий, но и на другие, экстраролевые, виды активности. Эта активность у вологодских учителей выражена сильнее по сравнению с сотрудниками обычных организаций. При росте нагрузки можно прогнозировать снижение этих показателей. Экстраролевое поведение является важным компонентом трудовой эффективности, поэтому администрации образовательных организаций следует уделять ему внимание в процедурах подбора кадров и их оценки, например в процедурах аттестации, выдвижения кадрового резерва.

Лучше всего экстраролевое поведение предсказывалось стажем; вторым по значимости фактором является школа, в которой учитель работает; наиболее слабую предсказательную способность имеют компоненты идентификации.

Целью многих кадровых программ (формирование кадрового резерва, повышение лояльности) является удержание самых качественных сотрудников с помощью материального стимулирования и формирования приверженности коллективу. Это приводит к предъявлению повышенных требований к новичкам. Но нужно учитывать, что молодым сотрудникам проявлять свою экстраролевую активность сложно, поэтому не следует ждать незамедлительного повышения эффективности труда новичков (выражающейся в росте экстраролевой активности). Нужно понимать, что такие программы чаще всего имеют отсроченный эффект.

В соответствии с полученными нами данными об экстраролевом поведении школьных учителей г. Вологды мы можем дать следующие рекомендации для их учета в кадровой политике:

1. Стаж во многом определяет то, будет ли учитель добровольно действовать на благо школьного коллектива. Предпочтение здесь стоит отдавать тем, кто долго проработал в школьной системе.

2. Роль идентификации начинает полностью раскрываться примерно через 10 лет: если к этому времени не успеет сформироваться устойчивая позитивная приверженность школьному коллективу, то можно ожидать заметного снижения экстраролевой активности.

3. Выдвижение в кадровый резерв более молодых сотрудников только на основании их возраста не имеет смысла. Это нужно делать, учитывая долгосрочную перспективу: в том случае, если предполагается, что они долгое время будут работать в школе (проявится эффект стажа), а программа кадрового резерва сможет усилить их идентификацию, то видимые отличия в экстраролевом поведении появятся не ранее чем через несколько лет.

Реформы образования, приводящие к увеличению учебной нагрузки школьных учителей, могут снизить уровень их экстраролевого поведения (см. табл. 1), отразиться на желании быть «хорошим учителем» и привести к запуску непродуктивных стратегий компенсации. Эффекты могут быть отсроченными (в масштабах от 10 лет), что требует тщательного планирования изменений. Низкий уровень идентификации со школьным коллективом (особенно в части удовлетворенности) у новичков может привести к снижению их экстраролевого поведения в дальнейшем. Таким образом, уже сегодня требуется предпринять соответствующие меры, чтобы сохранить высокий показатель экстраролевого поведения у тех, кто работает в школе давно.

Литература

1. Об утверждении плана мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2014 г. № 722-р [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2014. – 8 мая. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/05/08/nauka-site-dok.html> (дата обращения: 15.08.2014).
2. Агадуллина, Е.Р. Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке / Е.Р. Агадуллина, А.В. Ловаков // Психология: журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 4. – № 10. – С. 143-157.
3. Гулевич, О.А. Гражданское поведение в организации: условия и последствия [Электронный ресурс] / О.А. Гулевич // Организационная психология. – 2013. – Т. 3. – № 3. – С. 2-17. – Режим доступа: <http://orgpsyjournal.hse.ru/2013--3/117908674.html> (дата обращения: 15.08.2014).
4. Загвоздкин, В. Экспертиза учительского труда за рубежом / В. Загвоздкин // Образовательная политика. – 2011. – № 1. – Т. 51. – Р. 111-117.
5. Ловаков, А.В. Современные тенденции в исследованиях организационной идентификации / А.В. Ловаков // Психологические проблемы современного бизнеса / под ред. Н.В. Антонова, Н.Л. Иванова, В.А. Штроо. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. – С. 135-159.
6. Ребзуев, Б.Г. Разработка конструкта трудового поведения и шкалы экстраролевого трудового поведения / Б.Г. Ребзуев // Психология: журнал Высшей школы экономики. – 2009. – Т. 1. – № 6. – С. 3-57.
7. Эшфорт, Б. Теория социальной идентичности в контексте организации [Электронный ресурс] / Б. Эшфорт, Э. Маил // Организационная психология. – 2012. – Т. 1. – № 2. – С. 4-27. – Режим доступа: <http://orgpsyjournal.hse.ru/2012--1/50605114.html> (дата обращения: 15.08.2014).
8. Ashforth, B.E. Identification in Organizations: An Examination of Four Fundamental Questions / B.E. Ashforth, S.H. Harrison, K.G. Corley // Journal of Management. – 2008. – № 3. – Vol. 34. – P. 325-374.
9. Ashforth, B.E. Social Identity Theory and the Organization / B.E. Ashforth, F. Mael // The Academy of Management Review. – 1989. – № 1. – Vol. 14. – P. 20-39.
10. Blader, S.L. Testing and extending the group engagement model: Linkages between social identity, procedural justice, economic outcomes, and extrarole behavior / S.L. Blader, T.R. Tyler // Journal of Applied Psychology. – 2009. – № 2. – Vol. 94. – P. 445-464.
11. Cohen, J. A power primer / J. Cohen // Psychological Bulletin. – 1992. – № 1. – Vol. 112. – P. 155-159.
12. Fullan, M. Large-scale reform comes of age / M. Fullan // Journal of Educational Change. – 2009. – № 2-3. – Vol. 10. – P. 101-113.
13. Fullan, M. Research on Curriculum and Instruction Implementation / M. Fullan, A. Pomfret. – 1977. – 1 p.
14. Gaertner, L. Perceived ingroup entitativity and intergroup bias: An interconnection of self and others / L. Gaertner, J. Schopler // European Journal of Social Psychology. – 1998. – № 6. – Vol. 28. – P. 963-980.
15. He, H. Organizational Identity and Organizational Identification: A Review of the Literature and Suggestions for Future Research / H. He, A.D. Brown // Group & Organization Management. – 2013. – № 1. – Vol. 38. – P. 3-35.
16. Klein, H.J. The effectiveness of an organizational level orientation training program in the socialization of new hires / H.J. Klein, N.A. Weaver // Personnel Psychology. – 2000. – № 1. – Vol. 53. – P. 47-66.
17. Lavy, V. Performance Pay and Teachers' Effort, Productivity, and Grading Ethics / V. Lavy // American Economic Review. – 2009. – № 5. – Vol. 99. – P. 1979-2011.
18. Leach, C.W. Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multicomponent) model of ingroup identification. / C.W. Leach [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. – 2008. – № 1. – Vol. 95. – P. 144-165.
19. Lenth, R.V. Some practical guidelines for effective sample size determination / R.V. Lenth // American Statistician. – 2001. – Vol. 55. – № 3. – P. 187-193.
20. Levine, J.M. Encyclopedia of group processes and intergroup relations / J.M. Levine, M.A. Hogg. – Sage Publications, Inc, 2010. – 1 p.
21. McKinsey. How the world's best-performing school systems come out on top [Электронный ресурс] / McKinsey. – Режим доступа: <http://mckinseysociety.com/how-the-worlds-best-performing-schools-come-out-on-top/>.

22. Meyer, J.P. A three-component conceptualization of organizational commitment / J.P. Meyer, N.J. Allen // *Human resource management review*. – 1991. – № 1. – Vol. 1. – P. 61-89.
23. Nusche, D. Synergies for better learning: An international perspective on evaluation and assessment / D. Nusche [et al.] // *OECD Reviews of Evaluation and Assessment in Education*. – 2013.
24. OECD. *Measuring Innovation in Education: A New Perspective*, Educational Research and Innovation / OECD. – OECD Publishing, 2014. – 1 p.
25. Oplatka, I. Going Beyond Role Expectations: Toward an Understanding of the Determinants and Components of Teacher Organizational Citizenship Behavior / I. Oplatka // *Educational Administration Quarterly*. – 2006. – № 3. – Vol. 42. – P. 385-423.
26. Organ, D.W. A meta-analytic review of attitudinal and dispositional predictors of organizational citizenship behavior / D.W. Organ, K. Ryan // *Personnel Psychology*. – 1995. – № 4. – Vol. 48. – P. 775-802.
27. Philipp, A. How do teachers spend their time? A study on teachers' strategies of selection, optimisation, and compensation over their career cycle / A. Philipp, M. Kunter // *Teaching and Teacher Education*. – 2013. – Vol. 35. – P. 1-12.
28. Podsakoff, N.P. Individual- and organizational-level consequences of organizational citizenship behaviors: A meta-analysis. / N.P. Podsakoff [et al.] // *Journal of Applied Psychology*. – 2009. – № 1. – Vol. 94. – P. 122-141.
29. Podsakoff, P.M. Organizational citizenship behaviors: A critical review of the theoretical and empirical literature and suggestions for future research / P.M. Podsakoff [et al.] // *Journal of Management*. – 2000. – № 3. – Vol. 26. – P. 513-563.
30. Pratt, M.G. Classifying managerial responses to multiple organizational identities / M.G. Pratt, P.O. Foreman // *Academy of Management Review*. – 2000. – № 1. – Vol. 25. – P. 18-42.
31. Riketta, M. Foci of attachment in organizations: A meta-analytic comparison of the strength and correlates of workgroup versus organizational identification and commitment / M. Riketta, R.V. Dick // *Journal of Vocational Behavior*. – 2005. – № 3. – Vol. 67. – P. 490-510.
32. Riketta, M. Organizational identification: A meta-analysis / M. Riketta // *Journal of Vocational Behavior*. – 2005. – № 2. – Vol. 66. – P. 358-384.
33. Smith, L.G. Getting new staff to stay: the mediating role of organizational identification / L.G. Smith [et al.] // *British Journal of Management*. – 2012. – № 1. – Vol. 23. – P. 45-64.
34. Somech, A. Understanding extra-role behavior in schools: The relationships between job satisfaction, sense of efficacy, and teachers' extra-role behavior / A. Somech, A. Drach-Zahavy // *Teaching and Teacher Education*. – 2000. – № 5. – Vol. 16. – P. 649-659.
35. van Dick R. Identity and the Extra Mile: Relationships between Organizational Identification and Organizational Citizenship Behaviour / R. van Dick [et al.] // *British Journal of Management*. – 2006. – № 4. – Vol. 17. – P. 283-301.
36. Van Dyne, L. Helping and voice extra-role behaviors: Evidence of construct and predictive validity / L. Van Dyne, J.A. LePine // *Academy of Management Journal*. – 1998. – № 1. – Vol. 41. – P. 108-119.
37. Van Eerde, W. Vroom's expectancy models and work-related criteria: A meta-analysis / W. Van Eerde, H. Thierry // *Journal of Applied Psychology*. – 1996. – Vol. 81. – № 5. – P. 575-586.
38. Vigoda-Gadot, E. Group-Level Organizational Citizenship Behavior in the Education System: A Scale Reconstruction and Validation / E. Vigoda-Gadot [et al.] // *Educational Administration Quarterly*. – 2007. – Vol. 43. – № 4. – P. 462-493.

Klimov A. A.

Extra-role performance behavior of teachers: the role of identification with the team, of experience and of the school as an educational organization

Aleksei Aleksandrovich Klimov – Graduate Student, National Research University Higher School of Economics (46B, Volgogradsky Avenue, office 221, Moscow, 109316, Russian Federation, aklimov@hse.ru)

Abstract. The article discusses extra-role performance behavior of teachers and their identification with the teaching staff under the conditions of modernization of the education system and optimization of the network of educational institutions in Russia. The author provides a review of the literature on the subject and specifies the concept of extra-role performance behavior of teachers, what factors cause or promote such behavior, and what it means to be a “good teacher”. Understanding the importance of extra-role performance behavior as an essential component of labor efficiency will help educational organizations’ heads to use it in the recruitment, selection and certification of teachers, and in the development of personnel reserve.

The author selects three factors predicting extra-role performance behavior: work experience, the school as an organization, and identification with the school staff. Regression models based on data on school teachers of Vologda (N = 78.6 schools), explained extra-role performance behavior associated with a change in the functioning of the organization (Model 2. Enhancement of performance, $R^2=0.21$) and with behavior toward colleagues (Model 4. Helping the colleagues, $R^2=0.19$). The predictive capacity (partial R^2) of predictors turned out different: for work experience – 0.10, for affiliation with a particular school – 0.06, for identification with the school staff – 0.02 .

Extra-role performance behavior of teachers in Vologda is more pronounced in comparison with the standardization sample. Newcomers are much less likely to display such behavior since they do not have opportunities to influence the school organization and help colleagues. The low degree of satisfaction with group membership as a component of identification with the school team can be caused by significant work-load.

We assume that when work-load increases, it is extra-role performance behavior that suffers in the first place, and this leads to decrease in work performance and provokes various unproductive compensatory strategies: burnout; slowdown of professional development. Because newcomers and experienced teachers manifest this behavior to a different extent, the effect for beginners will be delayed. It is necessary to consider the influence of the environment, because extra-role performance behavior depends on where and with whom an individual works.

Key words: extra-role performance behavior, identification with the organization, work experience, “good teacher”, labor efficiency, educational organization, modernization of education.

References

1. Ob utverzhdenii plana meropriyatii (“dorozhnaya karta”) “Izmeneniya v otraslyakh sotsial’noi sfery, napravlennye na povyshenie effektivnosti obrazovaniya i nauki”: rasporyazhenie Pravitel’sтва Rossiiskoi Federatsii ot 30 aprelya 2014 g. № 722-r [On Approval of the Action Plan (“Road Map”) “The Changes in the Social Sectors, Aimed to Improve the Efficiency of Education and Science”: the Resolution of the Government of the Russian Federation of April 30, 2014 No. 722-r]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2014, May 8. Available at: <http://www.rg.ru/2014/05/08/nauka-site-dok.html> (accessed: August 15, 2014).

2. Agadullina E.R., Lovakov A.V. Model' izmereniya ingruppovoi identifikatsii: proverka na rossiiskoi vyborke [Model of Assessing In-Group Identification: Testing on the Russian Sample]. *Psikhologiya: zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology: the Journal of the Higher School of Economics], 2013, vol. 4, no. 10, pp. 143-157.
3. Gulevich O.A. Grazhdanskoe povedenie v organizatsii: usloviya i posledstviya [Organizational Citizenship Behavior: Conditions and Consequences]. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational Psychology], 2013, vol. 3, no. 3, pp. 2-17. Available at: <http://orgpsyjournal.hse.ru/2013--3/117908674.html> (accessed: August 15, 2014).
4. Zagvozdkin V. Ekspertiza uchitel'skogo truda za rubezhom [Expert Assessment of Teachers' Work Abroad]. *Obrazovatel'naya politika* [Educational Policy], 2011, no. 1, vol. 51, pp. 111-117.
5. Lovakov A.V. Sovremennye tendentsii v issledovaniyakh organizatsionnoi identifikatsii [Current Trends in the Studies of Organizational Identification]. *Psikhologicheskie problemy sovremennogo biznesa* [Psychological Issues of Modern Business] Ed. by N.V. Antonov, N.L. Ivanov, V.A. Shtroo. Moscow: Izdatel'skii dom NIU VShE, 2011. Pp. 135-159.
6. Rebzuev B.G. Razrabotka konstrukta trudovogo povedeniya i shkaly ekstrarolevogo trudovogo povedeniya [Development of a Construct of Performance Behavior and a Scale of Extra-Role Performance Behavior]. *Psikhologiya: zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology: the Journal of the Higher School of Economics], 2009, vol. 1, no. 6, pp. 3-57.
7. Ashforth B.E., Mael F. Teoriya sotsial'noi identichnosti v kontekste organizatsii [Social Identity Theory and the Organization]. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational Psychology], 2012, vol. 1, no. 2, pp. 4-27. Available at: <http://orgpsyjournal.hse.ru/2012--1/50605114.html> (accessed: August 15, 2014).
8. Ashforth B.E., Harrison S.H., Corley K.G. Identification in Organizations: An Examination of Four Fundamental Questions. *Journal of Management*, 2008, no. 3, vol. 34, pp. 325-374.
9. Ashforth B.E., Mael F. Social Identity Theory and the Organization. *The Academy of Management Review*, 1989, no. 1, vol. 14, pp. 20-39.
10. Blader S.L., Tyler T.R. Testing and Extending the Group Engagement Model: Linkages between Social Identity, Procedural Justice, Economic Outcomes, and Extrarole Behavior. *Journal of Applied Psychology*, 2009, no. 2, vol. 94, pp. 445-464.
11. Cohen J. A Power Primer. *Psychological Bulletin*, 1992, no. 1, vol. 112, pp. 155-159.
12. Fullan M. Large-Scale Reform Comes of Age. *Journal of Educational Change*, 2009, no. 2-3, vol. 10, pp. 101-113.
13. Fullan M., Pomfret A. *Research on Curriculum and Instruction Implementation*. 1977.
14. Gaertner L., Schopler J. Perceived Ingroup Entitativity and Intergroup Bias: An Interconnection of Self and Others. *European Journal of Social Psychology*, 1998, no. 6, vol. 28, pp. 963-980.
15. He H., Brown A.D. Organizational Identity and Organizational Identification: A Review of the Literature and Suggestions for Future Research. *Group & Organization Management*, 2013, no. 1, vol. 38, pp. 3-35.
16. Klein H.J., Weaver N.A. The Effectiveness of an Organizational-Level Orientation Training Program in the Socialization of New Hires. *Personnel Psychology*, 2000, no. 1, vol. 53, pp. 47-66.
17. Lavy V. Performance Pay and Teachers' Effort, Productivity, and Grading Ethics. *American Economic Review*, 2009, no. 5, vol. 99, pp. 1979-2011.
18. Leach C.W. et al. Group-Level Self-Definition and Self-Investment: A Hierarchical (Multicomponent) Model of In-Group Identification. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008, no. 1, vol. 95, pp. 144-165.
19. Lenth R.V. Some Practical Guidelines for Effective Sample Size Determination. *American Statistician*, 2001, vol. 55, no. 3, pp. 187-193.
20. Levine J.M., Hogg M.A. *Encyclopedia of Group Processes and Intergroup Relations*. Sage Publications, Inc, 2010.
21. McKinsey. *How the World's Best-Performing School Systems Come Out on Top*. Available at: <http://mckinseyon-society.com/how-the-worlds-best-performing-schools-come-out-on-top/>.
22. Meyer J.P., Allen N.J. A Three-Component Conceptualization of Organizational Commitment. *Human Resource Management Review*, 1991, no. 1, vol. 1, pp. 61-89.
23. Nusche D. et al. Synergies for Better Learning: An International Perspective on Evaluation and Assessment. *OECD Reviews of Evaluation and Assessment in Education*, 2013.
24. *OECD. Measuring Innovation in Education: A New Perspective, Educational Research and Innovation*. OECD Publishing, 2014.
25. Oplatka I. Going Beyond Role Expectations: Toward an Understanding of the Determinants and Components of Teacher Organizational Citizenship Behavior. *Educational Administration Quarterly*, 2006, no. 3, vol. 42, pp. 385-423.

26. Organ D.W., Ryan K. A Meta-Analytic Review of Attitudinal and Dispositional Predictors of Organizational Citizenship Behavior. *Personnel Psychology*, 1995, no. 4, vol. 48, pp. 775-802.
27. Philipp A., Kunter M. How do Teachers Spend Their Time? A Study on Teachers' Strategies of Selection, Optimisation, and Compensation over Their Career Cycle. *Teaching and Teacher Education*, 2013, vol. 35, pp. 1-12.
28. Podsakoff N.P. et al. Individual- and Organizational-Level Consequences of Organizational Citizenship Behaviors: A Meta-Analysis. *Journal of Applied Psychology*, 2009, no. 1, vol. 94, pp. 122-141.
29. Podsakoff P.M. et al. Organizational Citizenship Behaviors: A Critical Review of the Theoretical and Empirical Literature and Suggestions for Future Research. *Journal of Management*, 2000, no. 3, vol. 26, pp. 513-563.
30. Pratt M.G., Foreman P.O. Classifying Managerial Responses to Multiple Organizational Identities. *Academy of Management Review*, 2000, no. 1, vol. 25, pp. 18-42.
31. Riketta M., Dick R.V. Foci of Attachment in Organizations: A Meta-Analytic Comparison of the Strength and Correlates of Workgroup versus Organizational Identification and Commitment. *Journal of Vocational Behavior*, 2005, no. 3, vol. 67, pp. 490-510.
32. Riketta M. Organizational Identification: A Meta-Analysis. *Journal of Vocational Behavior*, 2005, no. 2, vol. 66, pp. 358-384.
33. Smith L.G. et al. Getting New Staff to Stay: the Mediating Role of Organizational Identification. *British Journal of Management*, 2012, no. 1, vol. 23, pp. 45-64.
34. Somech A., Drach-Zahavy A. Understanding Extra-Role Behavior in Schools: The Relationships between Job Satisfaction, Sense of Efficacy, and Teachers' Extra-Role Behavior. *Teaching and Teacher Education*, 2000, no. 5, vol. 16, pp. 649-659.
35. Van Dick R. et al. Identity and the Extra Mile: Relationships between Organizational Identification and Organizational Citizenship Behaviour. *British Journal of Management*, 2006, no. 4, vol. 17, pp. 283-301.
36. Van Dyne L., LePine J.A. Helping and Voice Extra-Role Behaviors: Evidence of Construct and Predictive Validity. *Academy of Management Journal*, 1998, no. 1, vol. 41, pp. 108-119.
37. Van Eerde W., Thierry H. Vroom's Expectancy Models and Work-Related Criteria: A Meta-Analysis. *Journal of Applied Psychology*, 1996, vol. 81, no. 5, pp 575-586.
38. Vigoda-Gadot E. et al. Group-Level Organizational Citizenship Behavior in the Education System: A Scale Reconstruction and Validation. *Educational Administration Quarterly*, 2007, vol. 43, no. 4, pp. 462-493.

Об итогах Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России»

За последние 25 лет на долю россиян выпали тяжелейшие испытания: распад СССР, смена общественного строя, сопровождавшаяся глубоко несправедливой приватизацией, утверждением господства олигархического капитала, расстройством системы государственного управления. После 2000 г. страна стала постепенно выходить из состояния глубокого системного кризиса. Были сделаны важные шаги на пути к новой государственной идеологии, базирующейся на возрождении и укреплении духовно-нравственных основ национальной идентичности и государственного суверенитета.

Осложнение международной политической обстановки в 2014 году, отражающееся на жизни граждан России, вызывает тревогу и опасения, однако, как никогда, события последних месяцев актуализируют задачу консолидации общества, требуют активизации деятельности научного сообщества, власти и общественных

объединений в целях сплочения социума для решения задач экономического и социального развития страны, обеспечения её национальной безопасности.

Динамика развития российского социума за последние 25 лет, а также общественные настроения, вызванные стремительным развёртыванием политических событий в 2014 году, стали лейтмотивом дискуссии в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России», которая прошла 13–15 ноября 2014 года в г. Вологде.

Организаторами Конференции выступили:

- Институт социально-экономического развития территорий РАН,
- Институт социологии РАН,
- Институт социально-политических исследований РАН,
- Правительство Вологодской области.



Целью Конференции являлось совместное обсуждение актуальных методологических и содержательных проблем социологии общественного мнения в общем кругу социологов-практиков, а также исследователей в области социологии, представляющих государственные исследовательские и научные институты, масс-медиа, общественные и коммерческие организации.

Мероприятие, посвящённое 20-й годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации, собрало таких наиболее известных ученых в области социологии и изучения проблем общественного развития, как **Г.В. Осипов, М.К. Горшков, Ж.Т. Тощенко, В.В. Федоров, В.В. Локосов, В.А. Ильин, И.И. Елисеева** и другие, исследователей из разных уголков России и ближнего зарубежья: Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Курска, Тюмени, Воронежа, Башкортостана, Ямало-Ненецкого округа, Республики Беларусь.

На открытии форума с приветственным словом к его участникам обратились директор ИСЭРТ РАН **В.А. Ильин**, первый заместитель губернатора Вологодской области **А.И. Шерлыгин** и академик РАН, член Президиума РАН директор ИСПИ РАН, председатель правления Общества социальных наук **Г.В. Осипов**.

Как подчеркнул **Г.В. Осипов**, «включение социальных наук и социологии конкретно в систему государственного управления обществом приобретает контуры реальности... Можно с полной уверенностью сейчас сказать, что в 21 веке социальные науки и социология в том числе становятся знаменем времени. Без изучения этих проблем мы можем получить в конечном счете такую социальную реальность, которую никто не хотел и к которой никто не стремился».

А.И. Шерлыгин отметил, что «в современном мире невозможно без социологии,

без этого важнейшего инструмента не только научной, но и политической и общественной деятельности. Невозможно строить никакие планы по социально-экономическому развитию. Вообще любые перспективы развития нашей страны, Вологодской области мы всегда сверяем с социологическими исследованиями... Социология должна отвечать на главные вопросы, на главные вызовы любого управленческого процесса: почему такая ситуация? Что лежит в ее основе? Каково мнение населения? Без обратной связи в современных условиях руководить невозможно не только страной или областью, но и, наверное, даже крупным предприятием. Поэтому для нас роль именно социологии и именно процессов, связанных с ней, очень важна».

В работе Конференции приняло участие свыше 600 человек. Прозвучало более 70 выступлений о ключевых проблемах современного российского общества, социологическом обеспечении регионального управления, роли социологии в формировании тенденций общественного развития; рассматривались актуальные вопросы совершенствования методологии социологической науки.

Была организована работа 6 секций, в том числе секции молодых ученых и дискуссионной панели по итогам прошедшего в сентябре 2014 г. Единого дня голосования.

В работе **молодежной секции** (руководители – д.с.н., проф. **Ю.А. Зубок**, к.с.н. **С.В. Мареева**, к.п.н. **Л.О. Кочешкова**) принимали участие молодые кандидаты наук, аспиранты, соискатели, студенты и даже школьники старших классов. Участники обсуждали проблемы миграции, методологии изучения качества жизни, особенности процессов маргинализации общества, а также современного рынка труда и трудовой мотивации подростков, способы реализации социальной субъект-

ности молодежи в системе управления и особенности ее самоорганизации.

По словам **Ю.А. Зубок**, «работа секции представляла собой методологическую площадку, которая давала участникам возможность апробировать свои научные результаты, получить консультацию и являлась плацдармом для обучения».

На **секции № 1 «Российское общество 1990–2010-х гг. глазами социологов: проблемы, тенденции, закономерности»** (руководители – д.с.н. *Г.И. Осадчая*, д.ф.н., проф. *А.Л. Маршак*, д.э.н. *А.А. Шабунова*) обсуждался широкий спектр вопросов, связанных с культурой и культурной идентификацией, социальной стратификацией современного российского общества, концепцией человеческого развития, социальными аспектами образа жизни, социологией медицины. Рассматривались проблемы Северного Кавказа, информационного обеспечения населения, городская и молодежная проблематика и многое другое.

Подводя итоги работы секции, ее сопредседатель **А.Л. Маршак** поблагодарил организаторов Конференции «за возможность, предоставленную ученым различных взглядов, различных школ, высказать свое мнение и дать оценку тех событий и явлений, которые происходят сегодня в нашей жизни».

На **секции № 2 «Развитие территориальных сообществ и социологическое обеспечение регионального управления»** (руководители – д.с.н., проф. *В.В. Маркин*, к.с.н. *С.Г. Каренова*, к.э.н. *М.В. Морев*) анализировались как фундаментальные, так и прикладные вопросы социологии регионов, в том числе социально-территориальной идентификации в контексте консолидации социального пространства России, взаимодействия органов власти, бизнес-структур и институтов гражданского общества, разработки стратегии

социальных технологий обеспечения регионального управления. Внимание акцентировалось на тематике экономической социологии, социологии труда.

Сопредседатель секции **В.В. Маркин**, выражая мнение её участников, охарактеризовал конференцию «Общество и социология в современной России» как «исторически значимое для российской социологии событие». Он отметил «растущий потенциал вологодской экономико-социологической школы и перспективы ее развития в сотрудничестве с другими ведущими социологическими центрами страны» и выразил надежду на проведение подобного форума на Вологодской земле через 5 лет.

На **секции № 3 «Развитие теории, методологии и методического инструментария социологических исследований»** (руководители – д.с.н., проф. *Г.Г. Татарова*, д.э.н. *С.В. Рязанцев*, д.э.н. *Т.В. Ускова*) рассматривались методологические вопросы, связанные с изучением социального потенциала, миграционных процессов, социальных рисков гендерного разлома. Оживленную дискуссию вызвали проблемы применения в социологических исследованиях данных официальной государственной статистики.

На **секции № 4 «Проблемы социологии образования, задачи и перспективы развития социологического образования»** (руководители – д.с.н., проф. *Г.А. Ключарев*, д.с.н., проф. *В.В. Локосов*, д.э.н., проф. *Н.Б. Починок*, к.э.н. *Г.В. Леонидова*) обсуждались проблемы интеллектуального потенциала российского общества, избыточности образования, социологического обеспечения управления качеством образования и другие.

Сопредседатель секций № 3 и 4 **Г.А. Ключарев**, подчеркнув эффективность проведенной работы, отметил конкретность полученных результатов, вы-

явление и представление «новых тенденций, которых раньше не было».

Кроме работы в формате секционных заседаний, в рамках Конференции состоялась **дискуссионная панель «Региональные выборы 2014. Прогнозы. Модели. Результаты»**. С докладами по итогам одного из центральных политических событий уходящего года выступили:

— первый заместитель губернатора Вологодской области **А.И. Шерлыгин** (тема — «Выборы 2014 в Вологодской области: ожидания и результаты»);

— генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения к.полит.н. **В.В. Федоров** (тема — «Социологическая картина электоральной кампании сентября 2014»);

— политолог, член правления Российской ассоциации политконсультантов **В.А. Бианки**, директор исследовательских программ ЦСКП «Кавказ» и руководитель экспертной группы «PiterR» **А.И. Серавин** (тема — «Прикладные электоральные исследования в России: проблемы и решения»).

На **пленарном заседании** с приветственным словом к научному сообществу и участникам Конференции обратились первый заместитель губернатора Вологодской области **А.И. Шерлыгин** и академик РАН, член Президиума РАН директор ИСПИ РАН, председатель правления Общества социальных наук **Г.В. Осипов**.

Ведущие ученые в области социологии озвучили ключевые проблемы развития общества и социологической науки.

Академик РАН директор Института социологии РАН **М.К. Горшков** в своем выступлении на тему «Постсоветский этап развития российской социологии: состояние и проблемы» затронул проблемы социологического образования в России, востребованности социологического знания в современном российском обществе, роли социологической науки в экс-

пертной оценке научной деятельности государственных учреждений и органов государственного управления. Он обратил внимание на то, «что экстенсивный рост на поле высшего социологического образования не снимает проблемы профессиональной престижности и практической востребованности социологов в России, равно как и не делает менее актуальной проблему формирования социологической культуры общества в целом».

Директор Института социально-экономического развития территорий РАН д.э.н., проф. **В.А. Ильин** в докладе «Социология в региональном управлении» рассказал об истории возникновения и развития ИСЭРТ РАН, уделив значительное внимание его взаимодействию с Правительством Вологодской области, представив таким образом опыт почти 20-летнего сотрудничества социологического научного сообщества и органов государственного управления на региональном уровне.

Как подчеркнул В.А. Ильин, «свою функцию социология, на наш взгляд, сможет выполнить в полной мере тогда, когда системная основа социологических исследований будет закреплена на законодательном уровне, будут отработаны единые механизмы измерения общественного мнения в отношении оценки эффективности государственного управления по всей вертикали власти».

Генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения к.полит.н. **В.В. Федоров** представил научному сообществу результаты последних опросов ВЦИОМ о тенденциях общественного мнения по поводу оценки деятельности Президента РФ, рассказал о становлении Центра и его роли как механизма донесения общественного мнения до органов государственного управления, обратил внимание на актуальность со-

вершенствования механизмов взаимодействия общества и власти.

Тема выступления члена-корреспондента РАН главного редактора журнала «Социологические исследования» **Ж.Т. Тощенко** – «Общественное сознание россиян: 25 лет спустя». Он познакомил собравшихся с результатами социологического исследования, посвященного сравнительному анализу ценностей и установок россиян в последние годы существования СССР и в современной России. Ж.Т. Тощенко затронул также такие проблемы, как социальный атомизм, распространение негативных социальных явлений (спекуляция, мошенничество, взяточничество и др.). «К сожалению, – констатировал он, – жизненное социальное положение человека в настоящее время определяется преимущественно владением капиталом, деньгами и властью, личные достижения и личное достоинство занимают последние места в социальной ценности, социальном положении человека».

В докладе «Демографическая ситуация в современной России» член-корреспондент РАН, руководитель Центра социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН д.э.н. **С.В. Рязанцев** дал анализ демографической политики в Российской Федерации в 1990–2000-е гг., рассмотрел эволюцию взглядов федеральных и региональных органов государственной власти на ключевые демографические проблемы, с которыми столкнулась постсоветская Россия. С.В. Рязанцев обратил внимание слушателей на главную проблему: «Не изменен базис демографической ситуации. Основной идеей должно стать то, что демографическая проблема является общенациональным делом в полном смысле этого слова. Мы часто привыкли винить только государство и власть в том, что они не решают наших проблем.

На самом деле многие вопросы вполне по силам решить гражданскому обществу, бизнесу, средствам массовой информации. Роль государства должна быть значимой, но может иметь разный удельный вес в разных направлениях демографической политики».

Член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник почетный доктор Института социологии РАН **А.В. Дмитриев** в выступлении на тему «Конфликтогенность миграции» акцентировал внимание на том, что мигранты представляют собой новую социальную группу, образовавшуюся после распада СССР. Сегодня эта группа вносит свой вклад в экономику и культуру российского общества. Поэтому необходимо комплексное изучение процессов, происходящих в среде мигрантов. «Интересы мигрантов и российского населения можно соединить, – подытожил свое выступление А.В. Дмитриев, – но при очень вдумчивой и продуманной политике».

«Качество населения России в контексте интеллектуального передела мира» – такова тема доклада директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН д.с.н., проф. **В.В. Локосова**. Он подчеркнул, что «качество населения является главным стратегическим ресурсом и базовым критерием эффективности развития общества... Для его укрепления нужно не только бороться с преступностью и другими проблемами, но и поддерживать те здоровые силы, которых немало в нашей стране, делать одновременно ставку на ответственного, активного, самодостаточного человека».

На пленарном заседании были кратко подведены итоги работы секционных заседаний: выступили руководители секций д.с.н., проф. **Ю.А. Зубок**; д.ф.н., проф. **А.Л. Маршак**; д.с.н., проф. **В.В. Маркин**; д.с.н., проф. **Г.А. Ключарев**.

Состоялась также торжественная церемония вручения серебряной медали Питирима Сорокина «За вклад в науку». Данная награда была учреждена в 2008 г. в связи с 50-летием возрождения социологии в России и 40-летием создания в стране первого социологического института.

Медали были вручены Г.В. Осиповым и М.К. Горшковым зам. директору ИСЭРТ РАН д.э.н. **А.А. Шабуновой**, декану факультета социального управления и социологии РГСУ д.с.н., проф. **О.А. Уржа**, члену-корреспонденту РАН, руководителю Центра социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН д.э.н. **С.В. Рязанцеву**, главному редактору газеты «Трибуна» **Н.А. Васильеву**, политическому обозревателю газеты «Правда» д.ф.н. **В.В. Трушкову**.

В целом работа Конференции «Общество и социология в современной России» показала, что отечественная социология идет в тренде с общественным развитием. Накопив богатый опыт собственных фундаментальных исследований, теоретических знаний и практических наработок; соединив наследие классической социологии с передовым опытом современных школ, российская социологическая наука демонстрирует готовность внести свой вклад в решение ключевых вопросов общественного развития, связанных с основными трендами XXI века, императивный характер среди которых имеют:

- развитие человеческого потенциала;
- повышение эффективности государственного управления;
- улучшение качества жизни населения;
- достижение социальной справедливости и развитие гражданских основ общества;
- укрепление национальной идентичности.

По итогам Конференции ученые констатировали, что в последние годы во вза-

имодействии органов государственного управления, социологической науки и общества отчетливо наметились положительные тенденции: очевиден рост интереса рядовых граждан к социологической проблематике, социологическое знание все чаще используется в практике деятельности органов управления на всех уровнях власти.

Российская социология, отметили ученые, демонстрирует рост по многим показателям: формируются новые научные школы; открываются факультеты и кафедры; ежегодно защищается большое количество диссертаций по социологии; растет публикационная активность по социологической проблематике; увеличивается количество социологических исследований на региональном уровне; продолжает набирать темпы развитие фундаментальной социологической науки.

В то же время некоторые проблемы остаются по-прежнему актуальными: все еще недостаточно высок авторитет ученого-социолога; значителен разрыв между фундаментальным теоретическим знанием и его практическим применением; недостаточно развит механизм социальной экспертизы принимаемых законов. Ученые пришли к выводу, что для максимально эффективной реализации потенциала социологической науки необходимо объединение усилий научного сообщества, власти и граждан.

Участники Конференции высоко оценили научный и организационный уровень мероприятия. Результаты анкетного опроса¹, проведенного среди участников Конференции, показали, что средний балл удовлетворенности организацией и итогами проведенного форума составил 9,2 (по десятибалльной шкале). Многие в письменных комментариях отметили, что «Конференция подготовлена в организационном

¹ В анкетном опросе приняли участие 175 чел.

плане на высоком уровне» («Такие проблемы подняты! Такие затронуты темы!», «Дискуссия на высоком научном уровне и весьма демократичная»).

В адрес организаторов Конференции были высказаны пожелания «продолжать активное научное сотрудничество», «не останавливаться на достигнутом», «проводить подобные мероприятия как можно чаще».

Участники Конференции договорились о том, чтобы через 5 лет, в ноябре 2019 года, провести в Вологде на базе ИСЭРТ РАН следующий, 25-летний юбилей празднования Дня социолога в Российской Федерации.

М.В. Морев

*кандидат экономических наук,
заведующий лабораторией ИСЭРТ РАН*

Список статей, опубликованных в 2014 году

	№	Стр.
От главного редактора		
Ильин В.А. Год непростых решений	6	9-13
Ильин В.А. От главного редактора	2	9-11
Ильин В.А. Научный анализ глобальных вызовов для России (о статье академика С.Ю. Глазьева «Как не проиграть в войне»)	4	9-15
Ильин В.А. Необходимость нового цикла развития	5	9-15
Ильин В.А. Россия должна продвигаться по своему пути	3	9-15
Ильин В.А. Фактор времени	1	9-12
Ильин В.А., Шабунова А.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления	2	18-35
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	1	13-21
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	2	12-17
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	3	16-22
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	4	16-23
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	5	16-21
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	6	14-20
Стратегия развития		
Андреева Е.Л., Глухих П.Л., Ратнер А.В. Национальные экономические интересы России в современных геополитических условиях	6	21-33
Батчаев А.Р., Жихаревич Б.С. Санкт-Петербург в постсоветский период: экономические стратегии и развитие	4	68-83
Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. Оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области	6	54-69
Григорьев Д.А., Сулова Ю.Ю. Инвестиционная и торговая привлекательность как факторы экономического развития регионов	6	47-53
Дедков С.М., Щербин В.К. Перспективы экономического сотрудничества Евразийского и Европейского союзов	2	79-95
Дидык В.В., Рябова Л.А. Моногорода российской Арктики: стратегии развития (на примере Мурманской области)	4	84-99
Залкинд Л.О., Торопушина Е.Е. Государственное участие в экономическом развитии Арктики России: приватизация (исторический аспект)	1	36-51
Лапин Н.И. О стратегии интегрированной модернизации	1	26-35
Локосов В.В. Переход от экстенсивной к интенсивной демографической политике	3	57-68
Минакир П.А. О ключевых задачах экономического развития России (по итогам Послания Президента РФ Федеральному Собранию)	1	22-25
Ротенберг Р.Б. Стратегическое регулирование процессов структурных преобразований в экономике моногорода	2	67-78
Румянцев А.А. Постиндустриальный технологический способ производства: время зарождения	4	48-62
Ускова Т.В., Кожевников С.А. Управление экономикой региона на основе партнерского взаимодействия власти и бизнес-структур	6	34-46
Ускова Т.В., Чекавинский А.Н. Закон о стратегическом планировании в Российской Федерации: достоинства и нерешенные вопросы (экспертная оценка)	4	63-67
Шабунова А.А., Ласточкина М.А. Преодоление социального неравенства как импульс к социокультурной модернизации	3	69-83
Вопросы теории		
Балацкий Е.В. Предпосылки глобальной геополитической инверсии	2	36-52
Воронов В.В. Конвергенция регионов Европейского Союза: особенности и оценка	6	85-99
Горшков М.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост	3	45-56

Губанов С.С. Неоиндустриальная модель развития и её системный алгоритм	3	23-44
Леонидова Г.В. Интеллектуальный потенциал населения: теоретико-методологические основы исследования	1	52-71
Осипов Г.В. Метафора социума (социологическое эссе)	5	22-32
Осипов Г.В. Политический шантаж – преддверие глобальной катастрофы	4	24-35
Романова О.А., Бухвалов Н.Ю. Формирование теоретической платформы как системной основы промышленной политики в условиях новой индустриализации	2	53-66
Тощенко Ж.Т. Экономическое сознание и поведение: состояние и тенденции (1990–2012)	4	36-47
Шубрт Иржи. Размышления о понятии “кризис”	6	70-84

Отраслевая экономика

Барашева Т.И. Что препятствует развитию малого бизнеса: взгляд предпринимателей Мурманской области	3	140-150
Беркович М.И., Комарова Е.А. Отраслевой анализ в контексте эволюционного развития экономических систем	1	72-81
Биев А.А., Шлак А.В. Возможности и перспективы появления новых нефтеперерабатывающих предприятий в северных регионах России	1	82-95
Гузакова О.Л. Влияние факторов внешней среды на деятельность высших учебных заведений Российской Федерации	2	112-129
Иванов В.А. Аграрный сектор Печоро-Уральского Севера	2	96-111
Иванов В.А. Совершенствование государственного регулирования аграрного сектора приарктических и арктических территорий в условиях ВТО	6	146-158
Кормишкина Л.А., Юленкова И.Б. Финансирование инвестиционного процесса в российском бизнесе: оценка, тенденции, проблемы	3	111-123
Куратова Э.С. Методология оценки транспортной обеспеченности территории для целей доступности социальных услуг	5	251-259
Рохчин В.Е., Усков В.С. Пути увеличения экономического оборота плодово-ягодной продукции в регионе	4	198-211
Смиреникова Е.В., Кармакулова А.В. Оценка проработанности стратегических и программных документов, регулирующих вопросы развития туризма в северных регионах России	4	236-252
Советов П.М., Волкова С.А., Советова Н.П. Условия и факторы движения сельхозтоваропроизводителей по инновационному пути развития	4	212-225
Усенко Н.И., Отмахова Ю.С., Оловянишников А.Г. Проблемы асимметрии корпоративных и общественных интересов на рынке продовольственных товаров	3	124-139
Чекавинский А.Н., Селименков Р.Ю. Моделирование продовольственной безопасности региона	4	226-235
Шматков Н.М., Кулясова А.А., Корчагов С.А. Состояние нормативно-правовой базы и перспективы развития механизма участия общественности в управлении лесами России	1	96-107

Социальное развитие

Базуева Е.В. Трансформация диспозиции гендерной власти в современных семьях как фактор институциональных изменений	4	148-164
Беляева Л.А. Региональный социальный капитал и множественная модернизация в России. К постановке проблемы	1	108-115
Василенко П.В. Особенности внешней миграции населения в Псковскую область	3	100-110
Калашников К.Н., Калачикова О.Н. Доступность и качество медицинской помощи в контексте модернизации здравоохранения	2	130-142
Ключарев Г.А. Об “обучающихся организациях” и корпоративном образовании в инновационном контексте	6	121-133
Ковригин Б.В., Сеницына Т.И. К проблеме теории среднего класса: история и современность	1	138-144
Кочешкова Л.О. Оценка профессиональной деятельности руководителя организации социальной сферы	4	165-178
Ласточкина М.А., Шабунова А.А. Социальные аспекты модернизации регионов России	6	110-120
Леонидова Г.В., Попов А.В. Удовлетворённость трудом как индикатор эффективности государственного управления (социологический анализ)	3	84-99
Локосов В.В. Качество населения как основной фактор системной модернизации российского общества	6	100-109
Мажитова А.Р. Основные факторы формирования социокультурной идентичности в условиях незавершенной модернизации (на примере Республики Башкортостан)	2	143-155

Мигранова Л.А., Тореев В.Б., Ярашева А.В. Экономическое поведение: анализ и перспективы	1	116-124
Попова Л.А. Оценка эффективности государственных демографических инициатив	1	125-137
Попова Л.А., Барашкова А.С. Развитие брачно-семейных отношений в северных регионах России	4	130-147
Соловьева Т.С., Шабунова А.А. Средний класс в регионах СЗФО: возможности расширенного воспроизводства	4	113-129
Татаркин Д.А., Сидорова Е.Н. Оценка влияния процесса социального воспроизводства на экономическое развитие региона (на примере Свердловской области)	4	100-112
Тихомирова В.В. Государственные инвестиции в адресные программы социальной помощи	6	134-145
Чегодаев А.В. Мониторинговое исследование качества работы с одаренными школьниками в регионах РФ	2	156-168

Социология и социальная практика

Аксенова О.В. Особенности модернизации в регионах России	5	69-77
Анисимов Р.И. Экономическая трансформация России в период 1990–2012 годов и ее отражение в сознании россиян	5	55-68
Головчин М.А., Леонидова Г.В. Социокультурные характеристики современной молодежи: некоторые результаты пилотного исследования	5	113-126
Гужавина Т.А. Доверие и его роль в модернизационном развитии региона	5	156-172
Козлова О.А., Величковский Б.Т., Дерстуганова Т.М. Методические вопросы измерения последствий социального неравенства в регионах России	5	127-134
Ласточкина М.А. Мониторинг социокультурного развития региона как компонент повышения эффективности социального управления	5	99-112
Маркин В.В. Региональная социология и управление: «дорожная карта» взаимодействия	5	135-142
Морев М.В., Короленко А.В. Субъективный фактор общественного развития как ключевой ресурс консолидации российского общества	5	78-98
Соловьев А.К. Проблема преодоления бедности пенсионеров – ключевая задача государства и общества современной России	5	143-155
Шабунова А.А., Кондакова Н.А. Здоровье и развитие детей: итоги 20-летнего мониторинга	5	33-54

Круглый стол: общество и социология в современной России

Афанасьев Д.В. Общество и власть: поиск путей формирования взаимного доверия	5	173-178
Гужавина Т.А. Доверие в контексте неэкономических факторов модернизационного развития	4	190-194
Егорышев С.В. Социологический анализ эффективности социального взаимодействия правоохранительных органов с гражданским обществом и населением на уровне региона	5	184-187
Ирназаров Р.И. Социологические исследования в советское время в Республике Башкортостан	4	195-197
Лавренюк Н.М. Возможности социологического знания в снятии ограничений интеллектуального развития региона: опыт практического применения в Башкортостане	4	186-189
Маршак А.Л. Культурная идентичность как фактор укрепления целостности России	5	179-183
Морев М.В. Актуальность социологического знания на современном этапе развития российского общества	4	179-185
Шухатович В.Р. Профессиональное призвание: к вопросу о неэкономических факторах экономического роста	5	188-192

Инновационное развитие

Антипина Н.И. Организационно-экономическое обеспечение инновационной деятельности в регионе: сравнительная оценка	2	186-197
Гусаков М.А. Выявление направлений и путей трансформации научно-инновационного пространства регионов разного типа	3	151-168
Киреева А.А. Теоретико-методологические основы формирования условий развития инновационных кластеров	1	182-189
Лаврикова Ю.Г., Котлярова С.Н. Инновационное развитие строительного комплекса региона на основе кластерного подхода	3	169-179
Лютаурас Лабанаускас. Наукоемкий труд и транснациональные сети в государственном секторе Литвы	2	198-212
Ма Чжихой. Оценка формирования региональной инновационной системы провинции Цзянси	1	175-181
Малахова Н.Н. Потребитель в инновационной экономике: социокультурные аспекты формирования и функционирования	6	213-224

Никитенко П.Г., Ильянок А.М. Сингулярные технологии – научное направление устойчивого ноосферного развития Беларуси, России и других стран СНГ	2	169-185
Теребова С.В. Инновационная инфраструктура в регионе: проблемы и направления развития	6	199-212
Теребова С.В., Кузьмин И.В. Седьмая рамочная программа ЕС: возможности для российских академических учреждений	1	161-174
Юшкова Н.Г. Совершенствование инструментального обеспечения в контексте пространственного подхода к региональному планированию: проблемы, особенности, тенденции	6	225-242
Общественные финансы		
Иванов П.А., Сахапова Г.Р. Финансовая нестабильность региона: методы оценки и инструменты элиминирования	6	183-198
Печенская М.А. Бюджетная перспектива региона 2014–2016: исполнение социальных указов Президента или избежание риска дефолта?	1	145-160
Поварова А.И. Взаимоотношения металлургических комбинатов с бюджетом: долги растут, налоги падают	6	159-182
Поварова А.И. Снижение фискальной функции налога на прибыль организаций: факторы и пути повышения	3	180-195
Общественное здоровье и здравоохранение		
Касимов Р.А., Разварина И.Н. Апробация модели формирования регионального здоровьесберегающего образовательного пространства на муниципальном уровне	5	222-237
Лебедева-Несебря Н.А., Цинкер М.Ю., Чигвинцев В.М. Макросоциальные детерминанты и риски здоровью населения регионов России	5	193-205
Рапаков Г.Г., Банщиков Г.Т. Эффективность реализации областной целевой программы лечения пациентов с артериальной гипертензией на региональном уровне (опыт Вологодской области)	5	206-221
Моделирование и информатика		
Садов С.Л. Использование надмедианных рангов для сравнения альтернатив на долгосрочную перспективу регионального развития	1	190-196
Скородумов П.В. Моделирование экономических систем с помощью аппарата сетей Петри	4	253-259
Моделирование и прогноз		
Молчанова Е.В., Кручек М.М., Кибисова З.С. Построение рейтинговых оценок субъектов Российской Федерации по блокам социально-экономических показателей	3	196-208
Экономика природопользования		
Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т. Оценка взаимовлияния экономических и экологических процессов	2	213-224
Проблемы эффективности научно-исследовательской деятельности		
Третьякова О.В. Экономический журнал: проблемы и перспективы продвижения на национальном и международном уровне	3	209-222
Проблемы управления		
Иванова Г.Н., Андросенко Н.В. Применение инструментов стандартизации для совершенствования деятельности органов исполнительной власти	5	238-250
Научная жизнь		
Морев М.В. Об итогах Всероссийской научно-практической конференции "Общество и социология в современной России"	6	270-276
Ускова Т.В. О роли эволюционной и институциональной теории в решении проблем региональной экономики (IV Всероссийская летняя школа молодых исследователей эволюционной и институциональной экономики)	5	276-282
Молодые исследователи		
Величина А.В. Оценка развития туристской инфраструктуры региона	2	239-250
Галухин А.В. Устойчивость как базовый принцип ответственной бюджетной политики	2	225-238
Климов А.А. Экстраролевое поведение учителей: роль идентификации с коллективом, стажа и школы	6	253-269
Панов А.М. Гендерный анализ российского рынка труда	3	235-247
Печенская М.А. Майские указы Президента: цель, показатели, динамика реализации (на примере Вологодской области)	6	243-252
Попов А.В. Оценка результативности трудового поведения населения на макроуровне	1	197-209

Разгулина Е.Д. Оценка влияния крупнейших предприятий на социально-экономическое развитие территорий	3	223-234
Россошанский А.И., Белехова Г.В. Благополучие населения как показатель модернизационного потенциала территории	5	260-275
Ступникова А.В. Пространственное поведение цен в Российской Федерации в 2003–2012 гг.	3	248-261
Из редакционной почты		
Письмо из Библиотеки Конгресса США	4	260
Письмо из Германской национальной экономической библиотеки	3	262
Академику РАН члену редакционного совета журнала Окрепилову Владимиру Валентиновичу – 70 лет	1	210-212

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Статья должна, как правило, содержать следующие аспекты: цель работы; метод и методологию проведения работы; её результаты; область применения результатов; выводы. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, предложениями, гипотезами, вытекающими из содержания статьи. При представлении в статье результатов социологических исследований необходимо указать следующую информацию: сведения о методологии и методике; дату, место (территорию) и организацию, проводившую исследование; структуру генеральной совокупности; тип, объем и ошибку выборки; описание методов сбора и анализа данных. Данную информацию следует изложить в одном из следующих вариантов: в специальном разделе (параграфе) статьи; непосредственно в тексте; в сноске. При оформлении таблиц важно пояснить, как считаются проценты: от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных. Пристатейный список литературы должен быть представительным, демонстрировать профессиональный кругозор и качественный уровень исследований авторов. Работы в пристатейном списке располагаются в алфавитном порядке сначала на русском, затем на английском (или любом другом – на латинице) языке. При ссылке в тексте даётся номер работы в квадратных скобках.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Приводимые в таблицах (графиках) стоимостные показатели, относящиеся к разным временным периодам, представляются, как правило, в сопоставимой оценке. Если в таблицах (графиках) содержатся сравнительные данные по отдельным территориям, видам экономической деятельности и т.п., то они представляются в ранговом порядке с указанием периода, по которому производится ранжирование.

Объём статьи – не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем учёной степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) – для остальных авторов. Исключения по объёму возможны только по предварительной договорённости с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (один экземпляр, на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант обязательно подписывается автором (авторами).

Текст статьи направляется в формате MS Word в соответствии со следующими параметрами: гарнитура Times Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе MS Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только сами графические материалы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в формате MS Word или MS VISIO-2003.

Статье должен быть присвоен **индекс УДК** (располагается до заголовка статьи).

Статью должны сопровождать **аннотация** (600 – 700 знаков; предполагается описание следующих позиций: формулировка проблемы, указание методики исследования и источников информации, характеристика основных результатов исследования, варианты решения проблемы) и **ключевые слова на русском и английском языках, библиографические списки**.

К статье прилагаются (отдельным файлом) **сведения об авторах статьи**, содержащие: заголовок статьи (**на русском и английском языках**), фамилию, имя, отчество (полностью),

учёную степень, учёное звание, полное название и адрес организации – места работы, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

К электронному варианту статьи прилагается **цветная фотография автора (авторов)** размером 4 × 6 см в формате tif (предпочтительно) или jpeg разрешением 300 dpi.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и редакцией журнала должен быть заключён Лицензионный договор с приложением к нему Акта приёма-передачи произведения. Эти документы, составленные по приведённой ниже форме и подписанные всеми авторами статьи, представляются в редакцию вместе с текстом статьи. Подписанный редакцией экземпляр договора будет направлен авторам по почте вместе с авторским экземпляром номера журнала.

Рукописи следует направлять **Почтой России** по адресу: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН, редакция журнала, с пометкой «для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также **на электронный адрес: common@vscc.ac.ru.**

Факс: 8(8172)59-78-02. Тел.: 8(8172)59-78-31.

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию. Если у рецензента возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений и сокращений, не искажающих смысла статьи.

С 2010 года в журнале открыта рубрика «Молодые исследователи», в которой публикуются рукописи аспирантов. Статья должна быть без соавтора, заверена научным руководителем, рекомендована научной организацией, за которой закреплён аспирант.

Внимание! В случае несоблюдения указанных требований статья редакцией не рассматривается.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: <http://esc.vscc.ac.ru>.

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
ГРКЦ ГУ Банка России по Вологодской
области, г. Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсион-
ного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!
Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Журнал включён в межрегиональную часть каталога российской прессы «Пресса России»: подписной индекс **41319**.

Каталожная цена одного номера журнала составляет 250 руб. (без учёта доставки). Подготовленный подписной бланк приведён в приложении.

Ф. СП-1	Министерство связи РФ															
	АБОНЕМЕНТ на <table border="1" style="display: inline-table; vertical-align: middle;"><tr><td>газету</td></tr><tr><td>журнал</td></tr></table>										газету	журнал	41319			
	газету															
	журнал															
	(индекс издания)															
	«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»															
	(наименование издания)										Количество комплектов:					
	на 20__ год по месяцам:															
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12				
Куда																
				(почтовый индекс)				(адрес)								
Кому																
(фамилия, инициалы) Тел.																
Доставочная карточка																
ПВ		место литер		на		газету		41319								
						журнал										
(индекс издания)																
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»																
(наименование издания)																
Стоимость		подписки		руб.		коп.		Количество комплектов								
		пере-адресовки		руб.		коп.										
на 20__ год по месяцам:																
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12					
Куда																
				(почтовый индекс)				(адрес)								
Кому																
(фамилия, инициалы)																

Редакционная подготовка

Л.Н. Воронина

Оригинал-макет

Т.В. Попова, А.С. Переверзев

Корректор

Н.С. Киселева

Подписано в печать 24.12.2014.

Дата выхода в свет 29.12.2014.

Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 33,7. Тираж 1000 экз. Заказ № 368.

Свободная цена.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство ПИ № ФС77-49490 от 20 апреля 2012 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а

Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02

E-mail: common@vscc.ac.ru